

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА "КОРОЛЕК - ПТИЧКА ПЕВЧАЯ"

Бағри Раҳми
Ҳамеддин

Сиясатбе
Фериде

«Счастье Феридэ» — подарок для миллионов читательниц, полюбивших знаменитую книгу «Королек — птичка певчая» и не желающих расставаться с любимыми персонажами. Это — новая встреча с одной из самых очаровательных героинь. Вместе с Феридэ вы переживете множество удивительных приключений, боль утраты и надежду на новое счастье, с нею вместе будете смотреть в лицо опасности, с нею вместе пройдете трудный путь к обретению настоящей любви...

Annotation

«Счастье Феридэ» — подарок для миллионов читательниц, полюбивших знаменитую книгу «Королек — птичка певчая» и не желающих расставаться с любимыми персонажами. Это — новая встреча с одной из самых очаровательных героинь. Вместе с Феридэ вы переживете множество удивительных приключений, боль утраты и надежду на новое счастье, с нею вместе будете смотреть в лицо опасности, с нею вместе пройдете трудный путь к обретению настоящей любви...

Бадри Рахми Хаметдин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

2

3

4

5

6

7

8

9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

1

notes

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Бадри Рахми Хаметдин

Счастье Феридэ

Посвящается Ани Хаметдин с благодарностью и любовью.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Где-то в кустах сада заливалась чалыкушу^[1]. Феридэ, легко оторвав голову от подушки, с тревогой посмотрела на Кямрана и подумала: «Не разбудило ли пение птицы моего мужа?» Убедившись, что Кямран не шелохнулся, продолжая тихо и равномерно посапывать, молодая женщина выскользнула из-под одеяла и подошла к окну.

Счастливо улыбаясь, Феридэ прислушалась. Она любила это время суток, когда все в доме еще спали и только чалыкушу где-то в зарослях пела, что скоро взойдет солнце и зальет сад своими теплыми лучами. Тогда-то и начнется беготня, а дом превратится в муравейник.

Сама Феридэ, на правах хозяйки, первая сбежит по ступенькам вниз — на крыльцо и оттуда звонко, подражая пению птицы, позовет мужа: «Кямран!»

Ее мелодичный голос разбудит всех обитателей и гостей дома. Тетушка Бесимэ, вздохнув, подумает, что Феридэ, став замужней женщиной, абсолютно не изменилась — все еще такой же неугомонный ребенок. Неджмие, которая уже давно гостит у брата, ворочаясь в кровати, недовольно пробурчит: «Ох уж эта Чалыкушу, никогда поспать не дает...» Четырехлетний Недждет, услышав голос мачехи, скатится вслед за ней по лестнице пушистым комочком, и по всему саду разольется дуэт их голосов: «Кямран!» «Папа!» В окне покажется заспанное лицо мужчины, который с улыбкой нарочито строго произнесет: «Кто посмел разбудить меня — хозяина в такую рань?»

Феридэ и Недждет, взявшись за руки, побегут по дорожкам сада. И еще долго тут и там будет звучать их счастливый смех.

Совсем недавно Феридэ и не мечтала о такой жизни. Пять лет назад, совсем юная, она покинула этот дом. За три дня до свадьбы девушка узнала, что Кямран был неверен ей. Феридэ скиталась по провинции и преподавала в деревенских школах, зарабатывая себе на хлеб. Жизнь сводила девушку с разными людьми — плохими и хорошими. Один из них и стал ее мужем. Это был шестидесятилетний доктор Хайруллах-бей^[2], который испытывал отцовские чувства к Феридэ и согласился на фиктивный брак ради нее. Старый доктор таким способом уберег девушку от сплетен. Зная о несчастной любви Феридэ и о ее разрыве с родственниками, Хайруллах-бей перед смертью потребовал от девушки, чтобы она непременно встретилась с Кямраном. Феридэ выполнила свое обещание...

Узнав, что ее возлюбленный вдовец, и увидев снова те места, где проходили ее лучшие годы, Феридэ поняла, что не только не перестала любить Кямрана, но и страстно желала быть вместе с ним. Молодой человек, который уже и не надеялся увидеть свою бывшую невесту, понял: чтобы не упустить шанс, надо не откладывая сыграть свадьбу. Так Феридэ спустя пять лет после разрыва стала женой Кямрана.

У них был большой красивый дом в Стамбуле. Мать Кямрана, тетушка Бесимэ, всегда мечтала о такой невестке. Когда Феридэ бесследно пропала, Бесимэ даже заболела от горя. А когда ее сын, потеряв надежду найти невесту, надумал жениться, она больше всех плакала. Теперь Аллах услышал молитвы тетушки, и в доме с утра до вечера раздает звонкий голосок Чалькушу.

Так прозвали Феридэ еще в детстве, за ее привычку лазать по деревьям. Маленькой девочкой она любила сидеть на ветках и рассматривать мир сверху. Если кто-нибудь пытался снять Феридэ оттуда, ее проворству не было границ. В свое время тетка сурово наказывала Чалькушу за ее дурную привычку, но теперь с умилением вспоминала проделки невестки.

Немало хлопот Бесимэ доставлял и ее внук Недждет. Малыш рано потерял мать и привязался к Феридэ всей душой, даже называл ее мамой. Слушался этот чертенок только Чалькушу, чем в глубине души вызывал ревность бабушки. Она могла гоняться за ним по саду весь день лишь для того, чтобы накормить малыша. Однако он прятался от Бесимэ в кустах, поддразнивая бабушку воинственными криками. Однако стоило появиться на крыльце мачехе, как Недждет возникал неизвестно откуда. Ребенок смиренно вставал рядом с Феридэ, заглядывал в глаза новой матери и ожидал приказаний.

Феридэ смеялась и, махнув рукой в сторону бабушки, что-то шептала Недждету на ухо. Малыш спокойно направлялся к Бесимэ и послушно открывал рот, когда она подносила ему ложку с едой.

Вот так они и ладили все вместе. Пока Кямран был на службе, женщины занимались домашним хозяйством. Феридэ уже не работала в школе, однако это не мешало ей собирать в своем дворе детей из бедных семей и учить их азбуке. Эти вечно полуголодные малыши сбегались в их сад и с упоением повторяли буквы и цифры за учительницей. Потом Феридэ нагружала детей свертками с едой и отправляла их по домам.

Маленький Недждет всегда присутствовал на этих занятиях и, несмотря на четырехлетний возраст, мог уже бегло читать по слогам.

Вечером, когда Кямран возвращался со службы, Феридэ не отпускала мужа ни на шаг от себя. «Милый, — говорила она. — Я целых пять лет не видела тебя рядом, не слышала твоего голоса, не ощущала твоих прикосновений. Я хочу восполнить это время».

Кямран счастливо смеялся, подхватывал жену на руки, целовал ее и приговаривал: «Моя

маленькая певчая птичка, не знаю, как бы я жил без тебя...»

Феридэ вырывалась из объятий мужа, бежала в сад и, оглядываясь на Кямрана, как бы приглашала следовать за собой. А там они нежно и долго целовались под тихое пение птиц и шелест листьев. Только Недждет мог оторвать их друг от друга...

Но самое прекрасное время наступало вечером, когда на город опускались сумерки. Малыш мирно посапывал в своей кровати, а возлюбленные медленно прохаживались по саду, держась за руки и обмениваясь воспоминаниями. Феридэ рассказывала мужу о том времени, когда, переезжая с одного места на другое, она пыталась забыть его; о том, какие приключения подстерегали девушку в пути. «Кямран, мы никогда не расстанемся больше, ведь правда?» — нежно спрашивала Феридэ.

Мужчина, едва различая сквозь темноту черты лица любимой, тихо вздыхал. Он, словно зачарованный, упивался мелодией ее голоса, и почему-то слезы наворачивались на глаза. Но это были слезы радости. Наконец невозможное свершилось — Феридэ и Кямран вместе. Ни на какие богатства не променяли бы они эти минуты...

Молодые супруги часто вспоминали свое детство. Ведь именно тогда зародилась их любовь. «Когда мне представили кузена Кямрана, — признавалась Феридэ, — я испытала непонятную робость и смущение. Ты был такой послушный и серьезный мальчик, а я, если помнишь, — маленькое чудовище. Меня могла усмирить только усталость. Все домашние страдали от меня и часто ставили тебя в пример. А я ненавидела своего кузена, который больше напоминал слюнтявую девицу, чем девятнадцатилетнего юношу».

На эти слова Кямран только смеялся и не оставался в долгу: «Да-а-а, тебе было пятнадцать, когда ты впервые привлекла мое внимание. Раньше я воспринимал Чалькушу как капризного ребенка. Но постепенно в моем сердце что-то теплело, и, глядя на твое прекрасное лицо, я не мог оставаться равнодушным».

Когда в семье царят любовь и покой, она как бы притягивает к себе людей. Поэтому в доме не переводились гости. Особенно любила приезжать к ним Неджмие, младшая сестра Кямрана. Эта молодая женщина, потерявшая ребенка, как бы отогревалась в семье брата. Она гостила в Стамбуле уже целый месяц и не собиралась возвращаться туда, где ее ждали грустные воспоминания. Неджмие была манерной женщиной, не очень приятной в общении. Несмотря на это, ее принимали в доме с распростертыми объятиями. Многие из знакомых открыто удивлялись, откуда здесь взялась эта навевающая скуку женщина и почему даже на приемах она вся в черном и молча сидит в углу. Феридэ, обычно защищая золовку, тихо объясняла: «Ей очень нелегко... Она никак не может смириться со смертью дочери». Если гости ей возражали, что она могла бы грустить в своей комнате и не портить людям праздник, Феридэ тактично переводила разговор в другое русло.

А Неджмие, несмотря на гостеприимство невестки, относилась к ней очень прохладно. Была ли тому причиной обыкновенная человеческая зависть или что-то другое, но сестра мужа открыто игнорировала Чалькушу. Молодая хозяйка понимала и прощала Неджмие. Но когда счастлив, очень легко быть снисходительным...

Эти мысли закрались в хорошенькую головку Феридэ, когда молодая женщина вдруг почувствовала на себе взгляд мужа. Обернувшись, она встретилась глазами с Кямраном.

— Доброе утро, милый, — произнесла Феридэ как ни в чем не бывало, но сердце затрепыхало, предчувствуя недоброе.

Кямран редко просыпался так рано. Иногда его приходилось будить очень долго. Но сегодня, судя по бледному лицу и синеве вокруг глаз, он ночью спал мало и плохо.

Феридэ, отойдя от окна, осторожно приблизилась к кровати, села рядом с мужем и прижалась щекой к его руке. Кямран тяжело вздохнул.

— Дорогая моя Чалыкушу, птичка певчая, — медленно начал он. — Даже не знаю, как тебе сказать...

Феридэ вся сжалась, приготовившись услышать плохую новость.

— Дело в том, что в министерстве, — продолжил Кямран, — мне предложили в составе делегации поехать в Болгарию...

Молодая женщина опустила глаза. Двойкие чувства обуревали Чалыкушу. Ей казалось, что теперь, когда они наконец-то обрели друг друга, ничто не сможет их разлучить. Однако она совершенно забыла о том, как много значит для мужчины работа. Должность в министерстве не совсем нравилась Кямрану. Он хотел чего-то более значительного и ответственного. И вот эта поездка хоть и разлучала влюбленных на некоторое время, но давала Кямрану шанс. И молодая женщина, взяв себя в руки, посмотрела в лицо мужу и твердо произнесла:

— Ну что ж, пора собираться в дорогу...

Кямран растерялся. Такого ответа он не ожидал. После злополучной поездки, послужившей причиной их разлуки, Кямран был уверен, что Феридэ воспротивится путешествию. Ведь для нее первая поездка Кямрана за границу к дядюшке-дипломату закончилась разрывом с любимым и долгими скитаниями...

С благодарностью мужчина поцеловал руку Феридэ.

— Я люблю тебя. Ты самая понимающая жена в мире, — растроганно произнес Кямран.

— Когда ты выезжаешь?

— Завтра утром отходит корабль. Сегодня я не иду на работу, мне надо собрать вещи.

— Тогда поднимайся, соня, да побыстрее. Сейчас я подогрею тебе молока, а ты тем временем умывайся...

Феридэ, легко поднявшись, выпорхнула из комнаты. Кямран медленно вылез из-под одеяла и улыбнулся своим мыслям. «Как я боялся сообщать Феридэ эту новость, — подумал он. — А жена восприняла ее мужественно и с пониманием».

2

В связи с отъездом Кямрана в доме царила суета. Узнав о предстоящем путешествии, Бесимэ заохала, запричитала и кинулась готовить в дорогу сыну всевозможные блюда. Наблюдая за ней, можно было подумать, что Кямран уезжал на край света.

За хлопотами Феридэ совершенно забыла про Недждета. Случайно женщина наткнулась на малыша. Он сидел в углу и тихо плакал.

— Что случилось, Недждет? — Феридэ подхватила мальчика на руки.

— Папа уезжает... — всхлипывая, пролепетал ребенок.

— Солнышко мое, папа скоро приедет. Ты даже не успеешь соскучиться. Утри слезки, будь настоящим мужчиной и никогда не показывай людям свою слабость. Мне тоже грустно, но пройдет всего две недели, и папа снова будет с нами. Он привезет тебе много подарков и расскажет о чудесной стране — Болгарии. А завтра мы все вместе отправимся провожать папу.

Феридэ утешала мальчика, как могла...

За суматохой и делами молодая женщина старалась не думать о предстоящей разлуке. Лишь вечером, когда солнце почти скрылось за горизонтом, Феридэ нашла Кямрана и,

крепко схватив его за руку, повела к качелям.

— Помнишь это место, где ты десять лет назад предложил мне руку и сердце?

Кямран провел ладонью по веревкам, спускавшимся с больших веток дерева. Феридэ показалось, что муж этим прикосновением как бы прощается с прошлым. Женщина покачала головой, отгоняя непрошенные тревожные мысли.

— Ты уезжаешь на две недели... Не больше?

— Да.

— Погода хорошая. Путешествие будет приятным.

— Главное — уйти с головой в работу. Тогда и время пролетит незаметно.

Ничего незначащие фразы, которыми перекидывались муж с женой, оттягивали главный вопрос, что вертелся на языке Феридэ. Наконец, как бы между прочим, она спросила:

— Кямран, эта поездка опасна?

— Почему ты решила?

— Я слышала, что болгары ненавидят нас.

— Глупости. Не забивай себе голову чепухой. У нас с ними дипломатическое соглашение. И вообще это не женское дело. Ты должна заниматься домом, сыном и ждать моего возвращения.

Феридэ хотела возразить мужу, но тот поцеловал ее...

* * *

Подкатившая к пристани коляска остановилась у самого причала. Из нее важно выплыла тетушка Бесимэ и молча застыла, на месте, ожидая свое семейство. Провожать Кямрана отправились все.

Феридэ, как девочка, легко выпрыгнула из коляски и замерла: соленый ветер с моря подул прямо в лицо. Краем глаза сквозь чадру она наблюдала за Кямраном. Он совсем расклеился. Его большие влажные глаза беспомощно перебегали с сына на жену. Казалось, молодой мужчина все еще не решается, ехать ему или нет. «Вот чудак, уже на пристань приехали, уже почти на судне, а он все еще раздумывает» — такие мысли пронеслись в голове Чалькушу. Она почувствовала, как романтика путешествий вновь берedit ее душу. «Эх, мне бы родиться мужчиной! Я объездила бы весь земной шар! А так приходится соблюдать приличия и сидеть дома...»

— Вот мой корабль. — Взмахом руки Кямран указал на большой красивый пароход.

Вдруг кто-то крикнул:

— Кямран!

Все обернулись и увидели невысокого мужчину, торопливо идущего к ним. Лицо незнакомца было круглым, как луна; узкие глазки под нависшими черными бровями поражали нездоровым блеском.

Подойдя, мужчина поклонился родственникам. Феридэ вопросительно посмотрела на мужа.

— Это Хуршид-бей, — представил Кямран круглолицего и пояснил: — Мы вместе с ним отправляемся в Болгарию.

Под взглядом Хуршида молодая женщина съежилась. Казалось, глаза круглолицего проникали сквозь чадру.

— А это моя жена Феридэ, познакомьтесь, — как ни в чем не бывало продолжил Кямран.

Феридэ подала руку для приветствия.

— У тебя прекрасная жена, Кямрян-эфенди — слащавым голосом сказал Хуршид, — а вот меня никто не провожает...

Хорошо, что объявили посадку и Феридэ больше не пришлось разговаривать с попутчиком мужа. Хуршид произвел на нее настолько неприятное впечатление, что молодая женщина посочувствовала Кямрану.

Муж торопливо попрощался с домашними: поцеловал мать, потом Феридэ, подбросил в воздух сына и направился к пароходу. Уже с борта корабля он помахал провожающим рукой. Феридэ заметила, что рядом с Кямраном незаметно появился приземистый попутчик. Хотя расстояние было довольно большим, женщина чувствовала, что круглолицый смотрит на нее.

Вскоре раздался протяжный гудок, и пароход отчалил. Феридэ наблюдала за отплывающим судном, пока оно не превратилось в маленькую черную точку. Тетушка Бесимэ уже давно ждала невестку в коляске. Она несколько раз присылала Недждета позвать свою мачеху, но Феридэ, стоя неподвижно, продолжала вглядываться в морские дали. Когда в очередной раз мальчик подергал женщину за одежду, Феридэ улыбнулась ему и направилась к коляске. Еще минута, и она бы села в коляску и уехала, как вдруг кто-то рядом тихо позвал:

— Феридэ!

Женщина обернулась и не поверила своим глазам.

Очень давно, когда Феридэ работала учительницей в городе Ч..., с ней приключилась странная история. Молодой офицер из знатной семьи влюбился в девушку и хотел на ней жениться. Несмотря на отказ, офицер, которого звали Ихсан, не возненавидел молодую учительницу. В трудную минуту, когда Феридэ публично оскорбили, Ихсан дал пощечину обидчику, за что попал под военный трибунал. На долгие годы их пути разошлись. Но однажды, когда война была в самом разгаре, молодые люди встретились вновь. Бравый офицер, с тяжелым ранением головы, лежал на операционном столе, а Феридэ, делая перевязки больным, узнала в одном из них Ихсана. Благодаря заботе девушки и своему чувству к ней офицер быстро выздоравливал. Однако, как бы в память о войне, его красивое лицо изуродовал глубокий шрам. Движимая чувством сострадания, девушка предложила Ихсану стать его невестой. Кроме того, она раз и навсегда хотела забыть о своем неверном женихе. На этот раз Ихсан, несмотря на свои чувства к девушке, отверг предложение. Много лет спустя Феридэ вспомнила его слова: «Неужели вы считаете меня таким низким человеком, который может принять милостыню? Ведь в вашем отношении ко мне нет ничего, кроме жалости к несчастному калеке...»

После этих слов Ихсан вновь уехал на фронт. Феридэ была благодарна молодому человеку за то, что тогда он дал ей понять: соединив два горя — нельзя быть счастливым.

И вот после стольких лет разлуки молодая женщина вновь встретилась с Ихсаном. Перед ней стоял все тот же майор и улыбался, показывая ряд ослепительно белых зубов. Шрам на правой щеке немного уменьшился и уже не был так заметен. Выправка, приобретенная в армии, обращала на себя внимание. «Как он узнал меня под чадрой?» — удивилась Феридэ, а вслух произнесла:

— Здравствуйте, Ихсан.

Молодой человек еще шире улыбнулся.

— Вы не забыли меня, Феридэ-ханым^[3]?

— Как я могла забыть вашу благородную невозмутимость и блестящую выправку,

которая почему-то не помогла вам подняться выше чина майора...

Веселые чертики заплясали в глазах Ихсана.

— Узнаю острую на язык молодую учительницу. Вы хоть и стали замужней дамой, но не изменили своим привычкам. Кстати, этот молодой мужчина, отплывший на корабле, ваш муж?

Ихсан махнул рукой в сторону моря.

— Вы следили за мной? — произнесла Феридэ.

— Зная ваши требования к мужчинам, мне было интересно взглянуть на вашего избранника, — ответил Ихсан с серьезным видом.

— Что же вы не подошли? Вот бы и познакомились...

— Я не хотел давать вашему мужу лишний повод для ревности.

— Он мне абсолютно доверяет.

— И очень зря, — шутливо заметил офицер.

— Мне нравится ваш армейский юмор, — с издевкой в голосе произнесла Феридэ. —

Но при детях его лучше оставить.

Молодая женщина погладила по голове Недждета.

— О! — воскликнул Ихсан. — Откуда такой прелестный ребенок?

— Этот малыш — мой сын. — Феридэ взлохматила белокурые волосы мальчика.

Майор присел на корточки и заглянул в глаза Недждету. Мальчик насупился, искоса поглядывая на офицера. Однако его недоверие длилось недолго. Малыш заметил сверкающие на груди у майора ордена и принялся их рассматривать. В его взгляде появилось восхищение. Ихсан, обратив на это внимание, достал из кармана желто-зеленый значок и протянул его мальчику. Этим он окончательно покорила малыша.

— Вот твоя первая награда, — с генеральской интонацией произнес майор.

Обрадованный Недждет со всех ног кинулся к коляске, желая поделиться своей радостью с бабушкой. Внимание Ихсана вновь переключилось на молодую женщину.

— Значит, после той единственной ночи, когда мы были женихом и невестой, вы обрели свое счастье? — с грустью спросил мужчина.

Феридэ покраснела. «Мог бы и не вспоминать это расставание со слезами на глазах, — подумала женщина. — Ведь тогда я искренне любила его... как брата».

— Вы, я вижу, совсем воспрянули духом, — не осталась в долгу Феридэ. — А то, насколько мне не изменяет память, тогда уезжали на фронт с целью подставить голову под пули.

Тут Феридэ заметила, что тетушка Бесимэ нетерпеливо выглядывает из коляски и недовольно машет ей рукой. «Что-то я заболталась с ним. Это неприлично», — пронеслось в голове у женщины, но оборвать разговор она не смогла. Тем более ей было интересно узнать, как майор провел годы после их расставания. Интересно было и то, что он делает здесь, в Стамбуле. Молодая женщина сделала вид, что не обратила внимания на призывы свекрови, и продолжила беседу:

— Ихсан-бей, что привело вас в наши края?

— Если у вас найдется пара минут...

— Только пара.

— Тогда о самом главном... То ранение, благодаря которому мы чуть не поженились, было не последним. Да, я не жалел себя. Но Аллаху было угодно оставить меня в живых. Правда, в эту минуту я даже благодарен ему... Если честно, я не ожидал встретить вас

больше, но забыть почему-то...

Феридэ остановила майора жестом и попросила:

— Ихсан-бей, прошу вас, покороче.

— Простите, я не должен был все это вам говорить... А в Стамбуле я проездом. Через час отправляюсь на новое место службы, так что вряд ли мы увидимся еще раз.

— Да, это расставание не похоже на предыдущее, и я искренне рада за вас. Прощайте. — С этими словами Феридэ бросилась к коляске, так как заметила, что тетушка Бесимэ уже собирается идти за ней.

По дороге домой молодая женщина старалась не слушать упреки свекрови, хотя понимала, что, простояв некоторое время с незнакомым офицером, она поступила опрометчиво. По городу могли поползти сплетни. «В конце концов, — подумала она, — если бы Ихсан не отказался жениться на мне, я бы никогда не встретила Кямрана. Так что именно майора нужно благодарить за наше счастье. А пара минут наедине с мужчиной... ну и что, ведь говорили мы только о деле». Феридэ покраснела, вспомнив, как у Ихсана сквозь слова иронии звучали нотки неподдельной любви. «Хорошо, что тетушка под чадрой не видит выражение моего лица...»

3

Феридэ казалось, что без Кямрана дни потянутся слишком долго, но как же она ошибалась. В доме нашлось столько дел, что молодая женщина валилась с ног от усталости. Даже вечером у нее не было времени подумать о муже. Едва голова Феридэ касалась подушки, как молодая женщина засыпала. Незаметно пробежали десять дней. До приезда Кямрана оставалось совсем мало времени.

Утро нового дня, казалось, не предвещало ничего дурного. Как всегда, Феридэ разбудило звонкое пение чалыкушу, и молодая женщина, одевшись, спустилась в сад. Подойдя к воротам, она заметила коляску, катившую по безлюдной улице. Не придав этому значения, Феридэ направилась к дому, но вдруг услышала, что коляска остановилась у их ворот. «Что за ранний визит?» — подумала молодая хозяйка и оглянулась. Каково же было ее удивление, когда Феридэ увидела, что из коляски вылез Хуршид — человек, с которым муж познакомил ее на пристани. «Но ведь они вместе с Кямраном сейчас должны быть в Варне...» — мелькнула мысль. Хуршид направлялся к ним в дом, это не вызывало сомнений. Феридэ, сделав несколько шагов навстречу, вновь, как и тогда на пристани, смутно почувствовала неприязнь к этому человеку. Но законы гостеприимства не позволяли проигнорировать даже врага, и потому Феридэ заспешила к гостю.

— Доброе утро, Хуршид-бей, — поздоровалась молодая женщина. — Каким ветром вас занесло в наши края?

Мужчина от неожиданности вздрогнул — слишком уж внезапным было появление молодой женщины из-за растущего у ворот кустарника.

— Здравствуйте, Феридэ-ханым, — поклонился Хуршид. — Извините, в первую минуту я не заметил вас...

Феридэ так и подмывало спросить, почему он приехал к ним, но задавать такой вопрос с порога было неприлично, и поэтому женщина пригласила Хуршида в дом.

— Заходите, мы очень рады вас видеть...

Проведя гостя в дом, Феридэ кликнула служанку и приказала подать завтрак. Чтобы скрасить воцарившееся неловкое молчание, женщина решила занять Хуршида беседой:

— Как вы попали в Стамбул, да еще так рано? Насколько мне известно, Кямран вместе с делегацией должен приехать только через два дня... Или у вас неотложные дела в Турции?

Гость смущенно кашлянул.

— Феридэ-ханым, я очень сожалею, что именно мне выпала такая неблагоприятная миссия...

Женщина пожала плечами.

— Я не понимаю...

— Дело в том, — продолжил Хуршид, сбиваясь, — я в путешествии познакомился с вашим мужем... Кямран очень много рассказывал о вас... Я знаю, что вы мужественная и стойкая женщина...

Феридэ смущенно потупилась, однако ей были приятны эти слова.

— Мой муж зря меня расхваливал. Рядом с его достоинствами я выгляжу просто серенькой мышкой...

— Да, Кямран был прекрасный молодой человек...

У Феридэ от дурного предчувствия закружилась голова.

— Простите, — медленно проговорила она, — вы сказали: был...

— Мужайтесь, Феридэ. Ваш муж погиб.

— Что?! — Казалось, до женщины не дошел смысл сказанных Хуршидом слов.

Она поднялась с дивана, дошла до середины комнаты и, потеряв сознание, рухнула на пол. Очнулась Феридэ на руках у тетушки Бесимэ. Над ней склонились Неджмие с пузырьком нюхательной соли и Хуршид. Женщина попробовала подняться, но, ощутив упадок сил, снова опустила голову на колени свекрови.

— Лежи, лежи, милая. — Бесимэ ласково погладила невестку по голове.

— Кямран... Он жив? — Все, что могла прошептать Феридэ.

Свекровь отвела глаза в сторону, продолжая утешать невестку...

Феридэ пролежала в горячке несколько дней. Доктор, который лечил женщину еще в детстве, объяснял ее состояние нервным шоком. Никакие лекарства не помогали. Феридэ металась по подушке и звала мужа. Тетушка Бесимэ не отходила от ее постели ни на минуту. И вот на третий день болезни свекровь немного вздремнула. Проснувшись, она увидела, что невестка смотрит на нее большими ясными глазами.

— Феридэ, — обрадовалась старушка. — Как ты себя чувствуешь? Я пошлю за доктором.

— Нет, тетушка, не надо. Все в порядке, — тихо, но твердо произнесла невестка. — Что с Кямраном?

Бесимэ начала всхлипывать.

— Успокойтесь, прошу вас. Расскажите толком, что случилось.

— Нет больше нашего Кямрана... Утонул... — заплакала тетушка.

— Откуда вам это известно?

Бесимэ высморкалась в платок и, понизив голос, объяснила:

— Хуршид-бей все видел. Он вместе с нашим Кямраном попал в катастрофу...

— Я хочу сейчас же видеть этого человека, — перебила тетушку Феридэ.

— Ради Аллаха, подожди до утра, милая. Он проснется и все расскажет.

— А что, Хуршид ночует в нашем доме?

— Разве я могла не предложить ему это? Он же пытался спасти нашего мальчика, — начала оправдываться тетушка.

— Да-да, конечно... Но тем более, я немедленно хочу выслушать эту историю... Если вы его не разбудите, то я пойду и сделаю это сама...

В дверь кто-то осторожно постучал. После разрешения войти на пороге появился Хуршид. За его спиной, как тень, стояла Неджмие. С легким поклоном мужчина произнес:

— Простите за вторжение, но я услышал шум и подумал, что потребуется моя помощь. Я ведь имею диплом доктора.

Феридэ с усилием приподнялась в постели.

— Самое лучшее лекарство для меня, — начала она, — это ваш подробный рассказ о случившемся. Ничего не скрывайте, я постараюсь найти в себе силы все выслушать...

Хуршид опустил голову и сказал:

— С вашего позволения я присяду — моя история будет длинной.

Мужчина опустился на стул, услужливо пододвинутый ему Неджмие, и, откашлявшись, проговорил:

— Как мы отплывали из Стамбула, я думаю, вы помните. Погода была не так чтобы хорошая, но более-менее сносная. Небольшой туман абсолютно не смущал опытную команду. Короче, все было, как обычно в подобных рейсах...

Еще в Стамбуле у нас с Кямраном возникла друг к другу взаимная симпатия, которая на корабле переросла в настоящую дружбу. Мы провели вместе несколько часов. Стоя на палубе, Кямран много рассказывал о вас, Феридэ, вспоминал Недждета. С его слов я понял, что у него прекрасная семья и, хотя был мало знаком с вами, от души завидовал Кямрану. После трагедии я столько раз проклинал небо за то, что не меня покрыли холодные волны, а человека, которому жить и жить в радости и счастье...

Хуршид остановился и горько вздохнул, искоса обведя присутствующих взглядом. Прочтя скорбь на лицах женщин и убедившись, что его внимательно слушают, доктор продолжил:

— Потом я пригласил Кямрана на чай в свою каюту. За дружеским разговором мы не заметили, как наступил вечер. Кямран, взглянув на часы, предложил мне прогуляться по палубе и насладиться, как он сказал, «свободным дыханием вечернего моря»...

— Да, это так похоже на Кямрана, — не сдержалась Неджмие, утвердительно закивав головой.

Хуршид вежливо выслушал замечание женщины, подхватив последние ее слова:

— Кямран! Мне ли говорить вам, что это был за человек!.. Ради него я...

— Дальше, — тихо попросила Феридэ, желая остановить теперь уже совершенно бессмысленные признания.

Доктор вновь закашлялся.

— Пожалуй, вы правы, Феридэ, — согласился он, слегка занервничав. — Я немного отклонился от главного... Так вот, выйдя на палубу, мы были немало удивлены. Вокруг корабля расстилался непроглядный туман. Казалось даже, что мы не плывем, а стоим на месте. Пассажиры спрятались в своих каютах. Некоторое время мы стояли молча, расположившись на самом носу корабля. Впрочем, не совсем одни, так как я смутно ощущала присутствие рулевого и еще кого-то, по-видимому, капитана, в застекленной рубке у нас над головой. Я не ошибся — заметив нас, капитан спустился на палубу и подошел поближе. «От такой мерзкой погоды недолго и поседеть», — проворчал он, покручивая усы. «А это не опасно? — поинтересовался я. — В таком тумане и черт ногу сломит...» Капитан, преобразившись, ответил: «Никакой опасности. Ведь задача проста, как дважды два —

четыре. Компас указывает направление, расстояние и скорость также известны. Остается простой арифметический подсчет...» «Начинается качка», — попытался я оспорить бывалого моряка. Тот только усмехнулся: «Часа через два будем в Варне. Можете не беспокоиться». «А где мы сейчас?» — спросил Кямран. «С левого борта от нас — мыс Еминэ», — был ответ. Капитану, видимо, не понравилось направление нашего разговора, и он поспешил ретироваться...

Вначале немного сумбурное, повествование Хуршида теперь стало ровным и последовательным. Казалось, он сам был захвачен своей историей. Неджмие, до этого стоявшая поодаль от доктора, подошла поближе и с восхищением смотрела на рассказчика, стараясь поймать его взгляд. Тем временем Хуршид с воодушевлением продолжал:

— С каждой минутой море мрачнело все больше и больше. Я предложил Кямрану вернуться в каюту, но он отказался. Вдруг где-то впереди из тумана донесся заунывный звон, и я увидел, как рулевой резко повернул штурвал. Колокол звучал теперь не впереди, а сбоку. Слышен был хриплый гудок нашего парохода. Прошло еще несколько минут, и уже совсем близко раздался гудок невидимого судна. На нашем корабле ему ответили ударами гонга. Колеса парохода, на котором мы плыли, остановились, их пульсирующие удары по воде замерли, а затем опять возобновились. Я вопросительно посмотрел на Кямрана. «Какое-нибудь суденышко заблудилось, предположил он. — Хорошо хоть не наскочили». Однако дальнейшие события развернулись с невероятной быстротой. Неожиданно туман раздался в стороны, как разрезанный ножом, и перед нами возник нос парохода. Я разглядел рулевую рубку и белобородого старика, высунувшегося из нее. Он был одет в синюю форму, очень ловко сидевшую на нем, и, я помню, меня поразило, с каким хладнокровием он держался. Его спокойствие мне показалось страшным. Он подчинился судьбе, шел ей навстречу и с полным самообладанием ждал удара. Холодно и как бы задумчиво смотрел он на нас, словно прикидывая, где должно произойти столкновение, и не обратил никакого внимания на яростный крик нашего рулевого... «Сейчас женщины поднимут визг!» — прокричал кто-то рядом. Я взглянул на Кямрана — на его лице не было страха. Он хотел мне о чем-то сказать, но столкновение произошло раньше. Должно быть, встречный пароход ударил нас в середину борта, но я этого не видел. Наш пароход сильно накренился, и послышался треск ломающейся обшивки. Я упал плашмя на мокрую палубу и не успел еще подняться на ноги, как услышал крик женщин. Это был неопишуемый душераздирающий вопль, и тут меня объят ужас. Однако не растерялся Кямран. «Спасательные пояса!» — крикнул он, помогая мне подняться. Я вспомнил, что спасательные пояса хранятся в салоне. Мы бросились туда, но у дверей столкнулись с толпой обезумевших пассажиров, которая отбросила нас назад. Не помню, что затем произошло, — в памяти моей сохранилось только воспоминание о том, как я стаскивал спасательные пояса с полок и передавал их Кямрану, а он надевал пояса на бившихся в истерике женщин. Это я помню отчетливо, и вся картина стоит у меня перед глазами. Как сейчас я вижу зазубренные края пробоины в стене салона и вползающий в это отверстие клубящийся серый туман...

— Ах, — всплеснула руками Неджмие. — Что же было дальше?

Хуршид даже не обратил на нее внимания.

— Это было ужасно. Мне вдруг стало плохо, и я, на несколько минут оставив Кямрана, выбежал, на палубу и опустился на скамью. Смутно видел я метавшихся людей, слышал их крики — кто-то пытался спустить шлюпки... Но все было неисправно. Одну шлюпку спустили, забыв вставить пробки; когда женщины и дети сели в нее, она наполнилась водой

и перевернулась. Другую шлюпку удалось спустить только одним концом: другим она повисла на таях, и ее бросили. А парохода, который был причиной бедствия, и след простыл, но кругом говорили, что он, несомненно, вышлет спасательные шлюпки...

Кямран отыскал меня, и мы спустились на нижнюю палубу. Пароход быстро погружался, вода подступала к краю борта. Многие пассажиры стали прыгать за борт. Другие, уже барахтаясь в воде, кричали, чтобы их подняли обратно на палубу. Никто не слушал их. Все покрывал общий крик: «Тонем!» Я понимал, что еще несколько минут, и корабль пойдет ко дну. Попросив Кямрана, чтобы он оставался на месте, я бросился в салон. Мне удалось там отыскать только один спасательный пояс. С ним я выбежал на палубу. «Прыгаем в воду!» — крикнул я, подойдя к краю борта. Однако Кямран оставался на месте. Подбежав, я схватил его за рукав и потянул. «Я не умею плавать», — виновато признался он. Мне не оставалось ничего другого, как отдать ему свой пояс и столкнуть в воду. Убедившись, что с Кямраном все в порядке, я спрыгнул вниз. Вода была нестерпимо холодная. Когда я погрузился в нее, меня обожгло, как огнем. Холод пронзал до костей... От неожиданности и, признаюсь искренне, страха я захлебнулся и успел наглотаться воды прежде, чем вынырнул на поверхность. К моему счастью, рядом оказался какой-то деревянный брус, и я ухватился за него. Немного придя в себя, первым делом я подумал о Кямране. Несмотря на достаточно большое волнение моря, взглядом мне удалось отыскать его. Он то скрывался за волной, то появлялся на ее гребне у самого борта уходящего под воду корабля. Пароход накренился и как раз в его сторону. «Уплывай оттуда! Там опасно!» — прокричал я, но, видя, что мой друг не слышит, сам погреб к нему. Неожиданная волна ударила мне в лицо и отбросила назад. В это время пароход окончательно завалился на бок, накрыв собой одну из шлюпок и плавающих около людей. В том числе и Кямрана...

Рассказчик остановился. Взгляд его был горестным.

— Вы не могли ошибиться? — спросила до этого слушавшая молча Феридэ. — Вы видели его смерть?

— Я видел, как на него обрушились металлические конструкции. Когда они ушли под воду, Кямрана на прежнем месте уже не было. На поверхности оставалась одна шлюпка и с десяток барахтающихся людей. Это были те немногие, которым и удалось спастись. Причем не всем. Лишь спустя несколько часов нас подобрало болгарское рыболовное судно. Несколько дней я находился в госпитале, ну а потом — прямо к вам...

4

Через пять дней пришло официальное сообщение о том, что Кямран пропал без вести и в списках спасенных не значится, а еще через три неожиданно для всех Феридэ поднялась с кровати.

В один из солнечных дней тетюшка увидела молодую женщину стоящей в саду. «Бедная Чалыкушу, совсем исхудала, — подумала Бесимэ. — Всем нам приходится тяжело, но девочка страдает больше всех — она ведь совсем мало насладились семейным счастьем, к которому так стремилась...»

Феридэ обернулась и увидела тетку. Осторожно ступая, она подошла к свекрови. Раньше Феридэ носилась по саду как угорелая, теперь же ее походка стала похожа на походку старухи. Казалось, каждое движение приносило женщине страдание.

— Может, я чем-нибудь смогу помочь в доме? — спросила она.

Бесимэ укоризненно покачала головой.

— Деточка, иди ложись, — проговорила она и подошла поближе, чтобы поддержать невестку. — Тебе надо отсыпаться и приходиться в себя.

— Я больше не могу лежать и мучиться. Непрошенные мысли в голову лезут, а мне от них еще хуже. Я понимаю, что слаба для работы, но бездеятельность меня гложет. Тетушка, дайте мне какое-нибудь занятие... Я не хочу вышивать, но что-нибудь делать мне необходимо...

— Феридэ, ты с ума сошла... — возмутилась свекровь. — Доктор запретил тебе даже вставать. Иди выпей лекарство и ложись в кровать. Пока ты поспишь, я что-нибудь да и придумаю...

Тетушка Бесимэ, поддерживая невестку, направилась вместе с ней в спальню. Проводив Феридэ до кровати и заставив выпить лекарство, она вернулась к домашним делам. «Ладно, я, — думала тетушка, — старая и больная, мне и жить-то осталось несколько лет. Я все это вынесу, а вот за что бедной Чалыкушу такие испытания? Чем она прогневила Аллаха, что он отнял у нее мужа, оставил ее совсем одну».

Феридэ несколько минут пролежала в постели, прислушиваясь к себе. Лекарство начало действовать. Сон мягко окутывал все тело. Спустя мгновение молодая женщина как бы провалилась в какую-то яму. Ей показалось, что Кямран зовет ее. Она открыла глаза и увидела диковинную лесную поляну, сплошь покрытую всевозможными цветами. Их необычайно огромные яркие бутоны слегка покачивались на ветру. Феридэ начала срывать цветы и складывать их в букет, совершенно не отдавая себе отчета в том, зачем она это делает. Букет оказался не только красивым, но и тяжелым. «Кямран», — позвала женщина. Неожиданно рядом появился муж. Он заботливо взял охапку цветов, и Феридэ подумала: «Как хорошо, что он меня услышал... Но ведь Кямран мертв!» Мужчина, как бы прочитав мысли жены, улыбнулся и произнес:

— Феридэ, я не погиб...

Женщина широко раскрыла глаза.

— Как?.. Где ты?.. Почему ты не сообщаем о себе?..

Но вопрос ее остался без ответа. Кямран исчез. Судорожно оглядываясь, Феридэ заметила, что поляна сменилась полем, а она стоит недалеко от дороги. «Дорога, наверное, ведет к Кямрану, но в какую сторону идти?» Феридэ набрала в легкие побольше воздуха и что есть силы закричала:

— Кямран, отзовись, где ты?

Ее голос пролетел над полем, и только эхо ответило ей:

— Ты... ты... ты...

Феридэ проснулась вся мокрая, но, как ни странно, чувствовала себя значительно лучше. «Значит, это был всего лишь сон?» — подумала она.

Поднявшись с кровати, Феридэ решила одеться. Она выбрала самый любимый чаршаф^[4] Кямрана.

Когда молодая хозяйка спустилась в гостиную, то ее вид вызвал удивление у всех, кто там находился. Тетушка Бесимэ, хотя и горячо любила невестку, но не одобрила наряда, выбранного Феридэ. В первое мгновение ей показалось, что невестка не в себе, — так не вязался ее яркий чаршаф с их траурными платьями.

— Чалыкушу, тебе нездоровится? — спросила тетья и осеклась, увидев полный решимости взгляд Феридэ.

— Нет, тетья, все в порядке.

— А почему ты не в черном, детка. Ведь Кямрана уже не вернешь, а что скажут люди, увидев тебя в таком наряде? Скажут, дескать, молодая жена не чтит память покойного...

Феридэ обвела взглядом присутствующих.

— Хорошо, что вы все здесь. Тетушка Бесимэ, не переживайте за меня. Вы мне столько времени заменяли мать, но теперь я выросла. Горе и испытания закалили меня. Я хочу принимать решения самостоятельно.

Неджмие и Хуршид, сидевшие рядом на диване, переглянулись. Заметив это, Феридэ обратилась к Хуршиду:

— Я выслушала ваш рассказ. В нем много спорного... Я уверена, что вы рассказывали все, что знаете, но вы же не видели Кямрана мертвым?

— Но, — попытался что-то вставить мужчина.

Феридэ жестом остановила его.

— Я не могу носить траур по живому мужу. Только в том случае я оденусь в черное, когда увижу его могилу.

— Детка, — произнесла тетушка, — но ведь возможно, что его могила — дно морское.

— В таком случае я не буду носить траур никогда. Я буду его ждать, а если через месяц Кямран не вернется, я отправлюсь его искать, чего бы мне это ни стоило. И найду его — живого или мертвого...

5

Хуршид, несмотря на печальное известие, которое принес, стал частым гостем в доме. О себе он рассказывал мало, больше отмалчивался, но спустя некоторое время ореол его таинственности исчез. Оказалось, что Хуршид одинокий человек, никогда не был женат. Родился он в Измире, но отец и мать его умерли рано. Получив диплом врача, Хуршид много поездил по стране, так как был беден и денег на частную практику у него не хватало.

Что касается Феридэ, то она твердо придерживалась первого впечатления об этом человеке. Несмотря на их похожие судьбы, женщине казалось, что скитания озлобили Хуршида. Это проявлялось в его пренебрежительных манерах и недобром взгляде. И хотя Феридэ было лишь двадцать пять лет, частая смена работы и места жительства научили ее разбираться в людях. Она интуитивно чувствовала неприязнь к этому человеку. Феридэ казалось, что Хуршид уже тогда знал о своей печальной миссии. «Но ведь в тот день никто не думал, что так все обернется, — отгоняла молодая женщина непрошенные мысли. — Да и в чем Хуршид виноват... Просто я предвзято к нему отношусь...» Феридэ старалась вести себя в присутствии гостя если не любезно, то хотя бы не показывая своих истинных чувств. Но если визит Хуршида затягивался, женщина молча уходила к себе, предоставляя Неджмие право проводить гостя.

А Неджмие расцветала на глазах. Если раньше она всех утомляла своим скорбным молчанием, то теперь раздражала чрезмерной болтливостью. Эта молодая женщина, носившая траур по своему ребенку, приехала в дом брата отдохнуть от ссор с мужем. Перед отъездом Кямрана Неджмие подала на развод, узнав, что муж неверен ей. Но все проблемы были забыты с появлением в их доме Хуршида. После печального известия Хуршид некоторое время не приходил, потом стал все чаще и чаще присылать цветы тетушке Бесимэ и наконец набился на приглашение.

Однажды Феридэ случайно услышала, что кто-то поет в саду. Выглянув в окно, она немало удивилась, заметив Неджмие, расхаживающую по дорожкам. Феридэ никогда не

думала, что ее золовка способна на такое. Чтобы не смущать Неджмие, она отошла от окна. Со временем, наблюдая за молодой женщиной, Феридэ поняла, что именно Хуршид внес такие перемены в однообразную жизнь Неджмие. Стоило увидеть сестру мужа в то мгновение, когда коляска Хуршида останавливалась у ворот. Неджмие суетливо приводила себя в порядок и первая подбегала к дверям.

— Доченька, — останавливал ее суровый голос Бесимэ. — Соблюдай приличия. Замужняя женщина не должна так вешаться на шею мужчине.

— Мама, я скоро разведусь, ты прекрасно это знаешь. Так что же, до развода мне надо сидеть в четырех стенах?

— Конечно, нет, но что скажут люди?

— Ах, мама, оставьте меня. Да что я такого делаю? Просто открываю дверь мужчине...

— Ты сама прекрасно все понимаешь. Ведь Хуршид заходит не ко мне — старой женщине, и не к Феридэ — безутешной вдове... — После этих слов тетушка Бесимэ тяжело вздыхала и, отодвинув дочь в сторону, шла сама встречать гостя.

Целый вечер она не оставляла Хуршида и Неджмие наедине, зорко наблюдая за ними. Феридэ только удивлялась, как Хуршид мог понравиться сестре мужа. Никакими особыми достоинствами он не обладал, но тем не менее при разговоре Неджмие ловила каждое слово мужчины. Особенно это бросалось в глаза, когда золовка выходила провожать гостя. Они медленно шли по дорожке сада к воротам, и Неджмие, наклонив голову, кокетливо поправляла чадру. Хуршид тихо что-то говорил ей...

Однажды Феридэ стала свидетельницей такой сцены. За окнами стоял вечер. Хуршид в этот раз засиделся дольше обычного. Тетушка Бесимэ почти заснула за вышиванием. Феридэ решила подняться к себе. Но, почти переступив порог своей комнаты, она вдруг вспомнила, что забыла в библиотеке книгу, которую собиралась почитать перед сном. Библиотека находилась рядом с гостиной, и поэтому, сама того не желая, Феридэ услышала разговор. Видимо, Бесимэ уже поднялась к себе, и Хуршид с Неджмие говорили довольно громко.

— Неджмие, так где, вы говорите, она жила со старым доктором? — живо спросил Хуршид, скорее всего продолжая начатую давно беседу.

В ответ послышался кокетливый голос женщины:

— Кажется, вас больше интересует моя невестка?

Мужчина тихо засмеялся.

— Неджмие, я просто побольше хочу узнать о вашей семье. Ведь вы для меня уже не чужой человек, — мягким вкрадчивым голосом проговорил он.

Феридэ такие доводы показались неубедительными. И, как бы читая ее мысли, Неджмие возразила:

— Хуршид-бей, но почему вы не спрашиваете о моем прошлом? Целый вечер я только и слышу — Феридэ, Феридэ.

— Я искренне опечален состоянием вашей невестки. Как доктор, я хочу помочь бедной женщине. А для того чтобы установить правильный диагноз и понимать, от чего лечить, мне нужно знать многое из ее прежней жизни...

— Феридэ — сильная женщина, она выкарабкается. Вы лучше бы занялись другой вашей пациенткой, — игриво заметила Неджмие.

— С удовольствием...

Феридэ, осторожно ступая, направилась к себе в комнату.

Разговор, случайной свидетельницей которого она стала, не давал молодой женщине

покоя. «Зачем Хуршиду знать о моем первом муже? Это не простое профессиональное любопытство, — думала она, раздеваясь. — Станный все-таки человек этот Хуршид. В такой короткий срок он успел понравиться моим домашним и уже каждый день бывает у нас с визитами. Определенно у доктора что-то свое на уме, но что?»

Полночи молодая женщина строила предположения, но так и уснула, не придя ни к какому выводу...

6

Феридэ и раньше любила гулять по набережной, но теперь эти прогулки стали для нее настоящим отдохновением. Особенно красивыми эти места были вечером: переливающиеся иллюминации, загадочные силуэты в тени деревьев, волнующий плеск моря. Ей нравилось наблюдать за влюбленными, медленно прохаживающимися вдоль прибрежной полосы. Когда-то и они с Кямраном гуляли здесь, взявшись за руки... Вот и теперь многочисленные парочки кружили по набережной. Но если у кого-то и останавливался взгляд на одинокой женщине, то влюбленные тут же забывали о ней. А Феридэ наслаждалась пьянящим воздухом и своими воспоминаниями.

В этот вечер, пройдясь вдоль прибрежной полосы, молодая женщина, почувствовав усталость, подошла к берегу и присела на камень. Вдруг ее кто-то окликнул. Феридэ обернулась и увидела Ихсана.

— О, добрый вечер! — обрадовалась она и тут же спросила: — Каким ветром на этот раз вас занесло в наши края?

Ихсан рассмеялся, сверкнув ослепительно белыми зубами.

— По долгу службы, дорогая Феридэ-ханым, — ответил офицер и тут же поинтересовался: — А почему вы гуляете одна в такое позднее время? Где ваш драгоценный муж? Насколько мне помнится, он должен был бы уже приехать... или дела опять заставили его уехать?

Ихсан, смеясь, произнес эту тираду, но улыбка сползла с его лица, когда он увидел, что на глазах у Феридэ выступили слезы и она нервно затеребила край одежды.

— Что с вами, Феридэ-ханым? Я не хотел вас обидеть, простите. — В голосе офицера появились мягкие нотки.

— Нет, вам не за что извиняться. Вы ведь не знаете о случившемся.

— У вас несчастье?

— Да, мой муж пропал без вести.

— Феридэ-ханым, мои соболезнования... Но ведь пропал без вести не значит погиб. У меня сколько угодно примеров, как многие люди, считавшиеся мертвыми, возвращались.

— Я не сказала, что мой муж погиб, — тихо проговорила Феридэ. — Один человек видел, как это произошло, но интуиция мне подсказывает, что Кямран жив.

— Феридэ, — попросил Ихсан, — давайте присядем в глубине аллеи, и вы мне расскажете эту историю с самого начала.

Молодая женщина согласно кивнула головой и направилась к скамейке, стоящей у высокого кустарника. Там Феридэ и поведала майору, что случилось с Кямраном.

— Ну что вы, опытный офицер, побывавший на войне, скажете про это? — поинтересовалась она, закончив рассказ.

Ихсан, немного помолчав, произнес:

— Конечно, в этом деле есть несколько спорных моментов, но в целом эта история мне

кажется правдивой. Хотя...

Как бы раздумывая, майор замолчал, но потом решительно продолжил:

— Феридэ-ханым, позвольте мне помочь вам. Я имею некоторые связи в министерстве, через них можно выйти на свидетелей катастрофы. Не один же Хуршид-бей, или как его там, видел смерть Кямрана. Должны же быть еще люди, которые находились рядом...

Феридэ горячо поддержала офицера:

— Ихсан, я буду очень благодарна, если появятся хоть какие-нибудь новые известия. Но где же мне найти вас?

— Если будет что-то важное, я дам знать...

* * *

Через несколько дней в двери дома Феридэ постучался оборванный малыш лет семи. В это время молодая женщина возилась на веранде и, заметив малыша, сама открыла дверь.

— Мне нужна Феридэ-ханым, — серьезным голосом произнес мальчик.

— Это я, — ответила женщина..

— Правда вы? — недоверчиво спросил мальчик и добавил: — Мне велено передать записку только самой Феридэ-ханым.

Молодая хозяйка рассмеялась, глядя на малыша. Он явно гордился своей ролью посыльного и поэтому очень серьезно подходил к поручению.

— Конечно, я, не сомневайся, — утвердительно кивнула головой Феридэ и предложила: — Пойдем на кухню, и там ты хорошо поешь.

— Спасибо, мне уже заплатили, — насупился ребенок.

— Кто же этот таинственный отправитель? — поинтересовалась Феридэ.

— Молодой офицер, — ответил мальчик и, оценивающе обведя взглядом с ног до головы женщину, добавил: — А вы красивая.

Улыбнувшись, Феридэ протянула руку, и малыш подал ей записку.

Пока молодая хозяйка читала, посыльный незаметно исчез. Послание оказалось от Ихсана. Он предлагал встретиться на набережной, на старом месте в семь часов вечера.

Феридэ пришла немного раньше условленного времени. Ей с трудом удалось отвязаться от Неджмие, которая целый вечер ходила за ней по пятам. Золовка интересовалась, куда же это Феридэ собралась.

— На набережную, подышать морским воздухом... — был ответ невестки.

— Можно мне с тобой?

— Нет, Неджмие, прости, но мне хочется побыть одной. — Феридэ сказала это тихо, но твердо.

Обидевшись, Неджмие наконец оставила ее в покое..

И вот Феридэ стояла в глубине аллеи и нетерпеливо высматривала высокую фигуру Ихсана. Совершенно неожиданно офицер появился совсем с другой стороны. Когда Ихсан подошел поближе, женщина нетерпеливо спросила:

— Есть какие-нибудь новости?

Ихсан жестом пригласил присесть.

— Феридэ-ханым, только не волнуйтесь. Я вызвал вас сюда, потому что в самом деле узнал нечто важное.

— Ихсан-бей, не тяните, прошу вас. Что-нибудь новое о Кямране?

— К сожалению, нет...

Молодая женщина опустила голову. В первую минуту у нее потемнело в глазах. Феридэ ведь в глубине души надеялась, что Ихсан скажет ей то, во что она сама тайно верила и не верила, — что Кямран жив. Но офицер молчал, потупившись, и чертил на земле непонятные знаки.

— Так что все-таки случилось? — взяв себя в руки, спросила Феридэ.

— Помните, вы мне рассказывали о человеке, который видел смерть вашего мужа? Хуршид-бей, кажется? Так вот, я отправился в министерство узнать, подробности о той катастрофе. Ничего нового о Кямране мне там не сказали — да, числится такой в списках утонувших... Простите, Феридэ, не хочу делать вам больно...

— Продолжайте, майор.

— Так вот, зато я многое узнал о Хуршид-бее. Оказывается, этот человек сам напросился в эту поездку — ходил обивал пороги кабинетов и в конце концов добился своего.

— Ну и что из этого?

— Я сначала тоже не придавал этому значения. Просто те, кто хорошо знает Хуршид-бея, утверждают, что особым героизмом он никогда не отличался. А тут в опасное путешествие он предлагает свои услуги... Но не это главное. Помните, Феридэ, вы говорили, что Хуршид-бей утверждал, что они с Кямраном были друзья не разлей вода на корабле. Один человек, который плыл вместе с ними, утверждает, что ваш муж и этот доктор терпеть друг друга не могли. Эта вражда продолжалась всю дорогу, они почти не разговаривали...

— Значит, — догадалась Феридэ, — Хуршид-бей лжец. И если он солгал нам о своих отношениях с Кямраном, он мог солгать и о смерти моего мужа.

Ихсан согласно кивнул:

— Правильно, я тоже так подумал. Но, прошу вас, Феридэ-ханым, держите это в тайне от домашних. Я обещаю, что постараюсь распутать клубок, а вам буду сообщать все подробности. И не предпринимайте ничего сама, хорошо?

7

Феридэ играла с маленьким Недждетом в прятки. Ей доставляло удовольствие наблюдать, как четырехлетний малыш пытался найти укромное местечко и тихо затаиться там. Феридэ специально долго искала мальчика, хотя всегда знала, куда он спрятался. Когда же водил Недждет, молодая женщина старалась укрыться где-нибудь поближе к мальчику. Недждет, найдя свою мачеху, радостно визжал от восторга и, обнимая ее своими ручонками, шептал на ухо:

— Я молодец, правда?

Сложнее обстояли дела, когда малыш капризничал и звал отца. Все домашние решили, что ребенку пока не следует знать о смерти Кямрана, поэтому Недждет был уверен, что его отец все еще в поездке.

— Ты же говорила, что папа скоро придет, — надувая губки, спрашивал малыш. — Уже прошло много времени, а его все нет. Я соскучился...

Феридэ терпеливо отвечала:

— Недждет, папа задерживается по делам. И не капризничай, пожалуйста. Ты же ведь не хочешь, чтобы я рассказала Кямрану о твоём плохом поведении.

Малыш отрицательно мотал головой, утирал слезки и важно произносил:

— Папа меня просил защищать тебя. Он говорил, что я единственный в доме мужчина,

который может это сделать. Я буду выполнять его просьбу. А ты, Феридэ, говори мне, если тебя кто-то обидит, хорошо?

Феридэ сжимала малыша в объятиях и с тревогой думала, что время идет. Кямран не возвращается, а она ничего не предпринимает, чтобы найти его. «Но я же не могу бросить Недждета, он так нуждается во мне. Милый мой мальчик, ты частичка моего мужа, живое напоминание о нем...» — такие мысли не раз посещали Феридэ.

Молодая женщина все свободное время проводила с приемным сыном. Когда он немного простыл, Феридэ сидела у постели больного ночами, хотя в этом не было необходимости. Когда же мальчик выздоровел, они много гуляли по саду. Феридэ рассказывала малышу смешные и грустные истории, покупала сладости. Недждет и раньше души не чаял в мачехе, а теперь его первые слова, когда он просыпался, были о Феридэ.

Тетушка Бесимэ целыми днями хлопотала по хозяйству, Неджмие была вся поглощена предстоящим разводом и Хуршидом, поэтому Недждет оставался с мачехой. К тому же малыш не очень хорошо относился к поклоннику тети. Как ни старался Хуршид завоевать симпатию ребенка, у него ничего не получалось. Недждет спокойно брал конфеты и игрушки, подаренные дядей, благодарил и тут же убегал. Неджмие сердилась, заставляла малыша играть с Хуршидом, но Недждет упрямо избегал ее поклонника.

Феридэ где-то глубине души понимала малыша. Особенно сейчас, когда узнала о лживости доктора. Но ничем молодая женщина не выдавала тайны. Она старалась держаться с Хуршидом ровно. Только лишь иногда, когда доктор заговаривал о времени, проведенном с Кямраном на корабле, глаза Феридэ вспыхивали. Женщина благодарила Аллаха, что на ней была чадра, и усилием воли сдерживалась, чтобы не бросить обвинения в лицо Хуршиду.

А Ихсан не подавал никаких известий. Прошло две недели с их последней встречи, и Феридэ уже начала беспокоиться. Но однажды вечером тот же мальчик-оборванец вновь принес записку от майора. Ихсан просил о встрече немедленно. Феридэ уложила Недждета спать и незаметно выскользнула из дома.

Офицер ждал ее на условленном месте.

— Где вы пропадали, Ихсан-бей? Я уже начала волноваться... — вместо приветствия спросила Феридэ.

— Добрый вечер, — поздоровался Ихсан и, видя, что женщина тяжело дышит, добавил; — Отдышитесь, прошу вас. Вы так спешили ко мне на встречу, что даже запыхались.

Ироничные нотки в голосе офицера обнадежили женщину. Феридэ уже немного изучила майора и понимала, что, когда он начинает шутить, значит, дела не так уж плохи.

— Говорите побыстрее — что нового?

Ихсан усмехнулся.

— Есть две новости — хорошая и плохая. С чего начнем?

— Последнее время моя жизнь — сплошные несчастья. Давайте начнем с хорошей.

— Замечательно, — согласился майор и без долгих предисловий начал: — Я нашел несколько свидетелей катастрофы. Чего мне это стоило — не рассказать! Я объездил весь Стамбул и близлежащие города, говорил со многими людьми, сопоставлял факты и пришел вот к такому выводу...

Ихсан сделал многозначительную паузу. Феридэ заметила, как блеснули в темноте его глаза. От предчувствия чего-то важного сердце женщины сжалось.

— Так вот, — продолжал майор, — выводы таковы: никто из свидетелей не видел вашего мужа мертвым! Вообще никто не видел, как Кямран погиб... Феридэ, что с вами?!

Молодая женщина пошатнулась. Она так разволновалась, что нервы ее не выдержали и, если бы Ихсан не поддержал Феридэ, она наверняка бы упала на землю. Ихсан заботливо усадил молодую женщину на скамейку.

— Вам уже легче? — погодя минуту спросил майор.

— Да-да, спасибо, — слабым голосом проговорила Феридэ и, словно оправдываясь, добавила: — За последнее время я много думала и решила, что моя надежда на то, что Кямран жив, нереальна. Прошло так много времени, а он не подавал никаких известий... Мой муж никогда не молчал бы так долго, зная, как мы все волнуемся. Сомнения одолевали меня, но вот появились вы, и я снова поверила...

Только сейчас Феридэ почувствовала, что Ихсан все еще обнимает ее. Она смущенно освободилась из его рук. Майор улыбнулся.

— Феридэ, если хорошая новость так впечатлила вас, то, честно говоря, я боюсь сообщить плохую.

— После ваших слов о Кямране я перенесу все что угодно. Вы поселили во мне уверенность и спокойствие...

— Вторая новость относительно Хуршида. Я не терял времени даром и съездил в Измир, откуда он родом. Все оказалось именно так, как он и рассказывал вам: смерть родителей и так далее. Я проследил его путь от школьной скамьи до диплома врача. Я обошел всех его знакомых и людей, которые могли сообщить что-нибудь о нем. Все в один голос утверждают, что Хуршид добропорядочный и уважаемый человек. У него нет родственников. Был, по-моему, какой-то двоюродный дядя, да и тот умер. Ничего, никакой зацепки, подтверждающей его двуличность.

Феридэ задумчиво теребила край одежды.

— Ихсан-бей, это не такая уж и плохая новость. Мне ужасно стыдно, что мы раздули такую историю с Хуршидом. Доктор, конечно, мог придумать смерть моего мужа, но зачем ему это? Мне кажется, этот человек искренне думает, что Кямран погиб. Ну, а я уверена в обратном.

Женщина замолчала и взглянула на офицера.

— Ихсан-бей, я считаю, что должна сообщить домашним хорошую новость, да побыстрее...

Феридэ уже готова была подняться со скамейки и бежать, но майор усадил ее обратно.

— Прошу вас, — сказал он, — никому ничего не рассказывайте.

— Почему же? — удивилась женщина.

— Интуиция — великое дело. Часто во время войны она мне помогала избежать пули. А теперь мне кажется, что эту новость следует хранить в тайне.

Феридэ попыталась возразить, но майор остановил ее:

— Вы сейчас готовы оправдать любого негодяя... Я не хочу сказать, что Хуршид плохой человек. Может быть, мы и ошибаемся... А если нет? Если за этим кроется какая-то тайна?

— Ихсан, вы склонны преувеличивать...

— Нет, Феридэ. Опыта у меня больше в таких делах, чем у вас. Я чувствую, что Хуршид-бей, несмотря на хорошую репутацию, темный и скользкий человек. Вы мне очень дороги... Я не хочу впутывать вас в грязную историю. Позвольте, я сам докопаюсь до истины. А теперь идите домой и никому ни слова.

Феридэ поднялась со скамейки.

— Возможно, Ихсан, вы в чем-то и правы, но я склонна верить людям...

Намереваясь уйти и уже сделав несколько шагов, молодая женщина вдруг тихо вскрикнула. Вслед за этим в кустах раздался шорох, и какой-то человек, как заяц, бросился напролом через заросли. Ихсан даже не пытался его догнать — так быстро тот улепетывал.

— Вы не очень испугались? — с тревогой спросил майор.

— Нет, спасибо. Но очень уж все это неожиданно... Как вы думаете, он подслушивал нас?

Майор задумчиво оглядел кусты.

— Я почти уверен в этом...

— Интересно, сколько времени он просидел здесь?

— Не знаю, но кое-что ему удалось услышать.

— А может, это был всего лишь бездомный бродяга. Во время войны их прибавилось, — попыталась успокоить себя Феридэ.

— Хотелось бы верить, но зачем ему было убегать?

— Не знаю... Впрочем, мне пора. Вы проводите?

— Конечно, — согласился майор. — Вам опасно ходить одной в такое время.

Почти всю дорогу молодая женщина и офицер думали об одном и том же, но не решались заговорить друг с другом. Только у самого дома Ихсан отважился нарушить молчание:

— Теперь вы понимаете, что история, такая безобидная на первый взгляд, полна загадок. Я еще раз прошу вас, никому ничего не рассказывайте.

Посмотрев на темные окна дома, Феридэ задумчиво произнесла:

— Может быть, вы и правы...

8

На следующий день в доме разразилась буря...

Утро было таким безоблачным, что Феридэ вместе с приемным сыном решила прогуляться по набережной. Взявшись за руки, они около часа стояли на пристани и наблюдали за отплытием кораблей. Недждет, как маленький воробышек, порхал с одного места на другое, далеко, однако, не убегая от своей мачехи. Его щебетание умиляло прохожих, и мало кто из них не останавливался, чтобы предложить малышу конфетку. Недждет с важным видом отдавал подарки Феридэ, чем вызывал еще большие восторги.

Ближе к обеду молодая женщина собралась идти домой.

— Недждет, ты не проголодался? — спросила она у малыша.

— Немножко.

— Тогда пойдем.

— Нет! — заупрямился мальчик.

Феридэ удивленно взглянула на ребенка.

— Что-нибудь случилось?

— Смотри. — Недждет указал рукой на подходящий к пристани пароход.

— Ну и что же?

— Это тот корабль, на котором уплыл папа! — живо воскликнул мальчик.

Женщина подавила вздох.

— Нет, к сожалению, ты ошибся, малыш... Идем.

Недждет умоляюще посмотрел на мачеху.

— Давай подождем. Может быть, там папа.

— Хорошо, — согласилась Феридэ, едва сдерживая слезы.

Как только пароход причалил, малыш бросился к трапу и принялся внимательно разглядывать сходящих на землю пассажиров. Кямрана среди них не оказалось...

Разочарованный Недждет медленно брел по улице. Феридэ старалась занять малыша разговором. Лишь у самого дома мальчуган немного повеселел.

Дверь им открыла настороженная свекровь. Молодая женщина сразу заподозрила неладное. Тетушка Бесимэ молча взяла за руку внука и повела его кормить. Недждет упирался и кричал:

— Мама Феридэ! Я хочу кушать вместе с тобой!

— Нет, дорогой, — отвечала бабушка, — накормлю тебя я и уложу спать тоже.

Феридэ молча наблюдала эту сцену. Заметив в глазах мальчика слезы, она мягко произнесла:

— Иди, мой хороший, с бабушкой и слушайся ее...

Мальчик беспрекословно повиновался и понуро двинулся вслед за Бесимэ.

Феридэ поднялась к себе в комнату, гадая, что же могло произойти. Когда они с Недждетом уходили гулять, свекровь была такой же, как обычно, — ласковой и внимательной. Тетушка Бесимэ — человек спокойный и рассудительный. Значит, случилось что-то в самом деле серьезное. Феридэ решила спуститься в гостиную и выяснить подробности у Неджмие.

Сестра мужа перебирала какие-то бумаги и, когда невестка вошла, вздрогнула от неожиданности. Молодую женщину поразил взгляд Неджмие, который выражал отвращение и плохо прикрытую ненависть. «В чем дело? — недоумевала Феридэ. — Я-то тут при чем?» Тем не менее она не решилась задавать вопросы. «Подожду тетушку и все узнаю», — подумала Чалькушу, но на душе стало беспокойно.

А свекровь, будто бы специально, долго не возвращалась. Феридэ было невыносимо находиться в одной комнате с Неджмие, тем более что золовка не проронила ни одного слова. Наконец Бесимэ, уложив внука спать, появилась на пороге. Феридэ спросила:

— Ну, как малыш? Он не долго капризничал перед сном? Обычно, когда я его укладываю днем, приходится рассказывать не меньше двух сказок...

Феридэ замолчала, увидев, что тетушка отвела глаза в сторону. Неджмие теперь не прятала свой взгляд, а в упор глядела на невестку. Чалькушу растерялась и жалобно пробормотала:

— Что случилось? Вы мне можете объяснить?

Тетушка молчала. Неджмие сверлила невестку глазами, словно желая испепелить ее. Феридэ была на грани отчаяния. Еще минута, и она изошлась бы слезами — настолько в комнате стояла напряженная атмосфера. Тетушка Бесимэ, сжавшись над невесткой, произнесла:

— Феридэ, до нас дошли неприятные слухи о тебе.

Молодая женщина вопросительно посмотрела на свекровь.

— Я не понимаю...

— Твое поведение не имеет никаких оправданий. — Губы тетушки сурово сжались.

— Какое поведение... О чем это вы?

Бесимэ, не обращая внимания на недоумение невестки, продолжала:

— Конечно, ты еще молода и красива. Пытаться удержать тебя в четырех стенах, тем более весной, глупо... Феридэ, но со дня смерти Кямрана прошел всего лишь месяц.

— А при чем здесь Кямран? — все еще не представляя о чем речь, растерянно проговорила Чалыкушу.

Тут взорвалась Неджмие, до этого тихо сидевшая в своем углу:

— Ах, она не понимает! Думаешь, я не чувствовала, что ты осуждаешь мой роман с Хуршидом! Ты молчала, но твои бесстыжие глаза выдавали все! Прикидываться святошей, а самой закрутить роман с офицером, не успели еще кости моего бедного братца остыть! Я многое про тебя знаю. И про твои похождения до замужества с Кямраном, и после...

Феридэ закрыла лицо руками. Она не чувствовала за собой никакой вины. Ведь «роман с офицером» — всего лишь безобидные встречи с Ихсан-беем. Тем более они же вместе пытаются разыскать Кямрана! Но как гнусно эта Неджмие все перевернула. «Интересно, откуда они узнали, что мы видимся с майором? Ведь я соблюдала все меры предосторожности», — подумала Феридэ.

Неджмие же никак не могла успокоиться.

— Этот офицер — твой старый поклонник. Ты хочешь опозорить всю нашу семью и память покойного мужа. Все соседи возмущаются, что ты не носишь траур! — кричала она.

У Феридэ от крика золовки разболелась голова. Несмотря на просьбу Ихсана никому не рассказывать об их поисках, молодая женщина уже готова была во всем открыться. Но Неджмие не давала вставить ни единого слова. Тетушка Бесимэ укоризненно качала головой, но, видимо, и ей уже надоели вопли дочери. Она жестом остановила поток этой грязной ругани.

— Вот что я скажу, — произнесла свекровь, обращаясь к невестке. — Ты же знаешь, как я отношусь к сплетням. И если ты мне дашь слово, что все это — неправда, я поверю тебе. Будем считать, что на этом наш разговор окончен. Все останется по-старому... Но если до меня дойдут еще какие-нибудь слухи... Я не посмотрю, Феридэ, на свою любовь и на то, что отношусь к тебе, как к дочери... Если бы на твоём месте оказалась Неджмие, я бы не стала ставить условия — просто прокляла бы ее и выгнала из дома. Но к тебе у меня отношение особое... Тем более мне не хочется лишать Недждета матери...

Феридэ подняла свои чистые глаза на свекровь. В них отразились вся боль и горечь недавно пережитой утраты.

— Тетушка, я вправду несколько раз встречалась с офицером. Между нами лишь дружеские отношения, поверьте. Но, ради благополучия Недждета, я даю слово, что больше никогда не увижу этого человека.

Бесимэ удовлетворенно кивнула головой, а Неджмие выбежала из гостиной, хлопнув дверью...

Целый вечер Феридэ думала, как ей поступить. С одной стороны, она дала слово домашним, что встреч с Ихсаном больше не будет. Но ведь майор не знает об этом. Он занимается поисками Кямрана и, если появится что-то важное, захочет связаться с ней. Да и как можно разорвать с ним всякие отношения, если Ихсан старается ей помочь?

Немного поразмыслив, Феридэ решила, что, если Аллаху будет угодно, ее муж найдется. В противном случае она может потерять и сына. Феридэ достала лист бумаги, перо и начала писать:

«Дорогой Ихсан-бей!

Мне тяжело писать эти строки, но, поверьте, другого выхода у меня нет. Мое сердце разрывается на части — между покоем нашей семьи, маленьким сыном и личным счастьем.

Я выбрала первое. Может, до вас тоже дошли эти грязные сплетни о наших отношениях... Кто-то старается ударить меня еще сильнее. Ему мало, что я потеряла мужа, так теперь я расстаюсь и с другом. Да, Ихсан, вы мой единственный друг, который не только поверил в мои бредовые идеи насчет мужа, но и пожелал помочь мне в его поисках.

Больше ничего не предпринимайте, прошу вас. Даже если вы что-то и узнаете — не сообщайте мне об этом. Я не хочу беречь сердце. Мои домашние поставили условие, что если я хотя бы раз встречу с вами, то они меня проклянут. А это значит, что я не смогу жить вместе с моим сыном...

Простите меня, если сможете. Феридэ».

9

Письмо Феридэ отправила со своей служанкой, пятнадцатилетней девочкой, которой она полностью доверяла.

Ихсан жил в гостинице в центре Стамбула. Служанка быстро нашла его номер, но ей пришлось долго ждать возвращения офицера. Поэтому девочка вернулась в дом Феридэ не сразу.

Она застала молодую женщину нервно прохаживающуюся из угла в угол. Феридэ, обеспокоенная долгим отсутствием девочки, уже начала волноваться.

— Все в порядке? Ты передала письмо в руки майора? — спросила Феридэ, только завидев на пороге служанку.

— Да, госпожа, как вы и сказали. Сначала офицера не было, но я дождалась его. Он слегка удивился, увидев меня. Я представилась и подала ему записку. Майор несколько раз перечитал послание, потом дал мне несколько монет и сказал: «Передай госпоже, что я выполняю все, о чем она просит...»

— Он не очень расстроился?

— Нет, в общем-то не очень... Конечно, глаза его погрузнели, а в остальном офицер вел себя обычно: смеялся, шутил...

— Спасибо тебе. А теперь иди и помни, что никто не должен знать об этом.

Девочка, немного обидевшись, с вызовом произнесла:

— Я что, маленькая?

Феридэ закрыла за служанкой дверь и легла на кровать. У нее болела голова и стучало в висках. Решив немного отдохнуть, молодая женщина незаметно уснула. Когда же она открыла глаза, за окном уже было темно. Из гостиной доносился шум голосов. С трудом Феридэ заставила себя подняться с постели. «Хотя я и немного поспала, но голова словно раскалывается, — подумала она. — Не беда. Мне надо обязательно спуститься вниз, а то я сегодня целый день провела в своей комнате. Что подумают домашние?»

В другое время Феридэ оправдала бы свое отсутствие болезнью, но теперь, хотя внешне и был заключен мир, она чувствовала, что и Неджмие, и свекровь следят за каждым ее шагом.

Наскоро приведя себя в порядок, Феридэ вошла в гостиную. Там, сидя рядом друг с другом, тихо ворковали Хуршид и Неджмие. Молодая женщина тотчас же пожалела о том, что спустилась, но было уже поздно. Ей пришлось поддержать беседу с гостем. А Хуршид вел себя как обычно: весело смеялся и занимал женщин историями из своей жизни. Видя, что Феридэ плохо себя чувствует, доктор предложил свои услуги.

— Нет, спасибо, мне не нужно, — отказалась она.

— Вы плохо выглядите, давайте я посмотрю вас, — настаивал Хуршид.

Появившаяся вдруг тетушка Бесимэ и Неджмие в один голос принялись уговаривать невестку, и наконец та сдалась. В сопровождении доктора она поднялась в свою комнату.

После осмотра Хуршид протянул ей лекарство и сказал:

— У вас просто сдали нервы... Выпейте, это немного успокоит вас.

Молодая женщина повиновалась, и через несколько секунд ей страшно захотелось спать. Глаза ее слипались, и, пробормотав несколько слов извинения, Феридэ опустилась на кровать.

Вдруг женщине показалось, что Хуршид склонился над ней. Ехидно усмехаясь, он начал что-то говорить о ней, о Кямране, о старом докторе Хайруллах-бее. Потом его лицо исказила ненависть, и он принялся угрожать ей. Молодой женщине не понравился этот сон, и она перешла в другой — бесцветный. Там никого не было, но показался он куда более уютным...

Следующий день Феридэ провалялась в постели. После снотворного у нее была чугунная голова и сухость во рту. Никто ее не беспокоил, лишь тетушка принесла поесть. Но молодая женщина отказалась.

Прошла неделя. В доме установилось относительное спокойствие. Свекровь вела себя как обычно, но после ссоры отношения с Феридэ у них были уже не те. Они подчеркнуто вежливо разговаривали друг с другом, и, глядя со стороны, можно было бы просто позавидовать, как хорошо они ладят между собой. Феридэ подсознательно чувствовала, что все это просто так не кончится. Или они со свекровью разойдутся врагами, или будут еще больше любить друг друга.

Но взрыв произошел, и не там, где молодая женщина ожидала. Все началось с того, что у Феридэ пропало несколько юношеских писем, адресованных Кямрану, но не отправленных. Подумав, что письма отыщутся где-нибудь в столе, она решила не поднимать шума. Но, перерыв всю свою корреспонденцию, молодая женщина убедилась в обратном. Кроме того, в своем дорожном дневнике она не досчиталась нескольких страниц. «Кому это понадобилось? — недоумевала она. — Юношеские излияния если и могли быть кому-то интересны, то лишь Кямрану... А страницы дневника?..» Перебрав все свои бумаги, Феридэ новых пропаж не обнаружила. Погоревав, она решила не придавать этому особого значения. Однако через несколько дней молодая женщина поняла, как она ошиблась.

Тетушка Бесимэ вызвала ее в гостиную и протянула сложенный вчетверо листок бумаги.

— Читай, — сухо приказала она.

Феридэ взяла листок в руки и машинально развернула. Вся страничка была исписана ее почерком. Подумав, что это одно из пропавших писем, молодая женщина даже обрадовалась.

— Мне знакомы эти закорючки, — улыбнулась она.

— Ну, тогда, может быть, ты прочтешь вслух! — В глазах тетушки сверкнул недобрый огонь.

Феридэ, бегло пробежав глазами по строкам, вдруг побледнела.

— Я никогда не писала такого... — твердо произнесла она.

Неджмие, тихо стоявшая рядом, зло рассмеялась.

— Ну, не я же это написала твоим почерком, — язвительно прошипела она.

Феридэ растерянно переводила взгляд с тети на сестру мужа. Руки ее дрожали, и листок бумаги, который она держала, трепыхался, как раненая птица. Все молчали, ожидая, что скажет Феридэ. А она еще раз пробежала по строкам, выхватывая отдельные выражения:

— Мой дорогой Ихсан... Муж больше не будет мешать нашим встречам... Я тебя очень

люблю... Мне опротивели сварливые родственники... Я хочу, чтобы у нас был ребенок...

Феридэ с ненавистью отшвырнула листок в сторону.

— Это все неправда! — отчаянно крикнула она. — Неужели вы могли поверить...

Ища поддержки, молодая женщина взглянула на свекровь, но ее лицо, казалось, было вырублено из льда, а глаза источали холодное сияние. Феридэ поняла, что попалась в ловушку. Ведь ясно, что это письмо — подделка, и притом подделка очень искусная. Многое, что произошло с ней за последнее время, теперь предстало абсолютно в ином свете. Ей вспомнились и пропажа писем, и неизвестный, подслушивавший ее разговор с Ихсаном, и странный сон... «Самое главное, сейчас не заплакать, — подумала Феридэ. — Все решат, что я хочу вымолить у них прощение. Бесполезно доказывать, что тут нет моей вины.»

Тем временем Неджмие демонстративно подняла брошенный на пол листок и, помахивая им, злорадно проговорила:

— Ну, что ты скажешь теперь в свое оправдание?

Феридэ, стиснув ладони так, что побелели косточки на пальцах, молчала.

— Смотри-ка, наша гордая Чалькушу поймана с поличным, — не унималась Неджмие.

Неожиданно Феридэ заметила, что при этой семейной разборке присутствуют и чужие. В углу гостиной, незаметно примостившись на самом краешке дивана, сидел Хуршид. Выражение его лица было настолько серьезным, как если бы он находился в театре и строил из себя знатока. Феридэ с пренебрежением посмотрела на него. Хуршид встал со своего места и, не говоря ни слова, взял под руку разгневанную Неджмие и повел ее в сад.

— Феридэ, — обратилась тетушка Бесимэ к молодой женщине. — Я же просила тебя прекратить все отношения с этим офицером.

— Тетушка, это письмо — подделка, — срывающимся голосом проговорила Чалькушу. — Неужели вы не понимаете... Ведь мне больше жизни дорог Недждет, а моя любовь к Кямрану... Разве можно сомневаться в ней? Да я скорее бы умерла, чем не то что написала, а даже подумала о таком...

Феридэ замолчала, встретившись с внимательным взглядом тетушки. Казалось, в душе свекрови происходила борьба. Ей очень хотелось верить невестке, но, очевидно, вспомнив про письмо, Бесимэ снова замкнулась в себе.

— Феридэ, — ледяным голосом продолжила свекровь, — я тебя предупреждала, но все оказалось бесполезным... Поэтому я прошу тебя: собери свои вещи и уезжай. Нам не нужен позор в доме.

Молодая женщина в ужасе отступила назад. Заламывая руки, она спросила:

— Вы меня выгоняете? А как же Недждет? Как вы объясните ему мое отсутствие?

— Не волнуйся, придумаем что-нибудь подобропорядочнее...

— Но... — попыталась возразить Феридэ.

Тетка резко оборвала невестку:

— Для него это будет лучше. Сейчас Недждет маленький, но когда подрастет, он сможет разобраться сам, кто из нас прав.

— Тетушка, но это же несправедливо по отношению ко мне...

Бесимэ промолчала.

— Я могу хотя бы попрощаться с малышом? — с горечью в голосе произнесла Феридэ.

Пожав плечами, тетушка нехотя ответила:

— Ты можешь увидеть Недждета, но ничего не говори ему. Подожди минуточку, я приведу мальчика.

Когда тетушка вышла из гостиной, Феридэ принялась лихорадочно искать ответ: что же делать дальше. «Куда я могу поехать?.. Куда?.. — словно необъезженные жеребцы, скакали мысли в ее голове. — Только в Кушадасы^[5]. Там у меня дом, оставленный в наследство первым мужем... А может быть... Впрочем, нет... Тогда в Кушадасы». Но женщине не хотелось жить там. С этим городом у нее были связаны неприятные воспоминания. Несколько лет назад Феридэ работала там учительницей. Коллеги в школе завидовали молодой красивой женщине, сплетая вокруг нее всевозможные интриги. Когда умерла ее приемная дочь, Феридэ тяжело заболела. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы старый доктор Хайруллах не выходил ее, взяв к себе в дом. Но ее беда стала лишь поводом недоброжелателям лишний раз посплетничать. Разгорелся скандал, дошедший до Министерства образования. Чтобы избежать позора, Феридэ пришлось выйти замуж за старого доктора...

Было у него еще и имение в Аладжакая^[6], но его они превратили в приют для бездомных детей. После смерти старого доктора Феридэ, выйдя замуж за Кямрана, переехала в Стамбул, надеясь, что уже больше никогда не вернется в холмистые Кушадасы...

И вот теперь судьба поворачивалась так, что возвращения ей все-таки не избежать. Чалыкушу представила себе, как она приедет в этот небольшой городок, войдет в дом, наполненный тяжелыми воспоминаниями, расскажет обо всем оставшейся за хозяйку старой няне доктора, и как та сразу запричитает над несчастной судьбой бедной девочки. Садовник будет хмуриться и постоянно закуривать свою трубку... «Нет, не буду ничего говорить старой женщине, — подумала Феридэ, — а то с ее больным сердцем удар может оказаться роковым».

Тут тетушка Бесимэ привела Недждета. Только сейчас Чалыкушу заметила, как мальчик похож на Кямрана — те же золотые волосы, то же серьезное выражение зеленых глаз...

Феридэ обняла мальчика и почувствовала, что помимо ее воли на глазах появились слезы. Чалыкушу не хотела плакать. Она очень любила этот дом, сад, тетушку Бесимэ и даже Неджмие... И если оскорбления она перенесла мужественно, то, увидев Недждета, внезапно осознала, что, возможно, целует мальчика в последний раз... Сердце Чалыкушу разрывалось от горечи.

Мальш, казалось, что-то почувствовал. Всегда такой шустрый, сейчас он стоял неподвижно и изо всей силы прижимался к мачехе. Феридэ слышала, как бьется сердце мальчика, и вспоминала свою умершую дочь Мунисэ.

Девочка была приемышем. Женщина подобрала ее в захудалой деревне и выходила. Как много планов строила Чалыкушу насчет будущего Мунисэ, но, к сожалению, девочка умерла от дизентерии. Это было еще до того, как Чалыкушу узнала Недждета. А теперь она теряла и приемного сына.

— Мама Феридэ, — неожиданно спросил он, затаив дыхание, — а мы пойдем еще на пристань встречать папу?

— Конечно, мальш, — тихо ответила Чалыкушу, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

Тетушка Бесимэ заметила это и, желая избежать неприятной сцены, потянула Недждета за руку.

— А теперь — умываться, — сказала она строго.

Мальчик заупрямился, цепляясь за платье мачехи.

— Иди, мальш... — попросила его Феридэ. — Иди... и слушайся бабушку...

Мальш разжал свои пальчики, и направился в ванную. Когда он скрылся за дверью, Чалыкушу опрометью бросилась вверх в свою комнату. Она упала на постель и, зарывшись головой в подушку, чтобы ее никто не слышал, отчаянно зарыдала...

Собирая вещи в своей уже бывшей комнате, Феридэ думала о судьбе мальчика: «Он еще слишком мал, чтобы запомнить меня. Его воспитает тетушка Бесимэ. А вся моя нерастрченная любовь, предназначавшаяся ему, так и угаснет в моем сердце».

Несчастливая женщина спешно собрала небольшой баул, положив в него необходимые вещи и несколько дорогих ей безделушек. Шикарные наряды и драгоценности, которые покупал ей муж, Феридэ решила оставить. Конечно, тетушка Бесимэ ничего бы не сказала, возьми она их с собой, но Неджмие раскричалась бы на весь дом. А Чалыкушу хотелось уйти незаметно и тихо...

Феридэ спустилась по лестнице и в последний раз окинула взглядом гостиную, знакомую ей с детства. В саду молодая женщина провела рукой по качелям, вспомнив, что именно так и сделал ее муж перед роковым путешествием. «Знал ли ты, Кямран, что так все обернется? — подумала она. — Ожидала ли я, выходя за тебя замуж, что через полгода снова останусь одна и буду стоять на обочине бесконечной дороги, которая неизвестно куда ведет?»

Вздыхнув, женщина вышла за ворота и направилась к пристани.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Кушадасы, 3 июня

Три года назад я поклялась, что больше никогда не стану описывать свою жизнь и никогда не заведу новый дневник. Но могла ли я знать в тот миг, что жизнь моя снова изменится и только страничкам небольшой тетрадки я смогу полностью довериться. Увы, но судьба оказалась безжалостной...

Мерцающее пламя лампы выхватывает из темноты белый листок дневника, на который, словно следы муравьиных лапок, ложатся закорючки букв, слов, предложений — моих тайных собеседников. Кто, как не они, может облегчить мои страдания...

Я вновь одна. За окном звездное небо. Издали доносится шум прибоя. Кушадасы спят...

Уже почти неделя, как я поселилась в имении покойного Хайруллах-бея. Если днем я могу занять себя всевозможными делами, то, когда наступает ночь, время тянется невыносимо медленно. У меня бессонница. Вначале меня согревали воспоминания о детстве, Кямране и Недждете, однако теперь все больше в мою душу закрадывается осознание того, что все это навсегда утрачено. Отныне я одинока. Временами я задумываюсь о смерти. Поначалу мне было страшно думать об этом, но постепенно привыкаю...

Я думаю, эти мысли не случайны. Как-то пусто здесь без старого доктора. Просторная комната наверху мне напоминает о последних днях моей приемной дочери. Временами я даже замечаю за собой, что начинаю разговаривать с ними, и они мне кажутся более реальными, чем я сама. Слава Аллаху, что еще живы няня и садовник онбаши^[7]. Без них я и вовсе утратила бы всякую связь с этим миром.

Милая старушка очень обрадовалась, увидев меня на пороге.

— Вот не чаяла! — всплеснула она руками. — А то я уже думала, что так и помру, не свидевшись с хозяйюшкой.

Няня, несмотря на свои годы, проворно схватила чемодан и потащила его в гостиную.

— Как хорошо, что вы хоть немножко выкроили времени для того, чтобы заглянуть к нам, — отдышавшись, проговорила она. — Отдохните часок, а я приготовлю для вас самые лучшие кушанья. Небось, проголодались в дороге?

— Не беспокойтесь, — попыталась я успокоить суетящуюся старушку. — Думаю, вы меня не раз еще покормите чем-нибудь вкусеньким. Тем более что я приехала надолго... А может быть, и навсегда.

Няня догадалась, что случилось что-то неладное, однако решила не спешить с расспросами. Стараясь казаться веселой, она живо залепетала:

— Вот и чудесно. Хоть остаток жизни я проведу не в одиночестве...

— В одиночестве? — удивилась я. — А как же онбаши? Да и где же он?

Старушка только рукой махнула:

— От него проку мало! Последнее время только по утрам его и вижу. После смерти хозяина и вашего отъезда не сидится ему что-то. Наведет порядок в своем хозяйстве — и след простыл. Вот и сейчас сказал, что отправился посмотреть новую сбрую для своего любимчика Дюльдюля. А зачем коню новая сбруя? Ведь он, как и хозяин, чуть ноги волочит...

Неожиданно няня замолчала и, взглянув на меня, заботливо проговорила:

— А вы, я смотрю, притомились после дороги — очень уж бледны. Прилечь бы вам.

— Да, я и вправду немного отдохну.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, я направилась в комнату, отведенную когда-то специально для меня доктором Хайруллах-беем. В ней было все так же, как и год назад, когда я покинула этот дом: старый, немного поцарапанный шкаф из красного дерева, большая приземистая кровать и занавешенные темными шторами окна. В комнате царил полумрак. Я раздвинула шторы и приоткрыла окно. Спальню наполнили запахи летнего сада. Почувствовав, что и вправду устала, я опустилась на кровать и незаметно уснула...

Меня разбудил скрип ворот и в унисон ему заскрежетавший голос онбаши.

— Ну и сбруя теперь пошла, даже выбрать не из чего, — поспешил поделиться своими мыслями садовник.

— Тише! — остановила его выбежавшая на крыльцо дома старушка. — Дай хоть спокойно поспать после дороги нашей хозяйке.

— Неужели Феридэ-ханым здесь? — радостно удивился онбаши.

— А у нас теперь только одна хозяйка.

— Дай же мне взглянуть на нее. Небось все такая же красивая?!

— Меньше шляться надо было. А теперь — жди, — язвительно отрезала старушка и, гордо подняв подбородок, направилась в дом.

Онбаши, не говоря ни слова, прихрамывая, поплелся вслед за ней.

Меня приятно удивил этот разговор. Я даже не думала, что еще хоть кто-то способен любить меня. Быстро приведя себя в порядок, я поспешила в гостиную.

— Добрый день, уважаемая Феридэ-ханым, — только завидев меня, поторопился с приветствием садовник. — Говорят, вы надолго...

Стоявшая рядом с онбаши няня искоса поглядела на него, недовольная начатым разговором. Однако не обращая на нее никакого внимания, садовник продолжил:

— Да, работы у нас собралось много. Вот и супругу вашему нашлось бы дело. Мне-то управляться с расходными документами тяжело, а он бы быстренько во всем разобрался.

Меня бросило в жар, и я почувствовала, как начинают подкашиваться ноги, но усилием воли мне удалось взять себя в руки. Стараясь вдруг не сорваться и не заплакать, сдерживая волнение, я, насколько это было возможно, спокойно проговорила:

— Кямран погиб в кораблекрушении...

Онбаши опустил глаза, а старушка, всплеснув руками, заголосила:

— И за что это Аллах насылает на тебя такие несчастья. Ты же еще совсем девочка! Радости настоящей не видела — а уже столько бед!

— Извините, Феридэ-ханым, — выжал из себя садовник.

— Все не так уж плохо, — попыталась я придать ситуации меньше трагизма. — Пришло лишь сообщение, что мой муж пропал без вести. Мертвым его никто не видел... Может, он спасся, заболел или лежит где-нибудь раненый.

— Давно это было? — сухо спросил онбаши.

— Уже с месяц...

Лицо старого слуги стало еще более мрачным.

— Конечно, найдется! — поспешила поддержать меня няня. — Люди на несколько лет пропадают, а потом находят. А тут всего лишь месяц.

Не знаю, верила ли няня в то, о чем говорила, но мне было приятно уже то, что делала она это искренне.

Несмотря на уставленный всевозможными яствами стол, обед явно не удался. Все старались казаться веселее, однако это была радость сквозь слезы. Няня, онбаши и я прекрасно понимали всю бессмысленность ситуации, но нарушить игру не решались. После обеда я заперлась в своей комнате и решила в этот день никуда больше не выходить. Меня никто не беспокоил. Только под вечер няня принесла чаю и справилась о моем здоровье. Всю ночь, зарывшись головой в подушку, я проплакала. Лишь на рассвете несколько часов мне удалось подремать.

На следующий день я отправилась навестить могилку моей приемной дочери Мунисэ. В саду я нарвала большой букет цветов и отправилась в дорогу.

Холм, где ее похоронили, находился у самого берега Средиземного моря. Прежде чем оказаться у могилки, я прошлась по прибрежному песку, вспоминая, как Мунисэ любила собирать здесь разноцветные камешки. Их она любила даже больше, чем цветы. Набрав пригоршню, я взобралась на знакомый холм. Могила заросла травой, и если бы не тоненький кипарис, возвышающийся над маленьким холмиком, ее трудно было бы заметить среди цветущих трав. Я подошла к кипарису, такому же хрупкому, как была моя дочь, и присела у надгробного камня.

«Мунисэ, дочь Феридэ...» — прочитала я надпись и вспомнила, как немногим больше года вот так же вместе с Хайруллах-беем мы сидели у этого камня и оплакивали утрату.

Я не пережила бы той беды, если бы не поддержка старого доктора.

Как в это мгновение мне его не хватает! Как ужасно быть одинокой! Три смерти самых близких людей за полтора года.

Нет, я этого не перенесу!..

В доме ко мне относятся очень бережно. Зная меня, онбаши и няня не стали отдаваться слезливой жалости. Наоборот, они как могут стараются поднять мне настроение. Уже рассказали все забавные истории, которые произошли за время моего отсутствия в Кушадасы. По-моему, для того чтобы вызвать улыбку на моем лице, они начали даже придумывать кое-что. Милые старички, как они скрашивают мое одиночество!..

Несколько дней назад отважилась прогуляться по городу и взглянуть на школу, где преподавала. Зайти я так и не решилась, но встретила неподалеку одну из учительниц.

— Ох, Феридэ-ханым, — начала она. — Не везет же вам с муженьками. А это правда, что у Хайруллах-бея огромное состояние?

Я растерялась, не зная, что ей ответить. Как мне надоели эти сплетни. Я даже порадовалась, что уже не работаю в школе.

Назойливой собеседнице так и не удалось из меня ничего вытянуть, несмотря на огромные усилия, которые она прилагала. Впрочем, я уверена, что даже несколько слов, которые я произнесла, обростут невероятными небылицами. Тем более, как я узнала, по Кушадасы уже ходили обо мне самые мерзкие сплетни. Вспоминали и Хайруллах-бея, и Мусимэ, и Кямрана. Кого только из моих знакомых их грязные языки не касались! Это было ужасно. Не менее ужасным мне представилось и будущее, которое меня ожидало в этом местечке.

Кушадасы, 11 июня

Сегодня я поняла, что так жить больше невозможно. Не помню как, но, бредя по побережью, я вышла на большой утес. Подойдя к краю, я взглянула на безразлично бьющиеся о камни волны. Внезапно мною овладело непреодолимое желание птицей сорваться вниз. Я, наверное, так и сделала бы, если бы меня не остановил проходивший мимо старый рыбак.

— Прекрасные у нас места, эфенди-ханым, — прервал вдруг мои мысли о смерти незнакомый голос. — А море какое! Глядя на него, хочется жить и жить. Лет до ста...

Вздвогнув от неожиданности, я обернулась. В нескольких шагах от меня стоял белобородый старик. Я растерялась.

— Жить до ста лет?

Рыбак, щурясь от солнца, хитро улыбнулся.

— Мне уже восемьдесят, но в такое ясное утро кажется, что я только родился. Я хочу утолить свою жажду жизни, которая с каждым годом становится все больше и больше.

— Жизнь — это страдание, — попыталась возразить я. — Разве мало бед пришлось перенести вам?

Старик опустил на землю и положил рядом с собой снасти.

— Я живу один, — задумавшись, начал он. — Моя жена умерла, родив мне третьего сына. Детей я любил и лелеял. Воспитывал их сам, не желая доверять столь ответственное дело чужой женщине. Я отдал им все. Мне пришлось много работать. Часто я недоедал... Но у меня подрастало трое сыновей! Я так надеялся, что, жертвуя всем, я дам им возможность получить от жизни гораздо больше, чем имел сам...

Рыбак, словно вспоминая прежние дни, прервал свой рассказ и взглянул на море.

— Судя по вашему настроению, сыновья не подвели вас, — переключившись со своих мрачных мыслей на историю жизни рыбака, предположила я.

— Сыновья? — как будто только проснувшись, переспросил он и поднял на меня выцветшие голубые глаза. — Третью похоронку я получил пять лет назад... Мой младший был уже офицером...

Мне захотелось пожалеть несчастного отца, но я не решилась — на его лице не было и следа горя утраты.

— И после всего происшедшего вы способны радоваться жизни? — не сдержалась я.

Старый рыбак вновь улыбнулся.

— Много лет я посвятил своим детям. Они принесли мне немало хлопот, но еще больше радости. Именно с ними я пережил мгновения счастья... Да, я был счастлив. И даже если Аллах разлучил нас, я не могу лгать себе, что светлые минуты обманули меня.

— Но все это в прошлом...

— Аллаху угодно, чтобы я жил. — Тон старика стал назидательным. — И если я здесь — значит, нужен живым, а не мертвым. На то воля Всевышнего, и я не вправе нарушить ее.

В бесцветных глазах старика мелькнули искорки солнечных лучей.

— Но разве не прекрасны эти холмы, это синее бесконечное море, это солнце. Не лучше ли делиться этой радостью с другими, чем предаваться скорби и губить себя?! Впрочем, я заболтался с вами...

Рыбак встал и кряхтя поднял снасти.

— Мне пора. Я обещал соседским малышам, их отец тоже погиб, приготовить на обед вкусной ухи. Прощайте и не грустите, — завершил он разговор.

Старик повернулся и пошел своей дорогой.

— Спасибо вам! — только и успела крикнуть я вслед уходящему.

Вскоре он исчез за холмом, а я осталась одна.

Кушадасы, 14 июня

Старик, пожалуй, был прав. Нужно перестать жалеть себя и начать жить. Да, со мной случилась беда. Я потеряла многих близких мне людей. Но вправе ли я собственноручно хоронить себя? Я должна что-то делать. Я должна на что-то решиться. Я не могу сидеть сложа руки и ожидать неизвестно чего... Как прекрасно поют в саду птицы... Что же ты, Чалькушу, спряталась в своей мрачной комнатке? Ты чего-то испугалась? Или ты умерла? Нет, ты просто на время заснула. А сегодня вместе с этим туманным рассветом вновь пробудилась, чтобы встретить наступающий день. Ведь в этот день многое может свершиться. В конце концов я могу получить весточку от Кямрана. Что скажет он, найдя меня в таком унынии. Ведь он любит Чалькушу, а не безвольную, пасующую перед малейшей бедой женщину...

Решено! Завтра я отправляюсь в Аладжакая проведать сиротский дом. Там, наверное, тяжело приходится без меня и Хайруллах-бея... Как нас любили дети... Теперь Аладжакая станет моей основной заботой. По крайней мере там я буду нужна.

Настало время упаковывать вещи. Хотя для начала неплохо было бы сходить на рынок и прикупить чего-нибудь для несчастных детей. К сожалению, дела... Допишу вечером.

* * *

Вот почти все и упаковано. Завтра утром онбаши отвезет меня в Аладжакая. А пока у меня есть последняя возможность побыть наедине со своим дневником.

Известие о моем отъезде всерьез расстроило бедную няню. Ей вновь предстояло остаться в доме за главную.

— Хоть бы еще недельку побыла, — взмолилась она. — Я уже так привыкла к тебе.

— Я ненадолго. Съезжу посмотрю, как там наш сиротский дом — все ли в порядке, и вернусь. Вот посмотрите, не пройдет и недели, как я уже буду тут.

— Ты будто непоседливая птичка, — успокаиваясь, проговорила старушка. — Никак

утомониться не можешь.

— Чалыкушу, — подсказала я. Няня только головой покачала.

— Пойду я стряпать что-нибудь в дорогу, а то так голодная и уедешь. — Окончательно смирившись, она направилась на кухню.

Я вышла во двор и позвала онбаши. Из-за растущего неподалеку куста показалась его голова.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовался он.

— Да, мы едем в Аладжакая!

— Прямо сейчас? — растерялся обычно невозмутимый слуга.

— Завтра на рассвете.

— Ну, тогда я еще успею. — Голова садовника начала медленно погружаться в кусты.

— Но ты мне нужен, — попыталась я остановить его исчезновение. — Сейчас мы отправляемся на базар, и тебе необходимо запрячь коляску. У нас будет очень много покупок.

— Ох, — простонал онбаши, и на этот раз из-за куста показалась вся его фигура. — Может, это и к лучшему, а то засиделся я тут.

Через полчаса коляска с некогда бравым возничим стояла у ворот.

Несмотря на то, что Кушадасы небольшой городок, на базаре в этот день было огромное количество людей. Около часа мы потратили на то, чтобы выбрать необходимое. Это были детские книги, игрушки, одежда. Вообще я вряд ли стала бы описывать эту поездку, если бы там со мной не случилось одно необыкновенное происшествие. А было все так. Я бродила вдоль рядов торговцев. Прихрамывая, за мной плелся онбаши. Остановившись у книготорговца, я принялась листать заинтересовавший меня учебник по географии. Рядом со мной промелькнула тень какого-то мужчины. Я не придавала случайному прохожему никакого значения, но спустя мгновение, мне показались его очертания знакомыми. Повернувшись в сторону, куда пошел мужчина, я увидела исчезающего в толпе доктора Хуршид-бея. Могу поклясться — это был он.

— Хуршид-бей! — окликнула я. Доктор то ли не расслышал, то ли слишком спешил куда-то, но шаг его ускорился, и фигура окончательно растворилась в толпе. Я даже немного пробежала, пытаясь нагнать Хуршид-бея, но это оказалось бесполезным — доктора и след простыл. Когда я возвратилась на прежнее место, там меня ожидал онбаши.

— Я хотел было броситься за вами, — признался он, — но куда мне, инвалиду, угнаться за девчонкой.

— Вы знаете этого человека?

— За которым вы гнались?

— Да.

— Я здесь всех знаю. Но последнее время что-то глаза подводят. Он был далеко, и рассмотреть его я не смог. А как вы называли его имя?

— Хуршид-бей, доктор.

— Хуршид-бей... — повторил слуга и задумался. Немного погодя он решительно заявил: — Нет, это не из наших. Да и в окрестных селениях я не знаю такого.

— Может быть, в гости к кому-нибудь приехал.

— Из тех, кто часто гостит в наших краях, я тоже всех знаю.

— Что же ему здесь надо?

— Постойте, постойте, — прервал мои рассуждения садовник. — Где-то я слышал имя

Хуршид... минуточку... Нет, не вспомню.

Онбаши виновато развел руками:

— Стар стал...

— Ничего, вспомните, — попыталась я утешить старика. — Это друг нашей семьи. Он живет в Измире и часто бывает в Стамбуле. Я лишь хотела поинтересоваться у него, как там мои домашние.

— Для друга слишком уж быстро он улепетывал, — заметил садовник. — Хотя не мое это дело...

Вот так и закончилось это необычное происшествие. Сейчас уже сумерки, а доктор все не выходит у меня из головы. Может быть, остаться и попытаться найти его? Нет, Чалыкушу не пристало менять свои планы. Тем более что это планы на новую жизнь.

Аладжакая, 15 июня

В Аладжакая меня встретили яркое солнце и легкий ветер. Онбаши что-то весело насвистывал, а я наслаждалась окрестностями. Высокие деревья, которые окружали усадьбу старого доктора, казалось, стали выше. Я не была здесь всего год, а как все неуловимо изменилось! Чем ближе мы подъезжали к дому, тем больше были видны следы запустения. Перед поездкой в Стамбул я наняла одну пожилую женщину Васфие, чтобы она присматривала за приютом. Каждый месяц я перечисляла определенную сумму на нужды детей, но как распорядилась деньгами заведующая, я не представляла.

Нас в приюте не ждали. На стук колес выбежала растерянная Васфие-ханым.

— Какие гости! — воскликнула она.

— Добрый день, — приветствовала я женщину и сразу перешла к делу: — Что нового? Как поживаете?

— Феридэ-ханым, — засуетилась заведующая. — Пройдемте в дом, выпьем чаю, а то с дороги, наверное, устали.

— Да нет, давайте сначала посмотрим, как живут дети, — запротестовала я и решительно направилась на второй этаж, где спали и играли малыши.

Картина, которая открылась перед моими глазами, была удручающей. Год назад, когда я покидала Аладжакая, в сиротском приюте жило десять детей — пять мальчиков и пять девочек. У них были отдельные спальни, большая общая столовая, комната для занятий... Теперь, зайдя на второй этаж, я увидела много ребят разного возраста. Старшие девочки кормили малышей — некоторым было не больше года. Я растерянно оглянулась на заведующую.

— Почему столько детей?

Васфие вздохнула.

— Не хотела писать вам, Феридэ-ханым. Война, сирот много... Родители их — кто умер, кто погиб на фронте, а приют — единственный в округе. Вот и приходят сами... Жить-то им негде...

У меня па глаза навернулись слезы. Бедные малютки — первые жертвы войны. Чем им помочь?

Я огляделась и увидела малыша лет пяти, чем-то неуловимо похожего на Недждета. Он стоял рядом со столом и большими печальными глазами рассматривал меня. Я присела на корточки и взяла руки ребенка в свои.

— Как тебя зовут? — ласково спросила я у мальчика.

Ребенок продолжал смотреть на меня, не говоря ни слова.

— Это Мехмед. Он немой, — пояснила заведующая. — Никто не знает, чей это мальчик и откуда он взялся. Однажды в дождливый вечер кто-то робко постучался в двери. Я вышла на крыльцо и увидела малыша, дрожащего от холода. На все мои расспросы он не отвечал. Сначала я подумала, что ребенок не разговаривает, потому что испуган. Но прошло время, Мехмед обжился, а слова от него никто так и не услышал.

— А как же вы узнали, что мальчика зовут Мехмед?

— Мы сами дали ему такое имя. Надо бы показать малыша врачу, но, к сожалению, у меня просто нет времени съездить за доктором. Да и оставлять приют без присмотра не хочется...

Я удивленно спросила:

— Но ведь, кроме вас, в доме должны быть несколько слуг...

Женщина вздохнула.

— Феридэ-ханым, все давно разбежались: работы много, да и у каждого дома свои дела. Война все перевернула с ног на голову.

— А вы почему остались, Васфие?

— Я одинокая, у меня никого нет. Еще потому, что очень уж мне детей жалко. Что с ними будет, если я уйду?

Я прекрасно понимала Васфие. Мне очень хотелось подойти к женщине, обнять ее и поцеловать в морщинистую щеку. Но я сдержалась, потому что тогда мы бы вместе расплакались на глазах у детей, а этого никак нельзя было делать. Тут в приюте столько работы, что одних наших рук будет мало.

— А как вы одна справляетесь? — Я задала вопрос, который мучил меня давно.

— Старшие дети помогают. Они и воду носят, и убирают сами, да и обстирывают маленьких. — Заведующая кивнула в сторону девочек.

Передо мной стояли тоненькие подростки. Сквозь бледную кожу просвечивали синие вены, натруженные руки свисали вдоль тела, как плети. Да, рано у этих девушек окончилось детство. Я вспомнила свой пансионат, где у нас были прекрасные сытные завтраки, строгие воспитатели и учителя. Мысли наши витали где-то в облаках любви... Мы рассказывали друг дружке о своих поклонниках, о новых прочитанных романах, а эти несчастные дети засыпали каждый вечер с мыслью о куске хлеба.

Засучив рукава, я вместе с заведующей бросилась готовить еду. Продукты, которые я привезла, мы поделили на несколько частей, чтобы их хватило на более долгий срок. Целый день прошел в хлопотах, и только вечером я выкроила время, чтобы почитать детям сказку. Долго думала, какую выбрать, и в конце концов остановилась на «Золушке». Малыши уже лежали под одеялами и ждали меня. Я удобно устроилась на маленькой скамеечке и начала:

— Жил-был один почтенный и знатный человек. Первая жена его умерла, и он женился во второй раз, да на такой сварливой и высокомерной женщине, какой никто никогда и не видывал. У нее были две дочери, очень похожие на свою матушку и лицом, и умом, и характером. У мужа тоже была дочка, добрая, приветливая, милая — вся в покойную мать. А мать у нее была самая красивая и добрая женщина на свете...

Когда я перевернула последнюю страничку, в комнате стояла мертвая тишина. Сначала мне показалось, что малыши уснули. Но вдруг из дальнего угла раздался чей-то голос:

— Тетя, а вы скоро уезжаете?

В полумраке я не разглядела, который из малышей задал вопрос, но по тому, как остальные дети зашевелились и приподнялись из своих кроваток, поняла, что случилось что-то необычное. Подойдя к тому месту, откуда раздался голос, я немало удивилась, увидев Мехмеда. Как! Немой мальчик заговорил!.. Стараясь не испугать ребенка, я осторожно произнесла:

— Милый, тебе понравилась сказка?

Мальчик кивнул головой.

— Ты не хочешь, чтобы я уезжала?

— Нет.

Я отчетливо слышала это «нет». Не зная, можно ли расспрашивать мальчика, я просто пожелала детям спокойной ночи и вышла.

Утром меня разбудили восторженные крики Васфие. Она влетела ко мне в комнату и радостно сообщила:

— Феридэ-ханым, Мехмед заговорил!

Я спокойно приподнялась с постели и поинтересовалась:

— Васфие, а как это случилось?

— Я пришла звать малышей завтракать, а Мехмед спросил, не уехала ли ты...

— Для меня это не новость. Вчера вечером, когда я прочитала детям сказку, он задал мне тот же вопрос.

Заведующая восторженно всплеснула руками.

— Какое это счастье! Теперь мы узнаем, откуда он и где его родители. А мы-то считали малыша немым...

Быстро одевшись, я поспешила вслед за Васфие в столовую. Малыш ковырял ложкой кашу. Когда Мехмед увидел меня, то глаза его засветились. Мальчик бросился ко мне и обхватил ручонками мои ноги. Я взяла Мехмеда за руку и подвела обратно к тарелке. Покормив ребенка, я предложила ему конфеты, которые привезла из Кушадасы. Мальчик с удовольствием съел все. Только тогда я приступила к расспросам.

— Как тебя зовут?

Несмотря на его молчание, я не унималась:

— Мы называем тебя Мехмед, но это же твое настоящее имя?

Мальчик кивнул.

— Все в доме обрадовались, что ты заговорил. Это настоящий праздник. Но многие не слышали твоего голоса. Если не трудно, повтори еще раз то, что ты сказал вчера вечером и сегодня утром.

Ребенок насупился. Он заерзал на стуле и, по всей видимости, хотел убежать.

— Если ты желаешь уйти — иди. Я не буду тебя задерживать.

Малыш вскочил с места и как угорелый бросился на улицу. На пороге комнаты он остановился и громко выпалил:

— Меня зовут Ихсан...

Измир, 2 июля

У меня больше ничего не осталось. Мой дом в Кушадасы сгорел. Это поместье досталось Хайруллах-бею от бабушки в наследство. Оно простояло столько лет... А я не уберегла память покойного мужа. Хотя какая моя в этом вина? Говорят, что пожар начался

внезапно. В тот день был сильный ветер, и дом вспыхнул, как спичка. Мне сообщила об этом старая няня. Благодарю Аллаха, что хоть она спаслась.

Я ездила на место пожара. От шикарной усадьбы остались одни обугленные головешки. Земля вокруг выжжена, пострадал даже сад. Теперь мне придется продать участок, но какую сумму за него предложат — вот вопрос. Остается надеяться на случай, ведь сейчас мне необходимы деньги...

Почему все сразу так навалилось? Мои хрупкие плечи больше не выдерживают таких испытаний. Я задаю себе этот вопрос, а сама думаю: «А может, это и к лучшему? Может, это начало новой жизни? Я свободна, молода, полна сил... Что еще надо для начала путешествия...»

Да, я решила отправиться на поиски Кямрана. Правда, необходимо уладить некоторые формальности с продажей земли, и я — вольная птица... Еще два месяца назад отправиться куда-то одной мне не представлялось возможным. Пугали трудности, связанные с дорогой, да и у меня был Недждет. Но мой малыш теперь не со мной. Я не держу обиды на тетушку Бесимэ. Ее можно понять. Неизвестно еще, как бы я поступила на ее месте...

Старая няня целыми днями плакала.

— Феридэ, — говорила она, — я думала, что умру в доме Хайруллах-бея. Куда мне теперь податься?

— Не волнуйтесь. Что-нибудь придумаем, — утешала я няню как могла. — О! У меня идея! Может быть, переедете в Аладжакая. Там сейчас сиротский приют — детей много. Ваша помощь будет не лишней.

Заохав, старушка поинтересовалась:

— А кто там главный?

Я поняла, что няня, которая чувствовала себя в сгоревшей усадьбе хозяйкой, немного боится.

— Не волнуйтесь. Заведующая очень хорошая женщина. Она из простой семьи, любит детей, а вашему приходу только обрадуется.

— Можно мне немного подумать, Феридэ-ханым? Конечно, в Аладжакая поехать хочется, но... А что будет с онбаши?

Мне стало весело. Я не раз слышала, что двое стариков симпатизировали друг другу. Теперь понятно, что удерживало няню долгие годы в Кушадасы!

— Онбаши отправится с вами, если захочет, конечно.

Няня радостно, как девочка, всплеснула сухонькими ручками.

— Тогда я собираю вещи немедленно, — вся засветилась она, но вдруг заскучала. — Какие вещи... Все сгорело...

Я достала деньги из сумочки и протянула старушке несколько бумажек:

— Возьмите и купите себе все необходимое.

— Нет, нет, — протестующе замахала руками женщина.

— Берите! — Мне пришлось засовывать ей деньги в карман силой.

Так я отправила двух стариков доживать свой век в Аладжакая. Пошли, Аллах, им счастья!

С продажей земли ничего не получается. Я решила обратиться за помощью к моему старому знакомому. До замужества несколько месяцев мне пришлось работать домашней учительницей французского в его доме. Решит-бей занимал высокий пост в министерстве и

был ужасно некрасив. Увидев его в первый раз, я немного испугалась, но потом привыкла. У Решит-бея были две дочки. Старшая Ферхундэ — моя ровесница, очень похожая на отца, но с капризным характером. Младшая Сабахат, наоборот, — привлекательная и милая. Где теперь эти девушки? Наверное, вышли замуж, родили детей... Я помню, что именно в этом доме мне впервые сказали, что Кямран женился. Его покойная жена приходилась теткой Сабахат и Ферхундэ. Как-то вечером девушки рассматривали альбом с фотографиями родственников и показали мне снимок Кямрана. От них же я узнала и о состоявшейся свадьбе...

Хотя мои отношения с дочерьми Решит-бея складывались прекрасно, мне не нравилось место домашней учительницы. Во-первых, была огромная зависимость, во-вторых, я чувствовала себя прислугой в их доме. Поэтому при первой же возможности я распрощалась с этой семьей. Да, еще Решит-бей сватался ко мне... Но это долгая история.

Вот такого человека мне и приходилось просить о помощи.

Два года назад они жили в Каршияка. Огромный двухэтажный особняк стоял на берегу моря. Там мне отвели комнату на верхнем этаже. Из моего окна был виден весь залив. На противоположном берегу — вырастающий из холмов Измир. И сейчас, стоя в центре города, я глазами отыскивала маленькую темную точку усадьбы Решит-бея. «Отсюда, насколько мне помнится, до Каршияка около часа езды», — подумала я и, наняв экипаж, отправилась искать бывшего хозяина.

Подъехать к особняку незаметно было очень трудно. Как только колеса застучали у ворот, из дома выглянула горничная. Под ее внимательным взглядом я поднялась по ступенькам.

— Хозяин никого не принимает, — сообщила девушка.

— Но мне очень нужно к нему попасть.

— Сомневаюсь, что он захочет вас видеть.

— Окажите мне услугу. Зайдите к хозяину и передайте, что приехала Феридэ-ханым, учительница французского.

В глазах горничной мелькнуло любопытство.

— Я попробую, — произнесла она и скрылась за дверью.

Через несколько минут девушка распахнула обе створки и удивленно сказала:

— Проходите, хозяин ждет вас.

Мне стало приятно, что Решит-бей не забыл меня.

Войдя в холл, я увидела, что здесь почти ничего не изменилось. В доме я жила с Мунисэ, моей приемной дочерью.

Воспоминания нахлынули на меня: «Вот по этим ступенькам девочка по утрам скатывалась кубарем и бежала во двор... Тут она любила сидеть и играть с куклами...»

— Добрый день, Феридэ.

Я вздрогнула, обернулась и не смогла сдержать удивления. Передо мною стоял Джемиль, сын Решит-бея. Вот его-то я и не ожидала увидеть. Этот уже немолодой человек был позором для своей семьи. Он целый год празднично проводил время в Европе и являлся в родное гнездо лишь за деньгами. Но больше двух месяцев Джемиль в Каршияка не выдерживал.

К сожалению, когда-то мне пришлось столкнуться с ним при очень неприятных обстоятельствах. Однажды вечером мужчина начал приставать ко мне на темной лестнице. Я с большим трудом от него отвязалась...

И вот теперь Джемиль с важным видом стоял посреди комнаты и разглядывал, меня.

— Добрый день! — поздоровалась я.

— Вот уж кого не ждал! Когда горничная мне доложила, я чуть не упал со стула. — Манера разговора Джемиля осталась прежней.

— Я, собственно, не к вам пришла...

— К кому же?

— К вашему отцу.

— К сожалению, не получится... Даже при всем желании.

— Решит-бей здесь больше не живет?

Джемиль с удивлением посмотрел на меня.

— Феридэ-ханым, вы давно не были в наших краях... Папа умер.

Я растерялась.

— Примите мои соболезнования...

На лице Джемиля появилась скорбь.

— Вы опоздали ровно на год.

Поднявшись с дивана, я сделала шаг в сторону дверей.

— Пожалуй, мне пора.

— И не думайте! Раз уж вы тут — приглашаю выпить со мной чаю...

Мне был неприятен этот разговор, и совершенно не хотелось пить чай с Джемилем. Еще мгновение, и я ушла бы, но тут мужчина язвительно заметил:

— Вы что, меня боитесь?

Кровь прилила к моим щекам.

— Я?! Нет, конечно.

— Тогда в чем дело? Давайте немного посидим, поболтаем... Вы мне расскажете про себя, а я о себе, о сестрах...

Предложение Джемиля показалось заманчивым.

— Только недолго, — неуверенно произнесла я.

Обрадовавшись, мужчина в улыбке сверкнул зубами.

— Договорились.

Я вслед за Джемилем прошла в столовую. Мы сели за знакомый круглый стол, и мужчина позвонил в колокольчик. Появившийся слуга держал в руках поднос с чайным сервизом. Он аккуратно расставил чашки и бесшумно исчез.

— Что вас интересует? — спросил Джемиль, поднося ко рту чашку.

— Расскажите о сестрах.

Мой собеседник потер виски кончиками пальцев.

— Старшая живет вместе со мной в этом доме, а младшая вышла замуж.

— Почему же вы не пригласили Ферхундэ за стол? Мне было бы приятно увидеть ее.

Джемиль смущенно замялся.

— Понимаете... сестра плохо себя чувствует.

Отставив чашку в сторону, я спросила:

— А что с ней такое?

— Да как вам сказать... Она немножко не в себе. С той поры, как убили на фронте ее жениха. — Джемиль вздохнул.

Я не смогла сдержать возгласа сочувствия:

— Бедная... а вы возили девушку к докторам?

Горько усмехнувшись, Джемиль пошутил:

— Разве я не похож на любящего братца...

— Ну, а все же?

— Врачи ничем не могут помочь. — В голосе мужчины я почувствовала печаль.

Немного помолчав, боясь задавать вопросы, я все-таки продолжила разговор:

— А Сабахат живет нормально?

— В общем-то да. Если по правде, то я подозреваю, что и она не очень-то счастлива.

Я чуть не поперхнулась.

— Что вы имеете в виду?

— Муж Сабахат беден. Мне кажется, что он женился на ее деньгах. По-моему, зять тратит богатства сестры в игорных заведениях...

Вдруг на середине слова Джемиль замолчал и прислушался. Откуда-то сверху

доносились странные звуки, будто кто-то плакал. При появлении на пороге молчаливого слуги у мужчины переменилось выражение лица.

— Что, опять? — спросил Джемиль и, даже не извинившись, выбежал из столовой.

Прошло полчаса. Я уже собиралась уйти, но мне хотелось попрощаться с Джемилем. Как же он изменился! Я знала его как лентяя и транжиру, а сейчас передо мной стоял совершенно другой человек. Он нежно заботился о своих сестрах, и я впервые пожалела, что у меня нет старшего брата.

Джемиль тихо вошел в комнату и тут же опустился на стул.

Складки горечи обозначились на его лице. Не решаясь задавать вопросы, я молча сидела в углу дивана. Мужчина сосредоточенно смотрел в одну точку. Казалось, он совершенно забыл о моем присутствии. Если бы подо мной не скрипнули пружины, Джемиль так бы и просидел, не говоря ни одного слова.

— Простите, Феридэ, что оставил вас одну, — извинился он и, посмотрев мне в глаза, проговорил: — Вы ничего не спрашиваете?

Я пожала плечами:

— Я не любопытна. Если вы пожелаете, то расскажете обо всем сами.

— Меня всегда поражала ваша тактичность, — неожиданно мягко произнес Джемиль. — Еще во времена, когда вы учительствовали в нашем доме... И Ферхундэ была здорова...

Неожиданно мужчина схватился за голову.

— Феридэ, что мне делать? Я не могу смотреть, как умирает моя сестра!

Я прекрасно понимала Джемиля, так как сама однажды оказалась в подобной ситуации. Моя приемная дочь Мунисэ тяжело заболела, и как я ни старалась вытянуть девочку из цепких лап смерти, у меня ничего не получилось. Что можно посоветовать в таких случаях? Слова утешения и скорби покажутся немного не к месту — ведь Ферхундэ еще жива.

— Смиритесь, Джемиль, — выдохнула я, — и молитесь Аллаху.

Чистые глаза мужчины остановились на моем лице. Они походили на высохшие озера, на дне которых остались тина и ил.

— Я, наверное, запью, — протянул он.

— Это поможет Ферхундэ?

— Это поможет мне! — Сталь зазвенела в его голосе.

Я покачала головой:

— Сомневаюсь... А как воспримет это ваша больная сестра?

— Да она даже меня не узнает вот уже несколько месяцев! — зло выкрикнул Джемиль мне в лицо. — Врачи потеряли всякую надежду...

— Успокойтесь. У вас же останется Сабахат. — Я взяла руку мужчины и сжала его пальцы.

Этим прикосновением мне хотелось вернуть Джемиля к жизни, влить в него хотя бы часть своей силы. Затем спокойным ровным голосом я начала рассказывать ему о своих злоключениях: о том, как спустя месяц после свадьбы осталась без мужа; о сгоревшем доме; о смерти приемной дочери; о решении отправиться на поиски Кямрана...

Джемиль, вначале вяло сидевший рядом, постепенно оживился и с интересом слушал меня. Когда я произнесла последнюю фразу, мужчина вскочил на ноги и воскликнул:

— Да вас надо носить на руках! Вы себе цены не знаете!

Настал мой черед горько усмехнуться.

— Джемиль, пока это только слова... Мне нужно продать землю, чтобы было с чем отправиться на поиски мужа. Я хотела обратиться за помощью к вашему отцу, может, он бы порекомендовал покупателя, но, видимо, Аллах окончательно отвернулся от меня.

— Феридэ, какие формальности! Давайте я куплю у вас землю. — Полный желаний помочь мне, мужчина едва не бросился в кабинет.

— Подождите, — растерялась я. — Возможно, вас не устроит место.

Джемиль замахал руками:

— Все меня устроит, ведь главное — помочь вам.

Я отрицательно покачала головой:

— Нет, так дела не решаются... Во всяком случае, не сию минуту. Давайте я завтра подъеду к вам с необходимыми бумагами, и мы оформим все документы.

— Договорились!

Почувствовав, что мой визит затягивается, я поднялась с дивана и направилась к двери. Джемиль проводил меня и на прощание сказал:

— Помните, Феридэ, что мы теперь компаньоны.

Трясаясь в коляске, я вспоминала эту встречу.

Как горе меняет людей! Некоторые озлобляются, становятся невыносимыми. А бывший повеса, который проводил свободное время в ресторанах и на скачках, превратился в совершенно нормального человека — любящего, заботливого. Вот когда начинаешь понимать, сколько в жизни парадоксов.

Измир, 3 июля

Когда на следующий день я вновь посетила Каршияка, то застала там ужасную картину. Перед особняком стоял автомобиль. А вокруг суетились люди...

Я подъехала как раз в тот момент, когда из дома выносили Ферхундэ и укладывали на заднее сиденье машины. Джемиль шел рядом и, держа за руку сестру, тихо о чем-то говорил ей. Заботливо укрыв девушку, брат вскочил на место рядом с шофером, и автомобиль тронулся.

Они проехали рядом, обдав экипаж клубами пыли, и скрылись за поворотом. Судя по тому, что Джемиль забыл о нашей встрече, случилось что-то серьезное.

Соскочив с коляски, я подошла к уже знакомой горничной и поздоровалась. Та, сразу узнав меня, в ответ улыбнулась.

— Скажите, что случилось с вашей госпожой, — поинтересовалась я.

Девушка вздохнула:

— У нее снова припадок, да такой сильный, что пришлось отправить в больницу.

— А хозяин, Джемиль-бей?

— Поехал с ней... Доктор вообще боится, что Ферхундэ-ханым не протянет и недели.

«Да, значит, наша купля-продажа откладывается на неопределенный срок», — подумала я. Мне не оставалось ничего другого, как сесть в экипаж и уехать в Измир.

Гостиница, в которой я остановилась, встретила меня серыми сырими стенами. И хотя на дворе стояло лето, в этом старинном помещении воздух был пропитан влагой.

В холле меня встретил портье.

— Ханым-эфенди, вас искал какой-то человек, — сообщил он.

От удивления у меня округлились глаза.

— Вы не перепутали?

— Если вас зовут Феридэ-ханым — тогда нет.

Кто же мог искать меня в Измире? Тем более в этой гостинице. Своего адреса я никому не оставляла. В раздумье, поднимаясь по лестнице, я вдруг подумала, что забыла спросить портье о неизвестном визитере. Но мне не хотелось возвращаться — усталость чувствовалась во всем теле. Открыв номер ключом, я в изнеможении упала на кровать. Полежав несколько минут, я решила спокойно взвесить и обдумать мое теперешнее положение. «Джемилю сейчас не до моих проблем — его сестра в тяжелом состоянии. Значит, придется искать других покупателей... Но с чего начать?»

Так и не придя к определенному решению, я незаметно заснула... Вдруг сквозь сон мне послышался осторожный стук в дверь. С трудом приоткрыв глаза, я ответила:

— Да-да, входите, не заперто.

Человек, который переступил порог моей комнаты, поразил своей необыкновенной внешностью. Поразил так, что сон как рукой сняло. У него были близко посаженные глаза, оттопыренные уши и трехдневная щетина. Со льстивой улыбкой незнакомец поклонился.

— Добрый день! — произнес он скрипучим голосом. Я попыталась подняться с постели, но мужчина замахал руками:

— Лежите, лежите, Феридэ-ханым.

— Откуда вы знаете мое имя? — От удивления я чуть не упала с кровати.

Незнакомец откашлялся.

— В моих интересах знать все о вас.

Не зная, что и подумать, я растерянно пробормотала:

— Неужели кто-то заинтересовался моей скромной персоной?

— Феридэ-ханым, я по поводу продажи вашей земли.

Я ожидала чего угодно, но только не такого известия.

— Что?

Мужчина, внимательно наблюдая за моей реакцией, продолжал:

— В этом деле я представляю одного человека, который не пожелал раскрыть свое имя.

— Продавать землю неизвестно кому? — Возмущению моему не было предела.

Мужчина потер затылок.

— Насколько мне известно, вам очень нужны деньги. Причем в короткий срок.

— Вы хорошо осведомлены о моих проблемах. — Мне не оставалось ничего другого, как признаться.

— А на какую сумму вы рассчитываете? — Глаза незнакомца хитро сверкнули.

В мою душу закрались сомнения — очень уж этот человек действовал напористо... Но что поделаешь, если уж решила отправиться на поиски мужа, то чем быстрее это произойдет, тем лучше.

— А что предлагает ваш хозяин? — поинтересовалась я.

Названная сумма показалась мне небольшой... Но что смыслит в финансах женщина!

— По рукам, — воспользовалась я жаргонным словом мужчин и предложила: — Может, вы сами оформите все бумаги?

— Завтра же все будет готово, Феридэ-ханым. — С этими уверениями мой посетитель удалился.

Когда за незнакомцем закрылась дверь, мне пришла в голову одна очень важная мысль:

«Откуда и когда успел этот таинственный покупатель узнать о земле? И почему именно ее ему захотелось купить? Ведь обгорел почти весь участок».

На следующий день я тем не менее подписала документы и получила целый саквояж денег. Чувствовать себя богатой и независимой мне помогали аккуратно упакованные новые пачки банкнот. Уединившись в номере и перебирая их пальцами, я представляла путешествие на корабле в далекую Болгарию, встречу с Кямраном и многое другое. Внезапный стук в дверь прервал мои мечтания. «Кто же на этот раз решил посетить затворницу?» — подумала я и пригласила стучавшего зайти.

На пороге показался Джемиль. Даже не поздоровавшись, мужчина начал оправдываться:

— Извините, Феридэ, что подвел вас...

— Да не извиняйтесь, мне все известно.

— Откуда?

— Мне рассказали слуги, — объяснила я и добавила: — Ну, как Ферхундэ? Ей лучше?

Только сейчас я заметила, что буквально за несколько дней Джемиль очень изменился. Позавчера передо мной стоял подтянутый мужчина с золотыми искорками в глазах и мягкой улыбкой, а сегодня Джемиля было не узнать. Его красивое лицо было пепельно-серым. Неужели это тот гордый красавец мужчина, с которым я вновь познакомилась несколько дней назад. Самое удивительное было то, что этот человек, кроме своих проблем, находил время помогать другим.

— Как ваша сестра? — повторила вопрос я.

Горькая тень пробежала по лицу Джемиля.

— Очень плохо. Боюсь, что скоро на семейном кладбище прибавится еще один холмик... Но давайте лучше решать ваши проблемы с землей. Вам обязательно нужно ее продать? Может быть, я одолжу некоторую сумму под залог?

Я отрицательно покачала головой.

— Поздно, Джемиль. Земля уже принадлежит другому человеку, — махнула я рукой в сторону открытого саквояжа.

Только тут мужчина заметил множество упакованных купюр.

От растерянности он даже ничего не смог сказать. Только присвистнул.

— Вас я не хотела тревожить. Подвернулся покупатель и... — Я развела руками.

Мужчина лишь покачал головой.

— Это опрометчивый поступок с вашей стороны. Хотя бы сумма приличная?

— Сколько можно получить за обугленный кусок земли, который представлял ценность только для меня? — Нотки горечи пробивались в моем голосе.

— Вы не могли подождать меня? Я же юрист по образованию. По всем правилам представлял бы вашу сторону.

— Что сделано, то сделано. — Мне не хотелось огорчать Джемиля еще больше. Я понимала, что совершила две непростительные оплошности. Первую — продав неизвестно кому землю, тем более явно продешевив. А вторая — то, что сообщила об этом моему знакомому.

Неожиданно Джемиль заторопился. Я поняла это по тому, что мужчина, достав часы из кармана, нетерпеливо посмотрел на циферблат. Мне не хотелось отпускать моего гостя, но ведь у человека было столько своих проблем. Тогда я сделала вид, что у меня назначена важная встреча.

— Джемилъ, вы простите, но меня ждут.

Мужчина, явно обрадовавшись, тут же засобирался.

— Феридэ, а куда вам надо? Я могу подвезти на авто...

— Нет, спасибо, это в двух шагах отсюда...

Аладжакая, 7 июля

«Ноша создана для плеч, достаточно сильных, чтобы ее нести. У меня сильные плечи, и я вынесу все тяжести и страдания», — с такими мыслями проснулась я сегодня утром. Передо мной открылся враждебный мир, где надо бороться, чтобы выжить. Хорошо, что у меня есть опыт, а так я не выдержала бы. Одно дело — решить отправиться на поиски Кямрана, а другое — осуществить это. На мне остался сиротский приют, где каждый день двадцать пар голодных глаз с надеждой смотрят на меня. Деньги, полученные за продажу земли, таяли, как снег. Но равнодушно отнестись к сиротам мне не позволяла совесть. Пришлось на неопределенное время отложить поездку в Болгарию. Я надеюсь, что Кямран поймет...

Часто, просыпаясь среди ночи, я не могу заснуть до утра. Обливаясь холодным потом, я думаю о своей горькой судьбе. Мне кажется, что Аллах отвернулся от меня.

Аладжакая, 10 июля

Вчера похоронили одного малыша. Он долго болел и кашлял кровью. Старый доктор, приехавший из города, поставил диагноз — чахотка. Бедный ребенок! Он метался по кровати и в бреду звал маму...

Если бы у меня спросили: «Какое твое самое заветное желание?» — то я ответила бы: «Чтобы все дети на земле никогда не расставались со своими родителями...». Но война поломала много человеческих душ...

Аладжакая, 14 июля

Несколько дней не бралась за свой дневник. Никогда не думала, что буду так уставать. Недавно трое ребят из приюта объелись зелеными персиками. У них страшно разболелись животы и поднялась температура. Сначала мы подумали, что это холера, поэтому поселили остальных деток в другую комнату, а сами бросились мыть окна, двери — все, что могло распространять заразу. Доктор только посмеялся над нами:

— Лучше смотрите за своими воспитанниками, а то в соседней усадьбе фрукты не успеют дозреть.

Няня и онбаши уже совсем прижились в Аладжакая. Они даже рады, что наше поместье находится вдали от остальных селений.

— Вы не скучаете, няня? — волновалась я.

— Нет. В Кушадасы мне надоели эти сплетницы, а здесь я хоть при деле.

Старушка с тревогой оглядела меня.

— Феридэ, доченька, ты очень похудела в последнее время... Да брось ты сохнуть по своему Кямрану! Аллах захочет — найдется.

Я понимала, что старая женщина не хочет отпускать меня в Болгарию, тем более одну. Она много раз принималась плакать, как только разговор заходил об этом.

— На кого вы меня покидаете? Я же могу умереть, а ты и не узнаешь...

Няня шмыгала носом и уже более сурово продолжала:

— Что это за человек такой — Кямран, если так присушил мою птичку...

Затем она попросила фото мужа. И хотя я столько раз показывала старушке снимок, няня, водрузив на нос очки, внимательно разглядывала фотографию.

— Чего у него не отнять, так это красоты, — делилась няня своим мнением. — Но умишком явно не удался.

Сегодня, едва сдерживая улыбку, я спросила:

— Это почему же?

— На его месте я не оставляла бы молодую красивую жену даже на один день. А то уехал и пропал, — проворчала няня.

— Я обязательно познакомлю тебя с Кямраном. Вот увидишь, он тебе понравится.

С сомнением старушка покачала головой:

— Не думаю... Хотя главное, чтобы тебе нравился, а ты, я вижу, от него без ума.

Няня могла часами разговаривать на эту тему. Она часто рассказывала и про онбаши. Как с ним познакомилась, уже будучи замужем. Когда мне бывало грустно, я подсаживалась к старушке близко-близко и, прижавшись к ней, просила:

— Няня, может, что-нибудь вспомните о молодости?

Иногда старушка отмахивалась.

— Некогда, — отрезала она строгим голосом и шла работать на кухню.

Но чаще всего няня соглашалась, и тогда весь уют подключался к нашей беседе. Мне всегда казалось, что во времена наших бабушек нравы были другие. Строже, что ли... Однако, слушая няню, я еще раз убеждалась, что молодость всегда одинакова. Они тоже влюблялись и целовались под луной, так же наперекор всем убегали и женились втайне от родителей.

— Но молодые женщины никогда не отправлялись в длительное путешествие одни. — Произнося эти слова, няня всегда смотрела на меня.

Как я люблю всех жителей нашей усадьбы! Их забота и ласка помогут пережить мне это долгое путешествие. Почему я не еду? Зачем оттягиваю? Мне все кажется, что Кямран вот-вот, распахнув калитку, войдет в сад и я брошусь к нему на шею.

Все корабли в Болгарию отходят из Стамбула. Завтра поеду, решено. Хочется зайти к тетушке Бесимэ, но очень боюсь, что буду там незваным гостем... Недждет, наверное, здорово подрос...

Мысли путаются, в груди какой-то неприятный осадок. Самой себе можно признаться — я боюсь. Боюсь чужой страны, чужого языка, нехватки денег. Даже не к кому будет обратиться за помощью. Вчера ездила в Измир, даже решила зайти к Джемилю. Постучавшись в знакомую дверь, узнала, что хозяин уехал. Несколько дней назад похоронили Ферхундэ. Как жаль, что мне ничего не сообщили. Джемиль уехал в Европу. Тоска...

Аладжакая — Стамбул, июль

С самого утра я начала собираться в Стамбул. Няня посоветовала мне взять с собой столько вещей, что они с трудом вмещались в сумку.

— Все пригодятся, — категорично заявила она. Чтобы не обижать старушку, я

согласилась, но потом в своей комнате выложила большую часть.

Меня провожал весь приют. Особенно жалко было оставлять маленького Ихсана. Я гладила малыша по золотым волосикам, целовала его румяные щечки, и мне казалось, что это Недждет. Завтра я буду в Стамбуле, в городе, где он живет.

До Кушадасы меня отвез онбаши. Всю дорогу старик был на удивление молчалив. Только когда мы въехали в город, онбаши попросил:

— Феридэ-ханым, давайте навестим нашу усадьбу...

— Но она уже не наша, — с горечью ответила я.

— Да, конечно, но хочется посмотреть, как там обстоят дела, — заупрямился старик.

Понимая, что у онбаши свое отношение к дому, где он прожил столько лет, я согласно кивнула:

— Ладно, только проедем мимо и все.

Свернув на улицу, где раньше стоял дом Хайруллах-бея, мы направились в сторону сгоревшего поместья. Как же мы удивились, увидев, что наш участок остался в таком же состоянии.

По всей видимости, здесь никто не вел никаких восстановительных работ.

— Удивительно, онбаши, — заметила я, — мои покупатели так торопились, что мне казалось, им срочно нужна земля.

Старик приостановил повозку.

— Это очень странно... Я сказал бы — даже подозрительно.

Вид обугленной земли так разволновал меня, что сердце вдруг стало биться быстро-быстро. Мельком взглянув на старика, я заметила его побелевшее лицо.

— Что же это делается? — В голосе онбаши чувствовались слезы. — Хорошо, что Хайруллах-бей умер и не увидел этого позора.

— Поезжай быстрее, а то я расплачусь.

Старик изо всей силы стегнул лошадь кнутом, как бы вымещая на бедном животном всю горечь и разочарования...

Стамбул, июль

От Измира до Стамбула я добралась незаметно. Дорога прошла так быстро, что не успела я и глазом моргнуть, как наш корабль подплывал к белоснежной Галатской пристани.

Такой знакомый и родной город. И одновременно такой чужой. С этой пристани мы провожали Кямрана, здесь же я встретила с Ихсаном. Вдруг мне показалось, что в толпе мелькнуло знакомое лицо майора. «Аллах всемогущий, — подумала я, — быстрее бы ступить на твердую землю...»

Стараясь не упустить из виду Ихсана, я первой спустилась по трапу и бросилась к нему.

— Ихсан-бей! — изо всех сил закричала я.

Мужчина обернулся и расцвел в улыбке.

— Феридэ-ханым?!

Мы стояли друг напротив друга, не обращая внимания на людей, спящих рядом. Глаза его искрились от счастья.

— Феридэ, неужели это вы? — повторял мужчина с неподдельным волнением в голосе.

— Я так рада видеть вас, — вырвалось из моей груди.

Наконец Ихсан огляделся и, взяв меня за руку, предложил:

— Давайте отойдем в сторону и поговорим.

Я послушно последовала за офицером.

— Вы не будете возражать против того, чтобы посидеть на нашей скамейке?

— Что вы, конечно, нет...

Удобно устроившись под тенью деревьев, мы не могли оторвать глаз друг от друга. За эти два месяца Ихсан мало изменился. Его точеные черты лица стали еще изящнее. Майор немного загорел. Сам Аллах послал мне Ихсана в ту минуту, когда я совсем отчаялась.

— Что у вас нового? — поинтересовался офицер.

Думая, с чего начать, я молчала. За последнее время у меня было столько разных новостей...

— Мы же с вами не виделись после того вечера. — В голосе Ихсана послышалось нетерпение.

— Какого?

— Да когда наш разговор кто-то подслушивал, — напомнил офицер.

Я совершенно забыла об этом происшествии. После него по городу пронесли сплетни про нашу любовную связь.

— Ихсан, — обратилась я к майору, — вы, надеюсь, не обиделись на мое письмо?

— Что вы, я же все прекрасно понимаю, — горячо запротестовал офицер. — Но, насколько мне известно, вам это мало помогло.

Моему удивлению не было предела.

— Откуда вы знаете о конфликтах в нашей семье?

Ихсан загадочно улыбнулся.

— Феридэ, если человек не безразличен мне, то я хоть из-под земли, но достану интересные меня сведения. Вы меня плохо еще изучили...

Вдруг мне вспомнился день, когда мы с майором познакомились. Я работала учительницей в небольшом городе Ч... и однажды, проходя по школьному саду, услышала, что кто-то просит меня принести воды. Обернувшись, я увидела молодого человека, который сажал деревья. Хотя он был одет бедно, но черты лица выдавали благородное происхождение. Нимало не смутясь, я принесла рабочему попить. Мы немного поговорили и разошлись. Спустя некоторое время я узнала, что этот рабочий оказался военным да еще и племянником паши. А затеял он эту комедию лишь для того, чтобы познакомиться со мной.

— Да, Ихсан, я вас совсем не знаю. Так что еще вы знаете обо мне?

— Многое... Например, что ваша усадьба в Кушадасы сгорела, что вы продали эту землю за бесценок.

Я, видимо, была настолько растеряна, что майор, глядя на меня, расхохотался.

— Перестаньте... Лучше расскажите, какая разведка все это вам донесла?

— Военная, — пошутил офицер.

— Нет, правда, — затеребила я майора за рукав.

Вздыхнув, Ихсан продолжал:

— Феридэ, повторяю — это не проблема узнать подробности об интересующем тебя человеке. Лучше скажите: моя помощь вам потребуется?

«Конечно, такой спутник в путешествии просто находка, но согласится ли он?» — подумала я, а вслух сказала:

— Ихсан, некоторые называют меня авантюристкой, но иного выхода просто нет. Я хочу поехать в Болгарию.

Майор присвистнул.

— Куда?! В Болгарию? Вы с ума сошли!

— Вот и вы туда же. — Мне стало обидно до слез. — Я верю, что Кямран жив, но не объявляется лишь по одной причине...

Я замолчала, ожидая, как отнесется Ихсан к моему известию. Майор, явно заинтересовавшись, не спускал с меня глаз.

— Не тяните, — поторопил он.

— А причина эта такова — мой муж тяжело болен. И если мы не поедem выручать Кямрана, неизвестно, что еще может случиться.

Офицер задумался. Мне показалось, что в чем-то он согласен со мной. Ихсана даже не смутило это «мы», словно то, что мы поедem вместе, вопрос уже решенный.

— Как же нам лучше поступить? — Майор почесал подбородок.

Я не вмешивалась. Мне стало ясно, что попутчик найден.

Только слишком уж легко Ихсан дал себя уговорить. Но я гнала прочь мысли о причинах этого. «Если бы тетушка Бесимэ послушала наш разговор, то я уже не переубедила бы ее насчет любовной связи с майором. Ведь Ихсан согласился не потому, что его волнует судьба моего мужа... Хотя, возможно, я ошибаюсь, и майор никуда не поедет», — подумалось мне.

— Где вы остановились? — неожиданно спросил Ихсан.

Я пожала плечами.

— Пока нигде. Я только что сошла с парохода. Видите, даже в руках у меня дорожный чемодан.

Ихсан немедленно вскочил на ноги.

— Пойдемте, Феридэ, в самую лучшую гостиницу.

— Но... — Мне было стыдно признаться, что каждую копейку приходится экономить.

Догадавшись, о чем я думаю, Ихсан улыбнулся.

— Феридэ, не волнуйтесь, я заплачу за все сам...

Кровь ударила мне в лицо. О, Аллах, этот человек меня покупает! Да, Чалыкушу, ты опустилась совсем низко. Видя мой гнев, майор остановился.

— Вы что, передумали?

От ярости я не смогла вымолвить ни слова, лишь вырвала чемодан из рук мужчины.

— Ах, так! Не выйдет! Я много слышала о разврате военных, но не всех девушек можно купить. Убирайтесь вон! Не нужна мне ваша помощь!

Ихсан на мою гневную тираду лишь раскрыл рот и захлопал длинными ресницами.

— Не понял...

— Ах, он не понял... Знаете ли... А я еще считала его своим другом, — разочарованно протянула я и отвернулась.

Тут майор улыбнулся. И хотя эта улыбка была легкой и неуловимой, как весенний ветер, мне она рассказала о многом.

— Феридэ, какая вы еще глупая. Совсем ребенок, — утвердительно проговорил Ихсан.

Я уже сама раскаивалась, что из-за моей подозрительности так оскорбила майора. Но офицер, казалось, совершенно не обиделся, а даже попробовал объяснить причину своего приглашения:

— Мы же друзья, Феридэ, знаем друг друга очень много лет. Скажите, если бы я попал в подобную ситуацию, неужели бы вы не предложили мне материальную помощь? Неизвестно

еще, а вдруг мне когда-нибудь понадобится обратиться к вам?

— Да, вы правы. Простите, если сможете...

Стамбул, август

Не буду описывать мою однообразную жизнь в номере гостиницы. Ихсан улаживает свои служебные дела. Он хотел подать в отставку, так как его не отпускали на такой длительный срок.

— Я очень волнуюсь. — С этими словами зашел ко мне майор. — Руководство почему-то страшно против. Особенно мой дядя паша^[8]. Когда он узнал об отставке, то пришел в ярость: затопал ногами, закричал. Спасибо сестрам. Они прибежали на шум и с трудом успокоили отца. Хотя и девушки не очень-то поощряют меня...

Ихсан замялся, как бы не решаясь продолжить.

— Говорите, — почти приказала я.

— Сестры думают, что это вы подбиваете меня бросить службу, — выпалил на одном дыхании майор и густо покраснел.

Да, новость действительно была сногсшибательной. Я даже растерялась. Но, взяв себя в руки, попыталась утешить мужчину:

— Ихсан, не переживайте. Неужели из-за этого у вас испортятся отношения с родственниками?

Майор пожал плечами:

— Не уверен, но всякое может быть.

— Тогда еще не поздно передумать...

— За кого вы меня принимаете? — поднял удивленные глаза офицер. — Неужели, я похож на человека, который способен менять свои решения? К тому же это было бы не мужски.

Я с теплотой пожала ему руку. Слегка улыбнувшись от этой ласки, Ихсан откланялся и вышел.

Мне не оставалось ничего другого, как прогуляться по Стамбулу. Я направилась на главную улицу города и сразу почувствовала, как поток людей подхватил и понес меня по течению. Не сопротивляясь, я с удовольствием окунулась в эту бурную жизнь, только сейчас почувствовав, что очень скучала по Стамбулу. Неожиданно мне захотелось навестить дом тетушки Бесимэ. Я понимала, что вряд ли там обрадуются моему приходу, но ноги неумолимо тянули туда. «Будь что будет!» — решила я и ускорила шаг.

Вдали показалась крыша моего бывшего дома. С волнением я подошла поближе и замерла на месте. Хотя родственники и выгнали меня, я думала о них с нежностью. Как они справляются с Недждетом? Не устает ли Бесимэ за целый день? Неджмие никогда особо не помогала матери, да и не умела это делать. Тетушка же, имея несколько служанок, многое любила готовить своими руками. Я никогда не отказывалась помочь свекрови, но теперь же меня нет...

И словно прочитав мои мысли, хлопнув калиткой, на улицу вышла тетушка. Я на всякий случай укрылась под деревом, хотя загодя надела двойную чадру. Но ведь Бесимэ могла узнать меня даже в темноте. Внимательно приглядевшись, я заметила, что свекровь очень постарела. Всегда такая энергичная и живая, сейчас она выглядела даже старше своих лет. Мое сердце сжалось, и я, дождавшись, когда свекровь отойдет подальше, со всех ног

бросилась бежать прочь. Если бы вместе с бабушкой на улицу вышел Недждет, то я, наверное, не выдержала бы.

Передохнуть мне удалось лишь на площади перед гостиницей у огромного фонтана. Искрящиеся брызги освежили мое разгоряченное лицо. Поправив чаршаф, я, уже совершенно успокоившись, направилась в свой номер.

В гостинице меня ждал майор, лицо у него было несчастное. В глубине души у меня, конечно, скребли кошки. Ведь это на моей совести лежала отставка Ихсана. «Чалыкушу, ты стала жестокой и эгоистичной», — говорила одна моя половина. А другая тихо утешала: «Но ведь майора никто за язык не тянул...» Отогнав от себя эти мысли, как двух назойливых мух, я спросила:

— Как дела?

Майор кисло улыбнулся:

— Вольный как ветер...

Мне совсем не правился его тон. Но, заставив себя сдержаться, я решила поделиться полученными за день впечатлениями.

— Сегодня посетила свой бывший дом... Подышала воздухом родного сада... Но зайти за ограду так и не осмелилась... Грустно...

Ихсан, казалось, не слушал меня. Он молча стоял у приоткрытого окна и смотрел в никуда.

— Какие наши планы на этот день? — слегка повысив голос, я подумала, что хоть этим смогу привлечь внимание майора.

— Что?.. Простите... Я задумался... — виновато пробормотал мужчина. — Так о чем вы спрашивали?

Я повторила вопрос. Майор, раздумывая, прошелся по комнате и, остановившись у стола, предложил;

— Может быть, займемся оформлением билетов. Насколько я понял, вас здесь больше ничего не задерживает?

Офицер испытующе посмотрел на меня.

— Ничего не задерживает, — повторила я его слова только с утвердительной интонацией.

Майор вдруг быстро засобиравшись и, видимо, прочитав вопрос в моих глазах, пояснил:

— Я немедленно отправляюсь на пристань и беру билеты на ближайший пароход до Бургаса.

— Почему до Бургаса? — не поняла я.

Ихсан укоризненно покачал головой:

— Феридэ, вы опять меня удивляете. На этот раз тем, что бросились искать мужа, совершенно не продумав маршрута поисков. В вашем путешествии — только энтузиазм, а тут необходима холодная голова.

— Как у вас, например, — польстила я майору.

Он лишь горько усмехнулся:

— Вот в этом вы как раз и ошибаетесь. Я сам часто теряю голову...

В воздухе повисло неловкое молчание. Тут Ихсан, как бы очнувшись от грез, снова взял инициативу в свои руки.

— Необходима очень подробная карта побережья, где обозначены не только крупные города. Но это я достану. Кстати, вы знаете болгарский?

От этого неожиданного вопроса я растерялась.

— Нет...

— Не беда. Я знаю его неплохо. Хотя, Феридэ, пока есть время — займитесь. Еще один язык вам не станет обузой. Тем более там, куда вы собираетесь.

— Хорошо. А что вы разузнали о Кямране?

— Только лишь то, что он пропал без вести во время катастрофы недалеко от мыса Еминэ. Корабль из Бургаса подобрал в море нескольких человек. А потому с этого города мы и начнем поиски. Когда приплывем в Бургас, неплохо бы обратиться к местным властям. Может, они что-нибудь новое сообщат. Нам нужно прочесать огромный отрезок побережья от этого города до Варны. Вы готовы?

— Конечно, конечно... Мне очень нравится ваш серьезный подход к делу, — польстила я Ихсану. — Вот что значит — служить в армии.

Сама того не желая, я задела майора за больное место. Начав свой рассказ в приподнятом настроении, майор внезапно поник. Через несколько минут он устало проговорил:

— Я схожу на морской вокзал... А билеты попробую взять на завтра...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Однажды Кямран мне сказал:

— Чалыкушу, ты ведешь дневник, когда тебе плохо.

Тогда я только посмеялась над его словами. Но как мой муж оказался прав! Эти записи в первую очередь я хочу оставить Недждету. Я так и написала на обложке: «В случае смерти — передать тетрадь по такому-то адресу...». Недждет, я отправилась искать твоего отца. Всякое может произойти в дороге. Поэтому мой дневник попадет в твои руки только тогда, когда со мной что-нибудь случится. Если я найду Кямрана, то эти записи не прочтет никто. Я доверяю бумаге самые сокровенные мысли, и мне не хотелось бы делить их с кем-либо.

Начну все по порядку. Сегодня рано утром мы отплыли из Стамбула в Болгарию. Я была так близко от нашего с Кямраном дома, но... Как мне не хватает всех вас, тетушка Бесимэ, Недждет, Неджмие... Если бы не Ихсан, его сила и уверенность, я была бы на грани отчаяния. Правду говорят, что Аллах дает поровну хорошего и плохого. Ихсан-бей — настоящий друг, свалившийся мне с неба. Если положить на одну чашу весов все мое горе, а на другую — то, что сделал для меня Ихсан, другая перевесит, не сомневайтесь.

Я сижу в своей каюте и пишу эти слова, а сама думаю: что ждет меня дальше? Мы направляемся в порт Бургас. Что мне известно о нем? Давно, в детстве, отец мне рассказывал, что был в этом городе. Он вспоминал местных жителей, которые целыми днями занимались рыбой: ловили, чистили, готовили или плели сети. Поэтому там повсюду лежала чешуя. Даже отец привез из Бургаса на одежде мелкие серебристые капельки. Я представляла себе этот город, сплошь покрытый сверкающей коркой, — дома, мостовые. И люди, по моему представлению, носили такую одежду. Когда я рассказала об этом Ихсану, он долго хохотал:

— Скоро, Феридэ-ханым, и мы сольемся с жителями Бургаса и сами превратимся в больших блестящих рыб...

Ихсан сейчас отдыхает в своей каюте. Он очень устал за день. Пока я прогуливалась по Стамбулу, майор бегал и доставал билеты на этот рейс. Мы могли подождать несколько

дней, но мне хотелось отправиться на поиски Кямрана немедленно. Теперь я с грустью думаю, что могла бы денек и подождать. Но в ту минуту мне казалось, что промедление отделяет меня от мужа все больше и больше. Ихсан понял это без слов и приложил все усилия, чтобы мы оказались на корабле.

Сначала я с интересом рассматривала пассажиров. Среди них — много болгар. Наверное, едут на родину погостить. Некоторые из них живут в Турции... Да что это я все не о главном?

Мысли пугаются, очень хочется скорее очутиться в Бургасе. Мне почему-то кажется, что стоит ступить на твердую землю, и я тотчас же найду Кямрана.

Милый Кямран! Я верю, что ты жив, я спешу к тебе...

Бургас, 23 августа

Мои надежды не оправдались. Настроение ужасное. Я заперлась в номере гостиницы и никого не хочу видеть. Ихсан постучался в дверь, но я не открыла. Я в отчаянии...

А все начиналось так прекрасно. Мы ступили на землю Болгарии вместе с первыми лучами солнца. Оно позолотило всю мостовую, и Ихсан пошутил:

— Смотрите, Феридэ, ваши мечты сбылись — Бургас встречает нас золотой чешуей.

— Это хорошая примета. Я чувствую, что все у нас получится...

Ихсан подхватил наш багаж, и мы отправились на поиски недорогой гостиницы. Наконец после третьей попытки удалось найти то, что нужно. Нас привлек небольшой домик с избитой надписью «Нептун».

— Ну что, рискнем? — кивнув на вывеску, предложил майор.

Я неопределенно пожала плечами.

Толкнув тяжелую дверь, мы оказались в холле. Нас с улыбкой встретила невысокая полная болгарка, как потом оказалось, сама хозяйка. Ихсан что-то сказал по-болгарски. Женщина согласно закивала головой. Майор повернулся ко мне:

— Я предлагаю остановиться здесь. Во-первых, это недорого, во-вторых, мы можем обедать, не выходя из гостиницы, в-третьих, место очень тихое — это уже многое.

— Ихсан, целиком полагаюсь на вашу интуицию. Я абсолютно не практична в таких делах.

Болгарка, внимательно прислушиваясь к нашему разговору, что-то спросила. Майор рассмеялся и отрицательно мотнул головой. Женщина снова задала вопрос, офицер, не переставая улыбаться, ответил. На лице болгарки появилось удивление.

— О чем вы разговаривали? — Мне стало до чертиков любопытно. С улыбкой Ихсан объяснил:

— Наша хозяйка подумала, что мы муж и жена, и хотела предложить удобную спальню с видом на море...

— Надеюсь, вы отказались?

— Феридэ, будь на то моя воля, я бы принял ее предложение.

— Ихсан, не шутите... Вы отказались?

— Если вы задаете такие вопросы, значит, плохо меня знаете.

Мы отправились в свои комнаты, расположенные одна напротив другой. Моя спальня оказалась небольшой, но со вкусом обставленной: неширокая, но удобная кровать, маленький столик из красного дерева, несколько витых стульев. Из окна была видна

набережная. Я несколько раз обошла комнату, как бы привыкая к ней. Кто знает, сколько времени мы проведем здесь...

В дверь кто-то осторожно постучал.

— Да, входите...

Это оказался Ихсан.

— Ну что, обживаете углы? — поинтересовался майор.

— Да, в общем-то. Какие у нас планы на сегодня?

— Я хотел бы зайти к городским властям и узнать подробности катастрофы. Ведь это случилось неподалеку отсюда. Я думаю, что если нескольких человек и подобрали, то в первую очередь их направили в управу.

Я еще раз убедилась в том, что Ихсан — именно тот человек, который был мне нужен. Что бы я делала здесь, в чужом государстве, одна? А майор сразу все поставил на свои места. Я встрепенулась и засобиралась:

— Пошли.

Офицер недоверчиво оглядел меня с ног до головы. В его глазах сквозила насмешка:

— Феридэ, вы что, пойдете со мной?

От его вопроса всю мою решимость как рукой сияло. Я растерянно застыла посреди комнаты.

— А что, мне нельзя? — удивилась я.

Ихсан смутился.

— Понимаете, Феридэ, я, конечно, в восторге от вашей инициативы, но...

В воздухе повисла пауза. Я не знала, что и подумать.

— Для дела будет лучше, если я схожу в городскую управу один.

Есть в моем характере одна нехорошая черта: если я что-то задумаю, а мне перечат, то, даже видя безрезультатность действий, я все равно стою на своем. Так и в этом случае — уперлась, как баран, и уговорила Ихсана взять меня с собой.

И вот мы уже на приеме у городского головы. На мою двойную чадру обращают внимание почти все. Женщин тут не видно, а если и пробежит какая, то в цивилизованной одежде. Я имею в виду, с открытым лицом. Да, конечно, это не Турция. Но представьте себе реакцию, если бы я откинула покрывало с лица! Коль уж пришла в таком наряде, то терпи.

Ихсан договорился о приеме у самого управляющего. Каким чудом ему это удалось, не знаю. Но усилия майора не стоили результатов. Управляющий оказался высоким сухопарым мужчиной, абсолютно равнодушным к нашим бедам.

— Чем могу быть полезен? — сразу перешел он к делу.

Ихсан вежливо наклонил голову.

— Я прошу оказать нам одну услугу. Дело в том, что муж этой женщины пропал без вести во время крушения турецкого парохода.

Управляющий, пожав плечами, перебил майора:

— Я не располагаю информацией о жертвах этой катастрофы.

— Однако, — не сдавался Ихсан, — у нас есть сведения, что несколько человек были спасены...

— Ничего не знаю, — хозяин кабинета равнодушно отвернулся к окну, показывая этим, что прием окончен.

Я сначала решила не вмешиваться в разговор, но отношение этого чиновника к человеческим судьбам задело меня за живое. Нельзя же всю жизнь провести в душном

кабинете и быть безразличным даже к горю. Я сделала шаг вперед и, повысив голос, произнесла:

— Все можно понять — корысть, жадность, хитрость, но бесчувствие... Вы же человек, и с вами тоже может всякое случиться. А если ваша жена придет вот так и столкнется с равнодушием? А дома ее весточки будут ждать дети...

Я развернулась и вышла из кабинета, больше не в силах сдерживать гнев. Через несколько минут на улице меня нагнал Ихсан.

— Ну, Феридэ, не ожидал я от вас такого запала, — в его голосе сквозило восхищение. — По-моему, вы задели управляющего за живое.

Я молча шла по направлению к гостинице.

— Феридэ, не спешите. Он вправду не смог бы нам ничем помочь...

Я заперлась в своей комнате и никого не хотела видеть. Немного полежав, решила записать все в тетрадку. Я вывожу эти строки и слышу, как Ихсан на цыпочках ходит у моей двери. В первый раз, когда он стучался, я ему не открыла. Теперь офицер боится меня беспокоить.

Бургас, 24 августа

Я вспоминаю вчерашнее настроение и только улыбаюсь своим страхам. Пришел новый день и развеял мои сомнения. Тогда я все-таки открыла Ихсану дверь. Дождалась момента, когда майор в очередной раз подойдет постучать, и неожиданно распахнула ее настежь. Ихсан даже опешил от неожиданности. Потом рассмеялся:

— Феридэ-ханым, так можно получить разрыв сердца. Что вы будете делать без меня в дальнейшем пути?

Я немедленно втащила его в комнату.

— Вы уже строите планы? — язвительно произнесла я.

Кто меня дергал за язык в эту минуту? Но, слава Аллаху, Ихсан понял мое состояние и простил меня. Он как ни в чем не бывало уселся на стул и развалился, вытянув ноги.

— Феридэ, если вы надеялись узнать что-либо от этого чиновника, то напрасно. Поэтому я не хотел брать вас с собой. Женские нервы не для таких разговоров.

Я попыталась возразить, но насмешливый взгляд Ихсана остановил меня. Убедившись, что я готова смиренно слушать, майор продолжал:

— Я предлагаю не отчаиваться и начать поиски вдоль побережья. Сначала от Бургаса до Варны, потом в другую сторону.

Идея мне понравилась. Конечно, времени на это уйдет много, но...

— Ихсан, отправляемся немедленно.

— Феридэ, вы, как всегда, легкая на подъем, но дайте мне время на сборы. Вы же не пойдете пешком по окрестным деревням. Нужно нанять коляску, раздобыть проводника.

— Чем я могу помочь?

Офицер отрицательно покачал головой.

— Вы отдохните — путь предстоит нелегкий...

Это произошло вчера, а сегодня я жду майора, который вот-вот заедет за мной...

Деревня Т..., 26 августа

Почему некоторые люди не любят деревни? Я — городской житель, но мне не жаль

покидать город с его шумом, развлечениями и разочарованиями. С тех пор, как мы едем по сельской местности — весь мир мой. Окрестные деревни притягивают меня своими белыми крышами и зеленью виноградников.

Наш проводник Милко рассказывает об этих краях на ломаном турецком. Это для меня. Однако большую часть дороги он разговаривает с Ихсаном по-болгарски, так что я предоставлена самой себе. Я уже немного понимаю отдельные слова, но все равно смысл их беседы для меня тайна. Майор удивительно быстро сошелся с Милко. Глядя на Ихсана, я не верю, что он родственник паши, — так преобразило майора путешествие. Его утонченные черты лица, конечно, не изменились, но офицер сильно загорел. Шрам, выделяющийся белой полоской, его совершенно не портит, даже придает некоторую импозантность. Ихсана можно принять за болгарина. Он не носит формы. На майоре теперь рубашка и шаровары местной работы, на голове — соломенная шляпа.

Я же традиционно в чадре. В деревнях много турок, так что никто не удивляется, увидев меня с закрытым лицом.

С крестьянами разговаривает Милко. Он, когда мы подъезжаем к деревне, уже заученными фразами, как актер, репетирующий роль, произносит:

— День добрый!

В зависимости от того, к кому обратился Милко, реакция бывает разной. Женщины со смехом отвечают:

— День добрый, молодец!

Мужчины хмуро что-то буркают на приветствие Милко. Проводник продолжает разговор:

— Мы ищем одного нашего товарища, который попал в шторм. Возможно, он спасся именно в этой местности. Может, вы слышали что-нибудь?

Люди пожимают плечами. Я по отношению к крестьян вижу, что никто ничего не знает.

Мы проехали почти все деревни на побережье от Бургаса до Помория. Крестьяне охотно продают нам продукты, так что жизнь можно назвать прекрасной, если бы не отсутствие новостей о Кямране. Но я не отчаиваюсь. Ихсан тоже успокаивает меня:

— Подождите, Феридэ-ханым, это не такое простое дело. Мы объехали всего лишь небольшую часть. Впереди город Поморие.

Мне хочется немного описать болгарские деревни. Я впервые попала в эту местность, и поэтому впечатлений уйма. Мужчины занимаются рыбной ловлей. Это их основной доход. Утром, когда солнце еще только встало, они выходят в море на маленьких лодках под парусом. Если едешь вдоль кромки воды, парусники похожи на больших белых птиц, мягко покачивающихся на волнах...

Ловля заканчивается только поздно вечером. Усталые рыбаки выгружают горы морской добычи прямо на песок. Эта живая трепещущая масса удивительно смотрится при мягком свете луны.

Болгарские крестьянки помогают своим мужьям засаливать в бочках рыбу. Они же плетут рыболовные сети. В одной из таких деревень с нами произошел интересный случай.

Поздно вечером мы постучались в небольшой домик и попросились переночевать. На стук нам открыла пожилая женщина. Ихсан по-болгарски поздоровался:

— Добрый вечер, вы не впустите бедных странников?

Женщина оглядела нас с ног до головы и, убедившись, что мы не представляем никакой опасности, распахнула двери.

Мы переступили порог небольшой лачуги, где была всего одна комната. Там на полу в ряд спали трое ребятишек и молодая женщина. Была глубокая ночь, и мы, даже не перекусив, легли и тут же заснули. Через час меня разбудили громкие стоны. Я, ничего не понимая, вскочила на ноги и только тогда сообразила, что это корчится на полу молодая женщина. Старая болгарка зажгла лампу и подошла к несчастной. Всех разбудили крики. Ихсан и Милко уже стояли на ногах и переговаривались между собой. Дети испуганно таращили заспанные глазенки. Пожилая крестьянка что-то сказала мужчинам и указала на дверь. Ихсан увидел, что я ничего не понимаю, и объяснил:

— Молодая болгарка рожает. Тебя попросили остаться и помочь, а мы с Милко и ребятишками подождем за дверью.

Я страшно растерялась. Во-первых, как мы будем разговаривать? Во-вторых, я никогда не присутствовала при родах. Мне захотелось попросить майора остаться, но каково было бы той несчастной женщине...

Старуха и мужчины вышли. Роженица громко стонала. Я, не зная, чем ей помочь, присела на корточки и взяла несчастную за руку. Она ухватилась изо всех сил и сжала так, что я чуть не закричала от боли вместе с ней. Вернулась пожилая болгарка с кувшином горячей воды. Я не знала, как долго это протянется и что мне делать.

Несколько часов роженица держала нас в напряжении. Моя рука, которую она все еще сжимала, онемела. Наконец долгожданный ребенок появился. Это была крупная черноволосая девочка. Держа ребенка в руках, старуха показала мне глазами на кувшин. Я взяла его и осторожно начала поливать малышку. Потом мы запеленали ребенка, и болгарка впервые улыбнулась мне. А у меня защемило сердце. Как я завидовала этой женщине, которая только что родила. Все муки позади, а чудесная дочурка посапывает рядом с мамой. Бог не дал мне своих детей, а тех, кого я мечтала вырастить, забрал. Значит, теперь мне суждено только завидовать чужому счастью.

Я вышла во двор и с удивлением увидела, что мужчины уже пьют. Они стояли под виноградником, держали в руках кубки и потягивали вино. «Интересно, — подумала я, — где они все это обнаружили?»

Вдруг из сарая вышел молодой болгарин, видимо, хозяин дома и отец новорожденной.

— Феридэ, поздравьте счастливого папашу, — проговорил Ихсан, указывая кубком на мужчину.

На лице отца малышки я не увидела особой радости. Конечно, жили они бедно, и лишний рот прибавлял хлопот отцу семейства. Болгарин хмуро кивнул мне и направился к мужчинам.

Вдруг из дома вышла старуха и что-то громко крикнула.

— Феридэ, — удивленно сказал Ихсан, — она хочет поговорить с вами.

— Но я же ничего не пойму. Может быть, вы мне поможете, майор?

— Охотно. — Ихсан передал свой кубок Милко.

Пожилая женщина жестами пригласила нас следовать за собой. Мы с майором вошли в лачугу. Солнце уже поднялось довольно высоко, и в комнате можно было все разглядеть. Молодая мать смотрела на нас большими измученными глазами. Она, собравшись с силами, что-то сказала.

— Болгарка благодарит за помощь и спрашивает ваше имя, — перевел майор.

— Феридэ.

Молодая женщина улыбнулась и, показав рукой на корыто, где лежала новорожденная,

снова произнесла несколько слов. Удивленный майор переспросил. Болгарка кивнула головой.

— Знаете, эта бедная женщина решила назвать дочь в честь вас.

Я была поражена... В маленькой болгарской деревушке вырастет девочка с голубыми глазами и мусульманским именем Феридэ. Она выйдет замуж. У нее появятся дети, внуки, которые будут спрашивать: «Бабушка, откуда взялось твое необычное имя?» А поседевшая Феридэ расскажет легенду о молодой турчанке, которая абсолютно случайно помогла ей появиться на свет...

Я достала из кошелька несколько золотых монет и положила их на покрывальце девочки.

Через час мы уже тряслись по безлюдной дороге, а я вспоминала голубоглазую, темноволосую Феридэ.

Поморие, 29 августа

В Помории нам пришлось расстаться с Милко и искать себе другого проводника. За это короткое время мы уже привыкли к нему, так что расставаться было тяжело. Милко, переминаясь с ноги на ногу, объяснял:

— Госпожа Феридэ, я бы с удовольствием остался с вами, но меня ждет жена.

— Ты женат, Милко? — удивилась я.

Юноше на вид можно было дать лет восемнадцать, не больше.

— Да, и уже есть ребенок. Мы с моей Ленче дружили с самого детства. Вместе росли, потом полюбили друг друга и поженились. Моя жена сирота. Она воспитывалась в нашей семье и была как дочь моим родителям. Но они очень не хотели нашей свадьбы...

— И ты все равно женился?

— Я не мог обмануть мою Ленче. Родители отказались помогать нам. Им не нравилось, что я, парень из зажиточной семьи, взял в жены бедную девушку, хотя моя Ленче работящая — лучшей хозяйки не найти во всей округе. Мы не хотели жениться так рано, хотели подождать, но обстоятельства вынудили нас сыграть свадьбу. Родители выгоняли Ленче из дома. Мы отделились и живем дружно и счастливо.

— Я понимаю тебя прекрасно. Ты, наверное, очень любишь свою жену. Какая она?

Юноша сразу преобразился. На его лице появилось мечтательное выражение. Милко закрыл глаза и, как бы вспоминая, произнес:

— Моя Ленче высокая и тоненькая, как тополек в поле. Ветры дуют — она качается из стороны в сторону, а не ломается. Ее жизненной стойкости можно позавидовать. Глаза у моей любимой, как два сапфира — голубые и прозрачные, волосы — мягкие, шелковистые, и улыбка на лице... А как она поет! Заслушаешься...

Милко замолчал. Я стояла в каком-то оцепенении. Казалось, юноша заколдовал меня словами. Перед моими глазами встали двое — Милко и незнакомая Ленче. Они взялись за руки и побежали по широкому полю навстречу восходящему солнцу. А над ними полилась песня — мелодичная, жалобная, бередящая душу.

— Что это вы тут застыли? — Ироничный голос Ихсана опустил меня с небес на землю.

Милко растерянно хлопнул длинными ресницами.

— Да вот, — объяснила я. — Милко рассказывал мне о своей жене.

— А-а-а... — разочарованно протянул Ихсан. — С завтрашнего дня у нас уже будет

новый проводник. А ты, Милко, не забывай нас. Мы на обратном пути, может быть, заедем к тебе в гости.

— Спасибо за все. — Юноша поклонился и вышел за дверь.

В воздухе повисло неловкое молчание. Чтобы как-то прервать его, я снова начала вспоминать разговор с проводником.

— Представляешь, Милко описал мне свою жену так, что она стоит у меня перед глазами: сапфировые глаза... шелковистые волосы... гибкий стан... Наверное, первая красавица в деревне.

Ихсан недоуменно посмотрел на меня.

— О ком ты говоришь?

— О Ленче. А вы разве знакомы?

— Конечно. Когда я искал проводника, мне посоветовали обратиться к Милко. Я был у него в доме и видел его жену.

Я с интересом спросила:

— Какая она? Расскажи.

Ихсан пожал плечами:

— Обыкновенная, ничего особенного. Худенькая, маленькая девушка. Таких сотни... Если бы не ее хромота, то можно было бы назвать хорошенькой...

Слава Аллаху, что есть на земле такие люди, как Милко!

Деревня Р..., 30 августа

Снова собираемся в дорогу. Наш новый проводник совершенно не похож на Милко. Юноша был веселым, общительным, любил пошутить, а Вангела можно назвать замкнутым человеком. Он хмуро глядит на свет, не выпуская изо рта длинную трубку.

— Зато он хороший проводник, — так объяснил Ихсан свой выбор.

Но я никак не могу привыкнуть к новому человеку. Мне кажется, что Вангел пережил большое горе — так печальны его глаза. Но я не решаюсь спросить, только поглядываю на проводника сквозь чадру. Вангел хорошо знает турецкий, но я пока не слышала от него ни одного слова. Когда Ихсан нас знакомил, мужчина лишь поклонился мне. Переговоры проводник ведет с майором. Только после этого я узнаю обо всем от Ихсана.

— Где ты его нашел? — как-то поинтересовалась я.

— Мне посоветовали обратиться к нему. Сказали, что лучше него никто не знает здешних мест.

— Но он же такой нелюдимый.

— Да, разговаривает он только о деле, а может, это и к лучшему...

И вот мы трясемся в повозке под палящим солнцем. Жара стоит невыносимая, кажется, что вокруг пересохли все реки. Я облизываю губы и делаю очередной глоток воды. Ловлю на фляге взгляд майора и протягиваю ему сосуд. Вангел даже не оборачивается на нас. Ихсан трогает проводника за плечо и предлагает воды. Мужчина молча берет флягу и, отпивая глоток, возвращает обратно. Как вынести этот тяжелый путь? Я целый день молюсь о дожде. Легче всех переносит дорогу Вангел. Этот человек поистине сделан из кремня. Я все больше проникаюсь симпатией к нему. Жара не спадает.

Мы останавливаемся в какой-то деревне. Мне настолько плохо, что Ихсан ведет меня под руки в дом. Я, как подкошенная, падаю на пол, но сон долго не приходит. Ихсан и

Вангел тихо переговариваются под окном. Шум их голосов слышен как сквозь вату. Я думаю о Кямране. Где он? Что сейчас делает? Мысли о муже помогают задремать, и сквозь сон я слышу, как грохочут раскаты грома. Мне кажется, что это залпы орудий... Но вот капли дождя забарабанили по крыше, и я понимаю, что молитвы не прошли даром.

Утро дает мне силы встать и снова направиться на поиски Кямрана. Вангел с Ихсаном заботливо укладывают меня в повозку.

— Феридэ, может, передохнете денек, — предлагает майор.

Я отрицательно машу головой:

— Нет, надо ехать.

По-моему, офицер рассказал мою историю проводнику. Мне кажется так потому, что Вангел совершенно по-другому стал ко мне относиться. Его взгляд чаще останавливается на моем лице, он стал теплее и человечнее. Однажды Вангел даже заговорил со мной. Это произошло неожиданно.

На привале Ихсан пошел в деревню расспросить, не знают ли там что-нибудь о Кямране, а я осталась у повозки. Проводник, напоив лошадь, вдруг спросил:

— Госпожа, вы не хотите обратиться к одному знахарю?

Я опешила, но как ни в чем не бывало ответила:

— Но я же не больна.

— Нет, не в этом дело. Тут недалеко живет старик, который не только лечит травами, но и рассказывает о прошлом. Этот знахарь также может поведать о будущем.

— Неужели? — Я была заинтригована.

— Да, если вы желаете, я свожу вас к нему. Он мой знакомый и постарается помочь.

Тут подошел Ихсан. Я не удержалась и выложила ему про старика.

— Феридэ, это очень хорошая идея, — поддержал меня майор. — Местные знахари, насколько мне известно, профессионалы в своем деле. Может, встреча с этим стариком поможет нам в поисках твоего мужа.

Мы летели в эту деревню, как на крыльях. Даже лошадь вроде скакала быстрее. Наконец показались окраины селения.

— Где он живет? — обратилась я к Вангелу.

— Дед Илико? Да вон в той хатке. — Проводник указал рукой на небольшой приземистый домик.

Остановившись у ворот и привязав лошадь, мы вошли во двор. Вангел уверенно направился в сени. Спустя несколько секунд он, растерянно озираясь, вышел и, разведя руками, сказал:

— Там никого нет...

Мы немного потоптались во дворе, и тут проводник догадался посмотреть в сарае. Оказалось, что дед Илико был там и кормил свиней. Я очень этому удивилась. Но мое удивление увеличилось еще больше, когда я увидела самого знахаря.

Вместе с Вангелом они вышли из хлева, хлопая один другого по плечу, смеясь и громко разговаривая. По сравнению с огромным проводником дедушка казался наполовину меньше. Седенький, весь покрытый сеточкой морщин, он напоминал гнома из детской сказки. Только острые голубые глаза как бы пронизывали насквозь.

— Познакомьтесь, Ихсан и Феридэ, это дед Илико.

Знахарь подошел ко мне и, взяв за руку, сказал:

— Пойдемте в дом...

Ихсан было двинулся за нами, но Вангел остановил майора.

Мы с дедом зашли в небольшую комнатку. Я с интересом огляделась вокруг. Первое, что бросилось в глаза, — это икона в углу. Я всегда с пониманием относилась к чужой вере, но сейчас мне стало страшно. Ведь будущее мне будет предсказывать человек, который молится даже не моему богу... Старик словно прочел мои мысли:

— Не волнуйтесь, Феридэ, я не сделаю вам ничего плохого.

Мягкий голос знахаря подействовал успокаивающе.

— Садитесь. — Он указал жестом на лавку.

Я примостилась на краешке. Старик подошел к небольшому столику под иконой и зажег стоящую на нем свечку. Потом он сложил руки перед собой и начал молиться...

Если бы кто-нибудь из моих родственников узнал о том, что я обращаюсь за помощью к иноверцу, они бы не одобрили этот поступок. Но жизнь — сложная вещь. Она порою забрасывает нас в такие водовороты, что мы вынуждены идти наперекор многим своим принципам. Вот и сейчас — ради Кямрана я готова на все...

Украдкой я взглянула на знахаря. Вид у него был отрешенный, глаза слегка закатились. Мне стало немножко жутковато, и, переведя взгляд, я принялась рассматривать комнату. Обстановка ее была более чем скромной: деревянный стол и лавка, в углу большой кованый сундук, на окнах раздвинутые черные занавески. Вот и все, что я заметила за то время, пока старец усердно молился.

— Вы сирота и рано лишились родителей, — вдруг заговорил он, прервав мое случайное занятие. — В юности на вашу долю выпало много бед и испытаний. Долгая дорога из-за несчастной любви...

Я опешила от удивления... Все правильно, по как дед Илико смог обо всем этом узнать?!

— Вода, огонь и людские толки — ваш прежний враг, — продолжал знахарь, даже не повернувшись в мою сторону. — Сейчас у вас тяжелое время. Ко всему еще и порча... Я сниму ее. Однако берегитесь темного человека... Это он разрушил вашу семью и может принести тебе еще много горя.

— Кто же это? — не сдержалась я.

— Сейчас он далеко от вас, но придет время, и вы узнаете его имя.

— Дедушка Илико, — взмолилась я, решившись наконец задать главный вопрос, — а что с моим мужем? Он жив?

— Да, — кивнул головой знахарь и замолчал.

— Что же с ним, говорите!

Почему-то меня испугало это внезапное молчание старца, и я, предчувствуя какую-то страшную правду, привстала с лавки. Однако то, что я услышала, было еще хуже.

— Твой муж жив, — повторил знахарь.

— Где же он?

— Ты найдешь его, а с ним и новое горе.

Я не могла ослышаться. Да, старик сказал именно так: «Новое горе...»

— Но почему? — Отчаяние захлестнуло меня. — Горе — быть без любимого...

— Ты найдешь его прежним, но в то же время и другим... Чужим...

Слова деда стучали у меня в висках.

— Но я найду мужа?

— Я же сказал, что да...

— Это будет скоро?

— После долгой дороги. Лишь в конце ее ваше счастье — дом, семья и любимый человек. А потом...

— Я же и отправилась в путь для этого. Вот найду Кямрана и...

— Если бы все было так просто, — перебил меня старец и, повернувшись, молча вышел в сени.

Возвратился он через несколько минут с пиалой в руке. Подойдя ко мне, он протянул сосуд.

— На, попей, девочка. Это отвар из трав. Он поможет тебе от сглаза.

Взяв пиалу из рук знахаря, я поднялась.

— Спасибо вам, дедушка.

— Доброй дороги, — наклонил голову знахарь и как бы ненароком добавил: — Счастье, что Бог послал тебе ангела-хранителя в образе человека. Он всегда будет рядом с тобой...

Я направилась к выходу. Нога были словно налиты свинцом. Выйдя во двор, я застала там мирно беседующих Вангела и майора. Вид у меня, наверное, был как у мертвеца, судя по тому, как резко Ихсан прервал разговор и со всех ног бросился в мою сторону. Даже Вангел озабоченно почесал затылок. Я была как во сне, все еще слыша слова деда Илико.

— Что с тобой? — испуганно спрашивал Ихсан и тряс меня за плечи.

Я рыдалась. Майор утешал меня как мог.

— Феридэ, милая, не расстраивайтесь так. Что поделаешь — жизнь есть жизнь. Тем более что не всему нужно верить. Бывает, что и предсказатели ошибаются.

Офицер, видимо, подумал, что дед Илико сообщил мне о смерти мужа.

— Да нет же, Ихсан, Кямран жив... — сквозь слезы проговорила я.

Удивленный майор переглянулся с Вангелом. Проводник недоуменно пожал плечами.

— Кто их разберет, этих женщин? — не выпуская изо рта трубки, рассудил он. — Плачет она от, радости или от горя?

Я никому ничего не сказала. И хотя предсказание деда Илико показалось мне довольно неправдоподобным, в глубине души я поверила ему, хотя даже самой себе не признавалась в этом.

5 сентября

Мы столько дней провели на болгарском побережье, что я уже полюбила эти места. А встречи! Сколько разных людей повидала я за время путешествия. В основном это простые сельские жители, готовые помочь во всем: едой, ночлегом и просто добрым словом. Попадались, конечно, разные люди... О встрече с одним человеком мне и хочется рассказать. Это было в небольшой деревушке на берегу моря между Поморием и Месемврией. Я была одна, пока Ихсан и Вангел занимались поисками ночлега. Я бродила по берегу моря и вдруг заметила плачущего мальчика, который сидел на камне. Рядом никого не было, и мне показалось, что ребенок прячется здесь от посторонних глаз. Когда плохо детям, я не могу оставаться равнодушной. Несмотря на мои слабые познания в болгарском языке, я подошла к мальчику, собираясь утешить его.

— Малыш, ты почему плачешь? — спросила я по-турецки.

Ребенок поднял на меня залитое слезами лицо. Я ужаснулась — синяки под глазами, кровоподтеки. Кто же его так изуродовал? Глядя на эти не по-детски печальные глаза, я сама

чуть не заплакала. А мальчик вдруг успокоился. Он с интересом разглядывал меня — откуда на пустынном берегу появилась тетья, разговаривающая на чужом языке да еще интересующаяся его особой. Несколько секунд мы стояли и глядели друг другу в глаза. Несмотря на побои, малыш был довольно симпатичный — курносый нос и море веснушек, немного оттопыренные уши. Я присела на корточки и собралась уже поделиться с мальчиком запасом болгарских слов, как вдруг увидела быстро идущего к нам по пляжу человека. Я почувствовала, как сжался ребенок, и по выражению его глаз поняла, что этот мужчина идет за мальчиком. Он подходил все ближе и ближе, и мне снизу казалось, что это великан, закрывающий солнце. Я обняла мальчика и почувствовала, что он весь дрожит. Обидчик, оказавшись рядом с нами, что-то сказал повелительным тоном. Ребенок закивал головой и прижался ко мне еще крепче. Тогда мужчина схватил малыша за руку и резко потянул. Я, не выдержав такого обращения, крикнула ему в лицо:

— Оставьте в покое мальчика!

Вряд ли мужчина понял меня, но, во всяком случае, на секунду он разжал руку. В его взгляде я прочла недоумение. Однако замешательство было недолгим. Мужчина снова схватил ребенка и потянул на себя еще сильнее. Я была возмущена до глубины души. Из всех сил я уперлась в грудь этого страшного человека и оттолкнула его. От неожиданности верзила не удержался и упал на песок. Я увидела, как налились кровью его глаза. Мне стало страшно от мысли, что сейчас произойдет.

— Убегай! — крикнула я мальчику, но тот не двинулся с места. Не думаю, что он не понял меня, просто решил остаться рядом и поддержать в трудную минуту. Негодяй наконец оправился от шока и двинулся на меня. Неожиданно мальчик выскочил вперед и бросился под ноги своему мучителю. Но тот отшвырнул малыша как котенка в сторону, нацеливаясь на новую жертву. Убегать было бессмысленно, все равно мужчина в два счета нагнал бы меня. Я приготовилась защищаться до последнего. И вот он схватил меня своими гнусными руками и встряхнул так, что у меня закружилась голова. Я укусила негодяя за руку, чем вызвала у него еще больший прилив гнева. Мужчина грязно выругался. Но вдруг я почувствовала, что дышать стало свободнее и обидчика уже нет рядом. Куда же он делся? Я повернула голову и увидела, что мой милый Ихсан сидит верхом на негодяе и выкручивает ему руку.

— О, Ихсан! — только и смогла произнести я.

Майор посмотрел на меня и улыбнулся... Как он здесь оказался? Как узнал об опасности, грозившей мне? Я прижала к себе мальчика, с восхищением наблюдавшего за действиями офицера. А какой жалкий вид имел наш недавний обидчик! Его перекошенный рот молил о пощаде. Ихсан долго не церемонился с ним. Видя, что противник раздавлен, майор отпустил его. Мужчина вскочил на ноги и понесся по направлению к деревне, да с такой прытью, что даже заяц не угнал бы за ним.

Майор, отряхивая руки, подошел к нам.

— Стоит оставить вас, Феридэ, на полчаса одну, и вы обязательно влезете в какую-нибудь историю... Узнаю бойкую Чалыкушу...

Я готова была расцеловать майора, ведь он спас нас от беды... Только тут Ихсан заметил синяки у мальчика и о чем-то спросил у него. Несколько секунд они переговаривались. Потом офицер пересказал мне историю малыша:

— Несчастный ребенок каждый день получает оплеухи от своего дяди за малейшую провинность. Сегодня, например, его избили за то, что мальчик не нашел для него выпивки.

— Этот мерзавец еще и пьяница?

— Да, от него плачет вся семья.

— Боже мой! Спросите у него, Ихсан, не боится ли малыш идти домой после этого случая?

Майор долго разговаривал с мальчиком. Я не вмешивалась, даже отошла в сторону.

Волны тихо набегали на берег, оставляя на песке белую пену, похожую на талый снег. И хотя на дворе стояло лето, мне почему-то стало холодно и неудобно. Может, виной всему случай с дядей этого несчастного малыша. Сколько детей вот так страдает за грехи взрослых. Я села на корточки и погрузила ладони в песок, задумалась и не заметила, что Ихсан и мальчик уже стоят рядом. Майор, показывая на ребенка, живо воскликнул:

— Феридэ, малыша зовут Владко. Мы можем помочь ему. В нескольких милях отсюда живет его тетка. Владко не один раз пробовал убежать к ней, но дядя возвращал мальчика с половины пути. Мы едем как раз в ту сторону и с удовольствием подвезем его, правда?

Я сжала Владко в объятиях. Малыш, несмотря на тяжелую жизнь, вырос добрым и смелым. Я в двух словах рассказала майору, как ребенок, не побоявшись разъяренного негодяя, бросился на мою защиту. Ихсан, внимательно выслушав, положил руку на плечо мальчику и что-то произнес. Малыш покраснел от гордости.

— Я сказал Владко: если у меня когда-нибудь появятся дети, я воспитаю их похожими на него...

Через несколько дней мы расстались с мальчиком. Мне очень хотелось оставить Владко у себя, но неизвестно, какие скитания нас ожидают. Ихсан тоже привязался к малышу.

Я и не подозревала, что майор так нежно относится к детям. Офицер, помолодевший на несколько лет, носился с Владко по побережью, распугивая криками чаек...

Перед дорогой мы решили заехать к обидчику нашего малыша и предупредить, что отвозим Владко к тете. Мальчик показал нам дом, где жил его дядя. Я уже не боялась встречи с пьяницей и решила вместе с Ихсаном посмотреть, как живет Владко.

Мы зашли во двор, где рядом с курами ползали двое грязных и сопливых ребятишек. Ихсан громко поздоровался. На его голос из дома выбежала испуганная женщина. Увидев незнакомых людей, она засуетилась еще больше.

— Хозяин дома? — поинтересовался майор.

Крестьянка вытерла руки о передник.

— Он дома, но... спит, — робко пробормотала она.

— Тогда я сообщаю вам: Владко мы забираем с собой.

— Как забираете? Куда? — ахнула женщина.

— Мы отвезем мальчика в соседнее село к его тетке.

В одно мгновение хозяйка преобразилась. Она сделала шаг вперед и решительно заявила:

— Никуда я Владко не отпущу, особенно с незнакомыми людьми... Если вы не отдадите ребенка — я подниму мужа...

Ихсан небрежно заметал:

— Да мы вовсе не незнакомые. А с вашим мужем вообще как родные. Сегодня так неплохо поговорили, что у меня до сих пор рука болит.

Женщина смешалась. Она поняла, с кем имеет дело. Мы не знали, рассказывал ей муж о драке или не рассказывал, но то, что его никто не боится, болгарка поняла.

— Пройдите в дом, прошу вас! — воскликнула хозяйка.

— Нет, спасибо, — отказался майор и добавил: — Мы хотели предупредить вас: не ищите мальчика. Он к вам больше не вернется. А если вздумаете забрать Владко силой, то будете иметь дело со мной.

Мы уже направились к воротам, как вдруг голос хозяина остановил нас.

— Эй, — просипел дядя малыша, — вонючие турки, куда это вы забираете мальчишку?!

Ихсан медленно повернулся, и я заметила его побледневшее от гнева лицо. Однако, видимо, понимая всю серьезность ситуации, майор сдержался. А хозяин, стоя на пороге дома, цедил сквозь зубы:

— Я вызову полицию, и она разберется, у кого больше прав на ребенка.

Ихсан задумчиво оглядел мужчину с ног до головы. По выражению его лица я поняла, что майор лихорадочно ищет выход из сложившейся ситуации. На этот раз закон на стороне негодяя, и тот прекрасно все осознавал. Решение пришло неожиданно. Его подсказал сам хозяин дома. Он, переминаясь с ноги на ногу, уже совершенно другим тоном произнес:

— Мы, конечно, сможем договориться... за определенную плату.

Ихсан мгновенно оценил ситуацию. Он достал бумажник и отсчитал сотню левов. Не успела я и глазом моргнуть, как дядя Владко оказался рядом с майором. Руки мужчины тряслись. Казалось, он обезумел от такого количества детей. Верзила схватил монеты из рук майора и припустил к калитке. На бегу он бросил:

— Мальчишка ваш. Делайте с ним что хотите.

Жена негодяя беззвучно плакала...

По дороге с помощью майора я расспросила мальчика, как ему жилось в семье дяди.

— Плохо, — вздыхал Владко. — Жена дяди добрая, но против мужа слово боится сказать. Если бы она меня защищала, то и ей бы досталось. А дядя — горький пьяница. Он заставлял меня даже побираться, чтобы ему хватило на бутылку сливовицы...

Бедный малыш! У меня слезы наворачивались на глаза, когда я слушала его рассказы. Даже хмурый Вангел, который никогда не вмешивался в наши разговоры, недовольно проворчал:

— Жаль, меня там не было. Я бы показал этому ублюдку, как обижать сироту.

Деревня, где жила тетка Владко, встретила нас послеобеденным покоем. Казалось, даже куры, сидевшие на заборе, сонно поглядывают на нас. Поросята то там, то тут лежали в лужах. Они даже не шевелились, поэтому Вангелу пришлось объезжать этих ленивых животных.

Мальчик давно не был у тетки и с трудом вспомнил ее дом. Владко немного волновался. Он не представлял себе встречу с родственниками. Но все его сомнения как рукой сняло, когда мальчик увидел тетку. Она вешала во дворе белье и не сразу заметила нас.

— Тетуська Анна, — тихо позвал Владко.

Женщина оглянулась. Это была высокая миловидная болгарка с раскосыми глазами. Присмотревшись, она нерешительно переспросила:

— Владко? — И уже более уверенно добавила: — Неужели это ты!

Ребенок кинулся на шею к тетке, а она, бросив неповешенную рубашку, крепко обняла племянника. По этому произвольному жесту я поняла, что наконец-то мальчик попал в хорошие руки.

А потом женщина пригласила нас в дом. Меня поразила почти городская обстановка. В

комнате даже стояла кровать, что очень редко встречается в болгарских сельских домах. Мы попробовали настоящую яичницу по-панаторски — с душистым перцем и свежим, только что взбитым маслом. Я так наелась, что меня потянуло ко сну. В эту минуту моим единственным желанием было растянуться на чистом белье. Ведь я уже столько времени нормально не высыпалась. Видя мое состояние, тетушка Анна предложила нам у нее переночевать.

— Вы самые дорогие гости. Вы ведь привезли мне моего мальчика. А то я уже собралась ехать за ним. Неизвестно, правда, отдали бы мне его....

Ихсан, внимательно слушавший женщину, с интересом спросил:

— Почему не отдали бы?

— Это долгая история. Вы, Феридэ, ложитесь, отдыхайте, а я расскажу все с самого начала.

Я с удовольствием растянулась на свежестырированных простынях. Тетушка Анна под села к Ихсану и тихим голосом поведала историю жизни Владко.

— Я же не родная тетка мальчика. Но Владко мне как сын. Своих детей у меня нет: Бог не дал. А малыша я хотела взять к себе сразу, как умерла его мать. Она была моей лучшей подругой. Покойная Марица считалась первой красавицей у нас в селении. Многие юноши дрались из-за нее. А Марица неожиданно вышла замуж за неприметного, тихого Димитро. Как они любили друг друга! Сыграли свадьбу, стали жить дружно и весело... Родился Владко. В тот день Димитро сказал мне: «Анна, я самый счастливый человек на свете. У меня есть жена, сын, дом. Чего еще пожелать?» Тогда я, смеясь, пошутила: «Дочку». «Будет и дочка», — не остался в долгу Димитро.

Началась война. Всех парней из села забрали на фронт. Ушел и отец Владко. Марица плакала у него на груди так, словно прощалась навсегда. А погибла она случайно — женщину убило молнией во время грозы. Маленького Владко я забрала к себе до возвращения его отца.

Когда Димитро пришел в село и узнал о смерти жены, он несколько дней не выходил из корчмы. Потом надел чистую рубашку, поцеловал сына и застрелился из ружья, оставив после себя дом и небольшое хозяйство.

Как я ни просила — Владко мне не отдали. Его взялся воспитывать брат Димитро. Он же и вселился в дом покойного.

Сколько горя натерпелся от этого горького пьяницы мальчик, вы и сами видели... Но теперь Владко мой. Я его усыновлю по закону. И никто не сможет отобрать у меня малыша.

Тетушка Анна прижала ребенка к себе и поцеловала в курчавую макушку. Владко доверчиво смотрел на женщину, и впервые за последнее время на его лице появились умиротворение и покой.

Я вспомнила свою приемную дочь Мунисэ. Девочка в трудные минуты жизни помогала мне оставаться самой собой. Рядом с ней я чувствовала, что еще кому-то необходима моя ласка и забота... Потом я воспитывала Недждета... А сейчас я с завистью смотрю на тетушку Анну и Владко. Неужели и мне суждено познать женское счастье во всей его полноте?..

Кямран, где же ты?

Месемврия, 12 сентября

Даже если Аллах не поможет мне в поисках мужа и окажется, что путешествие в Болгарию было напрасным, я никогда не пожалею об этом. А все потому, что я побывала в Месемврии. Жители города по праву гордятся им. На миг мне самой захотелось оказаться на их месте и так же, как месемврийцы, показывать всем туристам местные достопримечательности. Я всегда обращала внимание на архитектуру. Бывало, Ихсан уходил далеко вперед, а я все еще рассматривала понравившееся мне здание. Майор возвращался, нетерпеливо топтался рядом, но не торопил меня...

А в Месемврии я просто отдыхала от проблем, на мгновение забыв о них, и с интересом рассматривала остатки стен и надгробий античного времени, церкви с базилианскими сводами.

В Месемврии жили какие-то знакомые Ихсана. Он предложил мне остановиться у них, но я, решив остаться независимой, поселилась в гостинице. Ихсан удивился:

— Феридэ, неужели вам не хочется пообщаться с другими людьми своего круга. Ведь за последний месяц вы разговаривали только со мной.

Я рассмеялась:

— Майор, вы мне еще не надоели, поверьте. А жить в какой-нибудь знатной семье... Нет уж, увольте. Я терпеть не могу притворяться, а в этом доме придется «Сыпать хозяев комплиментами, выслушивать их внимательно и прочее, прочее, прочее...

Майор, споривший крайне редко, на этот раз запротестовал:

— Я не согласен с вами. Во-первых, вы не знаете этих людей. Они абсолютно нормальные и никогда не корчат из себя светских особ. Во-вторых, если вы останетесь в гостинице, мне придется переехать туда же.

— Зачем? Живите у своих знакомых! — настаивала я.

— Я не могу оставить вас одну. Если уж в мои обязанности входит ваша защита, то, как с этим справлюсь, находясь на другом конце города?

— Ихсан, не преувеличивайте. Ничего со мной не случится.

Майор решительно покачал головой:

— Я переезжаю сейчас же.

Хотя я и прекрасно отношусь к Ихсану, частенько он бывает навязчив. Майор забывает, что мне уже не пятнадцать лет и я мгу постоять сама за себя. А сейчас он просто разозлил меня своим вмешательством в мою личную жизнь. Я, конечно, очень ценю его заботу, но всему есть предел.

— Ихсан, оставьте меня в покое хотя бы на час и не таскайтесь за мной повсюду, — отрезала я и, надеясь, что майор все правильно понял, отвернулась.

Спиной я почувствовала, что офицер смотрит мне в затылок. Я не оборачивалась, показывая, что разговор окончен. Ихсан вышел из номера, даже не попрощавшись.

Через минуту я уже пожалела о происшедшем. Мне захотелось вернуть друга, но когда я выбежала на улицу, то его там не нашла. Очевидно, майор уже уехал. Я поднялась в комнату и села на постель, поджав ноги. На душе у меня было гадко. Что со мной происходит? Несколько минут назад я обидела близкого человека. Обидела незаслуженно, просто потому, что не на ком было сорвать злость. А Ихсан всегда рядом, безотказный, заботящийся обо мне. Он помогает в поисках Кямрана, потому что любит меня. А я пользуюсь этим и кричу на майора, зная, что он все равно простит меня. Разве я не мерзкая женщина? А что, если Ихсан ушел и больше никогда не вернется? От этой мысли мне стало страшно. Я в отчаянии зарылась лицом в подушку и думала, как мне вернуть майора. Незаметно я уснула. Не знаю,

сколько часов длился мой сон, но, когда я открыла глаза, то увидела, что рядом на стуле сидит Ихсан.

— Вы на меня не сердитесь? — с этими словами я бросилась майору на шею.

Ихсан отстранил меня и решительно произнес:

— Считайте, что я простил вас. Но взамен требую выполнить одну мою просьбу.

— С превеликим удовольствием, — как можно более ласковым голосом проговорила я.

— Феридэ, мы приглашены в гости к моим знакомым. И не надувайте губы, вы обещали...

— Но...

— Никаких возражений. Я остановился в соседнем номере. Через полчаса будьте готовы. — Сказав это, майор направился к выходу.

— Ихсан, — нежно позвала я.

Майор обернулся.

— Вы меня простили?

Офицер задумчиво оглядел меня с ног до головы. Его красивое волевое лицо неувлимо изменилось. Ихсан немного побледнел и с грустью в голосе промолвил:

— Часто я ругаю себя за излишнюю мягкость с вами. Но на то есть причины. Вы, конечно, догадываетесь какие. Мой дедушка к женщинам относился по-другому. Он считал, что если с ними обращаться грубо, то женщины будут тебя уважать. Но, наверное, дед никогда не любил по-настоящему...

Я сидела в полутемной комнате, волосы мои были растрепаны, постель примята. Я слушала признания Ихсана и чувствовала, как сердце мое билось все сильнее. Меня охватывал какой-то непонятный вихрь, он закружил меня, заставил кровь прилить к лицу. Со мной творилось что-то непонятное. Теперь, когда пишу эти строки, я уже немного пришла в себя. Лишь тетради я могу доверить это: мне было приятно слышать слова Ихсана о любви. Я даже на миг забыла, что замужем и зачем нахожусь здесь, а теперь — самое ужасное: если бы в эту минуту Ихсан поцеловал меня, я бы не возмутилась.

Мне показалось, что майор догадался, о чем я думаю. Но он просто не поверил в это...

* * *

Через час мы тряслись в кабриолете, который прислали за нами знакомые Ихсана. Я оделась по-европейски: в темно-зеленое платье и убрала волосы в замысловатую прическу. Хотя это была и турецкая семья, но майор предупредил, что взгляды у них довольно демократичные. Чтобы не выглядеть старомодной, я решила открыть лицо.

Когда я спустилась по ступенькам в холл гостиницы, Ихсан меня не сразу узнал. Он опешил от неожиданности, потому что за время нашего путешествия привык совершенно к другому образу. Но майор быстро справился со смущением и, подав мне руку, помог сесть в экипаж.

Знакомые офицера жили в богатом двухэтажном особняке с шикарным садом. Деревья были сплошь усыпаны плодами. Когда я проходила около них, меня так и подмывало вспомнить детство и, забравшись наверх, полакомиться спелыми абрикосами или грушами. Но Ихсан, словно догадавшись о моих мыслях, потянул меня за руку к входной двери.

На пороге дома нас встретила горничная в форменном платье и белом переднике. Она любезно пригласила войти и, усадив на диван, пошла предупредить хозяйку.

Я с интересом разглядывала интерьер дома. Было видно, что знакомые Ихсана живут в

достатке. По сравнению с бедными сельскими домиками все в комнате — и мебель, и ковры, и портьеры на окнах — мне показалось роскошным. Я тут же пожалела, что не надела более нарядного платья.

— Боже мой, неужели вы все-таки пришли! — прервал мои размышления громкий женский голос.

Мы обернулись и увидели высокую белокурую мадам. Майор непринужденно поцеловал ей руку, а я слегка присела в знак приветствия. Хозяйка дома с интересом рассматривала меня.

— Так вот она какая, эта таинственная Феридэ, — протянула она и, фамильярно взяв меня под руку, повела с собой.

Я беспомощно оглянулась, ища глазами Ихсана.

— Майор, представьте мне вашу знакомую.

— Феридэ, это Джемиле. И не обращайтесь внимания на ее непосредственность.

Женщина рассмеялась.

— Вот ты и поставил меня на место, Ихсан! — с живостью воскликнула она. — Все уже привыкли к моим манерам, а Феридэ — человек новый...

Как это ни странно, но Джемиле мне понравилась. Она вела себя естественно, не жеманничала. В ее взгляде читалось: «Принимайте меня такой, какая я есть».

Больше всего в людях я ценю отсутствие игры и фальши. А Джемиле была именно такой.

Мы поднялись в гостиную, и от большого стола, накрытого персон на десять, у меня перехватило дыхание. Я уже совсем забыла, что такое приличные манеры, где надо накладывать на тарелки чуть-чуть еды и поддерживать светскую беседу, даже если от нее зеваешь.

Джемиле на правах хозяйки познакомила меня со своими домашними и гостями.

— Это Хатиджэ, моя сестра, — указала она на улыбающуюся черноглазую девушку лет семнадцати. — Она учится в пансионе и мечтает стать учительницей.

Хатиджэ напомнила мне юные годы. Но учительницей я стала работать не потому, что стремилась к этому. Просто мне нужно было зарабатывать на хлеб... А ведь так прекрасно иметь цель в жизни. Дай Бог, чтобы эта стройная девушка познала счастье.

— А вот моя подруга Ангелина. Ее муж Николо Буцов. Он художник. А Лина написала несколько детских книжек.

Молодая пара поклонилась мне из дальнего угла гостиной. Я впервые познакомилась с писательницей, поэтому очень внимательно разглядывала ее. У Лины были широкие скулы, светлые короткие волосы, зачесанные назад, и необыкновенно большие руки. Несмотря на скромные внешние данные, лицо писательницы светилось добротой. Муж ее мне не понравился: отрешенный взгляд, кожа вся в мелких оспинках. Он мало походил на художника. Во всяком случае, я представляла людей этой профессии совершенно другими.

Джемиле продолжала называть гостей. Она указала на мужчину лет тридцати пяти с длинной сигарой в тонких пальцах и лукаво заметила:

— А это наш самый богатый друг, фабрикант Куцоолу... Вы не удивляйтесь его колоритной внешности и экзотической фамилии. Он грек по происхождению, но болгарин в душе.

Фабрикант бросил восхищенный взгляд на Джемиле. Я поняла, что их связывает нечто большее, нежели просто дружеские отношения. А хозяйка тем временем подошла к дивану,

на котором уютно примостились двое молодых людей. Вначале я приняла их за братьев-близнецов — настолько они были похожи друг на друга. Только внимательно присмотревшись, я заметила, что юноши были одеты в совершенно одинаковые костюмы. Это и сбивало с толку. Очевидно, Джемиле тоже это отметила. Она так и представила молодых людей:

— Феридэ, юноши, которые вросли в диван и боятся пошевелиться, — студенты Софийского университета Аазар Ливадийский и Илия Попалов. Они поклонники Хатиджэ...

— Джемиле, как не стыдно... — запротестовала смущенная девушка, а студенты одновременно покраснели.

Хозяйка дома как ни в чем не бывало повела бровями и произнесла:

— Я предлагаю садиться за стол. Мы ждали еще одного гостя, но он, наверное, не придет...

— Ты так думаешь? — раздался у двери гостиной мягкий приятный голос.

На пороге стоял высокий мужчина с огромным букетом роз. Мне показалось, что именно его здесь все ждали. Гости зашумели и обступили вошедшего со всех сторон. Лишь я и Ихсан оставались на своих местах, недоуменно переглядываясь. Даже студенты оставили полюбившийся диван и пристроились по левую руку мужчины. Джемиле, поприветствовав гостя, направилась к столу, увлекая незнакомца за собой, но тут же вспомнила о нас.

— Ой, простите, — виновато воскликнула она. — Я забыла познакомить Феридэ и Ихсана с князем.

Мужчина остановился, и наши взгляды встретились. Его внешность можно было бы назвать приятной, если бы не сарказм в глазах. Казалось, князь отгородился от всего света и до него не достучаться. Я люблю добрых, открытых людей, даже простодушных, но этот человек скорее вызвал у меня неприятное ощущение. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, не отводя взгляда. Вдруг князь, сверля меня глазами, заметил:

— А я вам ведь не понравился... Правда?

Не видя причины скрывать истинные чувства, я, тряхнув головой, отпарировала:

— Да нет, вы не вызвали у меня абсолютно никаких эмоций...

В воздухе повисло неловкое молчание. Даже Джемиле не нашлась, что сказать. Неожиданно князь захохотал. Он смеялся как семилетний мальчишка — громко и искренне.

Казалось, что приборы на столе зазвенели. У всех как камень с души свалился. Хозяйка дома, обняв меня за плечи, подвела к мужчине и представила его:

— А этот веселый человек — князь Орлов.

Гость поцеловал мне руку и, внимательно поглядев на стоящего рядом со мною Ихсана, спросил:

— Джемиле, а этот печальный рыцарь, кто он? Я его впервые здесь вижу.

Хозяйка смущенно протянула:

— Сегодня я совершенно забыла о своих обязанностях. Две ошибки за вечер — это много даже для меня, такой рассеянной. Князь, это мой земляк из Измира Ихсан. Мы вместе росли, потом мои родители переехали в Болгарию, но прежние дружеские отношения остались. Правда, Ихсан?

Офицер молча поклонился. Князь, не скрывая своего любопытства, спросил:

— Скажите, Ихсан, а что вы делаете в нашем городе? С виду вы не похожи на любителей древностей, а в Месемврию чаще всего приезжают отдохнуть и насладиться памятниками искусства...

— Это деловая поездка...

— Я не хочу лезть в ваши проблемы, но позвольте узнать... Вам не требуется помощь?

— Нет, спасибо, мы сами справимся.

Джемиле нетерпеливо перебила мужчин:

— Давайте наконец усядемся за стол, и там вы обсудите все вопросы...

Хозяйка села во главе, по правую руку от нее устроился князь. Мне досталось место между художником и Ихсаном.

Джемиле позвала горничную, и та принесла поднос с горячим. Всевозможные закуски на столе, бутылки с различными сортами вин настраивали на праздничный лад. Я заметила, что Николо налил себе из графина крепкой настойки и залпом выпил, даже не сморщившись. Лина бросила на мужа тревожный взгляд. Наверное, художник равнодушен к спиртному. И правда, не успели гости допить первый бокал, как Николо опорожнил уже второй. Лицо его приобрело осмысленное выражение, глаза заблестели, губы скривились в усмешке. Николо обвел взглядом гостей и попытался что-то сказать. Но Лина, положив свою руку на колено мужу, остановила его.

— Феридэ, — вдруг тихо обратился ко мне Ихсан, — уйдемте отсюда...

Я непонимающе подняла глаза на майора.

— Но вы же сами настаивали на визите к Джемиле.

— Я не совсем представлял себе публику, которая здесь бывает. Хорошо зная Джемиле в юности, я не предполагал, что она так изменится.

— Что вы имеете в виду?.. Кстати, ваша знакомая мне очень понравилась. Да и люди, собравшиеся за столом, абсолютно нормальные.

Мне показалось, что Ихсан торопится уйти из-за князя.

Не знаю, чем ему не приглянулся этот гость, но до появления Орлова майор намерен был провести здесь целый вечер. Я уже готова была поддаться на уговоры Ихсана, но вдруг князь громко обратился ко мне:

— Феридэ, расскажите нам, несведущим, а что, в Турции женщины по-прежнему прячут лицо?

Я удивилась. Что это — попытка втянуть меня в разговор или Орлову действительно интересно. Немного подумав, я все-таки ответила:

— Князь, это вековая традиция, да и вряд ли имеет смысл что-то менять. Главное, как мне кажется, не столь рьяно выполнять все предписания. Нужно уметь идти на компромиссы.

— Как сейчас это сделали вы, Феридэ. Ведь в этот вечер на вас нет чадры, — вмешалась Джемиле.

Я согласно кивнула головой:

— Вы совершенно правы. Идя в гости к современным людям, я не могла навязывать им свои правила, потому что уважаю их...

Выпалив это, я заметила, что все перестали есть и во все глаза смотрят на меня. Я не привыкла быть в центре внимания, поэтому смешалась.

— Bravo, Феридэ! — зааплодировал князь и добавил: — Мне нравятся женщины, имеющие свою точку зрения...

На этом закончилась первая часть вечера. Все встали из-за стола, кроме художника. Николо напился. Как это произошло, я не заметила. Покрасневшая Лина пыталась подмять мужа со стула. Голова его моталась из стороны в сторону. Я хотела помочь бедной женщине,

но тонкие пальцы Джемиле остановили меня.

— Феридэ, не волнуйтесь, Лина справится сама...

— Но я же...

— Перестаньте, это не в первый раз с ним случается. Лучше пойдете к роялю и послушаем, как играет Хатиджэ. Вы любите музыку?

Этот вопрос Джемиле заставил меня на миг забыть обо всем на свете... Люблю ли я музыку? Да я не могу жить без нее. В последний раз я слушала ее в глухой болгарской деревне, при свете луны. Но как играл Бетховена старый еврей на скрипке, я никогда не забуду! Звуки мелодии лились над домами, деревьями и устремлялись вверх к звездам...

Хатиджэ начала играть. Потом негромким, но приятным голосом запела романс.

— Вы любите музыку? — Я так заслушалась, что не заметила, как князь оказался рядом.

— Этот вопрос мне уже задавали... По-моему, нет таких людей, которые бы относились к ней равнодушно...

— Да, вы правы. — Князь улыбнулся уголками губ. — Целый вечер я ищу повод заговорить с вами и не нашел ничего более банального, чем справиться об этом...

Мне стало не по себе. Я столько раз слышала такие слова и знала, что за этим последует. Наверное, Ихсан был прав, и нам еще в самом начале следовало бы уйти...

— Феридэ, не думайте, что я собираюсь ухаживать за вами. — Князь словно разгадал мои мысли. — Просто вы и ваш друг единственные живые люди на этом светском вечере.

— Что вы имеете в виду?

— Посмотрите внимательно на окружающих. Я общаюсь с ними довольно давно и могу делать определенные выводы. Джемиле, хозяйка дома, под маской радушия и гостеприимства скрывает холодный и расчетливый ум. Ее поклонник фабрикант снабжает Джемиле деньгами. Она привыкла жить в роскоши, а когда оказалось, что потребности побольше возможностей, нашла себе человека, который согласился помочь ей, за определенную плату, конечно. Джемиле мечтает выдать свою сестру замуж за богатого дурака и поэтому устраивает здесь такие музыкальные вечера. Обратите внимание на друзей хозяйки.

Я повернула голову в сторону Буцовых. Художник, с трудом поднявшись со стула, при поддержке жены передвинулся к дивану. Лима что-то зло шипела ему на ухо.

— Художник и писательница, — продолжал Орлов, — неплохое украшение салона, не правда ли? Несмотря на то что он алкоголик, а она бедна, как церковная мышь... Джемиле принимает эту пару потому, что у них есть определенная популярность... А студенты университета... Скоро один из них попадет в лапы хорошенькой Хатиджэ. Между прочим, оба юноши отнюдь не бедны...

Я не очень-то верила князю, но то, о чем он рассказывал, было довольно занимательно...

— Скажите, а почему Джемиле приняла вас с Ихсаном?.. Молчите... А мне кажется, милая Феридэ, что вы настолько умны, что догадались сами...

Я пожала плечами.

— Вы очень хорошего мнения обо мне, но увы...

— Экзотика! Друзья из соседней Турции — офицер и женщина в чадре. Джемиле перед вашим приходом очень красочно описала ваш наряд, но, к сожалению, вы пришли в обычном платье. Всем так хотелось полюбоваться на скромную турчанку с закрытым лицом, что даже я клюнул на эту приманку. Но теперь приятно разочарован...

Орлов поцеловал мне руку. Не зная, как отнестись к его словам, я замолчала. Мне почему-то показалось, что, несмотря на едкий сарказм, князь говорил правду.

— А какая роль предназначена вам в этом доме? — поинтересовалась я, желая окончательно прояснить для себя ситуацию.

Князь тихо рассмеялся.

— Я богат. Здесь отдыхаю, тратя деньги налево и направо. Это, во-первых. А во-вторых, Джемиле, сама Джемиле, имеет на меня виды... Дело в том, что никто в городе не знает, что я женат...

Краска прилила к моему лицу.

— Князь, но это же подло!

— Почему? — удивился мой собеседник и, выдержав паузу, добавил — По крайней мере не хуже, чем пользоваться чужими деньгами и заманивать женихов всеми правдами и неправдами.

— Кого вы имеете в виду? — тихо спросил Ихсан, незаметно подойдя сзади.

Зная характер майора, я постаралась замять неприятную тему.

— Ах, Ихсан, мы с князем обсуждали один интереснейший роман...

Офицер недоверчиво переводил взгляд с Орлова на меня. Князь заговорщицки подмигнул мне.

— Да, оказывается, наши мнения на его счет совпадают, правда?

Мне ничего не оставалось, как кивнуть головой. Хатиджэ перестала играть. Я же стояла

и думала над словами князя. Совершенно по-новому я увидела тех людей, которые еще час назад казались мне веселыми и приветливыми. Хорошо, что Ихсан об этом не догадывается. Вдруг во мне проснулась прежняя Чалыкушу, и я захотела доказать, что турчанки не такие уж и провинциалки в вопросах искусства. Я подошла к роялю и взяла несколько аккордов. Гости, которые уже направились к столу, остановились. Я села за инструмент и начала играть. Это был один из религиозных гимнов. Я вся отдалась музыке, не обращая внимания на окружающих. Закончив одну мелодию, я тут же перешла к другой. Когда я наконец-то встала, послышались громкие аплодисменты. Мне запомнились глаза Ихсана. Он впервые слышал мою игру, и выражение его лица было скорее удивленным, чем восхищенным.

— Bravo! — похвалила меня Джемиле. — Мы и не подозревали, что вы, Феридэ, так прекрасно владеете инструментом... Такой чувственной игры я не слышала давно. А где вы научились этому?

— Играть на рояле или манере исполнения? — отпарировала я. Джемиле смешалась. Я направилась к выходу и, остановившись у порога, произнесла:

— Все было прекрасно. Спасибо за радушный прием...

Растерянная хозяйка попыталась меня удержать:

— Вы что, Феридэ, уходите? А как же кофе?

— Нет, благодарю, уже поздно. Завтра мы уезжаем, и мне надо выспаться.

— Насколько мне известно от Ихсана, вы собирались остаться еще на несколько дней...

— Наши планы изменились...

Утром я проснулась в гостинице со страшной головной болью. Вчерашние приключения давали о себе знать. Столько знакомств и впечатлений за один вечер!

В дверь кто-то осторожно постучался. Я подумала, что это Ихсан.

— Войдите!

Дверь распахнулась, и на пороге появился посыльный с огромной корзиной цветов. Я опешила от изумления. Юноша поставил свою ношу на пол и направился к выходу. Когда за ним закрылась дверь, я босиком подбежала к букету и увидела, что в цветах лежит письмо. Развернув лист бумаги, я прочла:

«Феридэ, примите от меня этот скромный дар. Ваше обаяние покорило и обезоружило меня...

Князь Орлов».

В дверь снова постучали. Я набросила на себя халат и пригласила зайти. Это был Ихсан. Увидев корзину цветов, майор изменился в лице.

— Это кто же прислал вам такой подарок?

— Князь Орлов.

— Вам не кажется, что букет надо отправить обратно?

— Почему?

— Не стройте из себя наивную девочку. Вы прекрасно понимаете, что если примете цветы, значит, вы поощряете ухаживания князя.

— Какие глупости. Орлов не питает ко мне никаких чувств, кроме дружеских...

— Вы так считаете? А мне кажется, что князь хочет добиться вашего расположения. У него репутация ловеласа.

Конечно, кое в чем Ихсан был прав. Но дух противоречия разыграл во мне. Я упрямо

сжала губы и твердо произнесла:

— Майор, вы снова лезете в мою личную жизнь. Позвольте мне самой принимать решения. Если я захочу, то отправлю корзину с цветами назад. Однако я хочу это сделать сама, без вашего участия. Но, может быть, я ее и оставлю...

Ихсан побледнел. Я видела, что он едва себя сдерживает. С вежливым поклоном майор удалился, но с какими усилиями давалось ему это спокойствие.

Я снова сморозила глупость. Сколько можно делать ошибок? Из-за моего скверного характера страдает Ихсан. Даже если майор ничего не узнает, букет надо отправить назад князю.

Выйдя из комнаты, я позвала коридорного и, протянув юноше несколько монет, попросила:

— Возьмите, пожалуйста, из моей комнаты корзину с цветами и отправьте ее на адрес князя Орлова.

Коридорный поклонился и с букетом спустился в холл. Через минуту он вернулся и сообщил:

— Ваше поручение выполнено.

Я пошла собирать вещи в дорогу. Сегодня мы уезжаем.

Месемврия, 13 сентября

Какой прелестный человек князь! Чем больше я его узнаю, тем больше очаровываюсь. Мне везет на хороших людей: Ихсан, теперь — князь Орлов...

Мы на несколько дней задержались в Месемврии. Проливной дождь помешал нам отправиться в путешествие.

Месемврия — Обзор, 21 сентября

Снова дорога. На меня угнетающе действует то, что мы с Ихсаном почти не разговариваем. Я вспоминаю дни, проведенные в Месемврии, и понимаю, что если бы не майор, то мне бы вовек не выпутаться из этой истории...

Начну все по порядку. Сначала были цветы, присланные князем, потом ссора с Ихсаном, потом... Нет, мысли путаются, мне невозможно ухватить конец этого клубка... В тот день я сложила вещи в дорогу и ждала майора. Через два часа мне стало не по себе, потому что Ихсан не пришел. Я спустилась в холл гостиницы и столкнулась с князем Орловым. От удивления у меня даже перехватило дыхание.

— Феридэ, — как ни в чем не бывало протянул князь, — а я за вами.

— За мной?

— Приглашаю посетить мое скромное убежище.

— Нет, — запротестовала я, — мне нужно дождаться Ихсана, да и мы с минуты на минуту уезжаем.

Орлов, прищурившись, посмотрел на меня.

— И все-таки я настаиваю на визите. Кстати, ваш друг уже согласился. Он сидит у меня в экипаже и ждет вас.

Я растерялась. Потом мне стало до слез обидно: я несколько часов проторчала в номере, боясь выйти даже на минуту, а майор в это время разъезжал по городу в экипаже князя. «Ну

и поеду назло Ихсану. Один день ничего не решит...» — подумала я, а вслух произнесла:

— Я согласна.

Князь обрадовался. Его лицо стало по-детски простодушным, а в глазах загорелись веселые чертики.

— За последние несколько дней это самая приятная новость, которую мне довелось услышать! — воскликнул он и, протянув мне руку, повел на улицу.

Первое, что бросилось в глаза, — небо, затянутое свинцовыми тучами. Я вспомнила, что жители деревень рассказывали мне о проливных дождях, которые не переставали идти несколько дней, а то и недель. Мне не хотелось думать о плохом, и я выбросила из головы мысли о непогоде.

В экипаже действительно сидел Ихсан с мрачным лицом. В тот момент мне показалось, что майор дует на меня, но при князе не хотелось выяснять отношения. Поэтому я как ни в чем не бывало устроилась рядом и улыбнулась Ихсану. Он отвернулся. «Ну и пусть обижается», — подумала я.

Мы ехали по Месемврии, а Орлов рассказывал нам об этом городе, останавливая экипаж в самых интересных уголках. На время я забыла об обиженном майоре, о своих проблемах и вся как бы окунулась в мягкий негромкий голос гида. Князь удивительно много знал и преподносил все доходчиво и с юмором. Незаметно мы подъехали к его дому. Это была небольшая усадьба в стиле барокко, построенная в прошлом веке. Она стояла недалеко от моря.

— Вот мое скромное убежище, — небрежно заметил Орлов и неожиданно обратился ко мне: — Феридэ, почему вы не приняли мои цветы?

Я замешкалась с ответом, так как увидела удивленный взгляд майора.

— Понимаете, князь, я очень люблю розы, но если мне дарит их близкий человек.

Орлов захохотал.

— Да вы меня неправильно поняли. Это был незначительный знак внимания. Во всяком случае, я не имел в виду ничего двусмысленного. На вечере у Джемиле мне понравилась ваша игра, и я решил по-своему отблагодарить.

Слова князя меня подкупили. Когда делают комплименты моим музыкальным способностям, я сразу прощаю этому человеку все обиды. Орлов попал прямо в цель. Для меня загадка, обладал ли князь прекрасной интуицией или был знатоком человеческих душ, но в эту минуту я почувствовала симпатию к нему.

Мы вошли в дом. Меня поразило огромное количество антиквариата. Князь знал толк в старине. Я рассматривала причудливую мебель, картины известных мастеров, и сердце мое наполнял восторг.

— Ихсан, — обратилась я к майору, — как это прекрасно!

Офицер задумчиво смотрел в окно. Князь вышел из комнаты, и Ихсан наконец-то подал голос:

— Феридэ, я хочу извиниться за обиду, нанесенную вам. Кто мог предположить, что вы отошлете букет обратно. Я был уверен — вы приняли цветы...

— Не будем об этом. Давайте лучше любоваться прекрасными вещами. Интересно, откуда у князя такие огромные деньги? Ведь все это стоит немало.

Ихсан, не обращая внимания на мои слова, продолжал:

— Я вел себя как последний дурак...

— Да я давно забыла. Мы оба вели себя словно дети.

На пороге комнаты появился Орлов. Он держал в руках поднос с красивыми фужерами, наполненными жидкостью цвета граната.

— Феридэ и Ихсан, давайте выпьем за наше знакомство. Это вино почти столетней выдержки. Я достал его из погреба специально для вас.

Я не пью крепких напитков. Но в голосе князя было столько мольбы, что я не удержалась и взяла бокал. Сделав глоток, я почувствовала легкое головокружение. Вино оказалось не только вкусным, но и крепким. Вдруг я заметила, что Ихсан, пригубив, поставил бокал на поднос.

— А почему вы не пьете? Вам не нравится? — усмехнувшись, спросил Орлов.

Майор решительно покачал головой:

— Мне надо идти собираться в дорогу. Мы ведь сегодня уезжаем, правда, Феридэ?

Я молчала. Или это вино так меня расслабило, или просто сказалась усталость последних недель, но мне даже не хотелось отвечать. Единственным желанием было прилечь и выспаться. Майор воспринял мое молчание по-своему.

— Так мы едем искать Кямрана? — допытывался офицер.

Князь, взяв его под руку, отвел в сторону. О чем они говорили, я уже не слышала. К великому стыду, я заснула...

Открыв глаза, я не сразу поняла, где нахожусь. Первая мысль была о гостинице, но, оглядевшись, я увидела, что это не так. «Усадьба князя!» — вдруг мелькнуло у меня в голове. Судорожно вскочив, я в расстроенных чувствах бросилась к выходу.

— Что произошло? — Спокойный голос Орлова остановил меня.

Я беспомощно оглянулась.

— Простите, князь, я не заметила, как уснула.

— Очень хорошо>Теперь вы выспались, отдохнули, и можно нормально поговорить.

— А где Ихсан?

— Он ушел.

— Куда?

Орлов захохотал.

— Да-а-а, Феридэ, вы еще не совсем проснулись. Душа ваша где-то бродит, а тело мчится прочь из дома, да еще задает такие вопросы... Не знаю, куда делся ваш печальный рыцарь. В гостинице, наверное. А вы думали, что майор охраняет ваш сладкий сон? На сей раз это делал я.

Я не знала, что сказать. Но князю, казалось, не требовались мои ответы.

— Феридэ, прошу вас пообедать у меня.

— Право не знаю... Меня ждет Ихсан.

— Да никто вас не ждет, — в голосе князя послышались нотки раздражения, — он ушел, даже не попрощавшись. Самовлюбленный эгоист...

— Вы не должны так говорить о моем друге. Майор — замечательный человек. Он многое для меня сделал.

Орлов с улыбкой на лице заметил:

— А вы никогда не задумывались над тем, почему Ихсан такой? Он любит вас и в мечтах видит своею. А его помощь в поисках вашего мужа, поверьте, не от большого милосердия. Майор нашел ключ к вашему сердцу. Путешествие по Болгарии — прекрасная возможность завоевать вас.

Я задумалась.

— Но он делает все это бескорыстно.

— Глупая, наивная девочка... Знаете, почему Ихсан тянет вас поскорее уехать отсюда?

— Почему?

— Чтобы увезти от достойного соперника. Майор понимает, чем быстрее вы уедете из Месемврии, тем больше у него шансов остаться с вами.

— Глупости. Ихсан хочет побыстрее найти моего мужа.

Князь грустно посмотрел на меня.

— Нет, Феридэ. Кямрана с помощью майора вы никогда не найдете. Ихсан сделает все возможное, чтобы это не произошло. Вы мне не верите?

Конечно, последнее время майор вел себя очень странно. Я вспоминала некоторые моменты и с горечью думала, что князь в чем-то прав.

— Простите, о каком сопернике вы говорите?

Орлов посмотрел мне в глаза.

— А вы не догадываетесь?

— Нет.

— Я бы никогда не подумал, что вы настолько наивны. Ведь соперник — я...

В тот день я пообедала с Орловым, а вечером князь отвез меня в гостиницу.

Начались проливные дожди, поэтому поиски пришлось отложить на неопределенный срок. Все небо покрыли тучи. С моря дул порывистый холодный ветер, и даже в теплом номере было сыро. Я куталась в большую теплую шаль и с грустью глядела в окно. Ихсан не заходил ко мне...

Мы встретились с ним в холле, когда князь прощался со мной. Майор молча прошел мимо, слегка кивнув головой. Выяснить с ним отношения не имело смысла. Я даже не пыталась сделать это. И сейчас, сидя в кремле, я думала — как все, однако, странно повернулось. Несмотря на предложенную князем помощь, мне хотелось, прежде чем дать Орлову ответ, поговорить с майором.

Решительно поднявшись, я вышла из комнаты и направилась к номеру Ихсана. На мой стук послышался тихий голос:

— Войдите.

Открыв дверь, я увидела майора, лежащего на кровати и читающего книгу. Удивленный Ихсан приподнялся.

— Я пришла поговорить с вами.

— Очень хорошо, садитесь.

— Спасибо. — Я примостилась на краешке стула.

В воздухе повисло неловкое молчание. Не зная, с чего начать, я теребила концы шали.

— Ужасная погода, правда? — помог мне Ихсан.

— Да, дождь льет как из ведра... Вы не знаете, надолго ли это затянется?

— Год на год не приходится. Насколько мне известно, бывает, что целый месяц носа на улицу не высунешь.

Мы перекидывались незначительными фразами, понимая, что разговор о главном впереди. Наконец я решилась:

— Ихсан, хотела спросить у вас...

— Спрашивайте.

— Почему вы вдруг стали помогать мне? Ведь я для вас чужой человек.

Майор грустно улыбнулся:

— А вы сами не понимаете почему?

Я пожала плечами.

— Я люблю вас...

— Но ведь, Ихсан, мы ищем моего мужа. Я не понимаю, на что вы рассчитываете?

Лучше бы я не говорила этих слов. Губы майора задрожали, и глубокий вздох вырвался у него из груди. Его большие глаза потемнели.

— Неужели за столько времени, проведенного рядом, вы так плохо меня узнали? Я люблю вас и хочу видеть счастливой. А помогать вам — значит приблизить это время. Лично я ни на что не рассчитываю...

Ихсан отвернулся к окну, но я успела заметить слезы в его глазах.

Я совершенно запуталась. Хотя офицер был искренен со мной, но слова князя не выходили из головы. Боже мой, как тяжело без тебя, Кямран. Столько проблем свалилось на бедную Чалькушу. Был у нее друг, но она его потеряла; был муж, но он пропал без вести; был сын, но его забрали; был дом, но... Я одна не в состоянии бороться со всем этим. Приходит одна беда, за ней вторая, а следом бежит третья... Я больше не могу!

Молча закрыв за собой дверь, я направилась в свой номер. Не успела я сделать и нескольких шагов, как вдруг раздался знакомый голос:

— Феридэ!

— Князь...

— Что случилось? — встревоженно поинтересовался князь. — Вы вся дрожите.

Не в силах вымолвить ни слова, я расплакалась. Орлов, как мог, принялся утешать меня. Так мы стояли в коридоре: мужчина в мокром плаще и рыдающая женщина. Наконец я почувствовала, что уже в состоянии разговаривать.

— Князь, вы предлагали мне свою помощь и дали время на размышление.

— Да, было такое...

— Так вот, я согласна.

Орлов с трудом сдержал радость.

— Но в ближайшее время мы не сможем продолжать поиски вашего мужа.

— Почему?

— Феридэ, посмотрите в окно. Вряд ли вам доставит удовольствие мокнуть под дождем и месить грязь в окрестных деревнях...

Я задумалась. Князь был прав, но мне хотелось отправиться сейчас же, чтобы больше никогда не видеть Ихсана. Я поймала себя на мысли, что в последнее время по вечерам больше думаю о своих отношениях с майором, чем о муже. Теперь, когда я раз и навсегда распрощаюсь с Ихсаном, все станет на свои места...

Вечер я провела у Джемиле. На этот раз все относились ко мне по-другому. Может быть, оттого, что я пришла вместе с Орловым. Джемиле показывала всем своим видом, что ничуть не удивлена. Но чем больше она строила из себя эмансипированную женщину, тем сильнее лезло из нее простое бабское любопытство. Ихсана среди гостей не было. Я вообще не видела его с того злополучного разговора. Князь был весел. Он шутил и смеялся. Несколько раз я ловила на себе завистливый взгляд Хатиджэ. Девушка в этот вечер не садилась играть, как ее ни упрашивали. Она капризно надувала губы и отнекивалась:

— Попросите лучше Феридэ. Она тоже неплохо играет.

Я не собиралась садиться за рояль, по слова Хатиджэ задели меня да живое.

— Хорошо, я сыграю несколько песен. — Взяв несколько аккордов, я решила исполнить песни, написанные Юсуфом. Когда я работала в женской школе города Б..., со мной приключилась одна история. Учитель Юсуф был влюблен в меня, но мужчина болел чахоткой и вскоре умер. И как воспоминание об этом времени остались песни, которые учитель сочинил для меня. Не знаю, почувствовали или нет гости всю горечь и безысходность мелодии, но я старалась вложить всю душу в игру...

Мне не хотелось долго задерживаться у Джемиле. Я подошла к Орлову и тихо шепнула ему:

— Вам весело?

— А вы хотите уехать? — догадался князь. — Можно уйти незаметно, чтобы избежать лишних вопросов.

— Но я так не смогу, — растерянно пробормотала я.

— Положитесь во всем на меня. — Спокойный голос князя вселял уверенность.

Орлов подошел к Джемиле и заговорил с ней. Хозяйка, улыбаясь, отрицательно качала головой. Но не было на свете такого человека, который не поддался бы обаянию князя. В конце концов Джемиле сдалась. Орлов легкой походкой направился к выходу и незаметно мне подмигнул. Я поспешила за ним.

Когда мы оказались на улице, князь подозвал свой экипаж и помог мне в него забраться. Минуту мы тихо сидели и слушали, как дождь барабанит по крыше.

— Куда прикажете? — прервал молчание Орлов.

В гостиницу мне ехать не хотелось. Там был Ихсан, моя незаживающая рана, поэтому я неопределенно пожала плечами.

— Тогда приглашаю к себе.

— Хорошо, поехали.

Усадьба встретила нас темными окнами. Я удивленно посмотрела на Орлова.

— Я отпустил слуг, — пояснил он. — Сегодня вечером у меня было желание побыть одному.

Конечно, я не должна была даже подниматься в дом, услышав эту новость. Но моя проклятая доверчивость подвела и на этот раз. Мне и в голову не пришло что-нибудь плохое. Князь всегда относился ко мне с уважением, как к младшей сестре. Поэтому я смело поднялась по ступенькам...

Орлов зажег свечи. Комната сразу же наполнилась замысловатыми тенями. Мне показалось, что я нахожусь в музее, а вокруг — бесценные экспонаты.

Князь принес вино в высоких бокалах и предложил его мне. Я отрицательно покачала головой, вспоминая неудачный дебют прошлого раза.

— Феридэ, — уговаривал мужчину, — выпейте один глоточек за успех нашего дела.

Я была не в силах отказаться. Но вино подействовало на этот раз совсем по-другому. Мне стало весело, захотелось сесть к роялю и громко заиграть военный марш. Вдруг мне в голову пришла одна мысль. Вино придало смелости, и я решилась высказать ее вслух:

— Князь, а почему, собственно, вы взялись мне помогать?

— А вы не догадываетесь, Феридэ?

Мне кажется, я уже где-то слышала этот разговор. Я вспоминаю, что именно так ответил Ихсан. За этим последовало признание. Неужели князь влюблен в меня? Все возможно, но почему же Орлов не отвечает?

— Нет, я в вас не влюблен, если вы это подумали, — казалось, князь прочитал мои мысли.

Я смешалась. Глупенькая девчонка, вообразила себе бог знает что! Но вдруг Орлов, взяв мою руку, сказал такое, что я своим ушам не поверила.

— Феридэ, я предлагаю соглашение. Мы найдем вашего мужа, если даже для этого придется перевернуть всю Болгарию. Но подарите мне одну ночь...

— Вы хотите сказать...

— Да, я желаю, чтобы вы стали моей любовницей.

У меня помутилось в голове. Тошнота подступила к горлу, мое тело покрылось холодным потом. Я испугалась. Вечер, мы одни в доме, усадьба находится вдалеке от других домов. Что делать, как убежать? Но, взяв себя в руки, я решительно произнесла:

— Князь Орлов, вы негодяй!

Затем твердым шагом направилась к выходу, боясь, что мужчина сейчас бросится ко мне. Но Орлов не двинулся с места. Я открыла дверь и услышала вдогонку слова:

— Все равно вы рано или поздно будете моей...

К гостинице я неслась со всех ног. Мне повезло, что какой-то экипаж подвез до самого подъезда. Я ворвалась в свой номер, дрожа от холода, и бросилась на кровать. Рыдания душили меня. Сколько уже живу на свете и так попала на красивые слова и комплименты. Правду говорят — век живи, век учись. Наивная Чалыкушу поверила незнакомому человеку, не выслушав близкого. Где теперь Ихсан?

Я быстро вытерла слезы и вышла в коридор. Я пойду к майору и расскажу ему все. А он пусть сам решает — заслуживает Чалыкушу прощения или нет. Вот и его дверь. С надеждой я постучала. Мне никто не открыл. «Наверное, Ихсан еще не вернулся с прогулки, — подумала я. — Но ведь на улице дождь, да и поздно уже...» Я спустилась в холл и разыскала портье. Мешая болгарские и французские слова, я спросила, где молодой мужчина, который жил в пятом номере. Портье неплохо знал французский, но никак не мог понять, кого я имею в виду.

— Мужчина со шрамом на лице. Он вселялся вместе со мной...

— А-а-а... — догадался портье. — Он уехал из гостиницы час назад.

— Куда уехал?

— Не знаю. Расплатился по счету, взял вещи и...

* * *

Я снова одна. Почему небо не рухнет мне на голову? Почему все как обычно — день сменяет ночь, осень — лето. Желтые листья кружатся в воздухе и, оседая на землю, покрывают ее золотистым ковром. Птицы улетают на юг, и мне надо отправляться дальше.

Сегодня я подсчитала, сколько у меня осталось денег. Оказалось, что больше, чем я думала. Но как правильно распорядиться ими? Эти вопросы всегда решал Ихсан. Он же нанимал проводника, договаривался об экипаже...

Дожди уже кончились. Я почти не выхожу из гостиницы. Узнав об отъезде майора, я хотела броситься за ним, догнать его, вернуть, но... «Стой, Чалыкушу! — подумала я. — А желает ли Ихсан этого? Хватит быть эгоисткой. Пора подумать и о других». Наверное, майор собрал все свое мужество и вырвал из сердца любовь ко мне. И это — правильно. Ведь я никогда не смогу быть с ним, пока Кямран жив. Если бы мой муж умер, что бы это изменило? Я же не люблю Ихсана. Последний месяц майор стал для меня чем-то вроде

неотъемлемой части моей жизни. Нас многое связывало, поэтому теперь мне его и не хватает...

Я ненавижу себя. Я хочу вернуть назад время, чтобы этого не произошло.

Приходил князь Орлов. Я лежала с высокой температурой и никого не хотела видеть. Князь передал через горничную, что придет мне доктора. Через час появился врач. Он выслушал меня и поставил диагноз — нервное истощение. Доктор посоветовал лечь в больницу...

Каждый день я с трудом открываю глаза. Вновь идет дождь. Время проходит в ожидании хорошей погоды. Я не представляю, как взяться за улаживание моих дел. От помощи князя Орлова я категорически отказалась. Мне даже не хочется с ним разговаривать.

Сегодня меня навестила Джемиле. Она впорхнула в номер, словно причудливая бабочка, и, расправив крылья своей одежды, уселась на диван. Достав из сумочки длинную папиросу, Джемиле закурила, даже не спросив разрешения.

— Милая Феридэ, что у вас нового? — затараторила мадам. — Я слышала, что Ихсан покинул наш город.

Мне не хотелось разговаривать с ней. Эта женщина определенно раздражала своей нервозностью. Но Джемиле по-своему поняла мое молчание.

— Не расстраивайтесь. Я хорошо знаю этот тип мужчин, — авторитетно заявила она. — Ихсан обязательно вернется. Он любит вас, но майор немножко старомоден...

— Что вы имеете в виду?

— Ихсан считает, что вам нельзя никем увлекаться. Как и все мужчины, он — собственник.

Я непонимающе посмотрела на мадам.

— Джемиле, если вы думаете, что мы с майором — любовники, то очень ошибаетесь. У нас дружеские отношения.

Джемиле кокетливо сложила руки, приготовившись слушать. Ее глаза загорелись любопытством, ноздри раздулись. Она мне напомнила хищное животное. Мне не хотелось рассказывать мадам о наших взаимоотношениях с офицером, но, очевидно, Джемиле пришла как раз за этим.

— Я плохо себя чувствую, — попробовала я отделаться от нее.

— Так переезжайте к нам в дом, — предложила Джемиле. — Что вам болеть в этой сырой гостинице?

«Нет, — подумала я, — так просто от этой женщины я не избавлюсь». И тут у меня в голове созрел план. Мгновенно напустив на себя загадочность, я сделала вид, что колеблюсь.

— Джемиле, — начала я, — вы мне обещаете, что это останется между нами?

— Конечно. — От избытка любопытства мадам даже икнула.

Я опустила глаза и нерешительно произнесла:

— Нет, не могу... Я дала слово...

Джемиле, как ужаленная, подскочила ко мне и села на постель. Она взяла мою руку и, поглаживая, затараторила:

— Феридэ, ну, пожалуйста...

Сделав вид, что изо всех сил борюсь со своей совестью, я медленно проговорила:

— Я никогда бы не выдала тайны, но это касается вашей семьи.

— Меня?!

— Да нет. Хатиджэ...

Джемиле всплеснула руками. Она пододвинулась совсем близко к моему лицу. Я даже почувствовала ее дыхание.

— Какая тайна? — Хотя в комнате никого не было, мадам перешла на шепот.

Я серьезным голосом призналась:

— Вы ведь заметили, что мы с Орловым последнее время очень дружны.

Джемиле кивнула.

— Некоторые даже думали, что у нас роман, — продолжала я.

— Я так никогда не считала, — торопливо произнесла мадам.

— Да о вас никто и не говорит, — успокоила я женщину и вздохнула. — К сожалению, князь любит другую.

Мадам открывала и закрывала рот, будто ей не хватало воздуха. Мне показалось, что сейчас ее хватит удар.

— А кто она? — осипшим голосом допытывалась Джемиле.

— Ваша сестра...

Хорошо, что наготове у меня была припасена нюхательная соль. Я подсунула ее женщине под нос и только этим спасла Джемиле от обморока. Оправившись от удара, мадам нервно спросила:

— Когда это Орлов вам сказал?

— Да совсем недавно. Он советовался со мною, как лучше сделать предложение Хатиджэ.

— Вы считаете, что дело может закончиться свадьбой? — Нотки недоверия сквозили в голосе Джемиле.

Я напустила на себя уверенный вид и утвердительно кивнула.

— Только никому не рассказывайте об этом. Особенно князю. Представляете, как я буду выглядеть в его глазах...

Джемиле подхватила сумочку и засобиралась. Видимо, ей не терпелось сообщить эту новость сестре. На пороге мадам остановилась. Я заговорщицки приложила палец к губам и повторила:

— Помните, никому ни слова!

Когда за мадам закрылась дверь, я расхохоталась. Впервые за последние дни мне стало значительно лучше. Не зная, чем окончится эта история, в душе я надеялась, что когда Орлов узнает о своей невесте, то я буду уже далеко.

Поднявшись с постели и приведя себя в порядок, я начала складывать вещи. Теперь окончательно решено — я сегодня же уезжаю. Ничего, что путешествие я продолжу одна. Будем надеяться, несчастья обойдут меня.

Проводник, который будет показывать дорогу, приходил вчера. Это был высокий худощавый мужчина. Впалые щеки и легкая щетина делали проводника похожим на святого. И все-таки еще день я проведу в Месемврии. Мне кажется, Ихсан может вернуться.

Все открылось гораздо быстрее, чем я предполагала. Очевидно, обрадовавшись за судьбу сестры, Джемиле по дороге домой по секрету рассказывала каждому встречному о предстоящей свадьбе. В конце концов новость дошла и до князя. Но недолго Хатиджэ побыла в роли невесты. Не знаю, как происходила сцена объяснения, однако думаю, проклятия сыпались в мой адрес.

Я узнала о разоблачении от самой мадам. Она на следующий день с каменным лицом вошла в номер и вылила на мою бедную голову целый поток грязи.

— Да вы, оказывается, интриганка, — язвительно сказала Джемиле, не успев переступить порог.

— Прошу не оскорблять меня, — гордо вздернув подбородок, произнесла я.

— Вас убить мало, — не унималась мадам. — Но я пришла для того, чтобы предупредить. Вы еще поплачете, если не уберетесь из нашего города. Чем быстрее это произойдет, тем лучше...

Я не придавала значения словам Джемиле, а напрасно. Спустя несколько часов проводник отказался сопровождать меня в дороге. Сколько я ни уговаривала его, обещая даже двойное жалованье, он не соглашался.

Мне опять пришлось заняться поисками нового проводника. Но во всех местах, куда я обращалась, мне объясняли, что на данный момент ничем помочь не могут. Совсем отчаявшись, я решила отправиться одна. Но тут возникла новая проблема: не было свободных экипажей. Я даже не смогла купить лошадь... Так что Джемиле и ее свита задержали меня в Месемврии еще на один день.

На следующее утро мне нанес визит князь Орлов. Я впервые увидела его после злополучного вечера. Орлов вошел и как ни в чем не бывало уселся в кресло.

— Князь, я не приглашала вас. — В моем голосе слышались стальные нотки.

Орлов бесцеремонно оглядел меня.

— А вы похудели. Уже не такая свеженькая, как раньше...

— Зато вы — такой же невоспитанный. Кто позволил вам сидеть в присутствии дамы.

— Но вы же сами удобно устроились в кресле...

— Я встану и даже провожу гостя до выхода, — отпарировала я.

— Прошу вас, позвольте мне остаться. — В голосе князя послышалась мольба. — Я пришел извиниться.

Гнев душил меня. Как посмел этот человек явиться и как ни в чем не бывало просить прощения. Даже если бы князь приполз на коленях, все равно бы я не простила его.

— Уходите! — Мой твердый голос заставил Орлова приподняться.

Я была уверена, что князь сейчас же уйдет, но он снова опустился в кресло.

— Пока не помирюсь с вами, не сдвинусь с места.

— Вы заставляете меня прибегнуть к помощи коридорного, — с этими словами я направилась к двери.

Моя угроза никак не подействовала на Орлова. Он, усмехаясь, заметил:

— Это не поможет. Щедрые чаевые сделали свое дело. Даже если вы будете кричать, ни один человек в гостинице не заинтересуется вами...

Я поняла, что придется пойти на уступки. Князь пользуется огромным влиянием в городе, а я по сравнению с ним лишь никому не известная приезжая.

— Хорошо. Считайте, что вы прощены. — Мой голос дрожал от гнева.

— Прекрасно, Феридэ. А теперь скажите это более ласково...

Орлов явно издевался надо мной. Не в силах выносить его сарказма, я в отчаянии закрыла лицо руками. Ситуация казалась безвыходной. В ту минуту единственным моим желанием было выбраться из этого проклятого места. А пока обстоятельства вынуждали меня быть терпеливой. Тем временем князь медленно встал и закрыл дверь на ключ.

— Я же сказал, что вы будете моею, — мягко произнес он и направился ко мне.

Сделав назад несколько шагов, я уперлась в стенку. Дальше отступать было некуда. Я не помню, о чем думала в тот момент. По-моему, кроме ненависти и отвращения, в мыслях не было ничего. Вот и все, Чалькушу, продолжать поиски Кямрана уже не придется...

Орлов приближался. Он подошел уже вплотную ко мне и попытался обнять. Я оттолкнула руки князя, но он повторил попытку снова. Глаза его блестели, лицо покрылось капельками пота. С едва заметной улыбкой в уголках рта Орлов проговорил:

— Не надо сопротивляться, девочка. Лучше покориться судьбе.

Неожиданно кто-то постучал в дверь.

— Че-е-ерт! — выругался князь.

Решительной походкой он направился к двери и распахнул ее. Уверенный, что это кто-нибудь из персонала гостиницы, князь опешил от изумления, когда увидел вошедшего. В первую минуту за широкими плечами Орлова я не разглядела гостя. Но вот князь отступил в сторону, и я увидела Ихсана

Бог услышал мои молитвы!

Майор, переводя взгляд с князя на меня, спросил:

— Что здесь происходит?

Я ничего не ответила, но все было написано на моем лице. Вдруг князь, который уже оправился от удивления, громко потребовал:

— Ихсан, если не хотите неприятностей, уходите.

Майор не сдвинулся с места. Я заметила, как он сжал кулаки.

— Что вы говорите? Это ваше единственное желание? — с вызовом произнес офицер.

Орлов шагнул навстречу Ихсану.

— Убирайтесь вон, вы, грязный солдафон! — громко выругался Орлов.

Майор, не обращая внимания на противника, повернулся ко мне.

— Феридэ, вы идете со мной?

Я смогла только утвердительно кивнуть. Но не успела я сделать и шага, как князь схватил меня за руку.

— Она останется здесь, — прохрипел он, — а вы, Ихсан, закроете дверь с другой стороны и забудете, что когда-либо заходили сюда.

— Отпустите женщину, — спокойно, но твердо сказал офицер.

В руке у майора появился пистолет. Почувствовав, что Орлов разжал пальцы, я высвободила руку.

— Феридэ, собирайте вещи и спускайтесь вниз. Там у подъезда мой экипаж. Садитесь в него и будьте наготове, — приказал мне Ихсан.

Пока я укладывала дорожную сумку, майор держал Орлова под прицелом.

Через несколько минут я уже сидела в коляске и нетерпеливо поглядывала на выход из гостиницы. Когда на ступеньках появился Ихсан, вздох облегчения вырвался из моей груди. Как только офицер заскочил в экипаж, лошади зацокали подковами о мостовую.

— Гони побыстрее, — попросил майор извозчика и спросил у меня: — Кажется, единственный раз в жизни я успел вовремя?..

Месемврия — Обзор, 25 сентября

Осень, осень... Когда ты уезжал, Кямран, лето было в самом разгаре, а теперь ты ушел в неизвестность. Но я чувствую, что пройдет год, два, и я обязательно найду тебя. Мы вместе

погуляем по нашему саду в Стамбуле. Ты будешь внимательно слушать истории о моих приключениях. А наша любовь — таинственная любовь, устоявшая наперекор всему, будет жить вечно...

Ихсан молчит. Мы разговариваем только по необходимости. Я вспоминаю кошмарную неделю, проведенную в Месемврии, и неприятное чувство охватывает меня.

Я не спрашивала майора, почему он вернулся в гостиницу. Сегодня Ихсан вдруг взял меня за руку и тихо попросил:

— Феридэ, давайте больше не ссориться.

Согласно кивнув головой, я произнесла:

— Можно задать один вопрос? Что заставило вас вернуться назад?

— О-о-о... Это длинная история... Хотите, расскажу, чтобы дорога показалась короче?

По виду майора я догадалась, что все обиды и недоразумения позади. Весело рассмеявшись, я заметила:

— Чалькушу вся внимание. Мне приятно будет узнать некоторые подробности.

— Феридэ, когда я слышу ваш смех, то готов простить вам даже нанесенные мне оскорбления. Но не задирайте носа...

— Нет, нет. Пожалуйста, начинайте.

Ихсан задумчиво поднял глаза к небу.

— После того как мы поссорились из-за букета, который прислал князь, я в расстроенных чувствах бросился на улицу. Накрапывал дождь, а на мне не было плаща. Холодные капли освежили мою горячую голову, и я подумал: «В конце концов, это дело Феридэ — отправлять Орлову цветы обратно или нет». Я было совсем собрался вернуться в номер, как вдруг кто-то хлопнул меня по плечу. «Привет!» — Голос принадлежал Орлову. Меньше всего мне хотелось в эту минуту видеть его, и поэтому я лишь буркнул в ответ: «Добрый день». Князь, лениво постукивая тросточкой по мостовой, продолжил: «А где Феридэ?» Я неопределенно пожал плечами: «У себя...» «Я как раз собираюсь навестить ее». В голове у меня пронеслась мысль, что вы, наверное, не отослали цветы князю, и он воспринял это как повод для дальнейшего ухаживания. Но я ничего не смог с собой поделать... Рассудок подсказывал — раскланяться и уйти, но сердце... Короче, я навязался в гости к князю. Мне показалось, что Орлов, помня обо мне, уделит вам, Феридэ, меньше внимания, чем рассчитывал. Я уселся в экипаж дожидаться Орлова. Каково же было мое удивление, когда вы сели в его коляску...

— Но ведь князь заманил меня, сказав, что именно вы настаиваете на моей поездке в его усадьбу, — перебила я Ихсана.

— Да-а-а... Он обманул нас обоих, — задумчиво протянул майор и добавил: — Князь — страшный человек.

— Не отвлекайтесь, — попросила я. — Что уж теперь об этом...

— Но вдруг я узнал, что цветы князь получил обратно. Радости моей не было предела... Мне захотелось побыстрее вернуться в гостиницу, да и вообще — уехать подальше от навязчивых поклонников. Но вы вели себя так, будто увлечены князем, и совершенно не поддерживали мою инициативу. Да и Орлов выпроводил меня за дверь, намекнув, что третий лишний. Совершенно разбитый, я вернулся в номер.

Воспользовавшись паузой, я начала оправдываться:

— Ихсан, по наивности веря Орлову, я не могла предположить, что все так кончится. Думая, что лишь дружеская симпатия влечет князя ко мне, я относилась к нему так же.

Ихсан улыбнулся.

— Что уж теперь говорить. Слушайте дальше. Я вернулся в номер и попытался чем-либо занять себя. В дорожной сумке у меня валялся старый роман. Я и взялся его перечитывать. Незаметно прошло несколько часов. Я увлекся любовными историями и на время забыл о своих неприятностях. Тут вошли вы. Наш разговор я помню до мельчайших подробностей. Никогда не забуду ваши слова: «Я не понимаю, на что вы рассчитываете...» Смертельную обиду нанесли вы мне одной маленькой фразой. По моему лицу было видно, что это — конец наших отношений. Но, возможно, я бы не уехал, если бы не вышел за вами в коридор...

— А я не заметила вас...

— Еще бы, вы ведь бросились в объятия князя.

— Ихсан, не всегда можно доверять глазам. Я оплакивала на груди Орлова нашу ссору...

Майор грустно улыбнулся. Его глаза цвета морской волны затуманились, а лицо побледнело. Губы офицера упрямо сжались. Я поняла, что сцена, увиденная им в коридоре гостиницы, запомнилась на всю жизнь.

— Феридэ, стоило только оглянуться и сказать: «Ихсан, это неправда». Я бы пошел за вами на край света. Но вы предпочли утешения Орлова... Я дождался, когда вы с князем уехали, и собрал вещи. Сначала хотел оставить записку, даже несколько раз сел за письменный стол, но в конце концов передумал.

Я задумчиво теребила край одежды. Майор открыл мне на многое глаза. Я испытывала к себе отвращение за все горе, которое причинила Ихсану. Почему мы не ценим преданность, дружбу, а часто восхищаемся тем, что блестит, как праздничная мишура. Зачем только я завела этот разговор? Ну, сама виновата... Слушай теперь до конца.

— Но самое неприятное впереди, — продолжал офицер. — Уехать я уехал, но от себя-то не убежишь. Совесть мучила меня за то, что бросил беззащитную женщину на произвол судьбы. Совершенно одну. Я не очень доверял Орлову, чувствуя, что князь, если и возьмет вас под свою опеку, то за определенную плату.

Я покраснела, и Ихсан заметил это.

— Видите, я был прав, — не то спрашивая, не то утверждая, проговорил офицер.

Мне ничего не оставалось, как рассказать ему о гнусном предложении князя. Выслушав мою историю, майор сжал кулаки.

— Если бы я знал, — пробормотал он.

— Не надо сожалеть о прошлом. Случай с Орловым многому научил меня... Продолжайте дальше, Ихсан.

— Что дальше?.. Я отъехал довольно далеко от Месемврии, как вдруг вспомнил, что забыл в гостинице одну дорогую для меня вещь. Конечно, это было только предлогом. Как я мчался назад! Шансов, что вы все еще в городе, было мало, но надежда теплилась у меня в душе. Всю дорогу назад я репетировал, что скажу вам при встрече и, войдя в гостиницу, не вспомнив о забытой вещи, я спросил у портье о вас. «Да, — ответил он мне, — госпожа в номере. Но, по-моему, у нее гости... Князь Орлов, кажется». При этом ненавистном имени кровь прилила к моему лицу. Я опустил на диван и несколько минут не мог двинуться с места. Тут же появилось желание уйти. Но находиться рядом с вами и не увидеться было выше моих сил. Я медленно поднялся по ступенькам и, как мне показалось, целую вечность простоял около вашей двери, не решаясь постучать. Наконец постучал и... Дальше, Феридэ, все происходило на ваших глазах.

Я слушала затаив дыхание. Раньше у меня было несерьезное отношение к такого рода историям. Мне казалось, что чувства всегда в них преувеличены, что такое бывает только в романах, а жизнь... Она более прозаична. Но, глядя в глаза Ихсану, я поняла, что майор пережил это на самом деле. Вдруг тоска сжала мое сердце. Как жаль, что, кроме дружбы, я ничего не смогу дать майору...

Месемврия — Обзор, 26 сентября

Деревни, которые мы проезжали, были похожи одна на другую, как близнецы. Мне некогда вести дневник, потому что осенняя погода очень коварна. Раньше любой камень служил мне столом, а теперь если мы и ночуем в каком-нибудь доме, то просить жечь лампу ради меня... Да и писать-то нечего. Поиски наши пока ни к чему не привели. В деревнях ничего не знают не то что о спасенном человеке, но даже и о самой катастрофе. Крестьяне понуро встречают нас и только благодаря общительности Ихсана отвечают на некоторые вопросы. Боюсь, что путешествие затягивается больше, чем предполагалось.

Я часто вспоминаю свой дом в Стамбуле, Недждета и всех родственников... Простили они меня или нет? Если до них дошли слухи, что искать Кямрана я отправилась вместе с майором, я думаю, что и тетушка Бесимэ, и Неджмие страшно разозлились. Особенно Неджмие. Она вглубине души всегда завидовала и считала, что мне досталось все самое лучшее, а ей — крохи со стола... Но все равно я их всех люблю...

Месемврия — Обзор, 28 сентября

Ихсан предложил мне прогулку по морю. Он договорился с рыбаками о небольшой шхуне.

— Феридэ, вы никогда не видели настоящей Болгарии, — уговаривал меня майор.

Я отнекивалась.

— Как раз больше всего я знакома с настоящей Болгарией — изнутри. Вспомните, сколько деревень мы объехали...

— Это не то. Прозы жизни нам, ой, как хватит. Давайте насладимся поэзией! — восторженно воскликнул Ихсан. — Прекраснее всего Болгария, когда смотришь на нее с моря...

— Ихсан, это скрасит наше путешествие, но не помешает ли поискам?

— Конечно, нет. Просто путь до следующей деревни мы пройдем по воде. Представляете — волны бьются о борт шхуны, мягко покачивающейся на воде... Согласитесь, мы совместим приятное с полезным.

— Вы так эмоционально рассказываете, что я не в силах отказать.

* * *

И вот мы уже на палубе небольшого судна. Соленый ветер обжигает лицо. Чувствуется, что эти дни — последние весточки тепла. Ихсан с двумя рыбаками носится по палубе как угорелый. Я и не подозревала, что майор разбирается в морском деле...

Наконец, решив все вопросы с рыбаками, Ихсан подошел ко мне.

— Расскажите какую-нибудь историю, Ихсан, — попросила я офицера.

Майор задумчиво обвел взглядом побережье.

— Вам нравится меня слушать?

Я кивнула:

— По крайней мере это вносит разнообразие в нашу жизнь.

— Хорошо, — согласился Ихсан. — Тогда слушайте... Жил один человек... Банальное начало, не правда ли?

Я не стала перечить. Майор улыбнулся и продолжил:

— Мужчина был не то чтобы хорош собою, но, во всяком случае, обаятелен. Он пользовался успехом у женщин, был богат, умен. Однажды мужчина влюбился в молоденькую учительницу и предложил ей руку и сердце. Но она не оценила его и отвергла. Что оставалось убитому горем молодому человеку? Он отправился воевать, будучи уверен, что никогда больше не встретится со своей любовью. Но судьба распорядилась иначе. Она свела мужчину с учительницей еще раз. Момент был неподходящий — ранение нашего героя. Девушка, как могла, ухаживала за ним и, пожалев, захотела соединить свое сердце с несчастным. Мужчина, понимая, что она не любит его по-настоящему, отказался.

Ихсан замолчал. Я сразу же поняла, о ком рассказывает офицер. Это была история нашей с ним жизни, хотя такое могло произойти с каждым. Мне было интересно дослушать майора до конца, и я поторопила его:

— И что же дальше?

— Дальше наш герой снова отправился на войну. В тот год его армия несла огромные потери. Но пуля обходила стороной мужчину. Правда, на фронте он чуть было не женился...

Я с удивлением посмотрела на Ихсана. Несмотря на то что мы провели рядом почти месяц, оказывается, я совсем мало знала о его жизни.

— Так вот, в одном городке, где расположился их гарнизон, — продолжал офицер, — молодому человеку понравилась одна девушка. Он сразу отметил ее сходство с учительницей. Те же большие карие глаза, пунцовые губы, тяжелые черные косы. Как выяснилось, девушка жила вместе с братом, сама вела хозяйство и занималась всеми прочими делами. Мужчина стал захакивать к ней. Все друзья уже над ним подшучивали, дескать, скоро погуляем на свадьбе. Но молодой человек понимал, что за похожей внешностью скрывается совершенно другая женщина. Он пытался обмануть свое сердце, но так и не смог и в конце концов сбежал из этого города, даже не попрощавшись...

— Какая грустная история, — задумчиво протянула я.

Ихсан неожиданно рассмеялся.

— Феридэ, признайтесь, вы подумали, что я рассказывал о себе?

Я пожала плечами:

— Если хотите честно — то да.

Майор ничего не ответил. Он взглянул на море и глубоко вздохнул.

— Вам не холодно? — неожиданно спросил Ихсан, увидев, что я вся дрожу.

Я отрицательно покачала головой:

— Нет, это нервы... Мне почему-то кажется, что наши поиски напрасны. Мы все больше отдаляемся от места происшествия, а никаких результатов.

— Не вешайте носа. Где ваша уверенность, которой некогда вы меня заразили?

— Все, Ихсан. Я не верю, не верю... — Слезы набежали на мои глаза.

Я почувствовала, что со мной творится что-то неладное. Дрожь, пробиравшая до костей, усилилась. Сердце стало учащенно биться. Мне показалось, что еще мгновение, и оно выскочит из груди.

— Вам плохо? — испуганно спросил Ихсан.

Не говоря ни слова, я опустила голову ему на плечо и разрыдалась.

— Все будет хорошо, милая. Не плачьте, мы обязательно найдем Кямрана, — утешал меня майор, ласково перебирая рукой мои волосы.

Офицер обращался со мной, как с ребенком. Я представила себя маленькой девочкой, у которой сломалась любимая игрушка. Но детские проблемы всегда можно решить, а что делать мне?

Шхуна приближалась к берегу. Сквозь дымку показались маленькие крестьянские домики. Это была еще одна рыбацкая деревня. Еще одна надежда...

Я неожиданно успокоилась.

— Ну и напугали же вы меня, Феридэ, — улыбнулся Ихсан и серьезно добавил: — Когда приедем в Обзор, обязательно покажу вас врачу. Меня настораживает ваша бледность.

Я только отмахнулась. Все мои мысли были настроены на поиски и расспросы. «Аллах нам поможет», — подумала я и, прочитав молитву, ступила на берег.

* * *

Деревня Н... оказалась непохожей на те, в которых мы уже побывали. Чистые и аккуратные домики производили впечатление достатка. Ихсан решительно направился к ближайшей калитке и толкнул ее. Вдруг залаяли собаки, и майор, не успев зайти во двор, отпрыгнул назад. Мелодичный женский голос раздался из глубины двора. По всей видимости, хозяйка умиряла собак. Вскоре женщина появилась на песчаной дорожке, ведущей к выходу, и остановилась, вопросительно посмотрев на нас. Это была черноглазая, стройная, словно кипарис, болгарка лет двадцати трех. На голове ее поверх мягких изгибов бровей была повязана белая косынка. Я не стала бы утверждать, что она красавица, но, признаюсь, мне показалась достаточно миловидной. Встретившись взглядом с майором, женщина как бы невзначай сдвинула косынку, и по ее плечам рассыпались черные будто смоль волосы.

Ихсан оторопел, но, собравшись, сделал шаг вперед.

— Простите за вторжение, — неожиданно робко проговорил он. — Мы можем поговорить с вами?

Хозяйка игриво повела бровями.

— Проходите, очень рады. — Подойдя к калитке и открыв ее, молодлица, слегка поклонившись и, не отрывая взгляда от Ихсана, пропустила гостей вперед.

Вслед за хозяйкой Ихсан направился к входной двери. Я же задержалась снаружи, разглядывая дом. Он напоминал сказочный теремок. Видимо, мастер, строивший его, знал свое дело. Одни резные наличники с вычурными орнаментами чего стоили! На дворе же размещались многочисленные небольшие сарайчики, из которых раздавались голоса коров и еще какой-то живности. Было очевидно, что хозяева отнюдь не бедны. Пробежав по двору, взгляд мой вновь вернулся на замысловатую резьбу.

— Любуется нашей халупой? — улыбнулась хозяйка. — Это мой муженек постарался... Он у меня блаженный — нет бы заняться хозяйством, так целыми днями все строгают да вырезают. А дом на мне...

Ихсан, который уже успел зайти в открытую дверь, возвратился на двор.

— Ну что же вы с таким неуважением о хозяине? — включился он в разговор. — Это же настоящее произведение искусства.

— Что-что? — переспросила молодлица.

— Я говорю, что здорово сделано, — поправился майор. — Красиво...

Хозяйка вздохнула.

— Да ну ее, эту красоту. Идемте-ка лучше в дом.

Последовав приглашению, мы вошли в теремок. Сказка продолжалась и внутри. Я никогда не видела таких прекрасных вещей из дерева. Поистине, у мужа хозяйки были золотые руки. Стол, стулья, кровати — все, казалось, говорило о своей неповторимости.

Смахнув передником крошки со стола, молодица нараспев произнесла:

— Садитесь, гости дорогие. Небось проголодались с дорожки?

Ихсан смущенно крякнул.

— Да нет вроде бы...

— И слушать не хочу!

Не успели мы и глазом моргнуть, как на столе появилось множество дымящихся горшков с манящим запахом еды. Можно было только позавидовать расторопности хозяйки. Растерянный Ихсан жадно переводил взгляд с одного блюда на другое, забыв о всяких приличиях.

— Придется воспользоваться вашим предложением, — спасовал Ихсан и тут же сел за стол.

В руках обрадованной хозяйки неизвестно откуда появилась бутылка сливовицы.

— Если ваша жена не возражает, может, выпьем по рюмочке за встречу. Кстати, меня зовут Цветана.

— Цветана, вы просто волшебница, — расплылся в улыбке майор и представился: — Я Ихсан, а это — Феридэ.

— Мы не женаты, — коротко пояснила я.

Хозяйка явно обрадовалась моему сообщению.

— Попугчики, значит...

— Мы ищем мужа Феридэ. Может, слышали: весной недалеко от этих берегов затонул корабль...

Цветана отрицательно покачала головой и сочувственно взглянула на меня.

— Столько времени прошло... Вы, наверное, очень любили его?

— Любила... и люблю! — не желая пускаться в долгие объяснения, ответила я.

Ихсан попытался переменить тему разговора:

— Ваши котлеты, Цветана, просто объедение!

Зардевшись от похвалы, Цветана разлила по рюмкам сливовицу.

— За прекрасную хозяйку! — предложил тост Ихсан.

Я не собиралась пить, но своим тостом майор поставил меня в неловкое положение. Пришлось взять рюмку.

— Нет-нет! — неожиданно воспротивилась Цветана. — За меня мы еще успеем выпить. Я предлагаю выпить за вашу удачу, Феридэ.

— И счастливый конец нашего путешествия, — подхватил Ихсан.

«Как быстро они спелись, — подумала я. — Знакомы всего полчаса, а уже готовы пить на брудершафт».

Ловким движением Цветана опрокинула сливовицу в рот и захрустела соленым огурцом. Майор последовал ее примеру. Я же держала рюмку в руках, не решаясь попробовать.

— Попробуйте, — обратила на меня внимание хозяйка. — Это лучшая сливовица в

округе.

— Очень ароматная, — поддержал ее Ихсан.

Я отрицательно покачала головой:

— К сожалению, я не пью.

— Не пьете?! — хитро прищурилась Цветана. — А легкое виноградное вино?

Не успела я отказаться, как расторопная хозяйка сбегала в погреб и принесла запотевшую бутылку вина. Пришлось немножко пригубить. Незаметно на столе появились новые закуски. Выпив еще по одной, Ихсан и Цветана разговорились. Придвинувшись к офицеру, хозяйка принялась рассказывать о своем муже. От ее историй меня потянуло в сон. Зато Ихсан не скучал. Он живо реагировал на каждое слово молодницы и один раз даже взял ее за руку. «В конце концов это не мое дело», — подумала я и отвернулась к окну. Есть почему-то расхотелось. Наблюдая за уплетавшим за обе щеки майором, я вдруг почувствовала тихое раздражение. Хозяйка подкладывала Ихсану лучшие куски, а офицер только нахваливал.

Упавшая на пол ложка на мгновение оторвала их друг от друга.

— Феридэ, как вы неловки, — пробормотал майор и тут же забыл обо мне.

Он не отрывал взгляда от миловидной Цветаны. Я даже заметила, что глаза Ихсана приобрели иное выражение. Всегда такой задумчивый и бледный, сейчас майор не был похож на себя: румянец, нежным налетом выступивший на щеках; посветлевшие черты лица... Мне бы обрадоваться этому, но почему-то на душе скребли кошки. Никогда не думала, что симпатия, возникающая между двумя людьми, может угнетать. Я чувствовала себя лишней...

— Как все у вас вкусно, — нахваливал майор стряпню хозяйки.

Она же заботливо пододвигала офицеру все новые и новые блюда, нежно приговаривая:

— Кушайте, кушайте... Вы такой худенький.

Мне показалось, что еще мгновение, и Ихсан противно заурчит. Я резко встала из-за стола и подошла к окну. Но на мой уход ни майор, ни тем более хозяйка не обратили внимания.

Не верьте мужчинам, даже когда они клянутся в вечной любви. Стоит другой женщине открыто проявить симпатию, как мужчины словно привязанные идут за ней. А ты остаешься одна, и какая-то пустота наполняет душу...

Но это не про меня. Я счастлива, что мой муж не похож на других. Он добрый, ласковый и нежный... Кямран никогда бы меня не покинул. Никогда...

Деревня Н..., 29 сентября.

Бродя в одиночестве по деревне, я о многом передумала. Наверное, мне не следовало идеализировать Ихсана. Он спутался с этой болгаркой и уже готов остаться в рыбацком поселке навсегда. Но мне нет дела до майора. Просто из-за него поиски немного задерживаются. Целый день у Ихсана находятся какие-то отговорки... То не может найти подходящего проводника, то лошади не подкованы... Мне бы мог уже и не врать...

Устав от неопределенности, я решила всерьез поговорить с Ихсаном. Отыскать его оказалось не так уж трудно. Завидев на заднем дворе белую косынку, я поспешила туда. Однако майора я не сразу заметила, поэтому обратилась за помощью к Цветане.

— Может быть, хоть вы знаете, где Ихсан? — поинтересовалась я.

Вдруг откуда-то сверху раздался знакомый голос:

— Уж не меня ли вы ищете?

Я подняла глаза и, к своему огромному удивлению, увидела майора сидящим на верхушке яблони.

— Как вы туда забрались? — Почему-то голос мой зазвучал издевательски. — У вас голова не кружится от высоты?

— У меня скорее голова кружится от двух прекрасных женщин, стоящих у моих ног, — донеслось сверху.

После этих слов Цветана захихикала:

— Ваш друг такой шутник...

— О да. У него с чувством юмора все в порядке... Как у любого военного.

Я сказала это достаточно громко, надеясь, что майор услышит меня.

— Что вы сказали? — к моему большому разочарованию, переспросил офицер.

— Я похвалила военных, — ответила я, решив не повторяться.

— Да, мы славные ребята, — небрежно заметил майор. — Ловите яблоко.

Не успела я даже сообразить, что он имеет в виду, как рядом с моим ухом что-то просвистело.

— Вы давно не упражнялись в стрельбе, Ихсан, — нашлась я.

— Когда я бросал яблоко, то думал прежде всего о вашем здоровье, а не об убийстве...

— Какая трогательная забота... Спускайтесь вниз!

— Вы стали так категоричны? — не мог остановиться офицер, решив продолжить словесную перепалку.

Однако мне это надоело.

— Перестаньте валять дурака!.. Вы мне нужны.

— Эх, куда только подевались благородные манеры выпускницы пансиона... — вздохнул майор и начал медленно спускаться с яблони. Его неуклюжесть раздражала меня.

— Не знаю, как вы взобрались, но спускаетесь вы неловко. Может быть, мне прийти вечером: к тому времени, я думаю, вы как раз окажетесь на земле.

— Я, конечно, мог бы оказаться тут и значительно раньше, но, к сожалению, я не яблоко...

Мы разговаривали по-турецки, и поэтому Цветана, несмотря на огромное желание вмешаться, вынуждена была молча стоять рядом.

— Нам нужно поговорить о деле, — перейдя на ломаный болгарский, попыталась я спровадить молодницу.

Не знаю, поняла она меня или нет, но с места не сдвинулась. Хозяйка смущенно улыbnулась и хотела что-то сказать, как вдруг до нас донесся треск ломающихся ветвей. Мы с удивлением оглянулись. Ихсан лежал на земле, потирая ушибленный бок. «Ах!» — только и произнесла Цветана.

— Бедненький мой, ты не ушибся, — ласково приговаривала она, помогая мужчине подняться.

При этом Ихсан театрально стонал, явно преувеличивая свою боль. Парочка направилась к дому.

— Майор! — Мой голос звенел от гнева. — Перестаньте притворяться! Мне нужно с вами поговорить.

Ихсан вздрогнул, но перестал стонать. Растерянная Цветана, не зная, что делать,

переводила взгляд то на меня, то на майора.

— Не преувеличивайте свои страдания, — уже более мягко произнесла я и решила поменять тактику. — Вы в курсе, что я сегодня уезжаю...

После этого сообщения болезнь Ихсана как рукой сняло.

— Что?! — Решительным шагом майор направился ко мне.

— Да-да, уезжаю. И не смотрите на меня так... Вы не ослышались. — Я закусила губу, чтобы не заплакать от злости.

Мое лицо пылало огнем.

— Феридэ, успокойтесь, — мягко проговорил Ихсан. — Куда вы поедете одна?

— Вы прекрасно знаете цель моего путешествия.

— Не заводитесь...

— Это я завожусь?!

— Ну не я же...

— Вы что, издеваетесь надо мной?

Ихсан обхватил голову руками.

— Феридэ, не кажется ли вам, что выбранное место не совсем подходит для такого разговора.

— Что вы предлагаете?

— Давайте прогуляемся по побережью и все спокойно обсудим.

— Конечно, у вас в голове одни прогулки. А может быть, как раз в этот момент моему мужу нужна помощь.

Ихсан крепко взял меня за руку и силой вывел за ворота.

— Отпустите меня, — приказала я, оказавшись за калиткой.

— Пожалуйста, — майор демонстративно повертел ладонями.

Я быстрым шагом направилась к морю. Шла и чувствовала, как на расстоянии от меня поскрипывает песок под ногами Ихсана. Наконец, немного упокоившись, я остановилась.

— Вы бледны, — с грустью в голосе вымолвил подошедший майор.

— Неужели вас все еще беспокоит мое здоровье?

— Феридэ, вам не идет быть злой...

— С чего вы взяли, что я злюсь на вас?

Ихсан задумчиво покачал головой:

— Нет, при первой же возможности я покажу вас хорошему доктору. Милая моя, вы на грани нервного срыва.

— Я на грани безумия, — передразнила я его. — Майор, перестаньте корчить из себя заботливого папашу. Вам ведь плевать на мои болезни.

Неожиданно Ихсан схватил меня за плечи и встряхнул несколько раз.

— Замолчите, слышите! — гневно потребовал он. — Вы, эгоистичная девчонка, перестаньте хоть сейчас думать только о своей персоне. Оглянитесь вокруг. Не одна вы страдаете. Но множество людей решает и более важные проблемы без истерик.

Я впервые услышала, как Ихсан повысил голос. Впечатление было настолько сильным, что вся моя злость куда-то улетучилась. Однако природное упрямство не позволяло признать себя побежденной. Поэтому я, надув губы, ответила:

— Каким тоном вы со мной разговариваете!

Майор устало опустился на прибрежный камень. Я, переминаясь с ноги на ногу, стояла рядом. Наконец Ихсан нарушил молчание. Его голос казался опустошенным.

— Феридэ, каждый раз после таких бурных сцен мне хочется плюнуть на все и уехать. Даже совесть меня не мучает из-за того, что вы останетесь одна... Хотя бы раз посмотрите на себя со стороны... Да, я люблю вас, но всему есть предел. Вы используете меня как вещь...

Я протестующе подняла руку.

— Как вы могли подумать такое?

— Феридэ, да это ясно, как божий день. Я готов пожертвовать жизнью ради вашего благополучия... Но сегодня я вдруг подумал, что совершенно потерял себя. Вы — сильная женщина, это здорово, но... А кто я? Всего лишь ваша тень... Феридэ захотела сегодня уезжать, значит, надо отправляться, и точка. Вас не интересует мое мнение по этому вопросу. Может быть, я хочу остаться...

— Вы что, влюбились в Цветану?

— Да нет же... Не надо все воспринимать так буквально. Да, наша хозяйка прекрасная женщина... Знаете, в чем ее преимущество перед вами?

— В чем?

— Она не подавляет... С ней я — Ихсан, со всеми своими недостатками. Цветана воспринимает меня таким, какой я есть.

В воздухе повисло неловкое молчание. Мне захотелось провалиться сквозь землю. Ихсан заставил меня заглянуть в свою душу. Да, я приревновала его к этой женщине потому, что в один прекрасный момент мне показалось, что Ихсан может исчезнуть из моей жизни навсегда. А хочу ли я этого?

— Нет, нет! — воскликнула я и, обняв майора, прильнула к нему.

Сквозь слезы я нежно гладила Ихсана по волосам, и слова сами вырвались из моей груди:

— Милый, не исчезай. Я хочу быть рядом с тобой всю оставшуюся жизнь... Я люблю тебя больше всех на свете. Я люблю...

— Неужели, я не напрасно ждал долгие годы, — сдерживая волнение, произнес майор.

— Конечно, нет. Ты помог мне разобраться в своих чувствах. Все оказалось настолько сложным... Я любила Кямрана много лет... Мы прожили вместе всего месяц, как он пропал без вести. Я бросилась искать его, чтобы вернуть утраченное чувство. Вы были со мною все эти долгие месяцы. И вдруг я поняла, что продолжаю путешествие лишь по одной причине: мне не хочется с вами расставаться...

В глазах Ихсана было столько счастья, что казалось, все вокруг озарено этим светом. Даже солнце выглянуло из-за туч.

— Феридэ, давайте немедленно вернемся в Турцию...

— Я и сама об этом подумываю...

— Решено! Пойдемте попрощаемся с нашей хозяйкой и в путь.

Ихсан схватил меня за руку и быстрым шагом направился к деревне. Уже на ходу я успела спросить:

— А как же неподкованные лошади и разбитая повозка?

— Феридэ, в Турцию я понесу вас на руках...

Деревня Н..., 30 сентября

Уже давно за полночь, а мне не спится. Завтра я увижу Кямрана! Хотя нет, сегодня.

Пройдет ночь, день, а когда наступит вечер, я уже окажусь в нежных объятиях своего мужа. Он будет целовать меня и говорить ласковые слова. А я расплачусь от счастья и расскажу ему обо всех радостях и бедах, которые пережила на этом пути. А потом вместе мы сядем на пароход и отправился в Стамбул. Представляю, как будет растрогана тетушка Бесимэ... А Неджмие...

Вот удивится сестрица Кямрана, увидев живого и здорового брата, да еще в обнимку со мной! Она, наверное, даже лишится чувств. Правда, не знаю, от радости или от горя. Но больше всех, я думаю, будет счастлив Недждет. Еще бы! Ведь уже почти полгода он без отца и матери...

Как медленно идет время... Будь на то моя воля, я сейчас же полетела бы в Обзор. Но па улице ночь. И, чтобы скоротать время до рассвета, я достала свой дневник и зажгла керосинку. Думаю, хозяева не обидятся... Им должно быть понятно мое состояние.

А теперь я хочу рассказать о том, что же все-таки случилось в этот необыкновенный для меня вечер.

После прогулки по берегу моря мы с Ихсаном возвратились в дом Цветаны. Еще подходя к калитке, я заметила стоящую во дворе телегу, доверху нагруженную досками.

— Уж не хозяин ли возвратился, — предположила я.

— Пожалуй, — согласился Ихсан и иронично добавил: — Судя по тому, что на этот раз Цветана не вышла встречать меня во двор.

Я недовольно посмотрела на офицера.

— Не хмурьте брови, Феридэ, — улыбнулся майор. — Простите... Я в последний раз.

— Считайте, что я вас простила, — стараясь казаться рассерженной, ответила я. — В последний раз...

Ихсан отворил калитку.

— Прошу, госпожа, — услужливо произнес он.

— Вы исправляетесь просто на глазах.

— А причиной всему — необыкновенная женщина по имени Феридэ...

Одаривая друг друга комплиментами, мы зашли в дом. Мои предположения оказались верными. За столом, сутулясь, сидел мужчина лет тридцати и ел суп из большой деревянной миски. У него были острые черты лица, рыжеватые брови, такие же усы и синие круги под глазами. Мужчина был худ настолько, что казалось, одежда, висевшая на нем, предназначалась, исполину и лишь по какой-то нелепой случайности попала к нему. У стола сутилась Цветана, осыпая мужчину укорами и периодически выставляя на стол новые кушанья. Он молчал. Заметив нас, Цветана немного стушевалась, но быстро нашлась:

— Это и есть мой муж Милан.

Рыжеусый посмотрел на нас уставшим взглядом и, словно желая стряхнуть сон, дернул головой. По-видимому, с его стороны это означало приветствие.

— Добрый вечер, — ответила я.

— А это гости из Турции. — Хозяйка указала в нашу сторону. — О них я тебе и рассказывала.

— Мг, — подтвердил Милан и возвратился к супу.

Мы с Ихсаном растерялись.

— Не обращайтесь на него внимания, — видя наш конфуз, поспешила успокоить Цветана. — Милан всегда такой. Слова из него не вытянешь.

Словно желая опровергнуть слова жены, рыжеусый проговорил:

— Садитесь, поешьте.

— Ох, и вправду, — спохватилась хозяйка. — С этим мямлей у меня все из головы вылетело. Вы же еще не ужинали. Присаживайтесь.

Мы уселись за стол напротив хозяина. Оп, продолжая есть, упрямо молчал. Я посмотрела на Ихсана и встретилась с ним взглядом. Без слов мы поняли, что нужно как-то спасти ситуацию и найти ключ к сердцу этого замкнутого мужчины. Первым попытался майор:

— Какая чудесная сегодня погода!

— Мг.

— Море такое спокойное.

Милан, закончив есть суп, отставил в сторону пустую тарелку и пододвинул к себе другую — с фаршированным перцем.

— Столько рыбачьих судов вышло на промысел...

Ихсан сделал паузу, раздумывая, о чем еще можно поговорить.

— Вообще же Болгария чудесная страна, — выдохнул он.

Хозяин небрежно откусил перец и причмокнул.

— У вас богатая и мастеровая деревня, таких в последнее время встречается очень мало.

Ихсан с надеждой затаил дыхание. Однако Милан лишь кашлянул. Офицер вновь взглянул на меня и безнадежно пожал плечами. Теперь была моя очередь. Неожиданно для самой себя я вдруг вспомнила шкаф из красного дерева, подаренный мне доктором Хайруллахом. Мне показалось, что, проходя мимо нагруженной телеги, я видела бруски именно из такой древесины. Решив рискнуть, я проговорила:

— Вы решили поработать с красным деревом?

Милан неожиданно оторвал взгляд от вилки и с удивлением посмотрел на меня. Поняв, что попала в цель, я решила продолжить наступление.

— Наверное, не так-то просто отыскать настоящий инструмент для его обработки?

— Непросто, — кивнул головой рыжеусый.

— А какие прекрасные и долговечные вещи сделаны из этой породы... Это настоящее искусство...

— Да? — Хозяин вопросительно посмотрел на меня.

Я растерялась, но отступить было поздно, и поэтому я продолжила:

— Когда-то у меня был шкаф работы... э-э-э... — я запнулась, стараясь придумать что-нибудь посолиднее. — Да, работы итальянских мастеров восемнадцатого века.

Застыв, я ожидала расплаты за свое пустословие, но абсолютно бессмысленные для меня слова на Милана возымели совершенно другое действие. Он оживился, и в его взгляде появилась какая-то определенность.

— Вы обладали настоящим сокровищем и сделали большую глупость, если продали его, — задумчиво сказал он.

— Шкаф сгорел, — выпалила я.

— Ну, это и вовсе преступление.

В это время, воспользовавшись моментом, Цветана сбегала в погреб за сливовицей и незаметно поставила ее на стол.

— Итальянская мебель восемнадцатого столетия — это лучшие мастера мира. Они были просто неподражаемы. Вы только вспомните...

Хозяин начал поименно называть мастеров и их работы. Теперь необходимым было

лишь мое присутствие, и я облегченно вздохнула. Лишь изредка, в знак подтверждения кивая головой, я незаметно поглядывала в сторону Ихсана. Он сидел, широко открыв рот, переводя удивленный взгляд с меня на Милана и обратно.

Неожиданно хозяин вскочил из-за стола и, исчезнув на минуту, вернулся с куском дерева в руках.

— Смотрите, какой орнамент я начал вырезать, — протягивая мне брусок, произнес он.

Я и Ихсан склонили головы. Да, это было настоящее произведение искусства. Мастер объединил в этом узоре все — свою фантазию и накопленный опыт.

— Да, — только и смог вымолвить майор.

Я же в восхищении взглянула на Милана.

Цветана присела за стол и, опершись подбородком на руку, загрустила. Немного погодя она как бы невзначай взяла бутылку сливовицы и наполнила чарки. Подняв свою, хозяйка слегка взмахнула ею, предлагая всем последовать ее примеру. Ихсан поспешно взял чарку и тут же выпил. Мне не оставалось ничего другого, как слегка пригубить. Милан, вдохновенно продолжая рассказ, машинально нащупал свою чарку и опрокинул ее в рот. Не знаю, к долго он еще мог рассказывать о мастерах, но, к всеобщему облегчению, Цветана остановила мужа.

— Нашим гостям необходима помощь, — сказала она.

— Да-да, — кивнул головой слегка охмелевший Милан. — Ты мне рассказывала... Очень нелегкое дело они затеяли...

— Я у тебя не спрашиваю, какое это дело, — раздраженно проговорила Цветана. — Но, может быть, кому-нибудь из твоих знакомых что-либо известно о спасенном чужестранце. Ты ведь только и делаешь, что мотаешься туда-сюда по побережью за своим деревом.

Хозяин задумался.

— Ах, да! — вдруг воскликнул он. — Вспомнил.

Все выжидающе посмотрели на мужчину.

— Позавчера в Обзоре встретил я одного человека... Он поделился со мной своими бедами...

— Не тяни, — цыкнула на мужа Цветана.

Милан же, как назло, медленно растягивал каждое слово.

— Иностранец... Похож на турка. Его отыскали в море держащимся за перевернутую лодку... Кажется, весной... Зовут Джапар...

— Все совпадает, — подытожил Ихсан. — Кроме имени.

— А что вам еще известно о нем? — В отличие от абсолютного спокойствия офицера мною овладело волнение. — Почему он не возвращается домой?

— А он не помнит, где его дом.

— Как это не помнит?

— Не помнит и все.

— Но имя-то свое он помнит.

Милан махнул рукой.

— Да не его это имя.

— Ничего не понимаю, — замотал головой Ихсан. — То вы говорите, что он турок и зовут его Джапар, то утверждаете, что имя не его.

— Имя ему дали в больнице, куда он попал в бессознательном состоянии, — попытался объяснить хозяин. — Понятно?

— Ладно, — согласился майор. — Но то, что он — турок, определенно?

— Все его называют турком, поэтому и турок.

Ихсан взялся за голову, отказываясь что-либо понимать!

— Опишите мне его, — попросила я.

— Высокий... худой... светловолосый... — начал было Милан, но вдруг остановился и задумался.

— А какого цвета у него глаза?

Хозяин почесал за ухом.

— Не помню... Вот если бы вы меня попросили описать какой-нибудь старинный гарнитур...

Теперь задумалась я. Как бы мне хотелось, чтобы это оказался Кямран. Но сейчас я почему-то отказывалась в это поверить.

— Мы сами усложняем себе задачу, — вдруг решительно произнес Ихсан. — Давайте будем проще.

— Объясните, — не поняла я.

— Феридэ, у вас же есть фотоснимок супруга. Покажите его Милану, и вопрос будет решен.

Я отправилась в отведенную мне комнату и, открыв дорожный чемодан, достала оттуда заветное фото. Кямран, улыбаясь, приветливо смотрел на меня, словно говоря: «Не беспокойся, Феридэ, все будет нормально. Мы еще будем счастливы». Я прижала снимок к груди и возвратилась в большую комнату.

— Вот, — протянула я снимок Милану.

Тот повертел его, разглядывая со всех сторон, и наконец сказал:

— Да, это он.

В комнате стало тихо.

— Вы уверены? — переспросил Ихсан. — Посмотрите повнимательнее.

Хозяин еще раз посмотрел.

— Да, именно с ним я разговаривал в Обзоре.

Я лишилась чувств.

Открыв глаза, я поняла, что лежу на кровати. Надо мной склонилась Цветана.

— Тебе уже лучше? — с тревогой в голосе поинтересовалась она.

— Да, — прошептала я и, не найдя взглядом майора, спросила: — А где Ихсан?

Хозяйка растерянно обернулась.

— Только что был здесь. Он так волновался за тебя. В беспмятстве ты даже кричала. Все звала своего Кямрана...

Только тут я все вспомнила.

— Мы сейчас же уезжаем, — категорично заявила я, порываясь встать.

— Куда ты на ночь глядя? — удивилась Цветана.

— Я хочу сейчас же увидеть своего мужа.

— Успокойся, — мягко промолвила женщина. — Сегодня мы уже не найдем подводу, а завтра мой муж сам вас отвезет. К тому же ты слишком уж неважно чувствуешь себя для такой дороги...

Цветана привела мне с десяток аргументов, почему не стоит так торопиться, и в конце концов убедила. Она пообещала, что завтра, а это значит, уже сегодня, как только встанет солнце, Милан запряжет коня, и мы отправимся в дорогу. Для большей убедительности она даже позвала своего супруга, и тот на ее слова об отъезде согласно закивал головой.

Как долго тянется ночь. Мне показалось, что прошла уже целая вечность, а утро так и не наступает. Но меня согревают мысли о том, что не пройдет и дня, как я, словно год назад, вновь смогу пережить счастливые мгновения, нежно обняв Кямрана и прижавшись головой к его груди. Поистине, я заслужила это. И от этого время бежит быстрее.

30 сентября

Небольшой отдых в пути. Милан распряг коня, и я, воспользовавшись моментом, вновь обратилась к своим записям.

До Обзора осталось часа четыре езды. По крайней мере мне так объяснил рыжеусый муж Цветаны. Всю дорогу он ехал молча. И если раньше я пыталась разговорить Милана, то теперь даже была рада его замкнутости. Я могу свободно предаваться своим мечтаниям и подумать, как сделать нашу встречу с Кямраном запоминающейся и необыкновенной...

Есть, правда, один человек, перед которым я чувствую свою вину. Это Ихсан. Но что я могу с собой поделать, если не люблю майора. Сердцу ведь не прикажешь... А мои слова, сказанные офицеру на берегу моря, — я со стыдом вспоминаю их. Ведь единственный мужчина в моей жизни — Кямран. Ихсан сделал для меня очень много. Если бы не он, я никогда бы не ехала на встречу с моим любимым. Через несколько часов я увижу его, но сердце почему-то тихо ноет...

Да, Ихсан, это из-за тебя. Мы расстались не так, как хотелось. И почему мы вообще расстались? Я так стремилась познакомить тебя с моим мужем...

Об этом я и сказала Ихсану, когда пришла в себя после обморока. Майор внимательно посмотрел на меня и с сожалением ответил:

— Нет уж, Феридэ, спасибо, не надо.

— Почему же? — не поняла я.

— Вы же не настолько наивны, какой хотите иногда казаться. Кстати, как вы себя чувствуете?

Вопрос Ихсана немного удивил меня.

— Более-менее.

— Мне просто не хочется ехать с вами в Обзор. Я думал подождать вас здесь.

Я решительно ничего не понимала.

— Ихсан, что случилось? Ведь этого известия мы ждали так долго!

Майор закусил нижнюю губу.

— Я считаю, что вы сами должны сказать обо всем Кямрану.

— О чем? — удивилась я.

— Ну, о том, что мы любим друг друга, о разводе с Кямраном... Ведь мы же решили пожениться.

Едва не лишившись чувств, я прошептала:

— Вы с ума сошли. Какой развод?

При этих словах майор побледнел. На лбу у него появилась испарина. Хриплым от волнения голосом Ихсан произнес:

— А наш с вами разговор у моря? Это же было час назад. Вы же сказали, что любите меня.

— Вы меня неправильно поняли. Я люблю вас, но как брата!

Майор опустил на стул и спрятал лицо в ладонях. Я видела, как у него на виске отчаянно пульсирует синяя жилка. Через мгновение Ихсан выпрямился и посмотрел мне в глаза. На его лице явно читалась горечь утраты. Но вместе с тем уголки губ выдавали решимость.

— Феридэ, я не ошибся. Вы — страшная женщина. Как можно было поверить этим сантиментам! Я, как дурак, развесил уши и уже строил планы. Боже мой! Вы — самое коварное создание, которое я знал. Под хорошеньким личиком скрывается душа дьявола.

Я не обижалась на Ихсана. Чего только не наговорит человек в запале. Даже спорить с ним было бесполезно. Когда мы разговаривали у моря, я поддалась минутной слабости. В то мгновение мне показалось, что Кямран никогда уже не найдется. А майор, стоящий рядом, был самым близким человеком в этой стране. Но все это настолько сложно, что я сама не могу разобраться. Да-да, классический треугольник, как во французских романах. Но там героини всегда знают, чего хотят, в отличие от меня.

Ихсан поднялся и направился к выходу. Всегда такой подтянутый, теперь он показался мне похожим на старика: сутулые плечи, шаркающая походка...

— Ихсан, простите меня, если сможете... — все, что я сумела из себя выжать.

— А вы — прощайте.

Слова майора заставили меня выскочить из постели.

— Как?!

Майор остановился. Его голубые глаза казались пепельно-серыми из-за неизвестно откуда взявшейся пелены. На скачках я видела загнанных лошадей, которые, придя к финишу, падали на землю и умирали. Именно такая серая пелена покрывала их глаза. Мне стало страшно. Тем более что майор молчал.

— Вы покидаете меня? — дрогнувшим голосом спросила я.

— Да, Чалыкушу. Больше не буду докучать вам своими проблемами.

— Нет, прошу вас...

— Все будет хорошо. Через сутки вы встретитесь с Кямраном. А меня будете вспоминать, как один из моментов вашей жизни, — вздохнул Ихсан.

— Как вы не правы... Благодаря вам я обрела душевный покой, нашла мужа и многое другое. Никогда вы не будете дня меня лишь эпизодом. Я обязательно расскажу Кямрану о вас...

Майор побледнел еще больше.

— А я-то в глубине души надеялся, что вы остановите меня... Но теперь я понимаю, что все напрасно... Прощайте, Феридэ.

Грудь моя вздымалась от волнения. Руки дрожали. Нет, я не имею права остановить тебя, Ихсан. Я хочу видеть тебя счастливым, но сама не могу сделать этого. А если на миг представить, что ты никуда не уехал, что мы поженились...

Тогда несчастных станет двое, нет, трое — Кямран, Недждет и я. Хотя, Ихсан, мужем ты смог бы быть прекрасным. Пусть повезет какой-нибудь другой девушке. Я искренне порадуюсь за нее...

— Прощайте, Ихсан. — Мой голос был спокоен и ласков.

Сделав несколько шагов, майор вдруг остановился.

— Феридэ, не считите мою просьбу дерзкой... Но можно мне поцеловать вас на прощание?

Чувствуя себя мудрой и опытной женщиной, я согласно кивнула.

— Конечно, мы ведь так ни разу и не поцеловались.

Майор осторожно приблизился ко мне и, обняв за плечи, прильнул к губам. Мое тело охватила странная дрожь, лицо запылало, и, сама того не желая, я ответила на его поцелуй. Сколько он длился, трудно вспомнить... Через силу я оторвалась от Ихсана и сквозь шум в ушах услышала:

— В эту минуту вы сделали меня счастливым. До самой смерти я не забуду этого мгновения...

Майор удалился, а вместе с ним ушли от меня преданность, смелость, отвага.

Никогда бы я не решилась прогнать тебя сама. Ты выбрал правильное решение.

Обзор, 30 сентября

Непредвиденная задержка. Но что означает одна ночь в сравнении с шестью месяцами одиночества. Я переживу ее, но зато завтра...

Как и обещал Милан, в Обзор мы добрались к вечеру. Вопреки моим ожиданиям и рассказам супруга Цветаны оказалось, что Обзор — очень маленький городишко. Даже лучше его было бы назвать большой деревней. Впрочем, я уже отвыкла от таких городов, как Стамбул, и мне как-то роднее кварталы с двух- и одноэтажными домиками.

— Это недалеко, — предупредил меня Милан, как только мы въехали в город. — Минут через десять мы будем на месте.

— А нельзя ли побыстрее? — поторопила я.

В ответ муж Цветаны только развел руками. Эти его десять минут мне показались несколькими часами от волнения. Наконец, немного не доехав, Милан остановил коня. Я вышла и направилась к дому, где и по словам рыжеусого, Джапар снимал квартиру. Не доходя до калитки, я остановилась за небольшим кустарником и решила немного понаблюдать. Однако, кроме толстой женщины, в окнах дома никто не показывался. Милан тихо подошел ко мне.

— Ну как? — поинтересовался он.

— Вы уверены, что он живет именно здесь?

— Я был тут. Вон его окно. — Рыжеусый указал на зеленую занавеску.

— А если он уехал? — испугалась я.

— Куда? — вопросом на вопрос ответил Милан. — Ему некуда ехать.

— Может быть, вы подойдете и спросите! — попросила я рыжеусого, желая не раскрывать своего инкогнито.

— Хорошо, — пожал тот плечами и, отворив калитку, направился к входной двери.

— Постой!

Милан остановился. Я хотела пойти с ним, но все-таки передумала.

— Нет, ничего, — тихо сказала я. — Извини.

— Эх, — вздохнул муж Цветаны и пошел дальше. Поднявшись на крыльцо, он постучал в дверь.

Ему отворила толстая женщина. Милан о чем-то спросил ее, но та отрицательно покачала головой, бросила несколько фраз и закрыла дверь. Рыжеусый возвратился как в воду опущенный.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила я.

— Он уехал.

— Как уехал?

— Ненадолго... Будет завтра.

Я растерялась.

— Что же мне делать?

— У меня здесь есть знакомые. Переночуете у них... Жаль только, что я не увижу счастливого конца этой истории...

— Вы меня оставляете?

— У меня дома целая телега работы. Вы же видели.

— Да, конечно, — согласилась я и пошла вслед за Миланом к повозке.

Вскоре мы уже сидели за столом у его знакомых. Это была очень приятная пара. Мужа звали Стоял, а жену Руси. Милан, наскоро перекусив, распрощался со всеми. Хозяева же принялись занимать меня всевозможными историями из жизни городка. О Джапаре они тоже немного слышали, но, к сожалению, не смогли, сообщить мне ничего нового.

Когда стемнело, Руси показала небольшую комнатку, где мне предстояло провести ночь, и вежливо удалилась. Вначале, опустившись на кровать, я попыталась заснуть, но потом мне пришло в голову, что сегодня я, возможно, навсегда расстанусь со своим дневником. Я попросила у хозяев керосинку, достала из дорожного чемодана исписанную мелким почерком тетрадку и решила навсегда попрощаться с ней и со своей дорожной жизнью.

Отныне мне уже не понадобится молчаливый собеседник. Я без грусти и сожаления расстанусь с ним.

Здравствуй, Кямран!

Обзор, 4 октября

Я вынуждена вновь продолжить свой дневник. Теперь мое пристанище — небольшая провинциальная больница, одноэтажное здание с выкрашенными в зеленый цвет стенами внутри. Персонал этого заведения состоит всего из двух человек. Главный доктор, тучный мужчина с отеком лица, по образованию ветеринар. Его отношение к больным такое же, как будто бы он разговаривает с животными: доктор обыкновенно не интересуется мнением своих пациентов и историей их болезни, а молча ставит диагноз. Под стать врачу и медсестра, она же и няня, и прачка, и ассистентка при операциях, и дворник, и садовник в одном лице.

При больнице есть большой сад, который находится в страшном запустении. Когда-то мне казалось, что на земле уже невозможно отыскать не тронутый цивилизацией уголок природы. Но попав в эту провинциальную больницу, я поняла, что глубоко заблуждалась.

Пациенты здесь не задерживаются долго. В один день их принимают, оперируют, если доктор решает, что это необходимо, и тут же выписывают. Вначале я очень удивилась этому, но медсестра мне объяснила, что такая практика оправдывает себя — летальных исходов фактически не бывает. Если человек и умирает, то дома.

Несмотря на то, что доктор уже на следующий день считал меня абсолютно здоровой, я все еще в больнице. Это обнадеживает — значит, я не умру. Однако не скажу, чтобы этот факт меня особенно радовал. Я давно бы ушла отсюда, если бы было куда.

В то злополучное утро я с первым лучом солнца стояла у дома, где снимал квартиру мой

муж. Сердце стучало так, что готово было выпрыгнуть из груди. «Как все это произойдет? — думала я, хотя уже тысячу раз рисовала себе эту картину. — Узнает ли он меня, если потерял память?»

Судя по задернутым шторкам, хозяйка еще спала. Когда же он придет? «Утром», — сказал Милан. Но ведь утро — понятие растяжимое. Это могло быть и в шесть часов, и в девять... Я достала из кармана часы и посмотрела на циферблат. Стрелки показывали без четверти семь. Мне показалось, что они остановились. Я поднесла часы к уху — они тикали...

Чтобы скоротать время, я принялась прохаживаться взад-вперед, стараясь не отдаляться от дома. Солнце поднялось уже достаточно высоко, а Кямран все не возвращался. На улице начали появляться куда-то спешащие люди. Некоторые из них, обратив на меня внимание, о чем-то переговаривались, видимо, обсуждая мой приезд. Я даже услышала фразу, брошенную мне в спину: «К нашему турку небось жена пожаловала». «Одна из девяти!» — ответил другой голос, и послышался смех. Я гневно обернулась, но обидчиков уже и след простыл. «Быстрее бы появлялся Кямран, — мелькнуло у меня в голове, — а то я скоро стану посмешищем всей деревни».

Я так спешила на встречу с мужем, что даже забыла перекусить. Несмотря на всю важность момента, пустой желудок давал о себе знать. Я решила на несколько минут покинуть свой пост и сбегать в булочную. Она располагалась на небольшом холме и была хорошо видна с моего места. «Значит, если появится мой муж, — пришло мне на ум, — находясь там, я тоже не пропущу его».

Подойдя к булочной и толкнув тяжелую дверь, я очутилась в небольшом, но уютном помещении. Хозяйка заведения с улыбкой вышла из-за ширмы и стала у прилавка.

— Что пожелаете? — спросила она.

— Если можно, пару булочек с повидлом.

— Вы собираетесь их есть всухомятку? — полюбопытствовала женщина.

— А что остается делать? К сожалению, я не знаю поблизости кафе...

Хозяйка, видимо, посочувствовав мне, предложила:

— Я могу приготовить вам чаю.

— Если это не очень вас затруднит...

Через минуту ароматный напиток стоял на прилавке. Я взяла чашку и подошла к окну. Отсюда калитка дома, где жил Кямран, была как раз хорошо видна. Маленькими глоточками отпивая чай, я не спускала глаз с улицы. Вот прошел старик с огромной седой бородой, пробежала маленькая девочка... Но никого, похожего на моего мужа, не было. Лишь какой-то молодой человек с котомкой за плечами открыл калитку и вошел во двор.

Слегка подкрепившись, я поблагодарила хозяйку и возвратилась на свой пост. На часах было уже одиннадцать. Мне стало не по себе. «Может быть, он задерживается, — подумала я. — Пойду уточню у хозяйки». Решительно подойдя к двери, я постучала.

— Войдите, — послышалось изнутри.

Мне не оставалось ничего другого, как переступить порог. Оказавшись в комнате, я очень удивилась — такого несметного количества кошек в одном месте мне еще не приходилось видеть. Казалось, здесь были собраны животные всех окрасов. Рыжие, белые, в полоску, черные с бантиком, дымчатые, черно-бело-рыжие — настоящая выставка кошек. В центре этой кишашей массы, развалившись в кресле-качалке, сидела толстая женщина, орудуя спицами. Я, боясь наступить на животных, замерла на месте.

— А, это опять вы, — подняла глаза хозяйка, продолжая вязать.

Смущенно потупившись, я робко спросила:

— Скажите, пожалуйста, когда придет мой муж?

На лице хозяйки маска отчужденности сменилась неподдельным любопытством.

— Какой муж?

— Кямран.

— Первый раз слышу такое имя.

— Мне сказали, что он живет у вас.

— У меня живет Джапар, — поправила толстуха.

Я смутилась.

— Извините, я хотела сказать — Джапар.

Хозяйка всплеснула руками.

— Ах, наконец-то у моего жильца нашлись родственники! А то бедный Джапар, как ни силится, не может вспомнить, откуда он. Я ему говорю: «Съезди в Варну, разузнай обо всем, может быть, там и помогут...». Джапар все собирался-собирался, да уже, видно, не надо... Жена сама нашлась.

Я с умилением слушала хозяйку.

— Так когда приедет мой муж?

— А разве он не здесь? По-моему, уже больше часа как Джапар появился. Во всяком случае, я слышала какой-то шум в его комнате.

— Как?! Я же ни на минуту не отлучалась от калитки... Мой муж не мог пройти незамеченным...

— Не знаю, не знаю... Значит, прошел, — проворчала толстуха и переключила свое внимание на кошек: — Кис-кис, мои хорошие...

Ее любимицы со всех ног бросились к креслу. Некоторые, особенно проворные, запрыгнули на колени. Сама же хозяйка, поглаживая их, приговаривала:

— Деточки мои, проголодались небось... Сейчас я вас покормлю.

Почувствовав себя лишней, я вышла из комнаты. Хорошо, что накануне Милан показал мне, где живет Кямран, поэтому я без труда нашла его дверь. Не решаясь войти, я прислушалась. Действительно, там кто-то был. Желая сделать свое появление более эффектным, я резко распахнула дверь. В первую минуту мне показалось, что наконец все горести и печали позади. Посреди комнаты, спиной ко мне стоял Кямран. Возглас радости вырвался из моей груди. Мужчина обернулся и... О, ужас! Это был не мой муж...

Потом медсестра рассказала мне, что в больницу меня привез Джапар. Несколько раз меня навещали Стоял и Руси. Им уже было обо всем известно. Посочувствовав, они предложили некоторое время, пока я приду в себя, пожить в их доме. Кроме того, Стоял попросил своих знакомых, которые отправлялись в прибрежный Бяла, узнать о Кямране. Сегодня утром знакомые вернулись, но, к сожалению, ничего обнадеживающего они не сообщили...

Ихсан все-таки не зря волновался о моем здоровье. Болезнь подтачивала меня давно, но я, пока верила, что найду мужа, находила в себе силы бороться с ней. Но последние события окончательно сломили меня, и болезнь взяла верх. Однако это совершенно не означало, что я утратила веру. Как только встану на ноги, обязательно продолжу поиски. А пока я приму предложение Стояла и Руси. Но это будет уже завтра...

Обзор, 9 октября

Я в нерешительности... Каким же мерзавцем оказался этот Джапар! Но обо всем по порядку.

Переехав в дом Стояла и Руси, я буквально на следующий день встала на ноги. И тут я обнаружила, что со мной нет моей сумочки. А там были документы, разные ценные бумаги и все деньги, которые я взяла с собой в дорогу.

Решив, что все это должно было остаться в больнице, я обратилась туда. Но, к моему большому огорчению, там сообщили, что Джапар, кроме меня, ничего им не передавал. «Значит, сумочка осталась в доме толстой госпожи», — решила я и направилась туда.

На мой стук открыла сама хозяйка.

— Добрый день, — поздоровалась я.

— Добрый, — ответила женщина.

— Мне бы увидеть Джапара.

— Мужа? — видимо, пошутила хозяйка.

— К сожалению, он не мой муж...

— То-то, я гляжу, он так быстро умотал.

— Надолго?

— Сказал, на неделю...

— На неделю? — растерялась я.

Женщина, заметив мое смятение, любопытствовала:

— А в чем дело? Может быть, я чем-нибудь смогу вам помочь?

— Девять дней назад я была у вас...

— Помню. Ох, и переволновалась я тогда...

— Я приходила к вам с сумочкой, а в больнице мне сказали, что там со мною ее уже не было.

Хозяйка задумалась.

— Сумочка, говорите?

— Да, небольшая такая. В ней были все мои документы и сбережения...

— Деньги? — переспросила женщина. — Кто ж с таким здоровьем, как у вас, носит с собой все деньги?

— Я не думала, что так получится.

— А нужно было думать! — назидательно произнесла толстуха, как будто делаясь сама с собою, вслух прибавила: — Не зря он так спешил.

— Ну что ж, если так получилось, то я зайду через неделю, — с грустью проговорила я, собираясь уходить.

— Пойдите! — решительно сказала хозяйка. — У меня такое ощущение, что Джапара мы больше не увидим, но на всякий случай давайте посмотрим в его комнате. А вдруг что и осталось.

— Мне как-то неловко, — растерялась я.

— Все ловко, когда пропадают последние деньги, — передразнила меня толстуха и повелительным тоном приказала: — Идемте!

Я послушно последовала за ней. Дверь квартиранта оказалась незапертой, и мы вошли в комнату. Хозяйка посмотрела в шкаф, затем, нагнувшись, под кроватью и, наконец, заглянула во все ящики письменного стола.

— Пусто, — подытожила она свою поисковую работу. — Можете распрощаться со своей сумочкой.

— Но, может быть, он вернется? — с надеждой спросила я.

— Ждите ветра в поле. Он даже мою хрустальную пепельницу прихватил.

Почувствовав слабость в ногах, я опустилась на стоящий у дверей стул.

— Что же мне теперь делать?

— Только не нужно терять сознание, — предупредила толстуха. — Я вас до больницы не дотащу.

— Извините. — Мне стало неловко.

Хозяйка присела на кровать. Ее настроение, как мне показалось, было не намного лучше моего.

— Н-да-а-а... — протянула она. — Ну и квартирантик мне попался. Уж с наворованных-то денег мог бы заплатить за последние три месяца...

— Может быть, в полицию заявить? — предложила я.

— Какая полиция? — махнула рукой толстуха. — Ведь мы даже его имени настоящего не знаем... А с вашими сбережениями, я думаю, он и до Берлина доберется... Если уже не добрался...

Вот так и закончилась эта история. Теперь у меня остался дорожный чемодан со сменным бельем, мой друг — дневник — и обручальное кольцо, подаренное мне Кямраном.

Обзор, 11 октября

Положение, в котором я оказалась, не сулило мне ничего хорошего. Теперь вопрос стоял не о поисках Кямрана, а о том, как мне выжить. Ведь у меня не было ни гроша. Перебрав свой гардероб, я отобрала самое необходимое и спрятала назад в чемодан. Взяв остальное, я направилась к заезжему старьевщику, который как раз в это время находился в Обзоре. Признаюсь искренне, я никогда не делала ничего подобного и поэтому согласилась на первую же предложенную мне цену. Торговец из меня оказался неважный — полученной суммы не хватило бы даже на недельное пребывание в самой захудалой гостинице провинциального городка. Обрадованный удачной сделкой, старьевщик предложил купить у меня перстень, но я отказалась. Это было бы уж слишком. Возвратившись в дом, я застала там рассерженного Стояла. Увидев меня, он взвился еще больше.

— Мне уже все известно, — резко сказал он.

Я пожала плечами:

— О чем это вы?

— Неужели трудно догадаться?

— Не понимаю.

— Вы были сегодня у старьевщика?

Все еще не догадываясь, к чему он клонит, я утвердительно кивнула головой.

— Была. И что же с того?

— Ничего. Но уже весь город знает, как он вас надул.

Я посмотрела в глаза Стоялу и тихо сказала:

— А что мне оставалось? Ведь я должна продолжать поиски мужа.

— Одна?

— Пусть одна, но я отыщу его.

— Да вы с ума сошли! — покачал головой мужчина. — Вы хотя бы со мной посоветоваться могли.

Я виновато промолчала.

— Ну и куда бы вы отправились? — не унимался Стоял.

— По побережью... — нерешительно ответила я.

— Вы знаете, сколько сейчас на побережье разного отребья? На юге — война, на севере — война...

Казалось, Стоял разошелся не на шутку. Я же себя почувствовала нерадивой ученицей, которую за ее провинности решили наконец отчитать.

— Ладно, — слегка успокоился мужчина. — Слушайте меня. Продавать вам ничего не нужно и самостоятельно отправляться в путь тоже.

Я вопросительно посмотрела на хозяина дома. Тот пояснил:

— Завтра в Варну отправляется баркас. Все рыбаки — мои хорошие знакомые... Они довезут бесплатно.

— Но... — попыталась я возразить.

— Я знаю, о чем вы хотите сказать, — прервал меня Стоял. — В Бялу уже ездили люди — вашего мужа там нет. Что же касается селений от этого местечка до Варны, то совсем не обязательно заезжать в каждое селение.

— Это почему же?

— Где-то посередине этого пути живет дед Матей. Это бывалый моряк, переплывший на военном корабле не один океан. Но не в этом дело... Деда Матея знают на всем побережье, и он знает обо всем, что делается вокруг. Это любимый и уважаемый всеми человек. И не бывает дня, чтобы кто-нибудь из рыбаков не гостил у него. Чаще всего это люди из прибрежных деревень.

Только теперь я поняла, какую ошибку совершила, не посоветовавшись с хозяином. Мне захотелось сказать ему что-нибудь приятное, но почему-то вместо этого я лишь спросила:

— Но как же я попаду к этому деду, если судно плывет до Варны?

Стоял улыбнулся.

— Об этом я уже договорился. Тем более что для рыбаков это всегда большой праздник.

— Вы мой спаситель! — наконец-то выжала я из себя. — Без вас я наделала бы еще очень много глупостей.

— Не спешите благодарить. Это еще не все.

Мужчина сделал небольшую паузу и затем продолжил:

— Если окажется, что на побережье нет следов вашего мужа, то остается последний шанс — это Варна. Я знаю, что у вас нет денег, а потому подумал и об этом. На листке бумаги я написал вам адрес знакомого ростовщика. Кроме того, я сделал приписку — свою просьбу, чтобы он вам одолжил денег на билет до Стамбула. Я думаю, он согласится. Теперь у меня — все.

Выдохнув, Стоял сел на стул.

— Я даже не знаю, как вас благодарить... — начала было я.

— Благодарите мою жену. В основном это ее идея, — скромно потупился хозяин.

Я хотела было броситься собирать вещи, но вдруг вспомнила, что собирать мне нечего, и потому решила в последний раз прогуляться по Обзору и подумать о том, что же делать дальше...

С одной стороны, мои шансы отыскать Кямрана росли с каждым днем, но с другой, я все ближе и ближе подходила к той черте, за которой... Мне было даже страшно подумать об этом. И все-таки судьба была милостива ко мне. В этом я не могла сомневаться.

Сегодня на море сильный ветер, и поэтому мне предложили пересидеть дорогу в трюме, но я отказалась. Устроившись на палубе у самого носа судна и укутавшись в плащ, предложенный одним из рыбаков, я молча наблюдала за беспокойным морем. Плащ пах рыбой, и, видимо, поэтому мне вспоминалось путешествие на похожем суденышке вместе с Ихсаном. Наверное, теперь уже всегда, когда я окажусь на рыбацкой шхуне, буду вспоминать майора. Где он теперь? Простил ли меня?

Началась изморось. Шутка ли, уже середина осени. Столько времени я в дороге! В Стамбуле, наверное, тоже дождь. Вспоминают ли там о бедной Чалыкушу... Может быть, забыли?.. Или ждут с нетерпением?..

Волны разбиваются о нос корабля. Слегка покачивает. Я смотрю на пробегающие вдоль борта волны. Вода притягивает к себе. Хочется наклониться поближе, перегнуться через борт и... Ой, что это ты, Чалыкушу?! Неужели поверила, что Кямран где-то там, под днищем этого баркаса? Конечно, нет. Тысячу раз нет! Кямран жив! Запомни это раз и навсегда. Ты не можешь сомневаться. Не имеешь права.

Зябко и холодно... Холодно и зябко... Но Димитр, один из рыбаков, пообещал мне через час встречу с дедом Матеем и горячую уху. Жду не дождусь этой встречи. Как было бы здорово, если бы всезнающий дед поведал мне историю о Кямране...

Баркас подошел к пустынному берегу, от которого в море тянулся небольшой мостик. Однако мы не стали причаливать. — Там слишком мелко, — объяснил главный из рыбаков. — Доберемся на шлюпке.

И вот мы уже на берегу. Миновав густые заросли, двое рыбаков и я вышли к небольшому, спрятавшемуся в роще бревенчатому домику.

— Вот здесь и живет самый известный человек на побережье, — указывая на ветхое строение, улыбнулся сорокалетний Димитр.

— Скромное жилище, — заметила я.

— Не одежда красит человека, — обиженно проговорил второй рыбак.

Молча мы подошли к дверям. Димитр осторожно постучал и прислушался. Изнутри донеслось тихое шарканье.

— На Матея это не очень похоже, — удивленно произнес Димитр. — Обычно он по своей расторопности готов обставить любого юношу.

Загремела задвижка, дверь медленно распахнулась, и в проеме показался седобородый старик со шрамом у виска, одетый в поношенную тельняшку и с трубкой во рту.

— А-а-а! — прищурившись на Димитра, проскрипел он, не выпуская изо рта трубки. — Давненько не захаживал... Я уж думал, что случилось...

— Да, дела все как-то, — начал оправдываться мой попутчик. — Жена вот родила... Мальчика!

— Мальчик — это хорошо! — одобрил старик и жестом пригласил войти.

Мы переступили порог и, пройдя сени, оказались в небольшой комнатушке, обставленной всевозможными атрибутами морского дела. Там, где обычно в крестьянских домах висят иконы, у деда Матея красовалась его парадная мичманская форма.

— Прихворнул я что-то, вы уж не обессудьте, — присаживаясь в кресло-качалку,

протянул старик. — Ра-ди-ку-лит замучил...

— Ничего-ничего, — поспешил ответить Димитр. — Даст Бог, скоро выздоровеете.

Не обратив внимания на утешения рыбака, Матей принялся внимательно разглядывать меня.

— А что за барышня с вами? Что-то я не припомню, чтобы в команду брали женщин...

Димитр, посмотрев на меня, сказал:

— Это Феридэ, мы взяли ее отвезти в Варну.

— Феридэ? — задумчиво произнес бывалый моряк. — Это та самая турчанка, которая разыскивает на побережье своего мужа...

— Да, — кивнула я. — А вам откуда это известно?

Старик усмехнулся:

— Поживи с мое...

— Мы же предупреждали, что дед Матей знает все, — вмешался второй рыбак.

— Значит, ты хочешь узнать о своем муже... — не дожидаясь моего вопроса, начал старик и испытующе посмотрел на меня.

— О Кямране...

— Так, значит, зовут его.

— Да.

Дед задумался.

— Весной возле мыса Еминэ грузовое судно, идущее из Одессы, протаранило турецкий пароход и, даже не оказав помощи, покинуло место происшествия, — медленно, растягивая слова, начал седой моряк. — Помню эту историю... Тогда наши рыбаки из Бургаса спасли шесть человек...

— Вы говорите о таких подробностях, которые не знают даже в турецком пароходстве... — удивилась я.

— В пароходствах работают чиновники, а я — моряк... — оскорбленно заметал Матей.

Старик достал изо рта трубку, набил ее новым табаком и, чиркнув кремнем, затянулся.

— Что вам сказали спасенные? — неожиданно спросил он.

— Один из них сказал, что видел смерть моего мужа своими глазами...

— Вы ему не верите?

— Нет.

Матей выпустил изо рта кольцо дыма.

— В Болгарии вашего мужа нет.

Это было сказано так неожиданно, что я даже не успела осознать смысл произнесенной фразы.

— Вы уверены? — спросила я под косыми взглядами рыбаков.

Старик только пожал плечами.

— Может, его следует искать в Варне? — решила не сдаваться я.

— Попробуйте, но, я уверен, там ничего нового вам не скажут.

— Значит, я должна смириться со смертью Кямрана...

— Почему же? — видя, что я готова расплакаться, сжалился бывалый моряк. — Еще не все потеряно.

В моем взгляде появилась мольба.

— Прошу вас, посоветуйте что-нибудь.

Старик, сделав небольшую паузу, продолжил:

— У вас есть шанс, правда, вероятность его очень мала — процента два.

— Говорите же, — нетерпеливо проговорила я.

— Вашего мужа могло подобрать судно какой-нибудь другой страны. России, например... А здесь, в Болгарии, поверьте, вам делать нечего.

Слова деда Матея были жестокими, но за ними чувствовались уверенность и жизненный опыт.

— А как же ваша известная на все окрестности уха? — желая разрядить ситуацию, подал голос Димитр.

— На вашем месте я не стал бы думать о еде... К вечеру должна разыгаться буря. И если вы не хотите проторчать здесь еще несколько суток, отправляйтесь побыстрее на судно.

Рыбаки, словно первоклассники, послушно наклонили головы и вышли из дома. Дед Матей решил проводить нас до крыльца.

— Попутного ветра! — пожелал он нам.

Варна, 15 октября

С дорожной сумкой, с небольшой суммой денег в кармане я ступила на пристань в Варне. Именно в этот город намеревался попасть Кямран, но его путешествие оборвалось... Что ждет меня здесь? Мой взгляд остановился на нищем, просящем милостыню. Безногий человек сидел на земле и тихо что-то напевал. Перед ним на мостовой лежала шапка, в которую сердобольные люди бросали гроши. Сожалея, что ничем не могу помочь несчастному, я прошла мимо...

О гостинице не могло быть и речи. Значит, в Варне мне предстояло пробыть не больше двух суток. «Интересно, где я могу узнать о кораблях, отплывающих в Стамбул», — подумалось мне, но спросить было не у кого. Хотя рядом сновало множество людей, у каждого были свои проблемы. Наконец я заметила молодого человека, читавшего газету.

— Мужчина, — обратилась я к нему на ломаном болгарском, — вы не подскажете, где здесь можно получить информацию об отплытии кораблей?

— Что? — рассеянно переспросил он.

— Помогите мне, пожалуйста, разобраться с расписанием отплытия судов...

Молодой человек поправил очки.

— Простите... Как-то не сразу сообразил, о чем вы спрашиваете. Пойдемте, я отведу вас в здание морского вокзала.

Как я ни упиралась, мужчина подхватил мою сумку и бодрым шагом направился к длинной одноэтажной постройке. Вдруг мне стало плохо. Стыдно признаться, но в тот день во рту у меня не было даже маковой росинки.

— Подождите, мужчина! — из последних сил крикнула я и опустилась на скамейку.

Встревоженный молодой человек мгновенно очутился рядом.

— У вас голодный обморок, — предположил мужчина, — поехали к доктору...

Он тут же бросился искать свободный экипаж, а я с ужасом подумала, что потрачу последние деньги на извозчика и на лекарство.

— Не надо, мне лучше. — Но мой голос был слаб, и молодой человек ничего не услышал.

Через минуту мы уже тряслись в коляске, и мой спаситель с энтузиазмом рассказывал:

— Я отвезу вас к своему дяде. Он содержит бесплатный пансион и любит подбирать на

улицах бездомных вроде вас.

— Но я же не бездомная. Просто мой дом далеко...

Юноша, не обращая внимания на мои слова, тараторил, как сорока:

— Дядя обрадуется, что вы приедете... Он по образованию доктор, а сейчас работает над научной статьей, изучая психологию отбросов общества. Я имею в виду тех, кто беден. Простите, не хотел вас обидеть...

Мне ничего не оставалось, как молча слушать этого любящего племянника. С одной стороны, неплохо пожить день-другой на полном обеспечении, но быть в зависимости от какого-то, пусть даже неплохого человека не хотелось. И я решила: приехав на место, при первой же возможности извиниться и уйти. Тем более мне нужно было разыскать ростовщика...

Пансион находился на окраине города, в небольшой деревянной постройке. Сам доктор жил недалеко — в каменном флигеле с остроконечной крышей. Вначале племянник повез меня туда.

— Дядя с вами побеседует, — объяснил молодой человек и смущенно добавил: — Такие здесь правила.

Доктор мне показался совсем не сердобольным. Его голова без единого волоса отсвечивала желтизной. Хитрые глазки за толстыми стеклами очков, казалось, буравили насквозь. Но по опыту зная, что часто за уродливой внешностью скрывается доброе сердце, я приветливо улыбнулась ему.

— Как вас зовут? — поинтересовался доктор.

— Феридэ.

Мужчина, очевидно, догадывался, что производит неприятное впечатление на людей. Но я решила не заострять внимания на его внешности и быть с ним как можно более любезной. Доктор внимательно посмотрел мне в глаза.

— Как вы познакомились с моим племянником?

— Совершенно случайно... Я попросила его помочь мне узнать о кораблях, отплывающих в Стамбул.

Дядя с племянником переглянулись.

— Но здесь вы совершенно одна?

— В общем-то да...

— По каким делам, если не секрет?..

Вздыхнув, я рассказала доктору свою печальную историю. Сначала мужчина недоверчиво слушал, но в конце концов мои приключения заинтриговали его, и на лице доктора появилась заинтересованность.

— Скажите, Феридэ, а ваши родственники в Турции совершенно не в курсе, где вы сейчас?

— Я же говорю, что мы не поддерживаем отношений...

— Интересно, а кто-нибудь знает, что вы приехали в Варну?

Мне показались подозрительными вопросы доктора, но, отогнав тревожные мысли, я ответила:

— Только Стоял, но его вряд ли можно назвать другом. Просто хороший знакомый...

Во время нашего разговора профессор, как его однажды назвал юноша, постоянно почесывался. Могло показаться, что его кусают блохи. Но я понимала, что это — дурная привычка.

Неожиданно дядя обратился к племяннику на немецком языке. Мне стало еще более неприятно. Если они хотели посекретничать, то могли бы дождаться, пока я уйду. Поговорив несколько минут, доктор снова посмотрел на меня.

— Феридэ, вы не согласитесь остаться у нас? Когда придет ваш корабль — неизвестно, а хорошая еда и уютная постель никому не помешают...

Я отрицательно покачала головой:

— Спасибо, конечно, за предложение, но это невозможно. У меня много дел в Варне.

Профессор переглянулся с юношей.

— Мы поможем вам все уладить, оставайтесь.

— Еще раз спасибо, но как-нибудь в другой раз.

Мне показалось, что дядя подмигнул молодому человеку. Но смысл происходящего мне стал понятен лишь спустя некоторое время. В ту минуту, не подумав ничего плохого, я встала и собиралась уйти. Доктор поднялся, пожелав проводить меня до выхода. Но, как только я подошла к двери, профессор вдруг загородил ее.

— Вы что-то хотели сказать? — удивилась я.

— Да, Феридэ, я забыл...

Неожиданно я почувствовала, как кто-то сзади схватил меня за руки, а на лице ощутила марлю с запахом хлороформа. Попытавшись освободиться, я рванулась несколько раз.

Последним, что я запомнила, был странный взгляд доктора...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Пансион, 17 октября

О Аллах, куда я попала! Все приключения, которые произошли со мной ранее, просто детский лепет по сравнению с тем, что ожидает меня впереди. Но как выкарабкаться из этой ситуации, я не знаю. Профессор Штольц все рассчитал правильно. Меня искать никто не будет. Тетушка Бесимэ и Неджмие уверены, что я в Аладжакая, а Ихсан, наверное, возвратившись в Турцию, попробует выбросить меня из сердца. Так что надеяться придется только на саму себя. Хорошо еще, что доктор оставил мне дневник.

— Я прочитал твои записи и решил, что мир может потерять еще одного литературного гения, если тебе не дать возможности писать. — Говоря это, профессор бросил тетрадь на мою постель.

«И за это спасибо», — подумала я и отвернулась к стенке.

Несколько дней от слабости я не могла вести дневник. Но потом, взяв себя в руки, я решила обязательно продолжать его. Во-первых, чтобы было с кем делиться, так как профессор лишил меня общества. Во-вторых, я надеялась, что когда-нибудь выберусь отсюда и эти записи послужат доказательствами, если память мне изменит.

Я подробно описала, как попала в этот странный пансион, теперь наступило время рассказать, что случилось потом.

Очнулась я в небольшой комнате, похожей скорее на больничную палату, чем на приют для бедных. Правда, моему удивлению не было предела, когда я заметила, что в помещении нет ни одного окна. Голова была тяжелой, веки — словно налитые свинцом, очень хотелось пить. Я попробовала пошевелить руками и почувствовала слабость во всем теле...

Вдруг распахнулась дверь, и в комнату вошел профессор. Он взял мою руку и пощупал пульс.

— Как вы себя чувствуете?

С трудом разжав губы, я ответила:

— Ужасно...

— Тяжелая голова, сухость во рту, полная слабость?

— Да.

— Это последствия наркоза. Часок-другой, и все пройдет. Если будете хорошо себя вести, то я разрешу вам встать.

Мне было очень трудно говорить. К тому же я не совсем понимала, в какую историю попала. Однако вспомнив, что меня насильно заперли в этот пансион, я с возмущением прошептала:

— Выпустите меня отсюда... Немедленно...

Вздохнув, профессор потер подбородок.

— Я считаю, что должен рассказать вам все. Не буду обманывать, но вы — именно тот человек, которого я искал давно... Не считайте меня последним негодяем, я просто ученый... Неплохой ученый, как мне кажется. Поверьте, все, что здесь делается, это не какое-нибудь ветеринарство, а большая наука. Да, большая! И вы можете гордиться тем, что попали именно сюда. Подумайте, какая банальность вас могла ожидать: семья, дети, старость и смерть... Ваша жизнь была бы потрачена на ничего не значащие мелочи... Но вы же созданы для другого...

Резкая боль в голове мешала мне сосредоточиться. Профессор то выплывал из тумана, то снова скрывался. Я усилием воли заставила себя не заснуть.

— Феридэ, вы меня слышите? — Голос доктора раздавался над самым ухом.

— Да-да, продолжайте...

— Нет, сегодня вы недостаточно хорошо подготовлены. Поговорим в следующий раз.

Как доктор выходил, я уже не видела.

18 октября

На следующий день доктор вновь посетил меня. Я уже начала приходить в себя и даже немного подумала о своем положении. Было ясно одно — в этом доме я пленница. Но зачем меня здесь держат? Этими вопросами я засыпала доктора, не успел он переступить порог.

— Вы сегодня прекрасно выглядите... Не пытались встать?

— Слабость в ногах непонятно откуда, — довольно миролюбиво ответила я.

Профессор хмыкнул.

— У вас нервное истощение — это и ежу понятно.

— Но до встречи с вами я себя прекрасно чувствовала.

— Не сваливайте всю вину на меня... Судя по вашим рассказам, хлебнуть вам пришлось немало.

В этом случае доктор был прав.

— Может быть, но я немного лечилась.

С интересом профессор переспросил:

— Лечились? А где?

— В Обзоре... Это недалеко от Варны.

Если это кудахтанье можно было назвать смехом, то доктор рассмеялся.

— Знаю я эту больницу... Прекрасное обслуживание.

Я гневно сдвинула брови.

— Уж получше, чем здесь. Там меня хоть выпускали подышать свежим воздухом.

— Всему свое время. Еще нагуляетесь, — уверенным голосом заявил профессор. — Давайте-ка лучше познакомимся.

Ваше имя я знаю. А меня зовут герр Штольц. Немного фактов из биографии? Я вижу, вы сразу же желаете узнать, на каких правах я держу вас здесь... Подождите немного.

Мне было очень неприятно наблюдать за этим человеком. Его лысина покрылась капельками пота. Можно было подумать, что Штольц волнуется. Я бы так и решила, если бы не знала профессора как жестокого и деспотичного человека. А ведь волнение — удел слабых. Штольц больше напоминал машину, у которой вместо сердца было железо.

— Я продолжу, с вашего позволения. — Доктор снова почесался. — Родился я в маленьком баварском городке. Родители мои — потомственные пивовары — мечтали, что я стану адвокатом. Следуя их наставлениям, я и поступил в университет на юридический факультет. Но судьба свела меня с одним малоизвестным доктором. Чего у него было не отнять, так это самоотверженного служения своей работе. Значительно позднее я понял, что этот человек заразил меня профессией врача. Бросив юридический факультет и поступив на медицинский, я с жадностью стал учиться, впитывая, как губка, знания по всем предметам. Мои сокурсники женились, обзавелись детьми, а я день и ночь проводил в лаборатории. И, поверьте, не зря! Однако годы шли, я старел, а моя идея никак не хотела реализовываться. Мне мешали мои противники, которые как ученые были ничто...

На мгновение Штольц задумался, видимо, вспоминая своих недругов, но, дернув головой, словно желая избавиться от мрачных мыслей, продолжил:

— Теперь я наконец-то у заветной черты, и никто не помешает мне получить фактическое подтверждение моего открытия. Мой препарат — это революция не только в психиатрии, но и в общественных отношениях.

— Простите, — наконец мне удалось вставить слово, — но я-то тут при чем?

— Вы, Феридэ, — моя надежда! Я хочу испробовать препарат на вас...

Вскочив с кровати, я бросилась к двери. Изо всех сил молотя кулаками, я закричала:

— Помогите!.. Помогите!..

Профессор явно не ожидал от меня такой прыти. Он растерянно протер очки, но не двинулся с места.

— Кричите, кричите, хоть глотку надорвите — не поможет. — Лицо его казалось спокойным. — Здесь стены покрыты изоляционной материей.

В холодных глазах доктора я прочитала крушение своих надежд на спасение. Мне не оставалось ничего другого, как покориться судьбе...

19 октября

Утром, заглянув ко мне на несколько минут, профессор был необычайно приветлив. Он даже не вспомнил про мою вчерашнюю истерику.

— Как себя чувствуете? — традиционно начал он.

— Примерно так же, как канарейка в клетке.

Доктор прищурил глаза.

— Вы сами создаете себе клетку. Будь вы немного разумнее и не так горды, то уже давно бы разгуливали по моему чудесному саду.

— Что-то я не заметила отдыхающих, когда приехала к вам, — сказала я с сарказмом.

— Состояние здоровья остальных жителей пансиона не позволяет им совершать такие прогулки, — как ни в чем не бывало ответил мужчина и добавил: — А вы, я вижу, выглядите гораздо лучше.

— Вас это беспокоит?

Доктор поправил очки.

— Наоборот, я рад.

— Это намек на то, что вы можете начинать свой эксперимент? — зло отреагировала я.

Присев на кровать, профессор почесал мочку уха и спокойно проговорил:

— Напрасно вы так пренебрежительно относитесь к серьезной научной работе. Поймите, я ведь хочу вашего добровольного согласия...

— Вы имеете в виду документ? — спросила я, догадавшись, к чему именно клонит доктор.

— Что-то вроде этого...

— А если я не подпишу?

Профессор взглянул на ручные часы и озабоченно произнес:

— Да-а-а, задержался я в вашей обители или как там у вас... кельи, кажется...

Я промолчала.

— Ну что ж, значит, до завтра. — Мужчина поднялся и направился к двери. Однако, не дойдя до нее примерно шага, он повернулся и сказал: — Кстати, я зашел к вам, чтобы сказать о том, что уезжаю и возвращусь только завтра.

— Вы собираетесь до завтрашнего дня всех жителей пансиона отправить под наркоз? — язвительно спросила я у ненавистного докторишки.

— У вас, оказывается, прекрасное чувство юмора. Жаль, что оно пропадает здесь... — На лице у доктора появилась наигранная горечь, которая вскоре сменилась прежним каменным выражением. — Так вот, о деле. На время поездки в пансионе меня заменит студент... Подумайте о моем предложении...

Дверь закрылась, и я вновь оказалась в одиночестве. Однако сообщение доктора о том, что в это здание имеют доступ и другие люди, меня искренне порадовало. Втайне я надеялась, что со студентом мне придется гораздо проще, тем более что он в отличие от профессора мало походил на каменную стену или безупречный часовой механизм. Возможно, доктор подбирал помощника по своему образцу и подобию, но в данном случае играла роль еще и молодость.

Через час после ухода профессора мне пришла в голову неожиданная мысль о побеге. Она настолько захватила меня, что до обеда ни о чем другом я не могла и думать.

В полдень, как обычно, я услышала скрежет ключа в замке. Дверь распахнулась, и на пороге показалась старушка надзирательница. Наконец-то я могла спокойно рассмотреть это создание. Старушке было лет семьдесят. Она была худощава. На грубом, словно высеченном из камня лице, смуглом и морщинистом, особенно выделялись острые злые глаза да седые усы. Я содрогнулась от ужаса. Эта старая женщина напомнила мне персонаж из давно забытой страшной сказки. «Придется привыкать, Чалыкушу, — подумала я, — ведь до этого твое общество состояло только из одного доктора. Теперь жизнь обещает стать разнообразнее, ведь попечителей будет двое... Впрочем, нет — трое. Как же я могла позабыть о студенте, который должен был навестить меня позже!»

Держа в руках поднос с горячим обедом, старая женщина молча подошла ко мне и поставила его на кровать рядом со мной.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Старуха слегка наклонила голову и сверкнула глазами.

— Извините, — попыталась я завести разговор, — раньше я слишком плохо чувствовала себя и поэтому, возможно, была не очень внимательна к вам...

Женщина, не говоря ни слова, присела на край кровати и уставилась на меня.

— Вы давно работаете у доктора? — спросила я, надеясь разговорить не слишком вежливую прислугу.

Указав пальцем на тарелки, старуха скрестила руки на груди и недовольно пробежалась по мне взглядом. По ее суровому лицу я поняла, что беседы у нас не получится...

После обеда я почувствовала себя неважно, но внезапно накотившийся сон избавил меня от борьбы с головокружением и легкой тошнотой. Когда я проснулась, состояние мало изменилось, однако головная боль явно уменьшилась. Не знаю, сколько еще времени я провалялась в постели, стараясь подавить в себе неприятные ощущения, но, когда ко мне вернулась способность спокойно подумать о предстоящем побеге, как назло, в дверь постучались. Еще через мгновение раздался грохот открывающегося замка, и в дверном проеме показалась худощавая фигура рыжеволосого юноши. В руках он держал тарелку с овсяной кашей и чашку с кусочком белого хлеба.

— Извините, госпожа, — осторожно пробубнил он. — Доктор просил меня зайти и поинтересоваться состоянием вашего здоровья... И заодно принести вам ужин.

— Вы так и собираетесь держать тарелку в руках, пока я буду есть? — усмехнувшись, поинтересовалась я.

— О, извините, — растерянно проговорил студент. — Я совершенно позабыл о подносе! Вы пока подержите это, а я за ним сбегаяю.

Юноша передал мне чашку и тарелку, а сам выбежал за дверь, лишь слегка прикрыв ее. Мне ужасно хотелось выглянуть в коридор, но когда я наконец решилась, было уже поздно — оттуда доносились шаги моего юного надзирателя. Тяжело дыша, он заскочил в комнату и подошел к кровати.

— Как-то я не подумал сразу об этом... — виновато произнес он, положив поднос на одеяло, покрывающее мои ноги.

Поставив тарелку и чашку, я поинтересовалась:

— Вы, видимо, тоже ученый?

— Ну, как вам сказать... — замялся юноша. — Я окончил три курса медицинского в Софии...

— Почему же сейчас не на занятиях?

— Меня выгнали.

— Если не секрет, за что?

— За участие в одной студенческой пирушке, но это не важно. Ведь по успеваемости я был одним из лучших.

— А как вы сюда попали?

— Меня пригласил сам профессор. Он обещал, что устроит мои дела с восстановлением на учебу.

— Вам нравится то, чем вы занимаетесь у доктора?

Этот вопрос заставил молодого человека собраться с мыслями.

— Профессор Штольц просил быть учтивым с вами, но особенно не болтать... — стараясь напустить на себя серьезный вид, заявил он.

— А мне доктор сказал, что я здесь надолго, и поэтому подумалось, что будет нелишним познакомиться.

— Так, значит, вы все-таки подписали... — облегченно вздохнул студент.

Я потупила глаза.

— А что мне остается делать...

Молодой человек явно обрадовался.

— Это здорово. Наконец-то мне хоть будет с кем поговорить.

— Неужели вы так одиноки в этой усадьбе?

— Пожалуй, — задумался он. — Немая старушка, необразованный извозчик, кухарка и... профессор — вот моя компания. Разве с ними можно побеседовать по душам?

— Да-а-а, — протянула я, радуясь, что отношения со студентом начинают складываться даже лучше, чем я думала.

— А чем же не устраивает вас доктор?

— Он — гений, а с такими людьми всегда тяжело.

— Гений?.. — повторила я, округлив глаза.

— Да-да, — воодушевился молодой человек. — Я помню его еще по лекциям на нашем факультете. Профессор Штольц — великолепный психиатр. Кроме того, он ведет исследовательскую работу...

— В своей области?

— Доктор занимается вопросами, связанными с когнитивными процессами, — решил блеснуть накопленными познаниями мой собеседник.

— Мне это ни о чем не говорит...

— Ну, это... — задумался студент, подбирая более простую формулировку, — это связано с воздействием на подсознание человека.

— С какой целью?

— Как с какой? — удивился молодой человек. — Конечно, для того чтобы подчинить людей низшего уровня более развитой прослойке общества.

— А по-моему, ваш доктор просто сумасшедший, — заметила я, чем, как мне показалось, немало обидела своего собеседника.

— О, как вы не правы! — воскликнул он. — Пройдет некоторое время, и, поверьте, вы будете думать о профессоре Штольце совершенно иначе.

— Хотелось бы в это верить, — подыграла я студенту, раздумывая над тем, как лучше его использовать для осуществления побега.

Рыжеволосый юноша оказался болтлив, и это было мне на руку. По крайней мере теперь я могла хоть что-то узнать.

Например, куда попала и какие люди меня окружают.

— Профессору можно верить, — продолжал молодой человек, — особенно когда дело касается науки. Тут он непревзойденный гений.

— Пожалуй. Только в медицине я разбираюсь мало... — попыталась я поддержать авторитет доктора, видя, какое раболепие питает к нему юноша.

Мой шаг оказался удачным, ибо после этой фразы студент, видимо, решив, что окончательно переубедил меня, завелся еще больше.

— Если бы вы видели его библиотеку... — покачал он головой. — Чего там только нет!

— Доктор мне обещал показать ее, — соврала я, — но вы, наверное, знаете, каким было мое состояние в минувшие дни.

— Профессор мне не рассказывал об этом, — признался рыжеволосый, — однако я помню вас в тот день, когда мы познакомились. Выглядели вы неважно.

— Да, — согласилась я.

— Видите, как хорошо, что вы попали к нам, — обрадовался студент моему признанию. — Теперь, наверное, понимаете, что я вам плохого не порекомендую...

— Хотела у вас спросить... Точнее попросить... — начала я и, покраснев, замаялась.

— Конечно, конечно, мне будет очень приятно исполнить любую вашу просьбу, — поспешил с ответом юноша, также зардевшись.

Мой голос прозвучал робко:

— Когда я договорюсь с доктором о прогулках по саду, вы не будете так любезны составить мне компанию?

Молодой человек стал пунцовым.

— Для меня это большая честь...

— Значит, договорились.

Студент согласно кивнул головой. Мне показалось, что после этого небольшого разговора он готов был сидеть в моей комнате до самого вечера, но поскольку я уже достигла задуманного и к тому же ужасно болела голова, юношу необходимо было спроводить.

— Сколько сейчас времени? — поинтересовалась я.

Рыжеволосый порылся в карманах и достал часы.

— Половина восьмого, — спокойно ответил он.

Тут я вспомнила о том, что совершенно не ориентируюсь не только во времени суток, но даже не знаю, какое сегодня число.

— Сегодня... — начала я.

— Девятнадцатое, — улыбнулся, догадавшись с полуслова, студент.

— Скоро нам не понадобится язык, — сделала я ему комплимент.

Молодой человек вновь покраснел. Однако, к моему разочарованию, уходить он так и не собирался. Взявшись за голову, я тихо проговорила:

— От закрытого помещения у меня что-то заболела голова.

Студент подхватился с места.

— Сейчас я принесу вам какую-нибудь болеутоляющую таблетку

— Будьте так любезны.

Он выбежал за дверь. Я поднялась и хотела выглянуть в коридор, но услышала приближающееся шарканье немой надзирательницы. Подойдя к моей комнате, она захлопнула дверь и сделала несколько оборотов ключом.

Минут через пять студент опять возвратился, но я не нашла иного средства избавиться от него, как притвориться спящей. Открыв дверь, он подошел ко мне, но будить не решился.

Когда осторожно на цыпочках он покинул помещение, я принялась обдумывать свой дальнейший план.

Теперь мне стало ясно, что главных действующих персонажей, с которыми мне придется столкнуться, будет трое: доктор Штольц, рыжеволосый студент и немая надзирательница (наконец-то я нашла объяснение ее молчанию). «Наиболее подходящий для осуществления моего плана, конечно, студент, — подумала я. — Он-то и поможет мне

выбраться отсюда, когда доктор уедет куда-нибудь по своим делам...»

Пансион, 20 октября

Как только доктор возвратился из поездки, он сразу же заглянул ко мне.

— Как здоровье нашей Чалыкушу? — бодро прозвучал его голос.

Услышав имя, которым меня называли лишь близкие люди, я едва не вскочила с кровати, чтобы выцарапать мерзавцу глаза, но невероятным усилием воли все-таки смогла удержать себя от этого поступка.

— Я попрошу вас больше никогда не называть меня так! — возмущенно воскликнула я.

— Почему же? — усмехнулся Штольц. — Мне даже очень нравится имя Чалыкушу.

Я почувствовала, что мои ноздри раздуваются от ярости.

— Если вы залезли в мой дневник, — ответила я, — то это абсолютно не значит, что то же самое вы должны проделать с моей душой!

Профессор слегка стушевался и решил перевести разговор в более безопасное русло.

— В мое отсутствие я просил присмотреть за вами студента...

— Да, он приходил.

— Надеюсь, никоим образом ваше обостренное чувство гордости не было затронуто?

— Конечно, он ведь боится вас...

— Скажем, уважает, — уточнил доктор. — Впрочем, я не могу не отметить вашей наблюдательности...

— Мне показалось, что он отличается от серых стен, — намекнула я на свое заточение.

Доктор присел на кровать и равнодушно произнес:

— А ведь вас здесь никто и не собирается держать... Вы сами своим упрямством посадили себя в клетку.

— Скажите прямо, — устав от размытых фраз Штольца, попросила я, — какую бумагу мне нужно подписать?

— О, — замахал рукой профессор, — это абсолютно ничего не значащая мелочь...

— И все же?

— Ваше согласие на лечение новыми средствами.

— Короче, вы собираетесь испытать свой феноменальный препарат на мне и хотите, чтобы я дала на это согласие? Ведь так?

— Да.

— Значит, я должна подписаться под тем, что отдаю себя в руки профессора Штольца для того, чтобы он распоряжался моей жизнью так, как ему заблагорассудится?

— Вот здесь вы не правы. — Доктор встал со своего места и заходил по комнате. — Во-первых, вы нужны не мне, а мировой науке. Право не знаю, почему вас пугает мое предложение... А во-вторых, поверьте, вас никто не заставит насильно поставить подпись. Это дело добровольное.

— Если добровольное, то отпустите меня отсюда! Я не хочу участвовать в вашем эксперименте.

Доктор остановился и усмехнулся.

— Я не могу это сделать.

— Почему?

— Как медик я считаю, что у вас есть ряд болезней, некоторые из которых могут

перейти в тяжелую форму. Вам необходим постельный режим... и временная изоляция от общества...

— Изоляция? — осеклась я.

Доктор поправил очки.

— Вот так-то, дорогая.

— Я не верю ни единому вашему слову! — привстав, отчаянно произнесла я.

— Не волнуйтесь так. — Профессор был невозмутим. — Вы можете прослушать целый ряд очень полезных для вас советов...

Я поняла, что мой протест по меньшей мере наивен, и поэтому, натянув до глаз одеяло, замолчала.

— Так о чем я говорил?.. — почесал затылок доктор. — Ах, да! О том, что предпринимаемые мною меры предосторожности с научной точки зрения оправданы.

— Другими словами, из этих четырех стен я никогда не выйду? — сквозь одеяло спросила я.

— Феридэ, мы же интеллигентные люди и всегда можем найти компромисс...

— Вы меня шантажируете?

— Я всего лишь хочу поскорее начать работу.

— В ваших силах сделать это и без моего разрешения.

— Мне нужна ваша помощь.

— Как кролика?

— Как человека, который самоотверженно служит науке и выполняет свой долг перед человечеством. Вы не чернь и должны это понять!

Доктор, почувствовав, что начинает переходить на эмоции, замолчал. Вообще же в этот день, как мне показалось, Штольц был в своих доводах непривычно пространен. Он в длинные фразы пытался вложить лишь одну простую мысль: «Или вы начинаете принимать препарат и ведете дневник своего состояния, или остаетесь в этих четырех стенах навсегда».

— Я могу подумать? — Мне захотелось выиграть еще несколько дней.

— У вас было достаточно времени. — В этих резких словах был прежний Штольц. — Но если вы отказываетесь послужить науке, то я могу оставить все как есть. Потом будет бессмысленно уговаривать меня возвратиться к этому вопросу. Подумайте об этом, Феридэ.

Доктор, в этот раз даже не осмотрев меня, откланялся и вышел за дверь. Еще через мгновение защелкнулся замок, и его уверенные шаги начали постепенно удаляться. Вслед за ними все тише и тише слышалось шарканье надзирательницы...

Я одна, и мне ужасно невыносимо в этой маленькой комнатушке с серыми стенами. Наверное, меня мог бы понять лишь человек, прошедший не один день в карцере. Но в карцер сажают провинившихся, а в чем виновата я?..

Наверное, еще неделю проведи я в этом сером склепе, сумасшествие было бы неминуемо. Я уже начинаю забываться: что такое день и что такое ночь. Вчера на улице был сильный дождь. А может быть, мне это только показалось.

После обеда я вновь заснула. Совершенно неожиданно. Это произошло примерно через полчаса после того, как из моей комнаты вышла надзирательница, забрав пустую посуду. Еще совсем недавно я чувствовала себя относительно бодро, но вдруг мои веки начали слипаться. Мне это показалось странным, и я попыталась сопротивляться наступающей пустоте, однако...

Второго визита доктора в этот день я не ожидала. Да и судя по утреннему посещению, особого желания видаться со мной у него тоже не было. Тем не менее вечером я была немало удивлена, увидев его в стенах своего карцера.

— У меня для вас сюрприз, — заявил профессор с порога. — Как вы думаете, какой?

В это время у меня всегда болела голова, и поэтому мне трудно было понять его игривый настрой. Я промолчала. Не дождавшись ответа, доктор достал карманные часы и положил их на кровать рядом со мной.

— Это вам.

Я непонимающе посмотрела на часы, а потом на Штольца.

— Мне показалось, что это внесет некоторое разнообразие в вашу безрадостную жизнь.

— Вы очень добры, — зло ответила я, восприняв подарок как издевательство.

— Но и это еще не все, — проговорил доктор, блеснув оправой очков. — В ближайшие дни я подыщу вам какую-нибудь книгу для чтения, это необходимо в вашем состоянии. К сожалению, не могу предложить сегодня — в моей библиотеке сугубо научная литература...

Говоря все это, профессор внимательно наблюдал за выражением моего лица. Конечно, часы и книга были очень кстати, но я старалась сохранить холодное спокойствие.

— Вы, кажется, умеете играть на рояле? — неожиданно спросил он.

Я скривила губы в усмешке.

— Вы очень внимательно читали мой дневник...

— У меня во флигеле есть рояль...

— Пожалуй, рояль в эту комнату не влезет, — саркастически заметила я, удивляясь произошедшим со Штольцем переменам.

— Кроме того, — не обращая внимания на мои реплики, продолжил доктор, — я хочу предложить вам совершить небольшую пятиминутную прогулку на улицу.

Позабыв о внимательном взгляде профессора, я искренне обрадовалась.

— На улицу?! — вырвалось у меня.

— Да, — подтвердил доктор, кивнув головой. — Сейчас дежурная принесет вашу одежду.

Я не верила своим ушам.

— Что-нибудь случилось, профессор? — Мною овладел интерес. — Это на вас не похоже.

— Вы меня плохо знаете, — отреагировал Штолец. — И если вы считали доктора деспотом, то глубоко ошибались!.. Я не тюремщик и хочу, чтобы вы так не думали.

— А как же мне думать?

— Я — ученый и прошу с этим смириться.

Дверь за спиной профессора открылась, и в комнату вошла старуха, держа в руках мое платье. Подойдя к кровати, она положила мой наряд рядом с часами и удалилась.

— Переоденьтесь, — произнес Штолец, — а я подожду вас за дверью.

Он вышел, а я, так и не сообразив, что же все-таки произошло, принялась одеваться. Затем, словно желая войти в чей-то кабинет, я постучала в дверь.

— Выходите, Феридэ, — послышался из-за двери голос доктора.

Я толкнула дверь, но она, к моему большому удивлению, не открылась. Выйти в коридор мне удалось лишь с третьей попытки, когда я налегла на дверь плечом.

— Ослабели совсем, — заметил профессор. — Но можете не волноваться, — ваше здоровье идет на поправку.

Я слегка покачивалась, так как за последние дни совершенно отучилась ходить. Доктор схватил меня под руку и по коридору повел к выходу из здания пансиона. Мы проходили мимо закрытых дверей, и мне показалось, что я слышала, как оттуда доносились стоны людей.

— Там тоже больные? — спросила я у профессора, указывая на одну из дверей.

— Тяжелобольные, — пояснил он. — Я пытаюсь их вылечить.

— Это правда? — В голосе моем проступало недоверие. — Или они такие же больные, как и я?

— Судя по тому, как неустойчиво вы держитесь на ногах, я не стал бы утверждать, что вы абсолютно здоровы. Но с вами проще — вы начинаете выздоравливать.

Мы подошли к сидящей у выхода надзирательнице.

— Дайте на несколько минут женщине свое пальто, — распорядился доктор. Старуха поднялась с табурета и, сбросив пальто, протянула его мне.

— Не стоит, — запротестовала я.

— Вы забыли, что сейчас не лето, а конец осени. — Штольц взял у надзирательницы пальто и набросил его мне на плечи. — Вот так-то будет лучше. Вы ведь совершенно не представляете, что сейчас творится на улице.

Когда профессор открыл входную дверь, меня обдало свежим воздухом, наполненным запахами осени.

— Смелее, смелее. Проходите, — уговаривал меня доктор, рукой указывая, в какую сторону нужно идти.

Я же, словно опьянев, не могла сдвинуться с места и жадно смотрела на вечерние очертания сада, раскинувшегося за проемом двери. Штольц помог мне переступить порог, и мы оказались на улице.

С тех пор как я попала в заточение, казалось, прошла целая вечность. Деревья стояли совершенно голые, даже листва, сплошь покрывающая землю, уже успела поблекнуть и увянуть. По небу плыли тяжелые облака. Заходящее солнце окрасило не только их, но и все, что находилось во дворе. Красный свет и черные тени — сейчас было их время.

Возможно, еще неделю назад увиденное мне показалось бы мрачноватым, но в этот момент я по-настоящему наслаждалась всем тем, что было вокруг меня. Мне захотелось, чтобы это мгновение продолжалось бесконечно, но вдруг профессор, до этого стоявший молча, заставил меня вернуться к реальности.

— Хватит, нам нужно возвращаться, — словно гром прозвучал его холодный голос.

Я хотела попросить доктора побыть здесь еще немного, но, уже зная его характер, поняла, что он ни на минуту не отклонится от своего графика. Я еще раз окинула взглядом двор и тихо согласилась:

— Хорошо, идемте, профессор.

Когда мы возвратились в комнату, Штольц с усмешкой на лице поинтересовался:

— Вам понравилась прогулка?

— По-моему, это вопрос, не требующий ответа. — Я села на кровать и, взглянув в глаза доктору, спросила: — Неужели вам доставляет удовольствие наблюдать за тем, как я тихо умираю в этой комнате?

— Бессмысленная смерть меня никогда не прельщала, поверьте, Феридэ.

Я опустила голову, догадавшись, что скрывается за словами профессора.

— Да-да, — словно прочитав мои мысли, утвердительно кивнул он. — Все зависит

только от вас.

После улицы мне стало невыносимо тесно и душно в этой серой комнате. «Может быть, все-таки подписать его бумагу?» — пришло мне на ум, но, спохватившись, я решительно выбросила эту мысль из головы. Ведь во мне еще жила надежда на побег. Но как его совершить?

Несколько часов назад, выйдя за порог дома и оглядевшись, я заметила, что мне будет не под силу перебраться через деревянный забор усадьбы. А что, если мне выйти просто через ворота? Задвижка на них, насколько я успела рассмотреть, была недостаточно сложной. С ней бы я управилась. Замка нет — это хорошо. Но, когда я окажусь на улице, что делать дальше? Это окраина, и извозчики редко бывают в этих местах... Убегать... но в каком направлении? Неделью назад, подъезжая сюда, я даже не выглянула на дорогу... Спрятаться в чьем-нибудь доме? Однако соседи знают профессора гораздо лучше, чем меня, и выдадут тут же, поверив ему. А он-то сумеет выдумать правдоподобную небылицу, чтобы убедить и даже напугать людей. Что делать за воротами?..

Ладно, это я решу позднее, а сейчас нужно подумать, как вырваться из этого дома. Во-первых, нужно дождаться, когда доктор куда-нибудь поедет. Во-вторых, необходимо спровадить старушку надзирательницу... например, на кухню. Таким образом, это должно произойти перед обедом или после него, когда старуха пойдет мыть посуду.

Но после обеда я обычно засыпаю. Почему?.. Уж не кладут ли мне в компот снотворное?.. Конечно! И как только раньше я не догадывалась об этом: значит, если побег будет после обеда, то в полдень я не должна ничего пить.

И последнее — выйти на улицу мне поможет студент. Доктор очень кстати вывел меня на прогулку. Кажется, я видела в окне флигеля юношу... И, следовательно, он видел меня. А потому, если я его попрошу сделать то же, что и доктор, думаю, особых возражений у него не будет. Но как поступить, окажись я за воротами усадьбы? Пока не знаю...

Пансион. 21 октября

Сегодня я попробовала не пить компот, но все равно захотела спать. Однако на этот раз мне удалось превозмочь свой сон.

Ровно час после обеда меня никто не тревожил, и я, лежа в кровати, рассматривала подаренные доктором часы. «Пожалуй, он был прав, когда говорил, что этот предмет внесет некоторое разнообразие в мою жизнь, — думала я, стараясь не пропустить мгновение скачка минутной стрелки на одно деление. Наконец-то у меня появилась хоть какая-то игрушка».

От этого занятия меня оторвал щелчок отрывавшегося замка. Дверь бесшумно распахнулась, и я увидела профессора. Он был явно обескуражен, застав меня не спящей. Настолько, что даже позабыл о приветствии.

— Вам уже настолько лучше, что организму не нужен дневной сон. Это похвально, — нашелся он.

— У вас тоже новые привычки, — заметила я.

— Да? — Доктор изобразил удивление.

— Например, не стучаться в дверь.

— Ах да. — Штольц почесал лысину и через мгновение добавил: — Просто мне не хотелось вас будить своим стуком.

— Но вы могли бы прийти и позже.

— К сожалению, нет. Сегодня у меня много работы. Я хотел лишь посмотреть на ваше состояние.

— Посмотрели?

— Да.

— И каков ваш диагноз?

— Я считаю, что вы совершенно готовы для начала серьезной работы.

Доктор демонстративно посмотрел на наручные часы.

— О да! Меня уже ждут дела.

Он повернулся и, на этот раз уже не попрощавшись, вышел за дверь.

Зачем он приходил, я так и не поняла.

Пансион, 22 октября

Вчера вечером я собиралась о многом подумать, но неожиданно для себя рано заснула. Видимо, сказалось то, что в обед я не спала. Сегодня же доктор заглянул ко мне необычайно рано. Не было и восьми (теперь, когда у меня есть часы, время суток определить несложно).

— Доброе утро, — бодро поприветствовал он меня, едва переступив порог.

В ответ я кивнула.

— Пришел сообщить, что сегодня меня ждут в гостях мои знакомые, и поэтому я хочу оставить вас вновь на попечительство моего лаборанта.

Я равнодушно взглянула на профессора.

— Я уеду ровно в полдень, — доктор посмотрел на часы. — А вернусь в шесть часов вечера.

«Зачем Штольц говорит об этом? Я же его не просила давать отчет в том, куда он направляется и когда вернется, — подумалось мне. — А впрочем, будем считать это счастливым стечением обстоятельств. Ведь более удачное время для его отлучки и придумать нельзя было».

Теперь у меня наконец появлялся шанс осуществить свой план. Я искренне обрадовалась этой новости, но постаралась не показать своего настоящего настроения.

— Жаль, — печально произнесла я.

Доктор посмотрел на меня поверх очков.

— Вы, Феридэ, жалеете о моем отсутствии?

— Почему же и нет. Ведь позавчера вы открыли для меня мир, который я считала уже утраченным навсегда.

— Вы преувеличиваете.

— Нисколько.

Штольц, пройдясь по комнате, остановился на середине.

— Скоро, Феридэ, — уверенно проговорил он, — вы будете разгуливать по двору словно хозяйка. Играть на рояле, вести светские разговоры с моими друзьями...

Профессор говорил много, но я его уже не слушала. Меня больше интересовали подробности моего побега. Теперь я должна была решить, как вести себя со студентом.

Юноша, несмотря на суровое воспитание профессора Штольца, не смог заимствовать у того холодный расчетливый ум и казался по-детски наивным. Кроме того, хоть парень и старался походить во всем на своего кумира, многие человеческие черты еще не успел потерять. Именно этим я и решила воспользоваться. А мой план выглядел так.

Когда молодой человек выведет меня во двор, то я должна сделать вид, что теряю сознание. Он побежит за нюхательной солью, а я тем временем выйду за ворота. А что дальше?

Впрочем, это уже не важно. Главное — вырваться из этих серых стен. Да поможет мне сегодня Аллах!

1 ноября

Я все еще в пансионе. Какой ужас!..

Но обо всем по порядку.

Четыре дня назад, когда, объявив о своем отъезде, доктор покинул мою комнату, я, вся сгорая от нетерпения, принялась ожидать предобеденного часа. Ведь именно тогда должен был зайти ко мне студент. Через каждые пять минут я смотрела на свои часы, но, к сожалению, поторопить их не могла. Несколько раз я даже встала с постели и прошлась по комнате, чтобы проверить, насколько я сильна. Оставшись относительно довольной собой, я примерила оставленное в моей комнате после первой прогулки платье. Я сама попросила доктора об этом, и он любезно согласился. Наконец, когда до обеда оставался ровно час, я улеглась в постель и, положив около подушки часы, устала на дверь.

Через пятнадцать минут ко мне постучались.

— Войдите, — громко сказала я, надеясь, что меня услышат за дверью.

— Добрый день, — поздоровался студент.

— Очень рада вас видеть, — улыбнулась я и, заметив, что в руке у молодого человека какой-то журнал, заинтересовалась: — Уж не историю ли моей болезни вы собрались написать за время отсутствия доктора?

— Почему вы так решили? — удивился юноша, осторожно подходя к кровати.

— Не просто же так вы взяли с собой тетрадку. — Глазами я указала на журнал.

— А-а-а! — Свободной рукой студент стукнул себя по голове. — Профессор сегодня сказал мне, чтобы я подыскал для вас какую-нибудь книгу. Но, к сожалению, вся моя художественная литература осталась в Софии. Я смог лишь отыскать этот журнал.

Молодой человек протянул мне журнал. Я внимательно посмотрела на обложку. Это был американский «Сэнчери» за тысяча девятьсот четвертый год.

— Ого! — Я была слегка шокирована. — Вы читаете по-английски?

— Нет, — искренне признался рыжеволосый. — Я пытался освоить этот язык, купил несколько самоучителей и журнал, но постоянные поручения профессора не дают возможности сосредоточиться на этом предмете.

— А почему вы решили, что я знаю английский? — кокетливо спросила я.

— Доктор сказал, что вы прекрасно знаете французский, и предположил, что английский тоже, может быть, вам знаком.

Перелистав несколько страниц, я оторвала взгляд от журнала и посмотрела на молодого медика.

— И на этот раз ваш профессор угадал. Однако смею заметить, что эти мои познания очень скромны.

Студент обрадовался.

— Теперь вам будет не так уж скучно здесь.

— Пожалуй, — согласилась я и, выдержав небольшую паузу, добавила: — Ваш

профессор просто меняется на глазах. Сначала он дарит часы, потом журнал, а вчера принял решение каждый день после обеда выпускать меня во двор на десять минут.

— Это правда?! — Кажется, его радости не было предела.

— А разве вам доктор не сказал об этом?

— К сожалению, профессор мне мало о чем говорит... но это не важно...

Студент вдруг замялся и густо покраснел. На его лице отразилась нерешительность.

— Вы хотели о чем-то спросить меня? — помогла я.

— Да, — выдохнул юноша.

— Спрашивайте смелее.

— Помните наш прежний разговор? — робко начал рыжеволосый.

— Да, конечно.

Молодой человек, явно волнуясь, потер щеку.

— Так вот, тогда вы предложили мне составить компанию в прогулках по саду:

Я, довольная собой, искренне улыбнулась.

— То предложение остается в силе.

Глаза юноши засветились радостью и восторгом. Кажется, мой план начинал осуществляться. Я даже не ожидала, что молодой человек окажется настолько податлив и что убедить его будет так легко. Теперь главное — не выпускать инициативы из своих рук, и поэтому, отложив в сторону журнал, я продолжила:

— Первую прогулку мы можем совершить уже сегодня.

Студент вдруг задумался.

— А что скажет на это доктор?

— Он не доверяет вам? — быстро спросила я.

Мой вопрос, казалось, задел его за живое.

— Профессор мне абсолютно доверяет, — гордо вздернув голову, произнес он. — Но...

Я, указав рукой на лежащее неподалеку платье, как бы невзначай проговорила:

— Неужели ему в этот день так и придется пылиться в этой серой комнате?..

На лице студента отразилась внутренняя борьба между страхом и чувством сострадания. Кроме того, он, по всей вероятности, понимал, что от этой ситуации зависит его авторитет. А ему явно не хотелось упасть в моих глазах.

— Впрочем, воля ваша... — Я безразлично посмотрела в потолок.

— Думаю, профессор не будет сердиться на меня, если на пять минут мы выйдем во двор, — стараясь казаться решительным, проговорил рыжеволосый. — Но давайте оставим эту прогулку в тайне.

Я вопросительно посмотрела на юношу.

— Каким образом?

— Об этом я подумаю сам. Ведь я здесь хозяин, а не вы...

— И все-таки мне интересно, — настаивала я.

— Значит, так. — Молодой человек сел на край кровати и заговорщицки произнес: — Главное, чтобы из прислуги нас никто не видел...

— Но это же невозможно, — ответила я шепотом. — У выхода из пансиона надзирательница...

— После обеда, — голос студента тоже стал тише, — она забирает посуду у больных и уходит ее мыть на кухню, а потом отправляется за продуктами. Но обычно, когда профессора нет дома, она просто сбрасывает тарелки в мойку на завтра и сразу же уходит.

— А как долго ее не будет?

— Если учитывать, что доктор в отъезде, то с час... хотя при хозяине она пропадает не больше двадцати минут.

— Хорошо, — согласилась я. — А как быть с остальными?

— Кучер уехал вместе с профессором, а кухарка, зная, что работа появится лишь вечером, пошла прогуляться по Варне.

— Вам бы следователем работать с такими аналитическими способностями. — В моих глазах, как мне показалось, отразилось восхищение.

— Я еще и науке пригожусь, — приподняв подбородок, заметил юноша.

В это мгновение молодой человек напомнил мне профессора Штольца, и я не преминула воспользоваться этой ассоциацией:

— Вы очень похожи на своего учителя.

Студенту, видимо, понравилось такое сравнение, и он покраснел от удовольствия.

— Да ну, что вы. До профессора мне еще далеко... — потупил он взор.

— Значит, вы приглашаете меня на прогулку? — попыталась я возвратиться к прежней теме.

Мой собеседник поднял глаза.

— Да, но минут на пятнадцать. Для того чтобы такие прогулки стали более частыми, сегодня мы должны быть осторожны.

— Целых пятнадцать минут! — восторженно воскликнула я. — Да вы просто отчаянный человек! Даже у профессора не находилось для меня больше пяти минут.

Гордый собой, юноша по-деловому продолжил:

— До обеда остается полчаса. Столько же на сам обед. Еще полчаса на то, чтобы старушка успела прибраться за больными и отправиться в лавку. Значит, ждите меня через полтора часа... И еще. Я попросил бы вас не пить сока, который подадут на обед.

— Это почему же? — удивилась я.

Но молодой человек, не ответив, встал и направился к выходу.

— Я буду ждать вас с нетерпением, — полетел ему вслед мой мягкий голос.

Когда за гостем закрылась дверь, мне стало ужасно не по себе от всего того лицемерия, к которому приходилось прибегать. Но что оставалось делать? Ведь я была в нескольких шагах от желанной свободы.

Приведя себя в порядок и переодевшись, в условленное время я уже была абсолютно готова к предстоящему побегу. Пока все складывалось очень удачно. Даже гораздо лучше, чем я предполагала.

Наконец дверь в темницу отворилась, и в открывшемся проеме показался студент.

— Ну, как вы? — спросил он. — Все в порядке?

Я утвердительно кивнула.

— Тогда идемте.

Студент, поддерживая меня под руку, вывел в коридор. Затем он снял пиджак и накинул его на мои плечи.

— На улице прохладно, — пояснил он.

Через несколько секунд мы уже переступили порог пансиона.

Сырой воздух свободы освежил мое лицо. Неужели еще несколько секунд, и я окажусь за стенами этой тюрьмы? — не верилось мне.

По-светски взяв мою ладонь, студент помог спуститься с крыльца.

— Спасибо, — чуть ли не в реверансе поблагодарила я. — Вы очень любезны.

Краска вновь выступила на лице моего провожатого. Однако в его выражении я про себя отметила отсутствие сомнений в предпринятом шаге.

— Вы давно здесь? — решив избавиться от внезапно возникшего неловкого молчания, спросила я.

— Месяцев девять.

— Должно быть, уже хорошо знаете профессора? — говоря это, я взяла молодого человека под руку, и мы направились в сад.

— Как мне кажется, неплохо, — ответил он, неуклюже ступая.

— А почему он, немец, живет в Болгарии?

— Здесь есть возможность спокойно работать. Это — главное. И, кажется, у него были какие-то неприятности с ученым советом в Германии. Впрочем, это неудивительно. Ему многие завидуют. Ведь он не просто психиатр. Он — экспериментатор, способный своей мыслью двигать науку вперед.

— Давно он здесь?

— Года три.

— Наверное, в Варне профессора очень уважают?

Молодой человек оживился.

— Да не то слово! Здесь его боготворят.

— Гости небось замучили?

— Скорее наоборот. В этом доме я видел человека три, не больше.

— Почему же?

— Профессор Штольц считает, что лишние люди только мешают серьезной работе.

— А в чем, если не секрет, смысл этой работы?

На мгновение студент задумался.

— Можете не отвечать...

— Почему же. Мы ведь теперь друзья. Ведь так?

Юноша с надеждой посмотрел мне в глаза.

— Конечно, — ответила я, не отводя взгляда.

— В таком случае кое-что я, пожалуй, смогу вам сказать. — Голос рыжеволосого парня стал доверительным. — Профессор синтезирует новый препарат, с помощью которого можно будет управлять подсознательными процессами человека.

— Иными словами, управлять людьми, — подытожила я.

— Да. То есть нет. — Мой собеседник слегка замялся, но затем уверенно продолжил: — Возможности препарата гораздо шире. Вот представьте: идет войско в наступление; возникает какая-то преграда, не проходимая на первый взгляд; солдаты в растерянности; начинается паника; бой проигран. А все это произошло не потому, что армия была малочисленна или гораздо хуже, чем противник, вооружена, а потому, что был надломлен дух воинов. Их подсознание просто не было способно противостоять страху перед, казалось бы, непреодолимой преградой. И первым симптомом стало сомнение...

— Значит, — догадалась я, — вы хотите, чтобы люди перестали сомневаться?

— Очень отдаленно, но вы понимаете меня, — кивнул головой студент.

— Но ведь если человека избавить от сомнений, то сколько бед он может натворить...

— Верно! — обрадовался моей реплике юноша. — Профессор тоже не хочет, чтобы так

произошло, и поэтому он думает над тем, чтобы сделать эти процессы управляемыми. То есть контролировать и направлять их в необходимое русло более высшим разумом.

— Высшим разумом? — не поняла я.

Студент снисходительно улыбнулся.

— Не забывайте, что мы живем в классовом обществе, где есть низшие и высшие существа.

Этим признанием я была просто ошарашена. Мой невинный юноша, оказывается, разделял эти ужасные мысли! И что самое страшное — при всем при этом он был совершенно спокоен. Теперь мне стало абсолютно ясно, что пансион представлял собой своеобразный полигон, где велись испытания сомнительных идей над живыми людьми. «Как все-таки здорово, что сегодня я решила покинуть это страшное место, — подумала я и с нетерпением взглянула на прихваченные с собой часы.

— У нас еще есть десять минут, — произнес юноша, по-своему истолковав мое движение.

«Нет, — в мыслях ответила я. — У тебя есть две минуты и ни секунды больше».

— Теперь вы, наверное, понимаете, что это — уникальнейшее во всей Европе место, если не единственное в своем роде. — Студент развел руками, словно пытаясь охватить всю усадьбу.

Я подошла к дереву и, взявшись за голову, тихо простонала:

— Что-то мне дурно...

— Вам плохо? — забеспокоился юноша, схватив за локоть.

— У меня головокружение...

— Давайте я помогу вам возвратиться в комнату, — заботливо проговорил студент.

«Только этого мне и не хватало!» — подумала я и как подкошенная, рухнула на опавшую листву.

Испугавшись, молодой человек заметался вокруг меня. «Куда только делись его познания в медицине?» — подумала я, почувствовав, как он сильно потянул меня за руку, а потом начал хлестать по щекам. Наконец он догадался, что у меня обморок.

— Сейчас я сбегаю за нюхательной солью! — крикнул он и метнулся в сторону флигеля.

Когда студент скрылся за дверью, я вскочила на ноги и бросилась к воротам. Подбежав, я навалилась на них всей своей тяжестью. Но ворота не поддались мне. Я попробовала еще раз — результат оказался тот же. «Почему?» — в отчаянии подумала я и, к своему огорчению, заметила, что на воротах появился огромный замок. Однако я не растерялась и в долю секунды оказалась у встроенной в ворота двери. Дернув ручку на себя, я надеялась, что дверь откроется, но и на этот раз удача отвернулась от меня.

Время шло, а я все никак не могла оказаться по ту сторону забора. Я провела взглядом по всему ограждению и не обнаружила ни одного выхода. Еще раз я попыталась навалиться на дверь. Бесполезно! На ней тоже был замок. Наверное, я не обратила бы внимания на прикрепленную к нему бумажку, если бы не выписанное на ней большими буквами мое имя. Я схватила листок и судорожно пробежала его глазами. Там было написано следующее:

«ФЕРИДЭ! Не утруждайте себя лишними проблемами. Ваши попытки сбежать из пансиона ни к чему хорошему не приведут. Запомните это раз и навсегда. Успокойтесь и возвращайтесь в свою комнату. Прислушайтесь к моему совету. Ведь я никогда не желал вам ничего плохого.

Профессор Штольц».

Тут же в порыве ярости я разорвала записку на мелкие кусочки.

— Ты мерзавец, Штольц! — вырвался из моей груди отчаянный крик, и, словно ища на ком сорвать свое негодование, я посмотрела на окна флигеля.

О Аллах! В окне второго этажа маячила фигура Штольца. Он, оказывается, никуда не уехал и все происходящее на дворе спокойно наблюдал из своего окна. Я хотела выкрикнуть ему все самые непристойные слова, которые знала, но вдруг почувствовала, что лишилась дара речи. Рыдая, я замолотила кулаками по двери. Но она не распахнулась и оттуда не вышел принц-освободитель...

Я бросилась бежать вдоль забора, толкая каждую досточку, надеясь, что хотя бы одна из них окажется плохо закреплена.

Но мои надежды рушились с каждым шагом. Я уже ничего не видела перед собой. Из глаз ручьем лились слезы. «Все равно я выберусь отсюда, — стучало у меня в голове. — Выберусь, вот увидите. Сейчас же!.. Вам меня не поймать!.. Ни Штольцу, ни студенту, ни немой старухе...»

Внезапно я почувствовала сильный удар. Стало темно, словно глухой беззвездной ночью. Мне показалось, что земля уплыла из-под моих ног и я лечу в черной пустоте... Одна... Нет больше профессора, нет больше старухи-надзирательницы, нет пансиона, вообще больше никого и ничего нет.

Только пространство и я... Вскоре непроглядную темноту сменяет ослепительный свет. Но это не солнце. Это гораздо ярче и теплее солнца. Однако оно не режет глаза и не обжигает своими лучами. Оно ласковое и приятное... Мне хочется остаться здесь навсегда, однако свет гаснет, и надо мной вновь земное небо... Его пытаются загородить какие-то огромные люди. Они наклоняются ко мне и о чем-то переговариваются между собой... Затем меня начинает слегка покачивать, словно я лежу на морских волнах... Какой-то темный невзрачный коридор... Дверь... Я чувствую под собой что-то мягкое. Наверное, это трава... Она белая, но не такая добрая и ласковая, как тот свет, похожий на тысячу солнц. Вскоре воспоминание превращается в вату, которая уже ничем не сменяется...

Спустя пять дней мне рассказали о том, что произошло в тот злополучный полдень.

Когда я, будучи в невменяемом состоянии, побежала вдоль забора, то со всего размаху налетела на стену.

Именно этот удар я и помнила. Он был настолько сильным, что я лишилась чувств. Заметив это, из флигеля выбежали доктор и студент. Они подняли меня и отнесли в мою комнату. Три дня я находилась в бреду. На четвертый пришла в себя, но отказывалась кого-либо признавать. Лишь через неделю я заговорила.

— Дайте вашу бумагу, Штольц, — были мои первые слова. — Я подпишу ее...

Пансион

Да, я сделала то, чего так добивался доктор. Теперь он со спокойной совестью может делать со мной все что угодно для его научных изысканий. Штольц рад. Часто улыбается. Видимо, торжествует свою победу над слабой женщиной.

Каждый день меня посещают мысли о смерти. Да, я не хочу жить. Я — Чалыкушу, и для меня жизнь — это свобода. Теперь я в этом убеждена.

Доктор приходит ко мне по три раза в день. Он дает какой-то порошок и затем тщательно изучает, как мой организм реагирует на препарат.

Студента ко мне больше не допускают. Впрочем, видеть его у меня нет особого желания.

Целыми днями я ничего не делаю. Даже к подаренным часам я потеряла всякий интерес. Зачем мне теперь знать время? Это ведь ничего не меняет...

Пансион

Сегодня мне на глаза попался журнал. Я его открыла и попробовала читать. Начала с рассказа (или романа) модного нынче американского писателя. И что же я там прочитала? Хочется процитировать:

«Все произошло с непостижимой быстротой. Туман раздался в стороны, как разрезанный ножом, и перед нами возник нос парохода... Суда столкнулись... Должно быть, встречный пароход ударил нас в середину борта, но это произошло вне поля моего зрения... Я упал плашмя на мокрую палубу и не успел еще подняться на ноги, как услышал крик женщин. Это был неопишуемый душераздирающий вопль... Я вспомнил, что пояса хранятся в салоне, и бросился туда, но у дверей столкнулся с толпой обезумевших пассажиров... Я стаскивал спасательные пояса с полок над головой, а краснолицый человек надевал их на бившихся в истерике женщин...»

Рассказ (в журнале была лишь первая его часть) повествовал о крушении парохода. Меня вряд ли заинтересовал такой сюжет, если бы с Кямраном не случилось нечто подобное.

Медленно, строчка за строчкой, я погружалась в описание трагедии, но где-то в середине произведения мне пришла мысль о том, что нечто подобное я уже где-то слышала. Я попыталась вспомнить, но от усилия только разболелась голова. Однако я заставила себя дочитать рассказ до конца. А подсказка пришла совершенно неожиданно, когда ко мне заглянул профессор.

— Добрый день, Феридэ, — поприветствовал он.

— Добрый день, доктор, — машинально повторила я и вдруг спохватилась.

Ну конечно, доктор!.. Доктор Хуршид-бей рассказывал мне эту историю. Почти слово в слово... Но тогда она была о Кямране... Какой же подлец!..

Увы, но я постепенно начинаю забывать о том, что есть на свете добрые, искренние, честные люди...

Пансион

В моей комнате появилось окно. Прорубить его отдал распоряжение профессор Штольц. Он посчитал, что я заслуживаю большего, чем имею. Целый день столяр провозился над моим окном в мир.

Минувшую ночь я не спала и смотрела на сверкающие в небе мириады звезд. У меня защемило сердце, и я почувствовала себя ужасно одинокой и бесполезной...

Мне разрешили выходить во двор каждый день, правда, всего лишь на десять минут. Я не должна отходить от крыльца и все время быть в поле зрения старушки надзирательницы. Доктор почему-то уверен, что я никуда не убегу. Пожалуй, он прав.

Пансион, 8 ноября

Несколько пасмурных дней... Хоть погода и соответствовала моему настроению, но перенести их мне оказалось тяжело. Все время шел проливной дождь. На улицу я не выходила. Доктор Штольц при каждом своем визите находил меня скучающей у окна. Он пытался подбодрить, говоря какие-то комплименты в мой адрес, но это получалось у него как-то неуклюже и настолько холодно, что меня начинал бить озноб.

Сегодня выглянуло солнце. Мне оно показалось необычным. Пожалуй, слишком приветливым. Я вспомнила о Кямране и своих приключениях с Ихсаном. Если раньше эти воспоминания согревали меня, то теперь от них лишь защемило сердце...

Профессор Штольц появился как обычно, ровно в девять часов.

— Какие ощущения на этот раз? — задал он свой традиционный вопрос, присев на кровать.

— Постоянная головная боль, — традиционно призналась я, — временами отпускает, но ненадолго.

— Это последствия пережитого шока. Я даю вам успокаивающие. Они должны помочь... Как сон?

— Тревожный.

— Какие ощущения после приема моего препарата?

— Сжимает виски, провалы памяти.

— Попробуем немного изменить состав. Я думаю, это ликвидирует побочные эффекты.

Штольц почесал лысину и перешел на свою обязательную анкету. Обычно она выглядела так: он задавал вопросы, а я отвечала «да» или «нет».

Несмотря на то что мои ответы оказались такими же, как и вчера, профессор остался доволен. Он даже позволил себе улыбнуться.

Закончив осмотр, доктор насыпал в стакан порошок, спрятал свои принадлежности, но вместо сухого: «встретимся через шесть часов» вдруг как можно мягче спросил:

— Как думаете жить дальше?

Этот вопрос меня немного удивил.

— Ожидаю, что когда-нибудь, идя ко мне, вы перепутаете свой препарат с цианистым калием.

Штольц почесал мочку уха.

— Не нравится мне ваше настроение, — протянул он. — Слишком уж мрачное. Беря вас на испытание, я рассчитывал на сильного духом человека, которого не могут сломить никакие трудности. И что я вижу?

Заметив, что я не собираюсь отвечать на его вопрос, доктор ответил сам:

— Я вижу слабую, опустившуюся женщину, которая сама, своими руками, хочет загнать себя в могилу. Вы думаете, Штольцу нужен ваш труп? Нет. Ваш труп никому не нужен! Уж поверьте...

Смотря сквозь доктора, я спокойно спросила:

— Разве я плохо отвечаю на ваши вопросы?

— Нет, вы отвечаете хорошо. — Голос Штольца стал эмоциональнее. — Да разве в этом дело?

— А в чем же?

— Дело в том, что вы мне в какой-то мере напоминаете собаку на сене.

— На чем? — переспросила я.

Доктор, не обратив внимания на мой вопрос, вскочил с кровати и пустился в объяснения:

— Вы не только сами жить не хотите, но и мешаете проведению эксперимента. Вы же умная женщина, подумайте об этом... Я считал, что смогу найти в вас единомышленника, даже соратника, если хотите. А что получил? Черт знает что!

— Не ругайтесь, — попросила я.

Мои слова слегка отрезвили Штольца, и он, успокоившись, присел.

— Извините, Феридэ. — Голос его звучал ровно. — Я хотел лишь сказать, что вы напрасно так отчаиваетесь. Обещаю, что ваша жизнь будет не намного хуже среднего жителя Варны. Я ценю ваше благородное происхождение и, поверьте, в этой усадьбе вам никогда не будет отведена такая же роль, как и плебеям...

Я устала от затянувшегося визита доктора и для того чтобы его красноречие побыстрее закончилось, решила молчать.

— Вы мне не верите? — не унимался Штолец.

Я сжала губы.

— Хорошо. — Доктор вновь встал и тоном, не терпящим возражений, проговорил: — Сегодня приглашаю вас на ужин. Вечером я сам зайду за вами.

В семь часов Штолец, как и обещал, был в моей комнате. Окинув взглядом мое платье, он скривил рот.

— Нужно будет приобрести новый наряд.

— Зачем? — пожалала я плечами.

— Затем, что начиная с этого дня, вы будете ужинать в моем доме.

Этой фразой доктор, наверное, удивил бы меня, если бы не добавил:

— Для нашей работы необходимы условия, приближенные к нормальной жизни.

— Понятно, — устало кивнула я.

Штолец взял меня за руку и вывел в коридор. Остановившись у выхода из здания, он снял со старушки пальто и накинул мне на плечи. При этом доктор заметил:

— Пальто тоже вам необходимо. Ведь скоро начнутся холода...

Быстро миновав двор, мы оказались во флигеле. Гостиная располагалась на первом этаже. Когда мы вошли в комнату, Штолец сразу же усадил меня за стол и сам, сев напротив, позвал кухарку. Та тут же появилась на пороге.

Это была невысокая темноволосая женщина, небогато, но опрятно одетая.

— Несите ужин, — слегка наклонил голову профессор.

— На двоих? — спросила она.

— Да.

Женщина тут же вышла и через три минуты возвратилась с ужином на подносе. Расставив тарелки и чашки на столе, она, ожидая дальнейших приказаний, застыла на месте. Штолец, взяв вилку, поковырял ею в каше и недовольно проговорил:

— Сейчас четверть восьмого, а каша уже холодная.

Кухарка заволновалась.

— Простите, герр Штолец, но обычно вы ужинаете ровно в семь часов...

Доктор сверкнул глазами.

— Три часа назад я вас предупреждал, что на этот раз все приготовить необходимо к четверти восьмого. Или я ошибаюсь?

Женщина часто заморгала.

— Вы правы, герр Штольц, впредь этого не повторится...

— Идите, — махнул рукой доктор.

— Слушаюсь, — кивнула служанка и вышла за дверь.

— У вас порядки, как в армии, — заметила я, проводив взглядом женщину. — Еще немного — и вам начнут отдавать честь.

Профессор пожал плечами:

— Я не виноват, что порядок теперь остался только в армии... Да и то... Меня раздражают расхлябанность и непунктуальность, и я не собираюсь с этим мириться. А вы ешьте, иначе совсем остынет.

Аппетита у меня не было, но исключительно ради интереса, чтобы сравнить еду узников пансиона и их хозяина, я решила попробовать. К моему большому разочарованию, отличия оказались незначительными.

Закончив ужин, доктор вновь позвал кухарку.

— Уберите это. — Он указал на тарелки. — И до завтра вы можете быть свободны. Я вас отпускаю.

— Спасибо, герр Штольц.

Женщина убрала со стола, и уже минут через пятнадцать за ней закрылась дверь.

Все это время профессор сидел молча. Мне же не оставалось ничего другого, как заняться осмотром комнаты.

Помещение это казалось очень маленьким для гостиной. Неожиданно мало оказалось и мебели: несколько кресел, стол, рояль и, видимо, единственным напоминанием о том, что здесь жил ученый, являлся высокий, до потолка, книжный шкаф, сплошь уставленный всевозможными научными трудами. Глядя на все это, трудно было говорить о каком-то особом вкусе, но зато нельзя было отрицать опрятность хозяина и его любовь к чистоте.

— Феридэ, я позвал вас сюда, потому что хотел серьезно поговорить с вами. — Неожиданно зазвучавший голос профессора прервал мой осмотр.

— О чем? — удивилась я. — Неужели это настолько важная проблема, что о ней нельзя было поговорить в пансионе?

Доктор почесал затылок.

— Помните, Феридэ, я когда-то говорил вам, что, как только вы подпишете документ, все изменится...

Я решила промолчать.

— Так вот, — продолжил он, — сейчас и наступило время начать эти изменения.

Штольц надел очки и посмотрел на меня поверх них.

— С этой минуты вы, Феридэ, получаете право в любой день после обеда беспрепятственно выходить на улицу. Кроме того, вы будете каждый вечер ужинать в этом доме. Если захотите, конечно... В вашем распоряжении также и моя библиотека...

Заметив безразличие на моем лице, профессор скрестил руки на груди и добавил:

— Я понимаю, что вам тяжело так сразу осознать, что все радости жизни вновь возвращаются к вам... Чтобы вам было легче адаптироваться, я вас оставлю на час в гостиной, а у меня в это время обход пациентов.

Доктор взглянул на часы.

— Да, — недовольно закивал он головой, — время вынуждает меня покинуть вас и идти.

Поднявшись с кресла, Штольц направился к выходу. На пороге он обернулся.

— Совсем забыл... У нас на рояле никто не играет. Так что считайте его своей собственностью.

Через минуту я уже была совершенно одна в этой чужой и неудобной гостиной. Я встала и подошла к окну. Из него, как на ладони, просматривался пансион. В дверном проеме деревянного домика исчезла спина и лысина Штольца. И только теперь я поняла, как важны для меня эти перемены. Во мне вновь проснулась надежда вырваться отсюда. Настроение

явно улучшилось. Неожиданно для себя я обнаружила, что смотрю не отрываясь на рояль. Я подошла к инструменту и, сев за него, открыла крышку. Мои пальцы коснулись клавиш, и полилась печальная мелодия...

Я не знаю, сколько времени я просидела за роялем и сколько бы еще отдавалась своим музыкальным воспоминаниям, если бы не появился Штольц.

— Bravo, Феридэ!

Я вздрогнула от его голоса и хлопков в ладоши.

— Извините. — Я встала из-за рояля.

— Нет-нет, — жестом остановил меня хозяин. — Раньше я лишь читал о том, что вы неплохо играете, но то, что я услышал, превзошло все мои ожидания. У меня даже родилась одна интересная идея, которая касается вас.

Я вопросительно посмотрела на ученого.

— Да-да, Феридэ, это касается вас. Послезавтра сюда должен заехать один мой приятель-иностранец, и мне бы хотелось, чтобы вы составили нам компанию.

— Вам необходимо музыкальное сопровождение?

— Это не единственное ваше качество. Вы умны и красивы. Я даже горжусь, что у меня такая пациентка... Так вы принимаете предложение?

Я задумалась. Вновь ожившая мысль о побеге заставила меня утвердительно кивнуть головой и сказать:

— Да, герр Штольц, я принимаю ваше предложение.

Пансион, 10 ноября

Этот начавшийся с густого тумана день превзошел все мои даже самые смелые ожидания. Ведь самое большее, на что я рассчитывала, — это то, что гость Штольца окажется человеком более-менее порядочным и с его помощью мне удастся передать весточку в Турцию. А там она попадет к Ихсану, и офицер сразу же бросится мне на выручку.

Таков был мой план, но судьба распорядилась иначе.

В шесть часов вечера, как мы и договорились с профессором, я переступила порог его дома и прошла в гостиную. Там никого не было, и я, достав какую-то медицинскую книгу, уселась в кресло. Вскоре послышались шаги спускающегося из своего рабочего кабинета Штольца.

— Вы пунктуальны, Феридэ, — заметил он, показавшись на пороге гостиной, и, взглянув на часы с досадой, произнес: — Что-то наш гость опаздывает.

— А кто он? — полюбопытствовала я. — Наверное, тоже медик...

— Нет. Землевладелец. Иногда он оказывает мне финансовую поддержку. А я помогаю ему... Советами...

— Вы говорили, что он иностранец...

— Совершенно верно.

— Откуда?

Штольц посмотрел на меня поверх очков.

— Из одной соседней страны, — уклончиво ответил он и выглянул в окно.

— Часом не из Турции?

— Нет. Я предупредил бы вас об этом.

— Если иностранец, — рассуждала я вслух, — то Болгария и Германия тоже отпадают. Откуда же он может быть?

— Не гадайте, Феридэ, — раздраженно оборвал меня Штольц. — Приедет, и увидите сами.

— Как вам угодно, — согласилась я и уткнулась в совершенно непонятные строки книги.

— А вот и он, — обрадовался доктор и, повернувшись ко мне, проговорил: — Значит, с вами мы договорились. Если вы не хотите, чтобы такой вечер был для вас последним, то должны вести себя благопристойно и не разглашать секретов моей научной деятельности. Вам понятно?

— Да.

Вскоре я услышала легкий скрип открывшейся двери и уверенные шаги в прихожей.

— А где же мой дружище Штольц? — донесся, как мне показалось, очень знакомый голос. — Что-то я не вижу нашего борца за всемирный прогресс... Уж не за государственной ли премией уехал?

Через мгновение говоривший стоял уже на пороге гостиной. Что произошло дальше, точнее всего можно было бы назвать немой сценой, ибо гостем оказался не кто иной, как князь Орлов.

— А вот и... — не договорил он, заметив меня сидящей в кресле.

Рот Орлова так и оставался открытым до тех пор, пока не заговорил Штольц.

— Рад видеть князя в моем скромном жилище, — проговорил доктор, подойдя к гостю, и, пожав ему руку, указал на меня. — А это новая сотрудница моей лаборатории. Зовут ее Феридэ.

— Феридэ? — Князь изобразил удивление. — Первый раз слышу такое чудесное имя. А какая милая! Профессор, у вас отменный вкус. Мне бы такие кадры...

— Да полно вам, Орлов, — оборвала я князя. — Доктор читал мой дневник.

Штольц бросил на меня косой взгляд, подчеркивая тем самым, что я начинала переходить отведенные мне границы. Орлов тем временем, уцепившись за мою последнюю фразу, попытался пошутить:

— Как читал? Неужели ваш дневник вышел отдельным тиражом. В таком случае мне, как одному из главных действующих персонажей, вы должны презентовать хотя бы экземпляр. Согласитесь, без меня ваша книга стала бы намного тоньше.

Князь подошел ко мне и поцеловал руку.

— Очень милая женщина, — повторил он.

Я была в полной растерянности и даже не знала, радоваться мне или огорчаться из-за того, что гостем оказался именно князь Орлов. Я прекрасно понимала, что передо мной — отъявленный негодяй и авантюрист, но разве был у меня выбор? «Будь что будет», — в мыслях сказала я себе и решила начать игру.

— Так это и есть тот сюрприз, о котором вы мне говорили, профессор? — обратился к хозяину князь.

До этого молча наблюдавший сцену Штольц решил подать голос:

— Да, и, по-моему, насчет сюрприза я не ошибся.

— Пожалуй, — согласился Орлов и без приглашения опустился рядом со мной.

Штольц, видимо, уже достаточно хорошо изучивший характер князя, не обиделся на такую бестактность гостя и сам уселся напротив.

— Значит, вы знакомы?

— Еще бы, — положив ногу на ногу, усмехаясь, проговорил Орлов. — Но кто бы мог подумать, что придется свидеться, да еще в доме профессора Рихарда Штольца!

Я смотрела на князя и пыталась понять, какие чувства он питает сейчас ко мне. Остались ли у него прежние симпатии или же после истории в гостинице он жаждет мести — от этой дилеммы зависела моя дальнейшая судьба.

— Так расскажите, Феридэ, что привело вас в медицину? — издевательски произнес Орлов. — Что-то я не замечал раньше за вами таких склонностей.

На меня сверкнули ледяные глаза Штольца. Пришлось ответить заранее обговоренной фразой:

— Я встретила доктора, и он увлек меня своими научными изысканиями. Затем он пригласил меня поработать в его лаборатории. Мне понравилось, и я решила остаться.

Штолец облегченно вздохнул и явно повеселел.

— Сейчас принесут ужин, — объявил он.

— Может быть, и мне открыть пансион и заняться врачеванием... — протянул князь, опустив слова доктора. — Феридэ, вы пойдете ко мне работать?

— Если вы собираетесь быть хирургом, а мне предложить место ассистента, то нет, — спешно ответила я.

Орлову, видимо, понравилась эта словесная перепалка, и он решил ее продолжить:

— Почему же нет?

Я хотела ответить, но в этот момент зашла кухарка с подносом в руках. Она принесла чай и печенье.

— Благодарю, ближайшие два часа вы можете быть свободны, — проговорил Штолец, наблюдая, как женщина расставляет на столе чашки.

Кухарка поклонилась и вышла. Проводив взглядом уходящую прислугу, профессор взглянул на часы. На этот раз раздражение не отразилось на его лице.

— Люблю я эту немецкую пунктуальность, — покривил душой князь, заметив жест доктора.

— Феридэ, вы мне не раз играли на рояле, — попытался перевести разговор Штолец. — Прошу вас, сыграйте еще.

Орлов удивленно посмотрел на меня:

— Так чем вы все-таки здесь занимаетесь, Феридэ? Лечите больных или музицируете?

— А это не одно и то же? — усмехнувшись, я встала и подошла к роялю.

Сев за инструмент, я сыграла несколько лирических мелодий.

— Bravo, — сухо похвалил профессор, когда я закончила.

— Великолепно! — воскликнул Орлов и спустя мгновение добавил: — Однако слишком уж печальное настроение сегодня у вас.

Вместо меня ответил доктор:

— Сегодня у нас было много работы... Кстати, насчет дел. Князь, мне хотелось бы обговорить с вами некоторые деловые вопросы. Тем более Феридэ уже нужно идти спать.

— Немножко позже, — отозвался Орлов и, взяв стул, подсел ко мне.

— Вы будете играть? — удивилась я, пытаюсь встать.

— Я хочу немножко поднять вам настроение, — придержав меня за руку и усадив на прежнее место, князь пальцами пробежался по клавишам. — Вы мне поможете в этом. Да и дела у нас со Штольцем будут решаться быстрее.

Доктор одобрительно кивнул головой.

— Начнем? — Орлов наиграл простенькую гармонию и затем спросил у меня: — Вы запомнили?

Я утвердительно кивнула головой. Князь начал играть какую-то веселую пьеску. Несколько раз я попыталась слегка аранжировать мелодию, перебирая клавиши пальцами одной руки.

— Смелее, Феридэ, — подбодрил он. — У вас очень здорово получается.

Я попробовала «смелее».

— Игра в четыре руки — совсем другое дело! — радостно воскликнул Орлов.

И хотя я пыталась что-то импровизировать, мысли мои были о другом. Мне показалось, что князь не испытывает ко мне никакой антипатии. Наоборот, он был дружелюбен и приветлив. Значит, нужно было действовать. Улучив минуту, когда Штольц нетерпеливо посмотрел на часы и выглянул в окно, я слегка толкнула князя локтем и, нагнувшись к нему, тихо проговорила:

— Вытащите меня отсюда.

— Никаких проблем, — ответил он.

— Как вы собираетесь это сделать?

— Надо подумать.

— Думайте.

Орлов начал слегка сбиваться с ритма и переключил свое внимание на клавиши. К моей большой радости, это длилось всего лишь мгновение. Наконец он прошептал:

— Я вас украду.

— Не шутите, — рассердилась я.

— Я не шучу. Через день я вновь буду тут.

— И что же?

— В заборе напротив пансиона две доски будут плохо закреплены.

— Как я их найду?

— Там будут нарисованы крестики.

— А дальше?

— Ровно в семь я ожидаю вас в фаэтоне.

— В каком месте?

— Там, где вы вылезете.

— Князь, вы — гений!

— Вы сомневались?

Мы вновь переключили внимание на клавиши. Князь играл неважно, но в это мгновение незамысловатая пьеска показалась мне самой лучшей на свете...

Пансион, 13 ноября

Даже если это месть, она слишком жестокая...

Я с нетерпением ждала этого вечера и облегченно вздохнула лишь тогда, когда увидела во дворе князя Орлова. Нам даже удалось перекинуться несколькими словами наедине.

— Князь, вы помните наш разговор? — спросила я.

— Я помню все, что говорю, — ответил он.

— Значит, ваши слова остаются в силе?

— Без сомнений.

— И все будет так, как мы условились?

— О чем речь!

— Значит, в семь?

Орлов согласно кивнул головой. В это время на пороге флигеля появился Штольц, и мы были вынуждены прервать наш разговор. И перед тем как пойти к профессору, князь, на мгновение задумавшись, произнес:

— Кажется, в это время у доктора ужин?

— Да.

— Придется вам отказаться.

— Я понимаю, — ответила я, подумав, что время оказалось подобрано очень удачно.

— Ну, тогда до вечера.

— До встречи.

— И не забывайте про цену, — с этими словами Орлов удалился.

Он впервые намекнул мне о том, что делает это все не просто так. Впрочем, чего еще можно было ожидать от него? Князь был в своем амплуа. Однако этот его намек сейчас мало беспокоил меня, ведь главное — вырваться отсюда.

Я возвратилась в свою комнату и, взяв в руки часы, стала внимательно следить за стрелками. Они двигались слишком медленно, и я начала сердиться на них. Эта ситуация и чувства, которые овладели мной, показались уже знакомыми. В душу закрались тревожные предчувствия, что и на этот раз что-нибудь произойдет. Я постаралась пересилить их и подумать о том, что я буду делать, когда окажусь на свободе...

Без четверти семь ко мне зашел доктор, обеспокоенный тем, что меня все еще нет во флигеле. Он пригласил пойти на ужин к себе, но я отказалась, объяснив это тем, что неважно себя чувствую. Штольц поверил мне.

Без пяти минут из дома доктора вышел князь Орлов и направился к воротам. Профессор вышел его проводить. Они попрощались, пожав друг другу руки, и Штольц закрыл калитку на замок за ушедшим гостем. Потом он возвратился назад во флигель.

Теперь настало мое время действовать. Я отошла от окна и направилась к выходу. Старушка надзирательница лишь удивленно вздохнула, видя, что в такой поздний час я собираюсь на прогулку.

И вот, не сворачивая, я уже иду к забору. Под ногами шелестит листва. С каждым мгновением остается все меньше и меньше шагов, которые мне предстоит сделать по этому двору. Я волнуюсь. Гулко бьется сердце. В душе я взываю о помощи к Аллаху. И вот они — заветные доски. Прежде чем толкнуть их, я прикладываю ухо к забору. С другой стороны доносится порывистое сопение коня. Значит, все так и будет, как обещал Орлов. Я слегка пробую толкнуть помеченные крестиком доски. Они оказываются податливы. Я рукой отнимаю одну и ставлю рядом, другую отодвигаю в сторону. Передо мной появляется белый конь, запряженный в крытый фаэтон. На козлах сидит бородатый кучер.

— А где Орлов? — спрашиваю я.

Вместо ответа на мой вопрос бородатый безразлично говорит:

— Залезайте в коляску.

Я послушно выполняю его приказ.

— Плотно задвиньте шторы, — слышится слегка сипловатый голос кучера.

Я задвигаю их настолько, что в фаэтоне становится абсолютно темно.

— Трогаем, — я понимаю, что это последняя фраза моего возничего.

Экипаж сотрясается и, переваливаясь с боку на бок, рывками начинает двигаться. «Неужели это все! — проносятся в голове моей мысли. — Отныне я свободна!» Мне хочется высунуться из окна и закричать на весь мир эти слова, но я послушно выполняю наказ кучера. Ему видней, как мне поступать. Когда нужно будет, он обо всем скажет. Моя задача сидеть и ждать...

Мы едем очень долго, уже, наверное, полчаса, а бородатый все молчит. Постепенно мне начинает казаться, что не князь Орлов спасает меня, а я похищена какими-то злыми разбойниками и они везут свою жертву в дремучий лес. От таких мыслей мне становится страшно. Хочется спросить у кучера, куда мы едем, но я, собрав все свои силы, продолжаю молчать...

Наконец фаэтон замедляет свой ход и вскоре совсем останавливается. Кто-то подходит к нему. «Наверное, это Орлов», — сгораю я от нетерпения. Дверца открывается, я отдергиваю шторку и... О Аллах! Передо мной распахнутая входная дверь во флигель, и у коляски — профессор Штольц...

Пансион, 15 ноября

Эти дни я много думала о том, что произошло. А что, собственно, произошло? Разве можно было ожидать от подлеца доброго поступка? Конечно, нет. Слава Аллаху, что я сохранила присутствие духа в тот момент...

Когда открылась дверца фаэтона, я не упала в обморок и не стала биться в истерике и рвать на себе волосы. Под ехидной усмешкой Штольца я спокойно, с достоинством сошла на землю и тихо, но с гордостью проговорила:

— Вы отъявленный мерзавец, Штольц. Вы хотите подчинить себе массы людей, но у вас это не получится. Ведь вы не способны подчинить себе даже такую слабую и беззащитную женщину, как я. Вы и Орлов — свора отпетых негодяев, которые рано или поздно свое получают.

Профессор даже растерялся от такой моей реакции на его шутку. Он думал, что если меня покатают пару кругов вокруг его усадьбы, то я лишусь разума. Не вышло. Я помню все, что было потом...

Доктор, придя наконец в себя, издевательски произнес:

— Я надеюсь, госпоже понравилось путешествие?

— Да, — ответила я, — если бы не ваш небритый кучер, похожий на разбойника, то я даже могла поверить вам... А от Орлова я иного и не ожидала.

Доктор почесал лысину.

— А мне показалось иначе.

— Не тешьте себя иллюзиями... — Мне захотелось сделать ему больно, и я добавила: — Вы никчемный психиатр, да и к тому же неважный актеришка.

Видимо, Штольца это сильно задело. Вдруг его голос стал серьезен:

— Вы получили слишком много свободы, не умея распоряжаться ею. Придется оставить вам лишь самое необходимое.

Я посмотрела ему в глаза и усмехнулась:

— Вы можете закрыть меня в комнате, вы можете заколотить окно, но вы не измените Чалыкушу.

— Я не собираюсь изолировать вас. Вы такая мне даже больше подходите. А потому я не отказываюсь от тех привилегий, которые вам даровал. Изменится лишь одно: теперь на прогулках вас будет сопровождать дежурная.

— Немая старушка надзирательница?

— Да. И запомните — отсюда убежать невозможно... Тем более такой слабой и беззащитной женщине, как вы.

Пансион, 16 ноября

Еще вчера мне казалось, что я достаточно сильна духом и смогу пережить случившееся, но сегодня я осознала всю безысходность моего теперешнего положения. Ненавистная старушка ходит за мной по пятам. Мне даже кажется, что ночью, когда я сплю, она сидит под моей дверью или подглядывает в замочную скважину и только, когда приходит доктор, на время покидает меня. Штольц торжествует окончательную победу. У меня же непрестанно крутится в голове навязчивая мысль о самоубийстве. Но это невозможно хотя бы потому, что я никогда не остаюсь одна. Чтобы не причинить себе еще большей боли, я стараюсь не думать о своей прежней жизни — о Кямране, Ихсане, Недждете.

Доктор не раз говорил, что отсюда нет выхода. Я не хочу в это верить, однако минувшие события и каждый следующий день заставляют меня поверить в правоту его слов... Мне не хочется ни с кем разговаривать...

Днем во дворе случайно столкнулась с Орловым, заехавшим в гости к Штольцу.

— Вы прекрасно выглядите, — как ни в чем не бывало произнес он.

Я отвернулась, делая вид, что не знакома с ним.

— Феридэ, не стройте из себя обиженную. Когда-то вы были ко мне не очень любезны, я ответил тем же. Теперь мы квиты. Самое время начать новые отношения.

Я снизошла до ответа этому ничтожеству:

— Я никогда не причисляла себя к категории подлецов, и поэтому общего у нас с вами быть не может.

— Вы так думаете? Между прочим, у нас со Штольцем неплохие отношения, и за определенную сумму я бы договорился с ним...

Я презрительно усмехнулась:

— Сомневаюсь, что доктор продаст меня. Он потратил слишком много сил на этот проект.

— Успокойтесь, Феридэ, все в мире покупается и продается...

— Не меряйте людей по себе. Доктор — фанатик, не забывайте про это.

— Я куплю ему еще один пансион.

— Тогда вы получите мой труп.

— Судя по тому, как профессор любит вас, вам не дадут это сделать.

Мне надоели бредни этого ненормального. Я и так слишком много позволила ему сказать...

Пансион, 17 ноября

Вечерами доктор приглашает меня на ужин. Но я отказываюсь. Мое состояние здоровья резко ухудшилось. Профессор не понимает, в чем дело.

— Условиям, в которых вы живете, остальные больные могут только позавидовать. Чего вам не хватает, Феридэ? — спросил он сегодня.

Тяжело вздохнув, я ответила:

— Я пленница — и этим все сказано.

Доктор пожал плечами:

— Каждодневные прогулки, библиотека, рояль, в конце концов, — чем не светская жизнь.

— Но это все — ваши желания. Временами мне начинает казаться, что я превратилась в машину: вы приказываете — я выполняю, вы чего-то не хотите — я не делаю...

Неожиданно для меня Штольц обрадовался:

— Прекрасно! Нам нужно продолжать работу.

Я много думала о внезапной радости профессора. Может быть, это и есть удачный эксперимент. Я вдруг представила себе, как через месяц-другой профессор покажет меня на ученом совете. Он взойдет на кафедру и скажет:

— Феридэ, пойдите выпейте воды...

— Слушаюсь, герр Штольц, — отвечу я и выполню его приказ.

— Феридэ, поднимите руки...

— Слушаюсь, герр Штольц.

— Феридэ...

— Слушаюсь.

— Феридэ...

— Слушаюсь...

Ученые шумно зааплодируют.

— Bravo, профессор Штольц!

От такой картины мне становится невыносимо горько.

Пансион

Состояние моего здоровья явно ухудшается, однако меня это радует. У меня такое предчувствие, что это одна из последних записей в моем дневнике...

Хотя нет, на страничке осталось свободное место. Возможно, на несколько строк у меня еще и хватит сил... Но это будет завтра...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1

Приехав в Стамбул, Ихсан поселился в гостинице, которая располагалась в центре города, неподалеку от одного из красивейших фонтанов Турции. Однако офицеру было не до красот. Несколько дней он не выходил из номера, погружившись в раздумья о своей дальнейшей судьбе. Возвращаться в армию после скандала, связанного с просьбой об отставке, ему не хотелось. Обращаться же за помощью к своему дяде паше — тоже особого желания не было. Ихсан решил некоторое время просто пожить и осмотреться. Ведь теперь, после трех месяцев отсутствия, он совершенно отвык от этой жизни.

Часто, лежа на кровати и рассматривая потолок, он вспоминал о своей несчастной любви. «Я должен забыть тебя, Феридэ, — старался убедить себя он. — Теперь ты счастлива,

и в твоём сердце нет уже места для меня. Столько лет я наперекор судьбе стремился быть рядом с любимой, но — одно известие, и моя жизнь разбилась вдребезги. Что обычно предпринимают в таких ситуациях? Вешаются, стреляются, идут на войну... Мой дедушка говорил: для того чтобы забыть старую любовь, надо найти новую. Может быть, мне тоже последовать этой забытой истине?»

Наконец отважившись, Ихсан поднялся с кровати и вышел на улицу. Первым делом он решил навестить свою сестру Нериме, которая не так давно вышла замуж и жила в Стамбуле. Прихватив по дороге охапку цветов, офицер направился в особняк ее мужа, одного из высоких чинов в министерстве.

Ворота ему открыла молодая служанка. По всей видимости, она была из новеньких.

— Могу ли я видеть чету Ресми? — вежливо обратился майор.

— Хафыз-бей на службе, но дома Нериме-ханым.

— Вот и прекрасно. Передайте ей вот это, — Ихсан протянул букет, — и скажите, что ее любимый брат очень хочет повидаться с ней.

— Извините, я только два дня тут работаю и поэтому еще всех не знаю, — виновато произнесла девушка, взяв цветы. — Проходите в сад, а я тем временем сообщу о вас госпоже.

Ихсан направился в сад и, заметив на своем пути скамейку, примостился на ней. Ждать пришлось недолго. Неожиданно кто-то, подкравшись сзади, закрыл ему глаза.

— Нериме, это ты?

За спиной послышался задорный смех.

— Ну кто же еще может так фамильярно вести себя с тобой, как не сестра? — продолжая смеяться, Нериме присела рядом. — Где пропадал так долго наш герой?

— Были дела... в Болгарии, — уклончиво ответил офицер.

— А мы-то думали — ты в свадебном путешествии...

Ихсан горько вздохнул.

— Если бы так...

— Майор, не переигрывайте. Ваши вздохи глубже и трагичнее, чем в провинциальных театрах, но до стамбульского все-таки не дотягивают. Кстати, как ваша единственная и неповторимая любовь?

— О ком это ты, сестрица?

— А ты и не подозреваешь! О Феридэ, конечно. Ведь ты службу не ради меня бросил...

Ихсан, вначале поддавшийся беззаботному настроению Нериме, вдруг стал мрачнее тучи.

— Давай не будем о Феридэ.

— Это почему же? — запротестовала сестра. — В Болгарию ты, кажется, собирался вместе с ней. Вместе с ней мог бы и явиться ко мне. Я не ретроградка и смогла бы все понять. Меня мало беспокоят людские толки...

— У нее есть муж, она счастлива с ним, и я не хочу нарушать их семейного покоя.

— С каких это пор ты стал донжуаном?

Ихсан строго посмотрел на сестру:

— Прекрати свои глупые шуточки.

Нериме, закатив глаза, посмотрела на небо.

— Это последние теплые дни уходящего года, — неожиданно проговорила она и затем спросила: — Так сколько, ты говоришь, не был в Стамбуле?

Майор пожал плечами:

— Месяца три. А какое это имеет значение?

— Какого, ты говоришь, возвратился? — не унималась сестра.

— Второго октября. — Ихсана уже начинал раздражать этот беспредметный разговор.

— А сегодня какое число?

— Наверное, пятое. Отстань.

— Сегодня, — с пафосом произнесла Нериме, — пят-над-ца-то-е!

Вначале сообщение сестры офицеру показалось розыгрышем, но, подумав и проанализировав проведенное в Стамбуле время, он вынужден был согласиться с Нериме. От этого внезапного открытия Ихсан даже присвистнул.

— Вот так-то, дорогой братишка! — торжествовала победу кузина.

— Сдаюсь! — Ихсан поднял вверх руки.

— Значит, вопросы буду задавать я?

— Уговорила. — Офицер откинулся на спинку скамейки.

— Так где Феридэ?

— Опять ты за свое!.. Я помог ей отыскать Кямрана и возвратился домой. Теперь их отношения меня не интересуют... И попрошу при мне больше не вспоминать имя Феридэ. Я начинаю новую жизнь. Хочу любить и быть любимым, а не истязать себя бредовыми идеями...

Офицер замолчал, но через мгновение с любопытством взглянул на сестру:

— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что Кямран уже полтора месяца, как в Стамбуле...

— Этого не может быть! — вырвалось из уст Ихсана.

— Мой муж возглавляет отдел, в котором он работает. Кямран жив и здоров, поверь мне.

— Но нам сказали...

— Я не знаю, что вам сказали, но уже всем известно, что вместе с Феридэ вы куда-то уехали. Кямран подал прошение о разводе.

Ихсан обхватил голову руками.

— Какое недоразумение...

Нериме вопросительно посмотрела на брата.

— Я ничего не понимаю, — развел он руками. — А что думает сама Феридэ?

— Вот об этом я и хотела у тебя спросить...

— А разве она не в Стамбуле?

Сестра только головой покачала:

— Ну и заварил же ты кашу.

Прикрыв лицо ладонями, офицер лишь процедил сквозь зубы:

— Какой же я дурак.

— Что уж теперь самобичеванием заниматься, — начиная догадываться о происшедшем, тихо проговорила Нериме. — Ты лучше скажи, что собираешься предпринять дальше?

Неожиданно Ихсан вскочил со своего места и, словно с цепи сорвавшись, побежал в сторону ворот. Не останавливаясь, майор крикнул:

— Если появится Феридэ — мне телеграмму до востребования в Варну!

— Подожди! — попыталась остановить его сестра, но, вдруг осознав, что это совершенно бесполезное занятие, махнула рукой и направилась в дом.

Ихсан неся по улице сломя голову. По дороге он успел выбить из рук какой-то женщины корзинку с бельем и едва не сбил с ног нескольких нерасторопных прохожих. Вослед ему сыпались проклятия, однако офицера это мало беспокоило. Оказавшись у гостиницы, он опрометью взлетел по лестнице на второй этаж и едва не вышиб дверь своего номера. Забежав в комнату, Ихсан распахнул шкаф, достал оттуда дорожный чемодан и затолкал в него первые попавшиеся под руку вещи. Спустившись вниз, он бросил портфель несколько купюр и выбежал на улицу.

— Извозчик! — крикнул он проезжавшему экипажу, но тот даже не притормозил.

Офицер метнулся к другому, стоящему у дверей гостиницы.

— Мне нужно в порт! — обратился он к человеку с поводьями в руках.

— Я занят, — безразлично ответил извозчик и, указав на сиденья, добавил: — видишь чемоданы...

Офицер ловким движением запрыгнул в коляску и выгрузил из нее вещи.

— Эй, ты что делаешь! — возмутился хозяин коляски. — Сейчас вернется господин, которому принадлежат эти чемоданы, и задаст тебе. Да и мне перепадет.

Майор достал из кармана несколько серебряных монет и сунул их в руку извозчику.

— Гони в порт!

На этот раз хозяин экипажа ничего не сказал и изо всех сил хлестнул своего коня. Коляска, словно птица, рванулась с места. Однако Ихсану все время казалось, что они едут слишком медленно, и он постоянно торопил извозчика.

Наконец показался морской вокзал. Там былолюдно. По-видимому, толпа или встречала, или провожала стоящий у пристани пароход. Майор забежал в здание и поспешил к продавцу билетов на дальние рейсы.

— Мне на ближайший до Варны, — тяжело дыша, проговорил он.

Женщина в окошке с недоумением посмотрела на офицера.

— Пароход до Варны отплывает через десять минут, а ближайший только через четыре дня.

— Давайте на этот.

— Но дело в том, что свободных кают нет.

— Дорогая, я согласен простоять всю дорогу ради того, чтобы оказаться в Болгарии...

— Пароход набит до отказа.

— Я вас умоляю, ради Аллаха...

Женщина подозрительно взглянула на Ихсана.

— Необходимо разрешение начальника вокзала.

— Где я могу его найти?

— В двухэтажном здании напротив.

Ихсан уже готов был побежать туда, но голос женщины остановил его:

— Начальника сейчас нет.

— Как нет?

— Он уехал в министерство...

На мгновение майор задумался и взглянул на часы. Из отведенных ему десяти минут оставалось только шесть. Ихсан быстро выбежал из здания и рванулся к пароходу. Неподалеку от трапа он заметил полного человека, одетого в форму моряка гражданского

флота, и подошел к нему.

— Мне нужно в Болгарию.

Несмотря на то что располневший матрос был гораздо ниже ростом, ему каким-то образом удалось взглянуть на Ихсана свысока.

— Еще чего!

— Я плачу.

В глазах моряка появился интерес.

— Сколько?

— За тройной люкс, идет?

— Нет, — покачал головой толстый и, выдержав паузу, растягивая каждое слово, проговорил: — Я вижу, ты — человек военный?

— Пришлось.

— С морским делом знаком?

— Немного...

Располневший матрос на мгновение задумался. Над портом пронесся гудок парохода.

— Будешь выполнять все, что я скажу, идет? — вдруг изрек он.

— Идет! — обрадовался Ихсан.

— Плюс — за тройной люкс...

3

Майор благодарил судьбу, что хоть на этот раз она оказалась к нему благосклонной. Пройдет немного времени, и он будет уже в Варне, а там, купив коня, галопом помчится в Обзор. Ведь именно в Обзоре теряются следы Феридэ...

Так рассуждал офицер, однако времени на размышления у него совершенно не было.

Располневший моряк оказался боцманом, да еще с ужасно противным характером. Постоянно забрасывая себе в рот сушеные финики и выплевывая косточки на пол, он то и дело отдавал распоряжения:

— Помыть палубу... Убрать в трюмах... Смазать поршни... Проверить крепления...

Работа была не из легких, но Ихсану не оставалось ничего другого, как повиноваться. Часа через четыре, несмотря на свою офицерскую подготовку, он почувствовал, что страшно устал. Боцман же придумывал все новые и новые приказы, и казалось, полету его фантазии никогда не будет предела. Наконец ближе к вечеру то ли у боцмана истощилось воображение, то ли он решил проявить милосердие, но моряк, схватив за руку, остановил спешащего исполнить очередной приказ Ихсана.

— Отдохни пять минут, — великодушно, во все лицо улыбнулся моряк. — А ты, я вижу, малый ничего...

Майор молчал. Попадись этот боцман ему в какой-нибудь иной ситуации, наверное, застрелил бы, не задумываясь, но сейчас приходилось идти на компромисс со своей офицерской гордостью...

— Небось убегаешь? — проговорил моряк.

— С чего вы решили?

— А сейчас все бегут. Кто от войны, а кто от тюрьмы. Тоже небось нашкодил?

— Нет, я по делам.

— По делам так не спешат и не дают взятки, — усмехнулся боцман, видимо, довольный своей догадливостью.

Ихсан промолчал.

— Вот я и говорю... — протянул моряк назидательно и, кивнув головой на чемодан майора, добавил: — Даже вещи как следует не успел упаковать.

Ихсан посмотрел на свою поклажу и увидел, что боцман действительно был прав — из чемодана торчал край рубашки. Майор подошел к чемодану и открыл его. В этот момент из верхнего кармашка вывалился револьвер. Ихсан, повертев именное оружие в руках, положил его в нагрудный карман пиджака. Как ни странно, но после этого эпизода боцман не отдал ни одного приказа своему временному пленнику и лишь изредка косился в его сторону. Ихсан же, не понимая причины произошедших с «начальником» перемен, благодарил судьбу за этот отдых.

Вскоре по курсу корабля показалась земля, а вместе с ней замысловатые контуры жилых построек и храмов Варны.

На берег майор вышел уже слегка отдохнувшим и готовым к новым действиям. По крайней мере ему так показалось. Но наступали сумерки, и в такое позднее время искать лошадь было бесполезно. Понимая это, Ихсан направился в гостиницу, расположенную неподалеку от морского вокзала. Заплатив хозяину и взяв ключ, офицер зашел в свой номер и как подкошенный рухнул на кровать...

4

Лишь солнце коснулось верхушек деревьев, Ихсан уже был на ногах. Освободив свой чемодан от захваченных в спешке ненужных вещей, он поспешил на базар.

Вопреки его ожиданиям торговцев лошадьми оказалось немного, да и товар был не лучшего качества. Наконец, выбрав себе более-менее сносного коня гнедой масти, офицер, не торгуясь, расплатился. Подобрал сбрую, он примостил на седло свой дорожный чемодан и вскочил на коня. Гнедой оказался с норовистым характером. Поначалу он совершенно не желал подчиняться новому хозяину, но воля майора оказалась сильнее. Несколько раз встав на дыбы, конь пустился вскачь.

Часа три офицер гнал своего скакуна галопом, но, заметив, что тот уже весь в мыле, перевел коня на легкую рысцу. Теперь наконец-то появилась возможность спокойно подумать о том, что же предпринять дальше. Но мысли не шли в голову. Ихсана охватило отчаяние. Раздосадованный, он вновь прищпорил гнедого. Конь, брызнув пеной, рванулся вперед...

«Только бы выдержал», — с беспокойством думал о гнедом офицер, понимая, что поступает слишком жестоко по отношению к животному. Его опасения оказались не напрасными. Пытаясь на бегу перескочить небольшую канавку, конь внезапно споткнулся. Не удержавшись в седле, Ихсан, несколько раз перевернувшись в воздухе, изо всей силы грохнулся о землю. Гнедой лежал рядом, судорожно вздрагивая всем телом. Изо рта его шла пена. Майор поднялся и, слегка прихрамывая, подошел поближе. Присев на корточки, он похлопал коня по морде и, потянув за поводья, попытался помочь гнедому встать. Но тот, отчаянно раздувая ноздри, лишь мотнул головой, словно отбиваясь от назойливых мух.

Только теперь Ихсан заметил, что у его скакуна была сломана нога. Мужчина отвязал дорожный чемодан и собрался уже было продолжить путь один. Но, сделав несколько шагов, обернулся. Взгляд его остановился на мокрых глазах гнедого. В них майор прочитал ужасные муки. Неожиданно мужчина почувствовал на своей щеке слезу. Рука его полезла в нагрудный

карман, пальцы нащупали рукоятку револьвера. И возвратясь к своему недавнему спутнику, офицер сделал несколько прицельных выстрелов...

«Но ведь это лучше, чем если бы его задрали волки...» — пытался оправдать он свое убийство, идя по извилистой лесной дороге. Мрачное настроение не покидало Ихсана до тех пор, пока он не подошел к какому-то селению.

— Что это за место? — поинтересовался майор у проезжавшего мимо на телеге мужика.

— Бяла, — ответил тот, хлестнув лошадь.

Майору стало немного не по себе от воспоминания о гнедом, но он, взяв себя в руки, заставил не думать о недавнем происшествии.

— До Обзора далеко? — крикнул вслед крестьянину офицер.

Тот, не останавливаясь, обернулся:

— Если пешком, то да. А если на повозке — часа за два управитесь.

Миновав селение, Ихсан остановился на самой его окраине. Внезапно уже давно позабытое чувство голода вновь овладело им. Офицер заглянул в ветхий приземистый домик. Там он застал морщинистую сухопарую старушку. Увидев на пороге статного молодого мужчину, седоволосая женщина немало удивилась.

— С чем пожаловал, милоч? — любопытствовала она и, увидев в руках у нежданного гостя дорожный чемодан, добавила: — Далеко ли путь держишь?

— В Обзор, — ответил Ихсан, присаживаясь на лавку. — Устал, проголодался и хотел бы купин у вас что-нибудь из еды.

— Да что покупать, — махнула рукой старушка. — Я вот сына жду, приготовила ему. Думаю, тут всем хватит.

Минут через десять стол уже был накрыт, если, конечно, это можно было так назвать. Просто на нем появились зачерствевшая краюшка хлеба, дымящийся в чугуне борщ и разрезанное на ломтики сало. От сала Ихсан отказался, а вот за борщ принялся с большим удовольствием. Старушка присела рядом.

— А откуда сам? — с неподдельным интересом спросила она. — По всему видно, что не из наших...

— Из Варны. Ищу жену. Феридэ зовут. Может, слышали?

Седоволосая женщина погрузилась в раздумья.

— Нет, не слышала, — ответила она наконец. — Но, может быть, мой сын знает...

У калитки остановилась телега, и с нее соскочил краснощекий здоровяк.

— А вот и мой сын пожаловал, — восторгалась старушка и прилипла к окну. — Исхудал бедненький после женитьбы. А в детстве какой был — любо-дорого посмотреть...

Дверь отворилась, и на пороге показался «исхудавший» здоровяк. Метра два ростом, раздавшийся в животе и плечах, он был полной противоположностью своей матери.

Женщина бросилась к нему.

— Я тебе поесть приготовила... Небось жена-то и не покормит как следует.

— Я сыт, мама, но от приглашения не откажусь. Ты ведь так вкусно готовишь. — Краснощекий направился к столу и только теперь заметил, что в доме гость.

Сын старушки на мгновение растерялся.

— Добрый день, — поздоровался Ихсан. — Я иду в Обзор, устал и проголодался, а ваша мать пригласила меня па обед.

Здоровяк уселся напротив офицера, а старушка, желая не мешать разговору двух мужчин, вышла в сени.

— Да-а-а, — протянул сын. — У моей мамы щедрая душа. Чужому она готова последнее отдать... Так куда, говорите, направляетесь?

— В Обзор, — повторил майор.

— Телегу нашли?

— Нет.

Жадно проглотив ложку борща, краснощекий покачал головой:

— Теперь с этим тяжело. Осень — крестьяне не очень-то хотят далеко выезжать... Но, если хотите, я вас довезу... За умеренную плату, конечно...

— Мне это подходит, — кивнул головой Ихсан.

— Вот и чудесно, — потер ладони сын старушки. — У вас много вещей?

— Нет, один чемодан.

— Всего? — Здоровяк был явно разочарован. — Тогда будет дешевле... Да, и за обед не забудьте...

— Я уже предлагал вашей матери, но она отказалась.

— Она просто дура, — неожиданно грубо произнес здоровяк и, видя в глазах гостя недоумение, пояснил: — Потому так бедно и живет.

Задумавшись, сын старушки вдруг облегченно вздохнул, словно решил сложнейшую задачку.

— За обед можете отдать мне... И желательно сейчас.

— Сколько за все вместе? — поинтересовался Ихсан.

Краснощекий назвал сумму и тут же получил ее.

— Теперь можно ехать, — довольно произнес он.

На пороге показалась мать. В руках она держала какой-то сверток. Подойдя к краснощекому, старушка протянула сверток здоровяку.

— Возьми, сынок. Это сальце. За плечами не носить.

— Ну что ты, мама, у самой небось ничего не осталось, — театрально запротестовал тот.

— Ничего, — махнула рукой седоволосая женщина. — Ты ведь знаешь, что я счастлива, когда с тобой все в порядке. А что я?.. Если надо будет, у соседей одолжу...

Здоровяк взял в углу кошелку и положил туда сверток. Затем, подойдя к столу, сгреб оставшийся хлеб и сало. «Если бы можно было взять с собой и чугунок с борщом, то, наверное, и его бы прихватил», — подумал Ихсан, следя за манипуляциями сына старушки, но решил не вмешиваться. В конце концов, это было их семейное дело.

— Пошли. — Голос здоровяка вывел Ихсана из раздумья. — До вечера нам нужно успеть.

Краснощекий вышел за дверь и направился к стоящей у калитки телеге. Ихсан безропотно поплелся за ним. Старушка осталась на крыльце и, провожая взглядом отъезжавшую телегу, помахала рукой.

Сидя на мешках с мукой и слушая поучительные изречения сынка бедной старушки, Ихсан молчал. Он пытался еще раз прокрутить в голове свое прошлое и, в частности, их отношения с Феридэ. Но неожиданно его мысли возвратились к минувшему обеду, и офицер с горечью подумал, что в душе начинает становиться агрессивным. Ведь тогда, за обедом, ему так хотелось заехать по шее обрюзгшему от сытости сынку. Воззвать к его совести. Еще бы мгновение, наверное, так и случилось бы. Но какой бы несчастной была тогда старушка мать. Пережила ли бы она увиденное? «Да и вообще, кому нужна эта справедливость, если

она причиняет только боль», — думал Ихсан, постепенно возвращаясь к образу Феридэ...

5

В Обзоре Ихсан был уже поздно вечером и поэтому решил не беспокоить никого из местных жителей среди ночи.

На ночлег к какому-то глухому деду его устроил здоровяк. За умеренную плату, конечно...

Проснувшись рано утром, майор отправился в город с целью отыскать людей, встречавших Феридэ в этих местах. Расспрашивать каждого встречного ему показалось глупо, и поэтому, заметив на холме булочную, офицер поспешил туда.

Резким движением открыв тяжелую дверь, Ихсан вошел в помещение. Его встретила круглолицая женщина.

— Чего пожелаете? — улыбнувшись незнакомцу, спросила она.

— Это у вас единственная булочная в городе? — медленно начал офицер.

— Эта — самая лучшая и единственная в центре, — обиженно проговорила хозяйка. — Есть еще на окраине одна, но все ходят к нам.

— Значит, вы в курсе всех событий, которые здесь случаются?

Женщина подозрительно взглянула на молодого человека и таинственным голосом спросила:

— А что случилось?

— Нет, ничего, — поспешил успокоить хозяйку Ихсан. — Меня интересует женщина по имени Феридэ.

Женщина оживилась.

— Турчанка, что ли?

— Она самая.

С уст хозяйки слетел вздох облегчения.

— Вы бы сразу сказали, что из полицейского управления! — затараторила она. — Я сразу подозревала, что Джапар не чистый на руку человек, и, когда случилось это, даже не удивилась...

— Что случилось? — взволнованно спросил офицер.

— Все, — пояснила женщина, думая, видимо, что этим «все» дала абсолютно исчерпывающую информацию.

— Так что же все-таки здесь случилось? — настаивал майор.

Хозяйка слегка растерялась.

— А вы правда из полиции?

— Нет, — резко отрезал Ихсан. — Я муж этой женщины и хочу знать о ней все.

В глазах булочницы появилось недоверие.

— Муж, говорите? — Она прищурила глаза, словно собираясь увидеть незнакомца насквозь. — Так это она вас искала?

Майор решил не отвечать на этот вопрос. Женщина, как будто почувствовав что-то неладное, попыталась поскорее избавиться от новоявленного мужа турчанки.

— Она жила у Стояла и Руси. Вот к ним и обращайтесь со своими расспросами.

Поняв, что ничего не добьется от булочницы, Ихсан попросил:

— Может быть, вы мне покажете, где живут Стоял и Руси?

— Это я, пожалуй, покажу, — согласилась хозяйка и направилась во двор. — Идемте со

мною.

Майор последовал за женщиной. Выйдя на улицу, она указала рукой вправо, на дом с выкрашенными в синий цвет стенами.

— Там они и живут, — пояснила булочница и затем, показывая рукой уже на домик внизу, добавила: — А вон там жил Джапар. Перед тем как пойти к нему, турчанка заходила ко мне... Очень приятная женщина.

— Вы сказали, жил Джапар? — уцепился за фразу Ихсан. — А что, теперь он там уже не живет?

Хозяйка булочной только покачала головой.

— Вы спрашиваете у меня о таких вещах, которые вам может рассказать любой ребенок в нашем городе... Джапар с деньгами вашей женушки дал такого стрекача, что только пятки сверкали.

— А что же она?

— А что она? Горевала, убивалась, в больницу даже попала. Ну а деньги-то не вернешь...

— А вы не скажете мне еще о... — начал было Ихсан, но женщина перебила его.

— Я с вами и так заболталась, — важно промолвила она. — Лучше скажите: булку будете покупать или нет?

— Нет, — категорично ответил майор и пошел к домику с синими стенами.

Хозяева оказались дома.

— Ихсан?! — повторила Руси, услышав имя гостя. — Феридэ рассказывала мне о вас. Она говорила, что вы единственный ее друг. Очень сожалела о произошедшей размолвке... Сильно переживала историю с Джапаром... Мы предлагали ей написать письмо вам и временно пожить у нас, но она отказалась. Очень гордая женщина...

— Мне хотелось бы поподробнее узнать о том, как она здесь жила и что с ней произошло, — попросил Ихсан, пройдя в дом.

И Руси поделилась с офицером всем, что ей было известно о Феридэ.

Когда она закончила свой рассказ, Ихсан некоторое время сидел молча, поддерживая голову руками и глядя в пол.

— Когда ваши рыбаки собираются вновь отправиться в Варну? — спросил он, взглянув на нее.

— Завтра, — ответила женщина и, догадавшись о намерениях офицера, добавила: — Не волнуйтесь, мой муж сам договорится обо всем.

— Спасибо, — поблагодарил Ихсан, собираясь уходить. — На рассвете я загляну к вам.

— Куда вы? — удивилась Руси.

— Мне нужно подумать о ночлеге...

— А почему бы вам не переночевать у нас? Комната, где спала Феридэ, свободна, и она полностью в вашем распоряжении.

Последняя фраза Руси, казалось, перевернула всю душу молодого человека.

— Я принимаю ваше предложение, — не задумываясь, согласился он.

— Вот и чудесно, — улыбнулась Руси. — А пока можете осмотреть достопримечательности нашего города... Мы будем вас ждать к ужину.

— До вечера.

— Не забудьте про ужин... У нас принято не опаздывать...

Майор любил провинцию и поэтому гораздо лучше чувствовал себя в тихих, с размеренным ритмом жизни местах, нежели в шумной Ажаре или суетливом Стамбуле.

Причиной такой любви было, видимо, то, что сам он рос в городках не намного больше Обзора, путешествуя из одного в другой вместе с семьей дяди паши.

Вот и сейчас, идя по улицам этого небольшого городка, он вспоминал свои детские и юношеские годы. Годы, когда было все просто и ясно, а будущее казалось безоблачным и наполненным всевозможными подвигами, которые ему предстояло совершить. Еще тогда, в далеком детстве, Ихсан решил, что непременно должен стать военным. Ведь кто, как не офицер, мог быть примером мужества, отваги и честности. Он играл в оловянных солдатиков, мастерил себе лук и стрелы, подолгу возился с кобурой дядинового револьвера. Однако тогда он еще не знал, что на войне придется по-настоящему убивать, что не все военные честны и отважны, что офицерская дружба может быть ненастоящей... Сожалел ли он теперь об оставленной службе и заманчивой карьере военного? — мучился вопросом Ихсан. Ведь лет через десять — двенадцать скромный майор мог бы превратиться так же, как и дядя, в пашу — всеми уважаемого человека. А когда пришла бы старость, он рассказывал бы своим внукам о всевозможных баталиях... Но этого ли хотелось тогда, в детстве?

Взобравшись на один из холмов, с которого были видны все окрестности, офицер сел на пожелтевшую листву и принялся оглядывать освещенный красноватым вечерним солнцем городок.

Несмотря на то что шел уже последний месяц осени, было необычайно тепло. Сбросив свои куртки, по улицам носилась ребятня. Кто-нибудь из стариков, выходявших погреться на лавки, периодически вставал и, грозя пальцем, отчитывал непослушных малышей за такую беспечность...

Пожалуй, в эти дни над городом проносилось последнее эхо минувшего лета. Эту пору называли вторым бабьим летом. Временами, когда вопреки всеобщему ожиданию холодов свое контрнаступление начинало тепло, казалось, что оно вот-вот одержит победу.

Отдавшись своим чувствам и воспоминаниям, Ихсан не заметил, как на город опустились сумерки. «Чудесная пора, — подумал майор, поднимаясь с травы. — Как жаль, что сейчас нет со мной Феридэ». И еще ему показалось, что в этот момент женщина тоже должна была думать о нем...

Дойдя до дома гостеприимных Стояла и Руси, Ихсан остановился. Он поднял голову и посмотрел на темное небо, где уже появились первые звезды. Одна из них сверкнула и покатилась вниз. «Хочу, чтобы моя Феридэ нашлась», — быстро загадал желание майор. Он понимал, что это — старая детская игра, но в глубине души верил в нее.

— Замерзнете, вечера теперь холодные, — раздался над ухом негромкий бас.

Обернувшись, майор увидел Стояла.

— Ничего, я привычный.

— Прощу. — Хозяин открыл дверь, выпуская во двор тепло домашнего очага и запахи вкусной еды.

В комнате их встретил накрытый стол, возле которого суетилась Руси. Чего на нем только не было: тушеное мясо с молодым картофелем, жареный перец, сыр, помидоры, огурцы, кислое молоко. Только сейчас Ихсан почувствовал голод.

Они расселись, и в воздухе повисло неловкое молчание. Чтобы как-то прервать его, майор проговорил:

— Руси, когда вы успели все это наготовить?

Женщине, видимо, понравился вопрос гостя. Она зарделась и вытерла руки передником.

— Разве это много? Вы не были на наших деревенских свадьбах... А рождественский пирог почача! В него кладут старинную серебряную монету, которая передавалась из поколения в поколение. Кому попадет кусок пирога с монетой, тот будет счастлив в следующем году.

Руси улыбнулась, видимо, вспомнив этот праздник. Потом вдруг спохватилась:

— Да что это я вас баснями кормлю. Накладывайте.

После такого обильного ужина Ихсану показалось, что как только он коснется головой подушки, то сразу уснет. Но все произошло иначе.

Майор вытянулся на постели и закрыл глаза. Он представил себе, что меньше месяца назад на этом же месте лежала Феридэ. «Наверное, спала... А хотя нет. Ведь она думала встретиться с Кямраном», — такие мысли пробежали у майора в голове.

Неожиданно Ихсан почувствовал, что подушка все еще пахнет духами любимой. Теплая волна ударила в голову. Мужчина принялся лихорадочно искать сигарету. Дрожащими руками он зажег спичку и, прикурив, подождал, пока она догорит. Огонь немного опалил пальцы, но Ихсан не ощутил боли. Он думал о прекрасной девушке с золотистокариыми глазами, такой далекой, как та упавшая звезда...

6

Как и говорила Руси, на рассвете рыбацкая баржа покинула Обзор и взяла курс на Варну. Команда ее состояла из пяти человек, но особые симпатии Ихсан почувствовал к Димитру, человеку среднего роста и средних лет. На барже Димитр считался основным механиком. В отличие от остальных он кое-что смыслил в работе двигателей. Несколько раз Ихсан помог рыбаку устранить легкие неисправности, после чего их симпатии стали взаимными. Где-то к середине пути между ними завязалась уже дружеская беседа. Димитр подошел к сидящему у носовой части корабля офицеру и, как бы между прочим заметил:

— У вас с Феридэ, видимо, одинаковые вкусы?

Ихсан пожал плечами:

— Не думаю... А почему вы так решили?

— Вы устроились на том же месте, где сидела и она, — поспешил объяснить рыбак. — Да и взгляд у вас такой же печальный, как и у нее.

— Особо радоваться нечему... Пропал человек, и в этом есть моя вина... Я отпустил ее одну, а так поступать нельзя было... тем более в чужой стране...

Димитр, пытаясь обнадежить попутчика, улыбнулся:

— Не волнуйтесь. Отыщется ваша Феридэ. Человек — не иголка.

— Да я и не сомневаюсь в этом. Только знать бы, где ее искать...

— Там, куда мы едем, — без колебаний ответил рыбак. — В Варне.

— Откуда такая уверенность?

— А где же ей еще быть? — вопросом на вопрос ответил Димитр и добавил: — Она ведь женщина. Не могла же Феридэ отправиться совершенно одна, без всяких документов в Россию. Поверьте, чтобы сейчас оказаться там, нужно немалое мужество...

— Вы считаете, что она могла бы отправиться в Россию? Зачем?

— За кем, — поправил рыбак. — По дороге в Варну мы заглянули к деду Матею — самому всезнающему человеку на побережье. Так вот он сообщил Феридэ, что ее мужа в

Болгарии нет.

— Думаете, она поверила?

— Во всяком случае, ваша знакомая собиралась зайти в управление морского вокзала, там в последний раз спросить о муже и отправиться назад в Турцию.

— Значит, ей уже было известно о смерти Кямрана? — испугался вдруг майор, подумав о возможном самоубийстве женщины.

— Это мужа-то? — как ни в чем не бывало переспросил Димитр.

— Да.

— Почему смерти? — пожал плечами рыбак. — Его могло подобрать судно любой другой страны. Например, тот же корабль, который плыл из Одессы...

Ихсан задумчиво вздохнул.

— Теперь ищи ветра в поле...

— А по-моему, все значительно проще...

— Да вы просто не знаете этой женщины! — в отчаянии воскликнул майор. — Она из таких, которые могут отправиться на край света...

— Да, но не нужно забывать еще об одном, — перебил офицера Димитр. — У нее совершенно не было денег. Вам же, наверное, известно, что этот ублюдок Джапар обобрал ее до нитки...

— Но Руси мне сказала, что Стоял написал письмо ростовщику из Варны, чтобы тот одолжил...

Димитр только рукой махнул:

— Поверь попу...

— Не понимаю... — Ихсан вопросительно посмотрел на рыбака.

— Скажите, какой разумный человек, а тем более ростовщик, будет одалживать деньги совершенно незнакомой женщине, пусть и очень красивой?

В словах Димитра была правда, и поэтому майор молча согласился с ним, опустив голову на руки.

— Где же сейчас Феридэ? — неожиданно вырвался мучивший его вопрос.

— Я думаю, в Варне, — подытожил свои рассуждения механик, еще раз повторив название города.

Ихсан поднял голову и устремил свой взгляд вдаль.

— Женщина в чужой стране... У нее нет знакомых... Она совершенно без денег...

— Положение не из лучших, — согласился рыбак. — Ей, наверно, пришлось пойти в ночлежку...

— Феридэ — в ночлежку?! — не сдержался майор. — Да вы что!

Димитр, решив не спорить, только пожал плечами.

— Впрочем, — вдруг оживился он, — может быть, это вам поможет...

Рыбак сделал паузу и, убедившись, что Ихсан слушает его, продолжил:

— Когда мы расставались с Феридэ, она собиралась зайти на морской вокзал и узнать расписание отправления кораблей в Стамбул. Несмотря на то что друзья торопили меня (у нас было еще много дел), я задержался у причала, провожая взглядом вашу приятельницу. Она вышла на площадь и остановилась у небольшой аллейки. Затем подошла к скамье и о чем-то спросила у сидевшего там юноши. Тот вскочил и, что-то объясняя женщине, повел ее за собой. В этот момент меня позвали товарищи, и я вернулся на баржу.

— А как выглядел тот юноша? — поинтересовался Ихсан. — Опишите его приметы.

— Высокий, худой, рыжеватый такой... в очках. Они находились далеко от меня, и поэтому подробно я ничего не могу рассказать о нем. Одним словом, очень похож на студента и, видимо, из интеллигентной семьи...

— Ну что ж, это уже кое-что. — Глаза Ихсана приобрели осмысленное выражение.

— Вы собираетесь его искать?

— Пожалуй.

— Но рыжих студентов в Варне, как рыб в океане...

Майор задумался.

— Может быть, вы еще что-нибудь вспомните?

— Еще? — почесал затылок Димитр.

— Да, какие-нибудь подробности.

— Был дождь, море беспокойное... — начал перечислять рыбак, — к вечеру разыгрался шторм... Что еще?.. А, вот, вспомнил. Мы собирались перекусить у деда Матея, однако он сообщил о надвигающемся шторме, и, так и не пообедав, пришлось плыть дальше. Так почти целый день голодала с нами и Феридэ. Может быть, она в кафе пошла... Я думаю, на ужин у нее деньги оставались...

— Может быть... — протянул разочарованно Ихсан. — Может быть...

— Димитр, ты что, не слышишь, что клапана постукивают! — раздался из трюма недовольный голос. — Иди сюда скорее!

— Сейчас! — отозвался механик и обратился к офицеру: — Если еще что вспомню — расскажу. А пока пойду. Ох, и достала же меня эта ржавая посуда!

Оставив Ихсана одного, рыбак удалился. Всю дорогу майор ожидал новых подробностей, но Димитр ничего более-менее существенного, что могло бы помочь поискам, так и не вспомнил. Вечером на пристани они расстались.

7

Лежа на кровати в своем гостиничном номере, майор долго думал, с чего начать поиски. «Вначале я должен сходить на телеграф, — прикидывал он планы на следующий день. — Если там не окажется весточки от Нериме, то мне не остается ничего другого, как начать поиски в Варне. Что мне известно?.. Следы Феридэ теряются в этом городе... Она без гроша в кармане... Родственников и знакомых здесь у нее нет... Последний раз Феридэ видели с рыжим студентом... Здоровье у женщины после всех этих скитаний неважное. Кроме того, возможно, для нее стало сильным ударом известие о том, что Кямрана в Болгарии нет... Значит, мне следует начать с больниц. На всякий случай стоит забежать и в полицейское управление... Один из возможных вариантов — приюты. И — Студент... Занятия в университетах уже должны были бы начаться...»

Неожиданно рассуждения Ихсана прервал звонок телефона. Офицер поднял трубку.

— Я слушаю.

— Извините за беспокойство, господин, — сквозь треск послышался из трубки мужской голос. — Это администратор. Я хотел бы знать: ужинать вы будете в номере или...

— Мне, пожалуйста, только чаю.

— Хорошо; я передам горничной. Еще раз мои извинения...

На другом конце провода положили трубку.

«Неплохо, — подумал майор, рассматривая телефон. — Почти как в Париже и Лондоне...»

Не успел он вновь прилечь на кровать, как буквально через пять минут в дверь постучались, и на пороге с подносом в руке показалась горничная.

— Я принесла чаю. Вы заказывали?

— Да, поставьте на стол.

Девушка исполнила приказ и собиралась уже уходить, но Ихсан остановил ее:

— Подождите... Могу ли я задать вам несколько вопросов?

— Конечно, господин.

— Где у вас находится университет?

Горничная удивленно посмотрела на постояльца.

— У нас нет университета, господин.

— А студенты...

— Отдыхают тут часто, но уже с месяц как разъехались кто куда.

— А... — начал было Ихсан, но вдруг осекся, явно расстроенный полученной информацией.

— Господин желает еще о чем-нибудь спросить? — попыталась помочь ему горничная.

— Нет, спасибо.

— Если вдруг я вам понадобится, вы можете вызвать меня по телефону. — Девушка указала глазами на стол.

Навязчивая вежливость уже начала надоедать офицеру.

— Хорошо, — сухо ответил он, опустился на кровать и, запрокинув голову, уставился стеклянными глазами в потрескавшийся от времени потолок.

Тем временем горничная, мягко закрыв за собой дверь, вышла в коридор. Почувствовав, что он остался один в комнате, майор вскочил с кровати и, сложив руки за спиной, начал нервно прохаживаться из угла в угол. «Первая попытка — и сразу же неудача! — досадовал он. — Придется студента оставить в покое. Ведь искать именно того молодого и рыжего в таком городе, как Варна, не меньшая, глупость, чем искать иголку в стоге сена...»

Наконец успокоившись и согласившись, что версия со студентом была не из лучших, Ихсан, достаточно уставший за день, ощутил, что больше не в силах сопротивляться сну. И он сдался...

8

Всю ночь шел дождь. Не прекратился он и утром, когда молодой офицер встал с постели. Набрав номер администратора и заказав завтрак, Ихсан с грустью выглянул в окно. «Скоро зима», — подумал он, наблюдая, как дворник сметает с тротуара мокрую пожелтевшую листву. Сердце защемило, а на душе, словно за окном, стало сыро и холодно. «Не вешай носа, Ихсан, — подбодрил он себя и улыбнулся. — Вот отыщется Феридэ, и обретешь ты счастье и покой... А пока терпи... Нет. Лучше — действуй!»

Постучавшись, в комнату вошла горничная и, поставив завтрак на стол, тут же удалилась. Это была уже не вчерашняя девушка. Отметив про себя смену прислуги, Ихсан присел за стол и, наскоро перекусив, отправился претворять свой план в жизнь.

Первым делом майор решил заглянуть в полицейский участок. Переступая порог управления, он втайне желал уйти отсюда ни с чем. Но встретившийся дежурный внес в его душу смятение.

— Добрый день, — поприветствовал Ихсан длинноусого полицейского.

Пригнув книзу и подкрутив правый ус, служака ответил:

— И этот день вы называете добрым!

— Почему бы и нет...

— Да не успел я и двух часов отстоять тут, как уже убита женщина и покалечен приехавший на рынок крестьянин, пояснил причину своего дурного настроения длинноусый.

— Женщина? — Сердце у Ихсана екнуло.

— Приехал муж и застучал ее с любовником, — пустился в объяснения дежурный. — Любовник выпрыгнул в окно, а она не успела...

Вздых облегчения вырвался из груди майора.

— И часто у вас такое?

— Какое? — не понял полицейский.

— Убийства.

— Да раз на раз не приходится. В основном много работы весной, когда сходит снег. Правда, в эту осень тоже пришлось попотеть.

— Не может быть, — решил разговорить служаку Ихсан.

— Да-да! — закивал полицейский. — Одних убитых человек десять...

— И женщины?

— А как же! Вот дня три назад в лесу под самой Варной нашли. Одежда порвана, череп проломлен, а такая симпатичная была... Черноволосая...

Дежурный, словно вспоминая увиденное, с сожалением покачал головой. Ихсану стало страшно.

— Черноволосая? — дрогнувшим голосом спросил он.

— Да, кудрявая, — намотав на палец ус, уточнил полицейский.

— А как ее звали?

Полицейский крутанул пальцем у виска.

— Мне не пришло в голову спросить ее об этом. А сама она не рассказала...

Вдруг послышался скрип открывающейся двери. Дежурный вытянулся по струнке и, до неузнаваемости изменив свой голос, спросил:

— Так по какому вы делу, господин?

— Я ищу жену, — тихо ответил Ихсан.

В это время из двери, плавно покачиваясь, вышел полный лысый мужчина в форме капитана.

— Что там еще? — спросил он у дежурного.

— Этот тип ищет свою жену, господин капитан, — прогнулся всем телом длинноусый.

Лысый, с ног до головы окинув взглядом утреннего гостя, небрежно бросил:

— Зови его ко мне.

Медленно повернувшись, капитан вплыл обратно в кабинет.

— Слушаюсь! — полетело ему в спину.

— Ваш начальник? — поинтересовался Ихсан, указывая на захлопнувшуюся дверь.

— Заместитель, — стряхнув с себя строгость, ответил дежурный.

— А начальник где?

— В отпуске... Хотя вам-то какая разница? — Полицейский устремил свой взгляд на посетителя и, не скрывая любопытства, спросил: — Так жена, говорите, пропала?

— Я, пожалуй, пойду, — вместо ответа объявил майор и направился к двери заместителя.

Резко дернув за ручку, Ихсан вошел в кабинет.

— Здравствуйте.

Лысый оторвал взгляд от висевшего на стене портрета и с удивлением, словно увидев в первый раз, посмотрел на посетителя.

— Вы ко мне?

Ихсан пожал плечами.

— Только что вы сами попросили меня зайти.

— Ах, да-а-а... — потер лоснящийся лоб заместитель. — Кажется, у вас кто-то пропал...

— Жена, — коротко ответил майор.

— Убежала?

— Нет. Три недели назад она отправилась в Варну, и с тех пор я не получал от нее никаких известий.

— Понятно-попятно... — протянул капитан. — И чего же вы хотите от нас?

— Уместный вопрос для данной ситуации, — саркастично заметил Ихсан. — Я хотел бы узнать, не значится ли жена в списках погибших или потерпевших.

— Волнуетесь? — усмехнулся капитан.

— Да.

Заместитель достал толстую папку и, открыв ее, спросил:

— Как ее зовут?

— Феридэ.

— Не болгарское имя.

— Она из Стамбула.

— А вы?

— Тоже.

— Турки, значит?

— Угадали.

— Так-так-так... — нараспев произнес лысый, перекладывая бумаги. — Феридэ-Феридэ-Феридэ... Нет такой. Значит, ваша жена жива.

— Три дня назад в лесу под Варной нашли женщину... — сам, не зная почему, вдруг вспомнил майор о рассказанном дежурным происшествии.

— А вы откуда знаете? — удивился заместитель.

Ихсан промолчал, не желая выдавать болтливую полицейского. Не дождавшись ответа, лысый напустил на себя серьезный вид и заявил:

— По этому делу идет расследование, и пока оно не будет закончено, я не могу вам ничего сказать.

— Но хотя бы приметы... — взмолился Ихсан.

— Давайте сделаем иначе, — предложил заместитель. — Вы назовете приметы своей жены, а я скажу, похожа та женщина на нее или нет. Согласны?

Кивнув головой, молодой майор начал перечислять:

— Невысокого роста, черные длинные волосы, карие глаза, одета в...

— Достаточно, — перебил его заместитель и, выдвинув ящик стола, достал из него тоненькую папку. — А теперь посмотрим, что у нас.

Затаив дыхание, Ихсан стал ждать приговора. Заместитель выбрал из папки несколько бумажек и, прищурившись, посмотрел в них.

— Так... Травма черепа от тяжелого крутого предмета... Извините, не то... Ах, вот:

рост ниже среднего, круглое лицо, черные волосы, карие глаза.

Сам не ожидая такого совпадения, полицейский застыл в изумлении. Ихсан побледнел, не в силах произнести ни единого слова. Немая сцена продолжалась минуты две. Наконец, почувствовав, что способен говорить, Ихсан попросил:

— Я могу взглянуть на нее?

Полицейский развел руками:

— Мне жаль, но вы опоздали. Вчера ее закопали. Однако вы можете навестить могилу, поставить памятник, а если получите разрешение в министерстве, то даже перевезти ее прах в Турцию.

Ихсану стало не по себе. Заметив, что посетитель готов лишиться чувств, заместитель заведующего взял стакан и, налив в него из графина воды, протянул молодому человеку.

— Я понимаю, как тяжело смириться с этим...

Ихсан взял стакан и, немного отпив, поставил на стол.

Тем временем капитан раскрыл тонкую папку и, нащупав на столе карандаш, произнес:

— Не примите за оскорбление, но не могли бы вы ответить на несколько вопросов. Это формальности, однако они необходимы для дела...

Ихсан молчал. В его душе словно что-то надломилось, мир потерял всякий смысл, и в одно мгновение исчезли добро и зло, любовь и ненависть, даже сидевший напротив капитан казался таким неестественным...

— У меня к вам несколько вопросов, — повторил заместитель. — Вы меня слышите?

— Да-да, — очнулся вдруг Ихсан и машинально закивал головой. — Как вам будет угодно...

Полицейский приступил к допросу.

— Значит, вы говорите, что до происшествия жили в Стамбуле?

— Да.

Капитан быстро что-то записал.

— Как зовут?

— Ихсан.

Закашлявшись, лысый сказал:

— Я у вас спрашиваю, как зовут жену?

— Феридэ.

— Сколько ей было лет до убийства?

— Двадцать шесть...

— Сколько? — словно не поверив своим ушам, повторил вопрос капитан.

— Двадцать шесть.

— Хм, — удивленно замотал он головой. — А я бы дал не больше девятнадцати...

Первый раз так ошибаюсь... Дети есть?

— Нет...

— Значит, ждали первого?

Ихсан непонимающе поднял стеклянный взгляд на майора.

— Что?

— Первого, говорю, ждали... — едва не перейдя на крик, громко проговорил полицейский и уточнил: — Три месяца беременности...

— Нет, она не была беременна...

— Как же не была, — лысый протянул майору листок бумаги. — Вот результаты

вскрытия. Полнобуйтесь.

Ихсан взял листок. Строки разбегались у него перед глазами, так что прочитать что-либо было невозможно. Майор расстроился еще больше. Но вдруг в голове его, словно спасательный круг, мелькнула догадка.

— Я уверен, что она не была беременна, — категорично заявил он.

— У вас в руках заключение специалистов. Они ошибаются редко, да и не по такому счету! — запротестовал полицейский.

Ихсан прояснившимся взглядом посмотрел в глаза капитану.

— Вы сказали, что ей не больше девятнадцати?

— И что с того? — недоумевал лысый.

— Но ведь специалисты ошибаются редко...

— В общем-то вы правы...

— Дайте мне посмотреть полное описание убитой.

Капитан протянул листок. Ихсан буквально впился глазами в исписанный мелким почерком документ. Через минуту, весь сияя, он отложил листок в сторону.

— Что с вами? — забеспокоился полицейский, полагая, что муж убитой сошел с ума.

— Только что вы меня убили и тут же воскресили, сделав самым счастливым человеком в этом мире! — не скрывая радости, воскликнул Ихсан.

— Может быть, стоит медиков вызвать? — рассуждал вслух заместитель, внимательно наблюдая за гостем.

— Не стоит, — ответил майор. — Сейчас я вам все объясню.

Полицейский решил не возражать.

— Так вот, — начал Ихсан. — Все дело в том, что, кроме роста ниже среднего, черных длинных волос и карих глаз, ничего похожего между Феридэ и этой девушкой нет!

Капитан привстал.

— Значит, вы хотите сказать...

— Совершенно правильно: убитая девушка и Феридэ — разные люди.

Полицейский рухнул в кресло и оттуда зло произнес:

— Так что же вы столько времени мне голову морочили? Как не стыдно, молодой человек!

Ихсан улыбался. Ему не хотелось ни о чем говорить. Капитан же схватил со стола документ и сунул его в папку. Затем он положил дело в ящик и с грохотом закрыл его. С минуту посидев молча, полицейский поднялся со своего места и, подойдя к окну, произнес:

— Остальные убийства месячной давности, думаю, вас мало интересуют?

— Пожалуй, — ответил посетитель, наблюдая за действиями капитана.

Полицейский, окончательно успокоившись, вновь подплыл к своему креслу и плавно опустился в него.

— Что же мне с вами делать? — почесал он лысину. — Оставьте заявление и свой адрес. Если мы что-нибудь узнаем, то сообщим вам... Впрочем, нет. Лучше не пишите заявления. Оставьте мне описание вашей жены, и, если что, я сам разыщу вас.

Ихсан вопросительно посмотрел на хозяина кабинета.

— Слишком много нераскрытых дел, — пояснил тот. — Начальство из столицы ругается...

— Хорошо, — согласился молодой человек, даже слегка обрадовавшись такому предложению.

Взяв чистый лист бумага, он описал приметы Феридэ и положил листок на стол. Полицейский, даже не взглянув, взял его и бросил в один из ящиков. Затем, показывая, что разговор окончен, он наклонил голову и по-военному произнес:

— Честь имею.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил Ихсан и, встав со стула, направился к двери.

Взявшись за ручку, он, как будто о чем-то вспомнив, остановился.

— Еще один маленький вопрос, — майор повернулся к лысому.

— У нас очень много более серьезных дел, — попытался избавиться от навязчивого посетителя полицейский, но неожиданно тон его стал более благожелательным: — Валяйте, но только один вопрос.

Ихсан откашлялся.

— Могу ли я где-нибудь просмотреть списки больных и умерших в медицинских заведениях и пансионатах?

— Да, все это есть в архивах центрального госпиталя. Однако... — Капитан замялся. — Они часто жульничают, иногда не внося имена отдельных больных в списки.

— Почему? — удивился молодой человек.

— Во-первых, — заместитель начал загибать пальцы, — разные люди попадают туда. Бывают и отъявленные негодяи, которые запугивают персонал. Во-вторых, болезни разные бывают... И в-третьих, они не хотят лишней раз связываться с полицией. Так что если вы собрались обследовать еще и больницы, то рекомендую зайти персонально в каждую.

— Благодарю вас, — откланялся Ихсан и вышел в коридор, едва не столкнувшись в дверях с дежурным.

Майору показалось, что тот подслушивал.

— Ну, — кивнул длинноусый. — Узнали что-нибудь?

Ихсан, ничего не говоря, прошел мимо. Оказавшись наконец на улице, молодой человек облегченно вздохнул.

По дороге в гостиницу майор решил заглянуть на телеграф и поинтересоваться: нет ли ему послания из Стамбула. Однако телеграфистка на его вопрос отрицательно покачала головой.

— На ваше имя ничего не приходило, — ответила она.

Ихсан оставил девушке свой адрес и, думая о предстоящем визите в центральный госпиталь, возвратился в гостиницу.

После обеда он был уже в главном медицинском учреждении Варны. Однако ему не удалось продвинуться в своих поисках ни на шаг по той простой причине, что на своем месте не оказалось главного врача, а без него с иностранцем никто ни о чем не захотел разговаривать... Пришлось перенести визит на следующий день.

9

Чуть свет Ихсан сидел у кабинета главного врача госпиталя. Ожидание затянулось на несколько часов, но в конце концов имело благоприятный исход.

Часам к одиннадцати у кабинета появился седоволосый сухопарый мужчина преклонного возраста, одетый в пальто из черного драпа. Минут пять порывшись в карманах, седоволосый извлек оттуда ключ и, засунув в замочную скважину, уверенным движением повернул его. Затем он чинно открыл дверь и собирался уже было войти, как заметил сидящего молодого человека.

— Уж не ко мне ли вы? — поинтересовался он.

— Я к главному врачу, — рассматривая старика, ответил Ихсан.

— Тогда проходите, — седоволосый пригласил его жестом в кабинет.

— Благодарю вас, — отозвался майор, последовав за ним.

— Так какое у вас дело? — сняв пальто и повесив его на вешалку, спросил главный врач.

— Я ищу женщину, — начал Ихсан.

— Похвальное желание, — усевшись за стол и надев на нос очки, уставшим голосом изрек мужчина. — Ну и чем же я могу вам помочь?

— У Феридэ слабое здоровье, и она могла попасть в больницу, — объяснил офицер.

Главный врач посмотрел на гостя поверх очков.

— Вы приезжий?

— Да.

— Понятно, — протянул он и, встав из-за стола, подошел к огромному шкафу.

Открыв его и, окинув взглядом бесчисленное множество папок, мужчина задумался. Затем, лениво повернувшись к гостю, спросил:

— Какой период вас интересует?

— Последние три недели.

— Ну, тогда это будет проще, — пробубнил врач и, обращаясь к Ихсану, попросил: — Подойдите ко мне, молодой человек.

Ихсан повиновался,

— Вот видите, — указал мужчина на плотно заставленную папками полку. — Это регистрационные документы по Варне за последний месяц. Берите их и смотрите. Я вас отведу в комнату, и там вы сможете спокойно заняться своим делом. Когда же закончите, вернете их обратно. Сегодня я до семи, так что у вас достаточно времени. А сейчас пройдемте.

Главный врач вышел из кабинета и, жестом приглашая последовать за собой, зашагал по коридору. Майор, взяв на руки море папок, последовал за хозяином учреждения. К большой радости Ихсана, идти пришлось недолго. Пройдя метров десять от своего кабинета, мужчина остановился у двери и, толкнув рукой, открыл ее.

— Комната в вашем распоряжении, — объявил медик, пропуская вперед гостя.

Ихсан, увидев стоящий посреди небольшой комнатки стол, сразу же направился к нему и, освободившись от груза, спросил:

— Как вы думаете, возможно ли отыскать человека в таком городе, как Варна?

Ответа не последовало. Ихсан обернулся и увидел, закрывающуюся дверь. Доктор, явно посчитав свою миссию законченной, исчез. Майор взглянул на кипу папок и тяжело вздохнул. Затем он опустился на стул и принялся изучать предложенные документы.

К половине седьмого Ихсан закончил свои изыскания совершенно безрезультатно. В регистрационных документах имя Феридэ не значилось. Ихсан откинулся на спинку стула, даже не зная, огорчаться ему или радоваться. Наконец, так и не придя ни к какому выводу, сгреб бумаги и направился к главному врачу.

— Ну, как успехи, молодой человек? — поинтересовался седоволосый врач, зайдя на пороге утреннего гостя.

— Ее в списках нет, — пожал плечами Ихсан и, положив кипу на стол, добавил: — После изучения истории болезней у меня такое ощущение, будто я за несколько часов прошел курс обучения в медицинской академии. Голова идет кругом...

— А представьте, каково мне, — устало проговорил медик. — Ведь то, что вы смотрели, — лишь видимая часть айсберга...

— Мои искренние сочувствия, доктор, — устало усмехнулся майор.

— Что вы думаете предпринять дальше? — Полюбопытствовал мужчина.

Ихсан растерянно взглянул на седого медика.

— Даже не знаю... В полиции был... Ваши документы просмотрел... И никаких следов.

— А может быть, она жива и здорова? — предположил врач. — Сидит дома и ждет вас.

А вы почему зря убиваетесь...

— Нет, — замотал головой молодой человек. — У меня такое предчувствие, что она в Варне и с ней не все в порядке.

Подумав, Ихсан добавил:

— Попытаюсь посмотреть еще в пансионатах и в ночлежках...

— Дело ваше... — пожал плечами доктор, раздумывая над словами гостя. — С ночлежками проще — официальная у нас одна. А вот пансионатов здесь, как грибов. Город ведь курортный... Попробуйте... Может, и отыщете...

На протяжении пяти дней Ихсан, с самого утра покидая гостиницу, возвращался лишь поздно вечером. Переступая порог номера, в изнеможении он падал на кровать и, забывая про ужин, тут же засыпал. Вставая же на рассвете, майор вычеркивал из своего списка несколько названий пансионатов, наскоро перекусывал и вновь отправлялся на поиски.

Наконец, проснувшись однажды утром, он по привычке достал блокнот и, к своему большому удивлению, обнаружил, что перечеркнуты уже все названия. «Что же дальше?» — спросил он у себя. И тут же сам себе ответил: «Ты не хотел верить, что она в ночлежке, но, видимо, придется...» Приведя себя в порядок, майор направился в городской дом для бедных.

Приют располагался на окраине города. Он представлял собой запущенный деревянный домик с прогнившими от времени бревнами. Несмотря на два этажа, строение производило впечатление убогости. Видимо, когда подбирали жилище для бездомных, подумали и о том, чтобы не создавать контраста между лохмотьями нищих и внешним видом здания. Таким образом, бездомные оказались не оскорблены цивилизацией, а городские власти довольны тем, что сохранили предназначенный под снос дом.

Двор явно дополнял общую безрадостную картину. Повсюду валялись скомканные бумажки, доски, какие-то металлические прутья и осколки того, что когда-то называлось бутылками и чайными сервизами.

Осторожно ступая, Ихсан подошел к дому и под скрип досок поднялся на крыльцо. Он постучал в дверь, но никто не ответил на его стук. Тогда майор решился зайти. «О, Аллах милостивый!» — в сердцах воскликнул он, созерцая открывшуюся картину: изрезанные надписями стены, лохмотья одежды, разбросанные по полу остатки еды, какие-то картонные ящики, бутылки с отбитыми горлышками. В дополнение ко всему в комнате стоял затхлый дух. Очевидно, здесь не только спали, ели, но и мочились. «Нет! Феридэ не могла тут оказаться», — подумал майор и выскочил во двор.

Минуя старые постройки, он быстрым шагом добрался до мощенной булыжником улицы и, остановив там коляску, направился в центр. Спешить было некуда, и, понимая это, Ихсан расплатился с извозчиком, не доехав до гостиницы. Выйдя из коляски, он медленно побрел по осенним улицам города. Небо было застлано тучами, то тут, то там встречались лужи с дрожащими от ветра листиками на поверхности. «Вот так и я, как эти желтые листья, — думал он, — сорван ветром с цветущего некогда дерева, и нет мне возврата на прежнее место. Навсегда утерян для меня цветущий сад...»

Вскоре за деревьями показалось море. Донесся шум прибоя. Неожиданно для себя Ихсан открыл, что находится невдалеке от морского вокзала. Пройдя по аллее и оказавшись в порту, майор в задумчивости остановился. «Вот здесь и теряются твои следы, милая Феридэ, — подумал молодой человек, — неужели я больше никогда не увижу тебя, любовь моя... Неужели пальцы мои не коснутся твоих волос, а уши не услышат твоего задорного смеха...»

— Посторонись! — толкнул Ихсана плечом носильщик, доверху нагруженный какими-то коробками. — Не слышишь, что ли?

Это происшествие вернуло молодого человека к действительности. «Что я имею на сегодняшний день? — принялся рассуждать он. — В больнице Феридэ не была, полиция о ней ничего не знает, в пансионатах ее нет... в приюте для бедных и вовсе быть не может. Что у

меня осталось?.. Ничего. Только вот этот вокзал, где ее видели в последний раз...» Майор огляделся.

На площади у зала ожидания, несмотря на неважную погоду, было многолюдно. Все куда-то спешили. Однако среди мелькающих красок ему вдруг бросилась в глаза одинокая неподвижная фигура просящего милостыню инвалида. Калека сидел на корточках, если, конечно, так можно было назвать обрубки, которые были у него вместо ног, и периодически кланялся прохожим. Ихсан подошел к несчастному и протянул ему несколько купюр.

— Да пошлет вам Бог, — перекрестился тот и взял деньги.

Майор повернулся и, собираясь уходить, сделал несколько шагов, как вдруг калека окликнул его:

— Господин!.. Вы, наверное, что-то перепутали?..

Ихсан обернулся и непонимающе посмотрел на инвалида.

— Тут слишком много! — крикнул тот, показывая на протянутой ладони пожертвованные офицером деньги.

— Это твое, — безразлично отозвался майор.

— Да вы что?! — не мог успокоиться тот. — На них ведь месяца два жить можно...

— Вот и прекрасно! — Ихсан подошел поближе к безногому и сочувственно спросил: — В городском приюте живете?

— Иногда приходится... — опустил глаза тот. — Бывает, что на вокзал пускают...

— А ноги где потеряли?

— Война... Пять лет назад... Турецкая бомба...

— Да-а-а, — задумчиво проговорил Ихсан, вспоминая проведенные на фронте годы. — Много бед она принесла всем...

— И не говорите, — махнул рукой инвалид и с интересом посмотрел на молодого человека. — Тоже воевал?

— Пришлось... — коротко ответил майор, решив не будоражить несчастного сообщением о том, что сражался на турецкой стороне.

— То-то я гляжу — шрам через все лицо...

Решив замять неприятную тему о шраме, Ихсан попытался изменить направление разговора.

— А теперь так и сидите тут целыми днями? — спросил он.

— Вначале стыдно было, как это я, солдат, пойду попрошайничать, но, когда заболела жена, пришлось. Есть-то было нечего... А кто меня, калеку, на работу возьмет? Кому я такой нужен?

— Так у вас и жена есть?

— Была... — вздохнул несчастный. — Умерла год назад... А я вот втянулся в это дело... Веселее тут. Знакомые появились. Есть с кем-поболтать... Да и лучше меня никто не знает нравы этого вокзала.

В голосе инвалида появились нотки гордости.

— Всех, наверное, знаете, — подыграл майор.

— Ну а как же!

Вдруг в голову Ихсана пришла, как ему показалось, нелепая мысль, что бывалый солдат мог видеть Феридэ.

— А вы не помните, — попытался разузнать он, — недели три назад здесь была девушка...

Майор подробно описал Феридэ. Внимательно выслушав, безногий задумался. По задрожавшим на его висках жилкам было видно, что он напряженно пытается вспомнить девушку, о которой шла речь.

— Нет, не знаю такой, — через минуту отрезал бывалый солдат. — Если и была, то однажды...

Ихсан решил попробовать еще раз.

— А парня — сухопарого такого, рыжего, в очках — не знаете?

Калека, взмахнув руками, без промедления ответил:

— Студента, что ли?

Ихсан оживился:

— А почему вы решили, что он студент? Ведь у вас в городе университета нет...

— Нет, — согласился калека, — но на каникулах у нас бывает много студентов. Они все как на одно лицо. Каникулы кончаются — уезжают. А этот остается, как белая ворона... Частенько тут бывает. Придет в аллею, сядет и книжку читает. Говорят, у его дяди целый пансион есть.

— Пансион?! — оторопел майор.

— Да, для бедных. Он и мне предлагал туда ехать.

— Почему же не поехали?

— Не доверяет ему наша братия, я имею в виду старожилы... И я тоже не верю.

— Но ведь пансион гораздо лучше ночлежки... — удивился Ихсан.

— Так-то оно так, — покачал головой собеседник. — Но я что-то не припомню, чтобы потом те, кто туда отправлялся, еще хоть раз попадались мне на глаза...

— А что, он всем предлагает?

— Сначала всем, а теперь все больше чужим... Наши-то его знают. Даже прозвали рыжим муравьем.

— Рыжий муравей?

— Да. Слишком уж настырный... Так его одна острая на язык баба обозвала, когда студент свел ее мужика. С того времени так и пошло — рыжий муравей да рыжий муравей...

— Не любите вы его что-то, — заметил майор.

— А за что его любить?

Ихсан почувствовал, что нашел верного союзника в своих поисках и поэтому решил открыться.

— У меня к вам дело, — осторожно начал он. — Ведь я не просто так спрашивал о девушке...

— Я догадался. — Калека посмотрел в глаза майору. — Столько людей перевидано! Вы мне сразу понравились. И не подумайте, что из-за денег... Короче, выкладывайте, в чем ваше дело.

— Пропала моя любимая, — без предисловий сообщил майор, решив, что оговорки только осложнят и без того запутанное дело.

— Просто и ясно, — поддержал бывалый солдат. — Люблю, когда так напрямик. Но хочу задать один вопрос: она что — из нищенок?

— Нет, — пояснил Ихсан. — Просто, когда она приехала сюда, была без гроша в кармане. Так получилось... К тому же ей пришлось на перекладных долго ехать, а здоровье у нее не так чтобы хорошее...

— Понятно, — кивнул головой инвалид. — Дальше.

— Человек, который подвозил ее на баркасе, видел, что девушку увел ваш... — майор вдруг замялся, но, вспомнив кличку, досказал: — рыжий муравей.

Калека задумался.

— Но есть еще одна задачка, — продолжил Ихсан. — Я объездил все пансионы в Варне и окрестностях. Моей любимой там не было... Где же тогда находится пансион дядюшки студента?

— Этого никто не знает, кроме тех, кто туда поехал, но они почему-то не возвращаются и не могут рассказать об этом.

— Не слишком ли много тайн вокруг скромненького студента?! — начал заводиться Ихсан, непроизвольно сжимая кулаки. — Может, мне подойти к нему и как следует разобраться?

— Если бы мне мои ноги, то я, окажись на вашем месте, так бы и сделал, — полугрустно-полуиронично проговорил инвалид и, хитро усмехнувшись, добавил: — А потом бы... угодил в тюрьму, к большой радости рыжего муравья.

Майор молчал, вопросительно поглядывая на своего собеседника. Тот, выдержав небольшую паузу, полусшепотом продолжил:

— Я знаю, что за свою безопасность он платит дежурному полицейскому...

— Что же мне делать?

В ответ бывший солдат лишь пожал плечами.

— Но мне нужно попасть в этот пансион! — не сдавался молодой человек.

— А пансион ли это? — в унисон мыслям Ихсана проговорил калека.

— Это уже не важно!

— Не горячитесь! — попытался успокоить своего нового друга бывший солдат. — Поспешность никогда никому не помогала. Вы лучше подумайте.

— Может быть, мне проследить за ним? — предложил Ихсан. — Или порасспросить извозчиков?

— Говорят, он обыкновенно едет куда-то за город, так что проследить за ним и остаться незамеченным не получится. А что касается извозчиков, то рыжий муравей ездит на коляске со своим возничим. Она обыкновенно стоит там. — Калека указал на правый край площади. — Когда с кем-нибудь из нищих он выходит на площадь, коляска трогается, и как бы невзначай студент останавливает ее...

— Неплохо, — прокомментировал майор и задумался.

— Просто не знаю, что вам и посоветовать, — подвел итог своему рассказу инвалид. — Думайте сами... А помочь я всегда помогу.

Лицо Ихсана вдруг просияло:

— А что, если студент сам меня пригласит?

Инвалид с недоумением посмотрел на молодого человека.

— Это каким же образом?

Майор улыбнулся:

— Разве я не похож на нищего?

Скорчив гримасу, калека проговорил:

— Даже если вы оденетесь в лохмотья, ваше лицо, манеры и руки выдадут вас.

— Зато у меня есть опыт в этом деле, — весело ответил Ихсан, вспомнив, как однажды, для того чтобы добиться расположения Феридэ, ему уже приходилось перевоплощаться в бедняка.

— Не получится, — замотал головой инвалид.

— Ну, это мы еще посмотрим...

11

Как и было условлено, через несколько дней в номер Ихсана постучался какой-то оборванец и сообщил, что рыжий муравей на вокзале и инвалид ожидает офицера.

— Хорошо, — ответил майор, — я сейчас приду.

Дождавшись, пока оборванец исчезнет за дверью, Ихсан переоделся и подошел к зеркалу. Содрогнувшись от увиденного и оставшись довольным собой, он спустился в холл, и под недовольные возгласы портье вышел на улицу.

Погода для конца октября была просто замечательная. Светило солнце, дул легкий ветер, под ногами шелестела листва. Не пройдя и ста метров, Ихсан вдруг почувствовал, что уже успел натереть мозоли на ногах — найденные им на свалке ботинки оказались на несколько размеров меньше. Страшно зудело тело, ведь несколько дней майор вынужден был не пользоваться душем. К волосам он и вовсе боялся прикоснуться после того, как посыпал их песком и вылил сверху стакан компота. Новая роль явно смущала офицера, но что было делать! Ради того, чтобы отыскать Феридэ, сейчас он был готов даже свои тонкие интеллигентские пальцы сделать квадратными. Но, к большому огорчению Ихсана, это оказалось невозможным, а потому он выбрал себе роль спившегося инженера. Сунув руку в нагрудный карман ветхого пальто и нащупав там револьвер, майор недовольно покачал головой. «Главное, не делать таких ошибок», — подумал он и, забравшись в карман, расположенный с другой стороны, достал двухсотграммовую плоскую бутылочку с какой-то вонючей брагой. Остановившись и прикрыв одной рукой нос, он выпил половину ее содержимого и, заткнув горлышко скрученной из бумаги пробкой, возвратил емкость на прежнее место.

Вначале Ихсан почувствовал себя отвратительно, но потом стало немного лучше, а еще через некоторое время и вовсе хорошо. По крайней мере теперь майора не беспокоили взлохмаченные и скрутившиеся в сосульки волосы. Им овладело полное безразличие к своему внешнему виду. «Начинаю вживаться в образ», — с радостью отметил он, заметив, что вначале пялившие на него глаза прохожие теперь стали отводить взгляд.

Согласно договоренности, инвалид ожидал офицера на прежнем месте, у входа в зал ожидания. Когда Ихсан подошел к своему «компаньону по делу», на лице у того появилось искреннее удивление.

— Ты чем это себя так разукрасил? — не скрывая любопытства, спросил инвалид.

— Что? — не понял Ихсан, о чем идет речь.

— Я про лицо, — пояснил бывший солдат. — Где столько синяков заработал?

— Упал, — небрежно ответил Ихсан, вспоминая вчерашнее приключение в ночном городе, когда, подумав о пущей убедительности, он решил нарваться на разгулявшуюся компанию подвыпивших в борделе матросов.

— Понятно, — кивнул инвалид и с ног до головы окинул Ихсана взглядом. — А в общем-то неплохо...

Офицер, сгорая от нетерпения, спросил:

— Где студент?

— В начале аллеи, на лавке. Только не оборачивайся, он на нас смотрит.

Ихсан согласно кивнул головой и тихо проговорил:

— Я, пожалуй, попробую...

— С Богом, — перекрестил его калека.

Немного прогулявшись по морскому вокзалу, майор наконец оказался в аллее и, подойдя к лавке, опустился рядом с рыжеволосым парнем. Тот, не обратив никакого внимания на подсевшего мужчину, продолжал читать книгу. «Неужели я не заинтересовал его?» — с тревогой подумал Ихсан и, достав из нагрудного кармана бутылку с брагой, сделал несколько глотков. Затем он старательно закупорил бутылку и собирался уже было положить назад, как вдруг, передумав, протянул ее студенту:

— Хочешь?

Молодой человек лишь повел носом.

— Я не пью.

— И правильно! — протянул Ихсан, озадаченный таким неудачным началом.

Майор ожидал, что, как только подсядет к студенту, тот сразу же начнет уговаривать его поехать в пансион. Но студент с безразличным видом уставился в свою книгу, и казалось, ничто не могло оторвать его от этого занятия.

— Между прочим, — причмокнул Ихсан, продолжая держать в руках бутылку, — я тоже образованный...

Студент не издал ни звука, лишь, поправив очки, перелистнул страницу.

— Ой-ой-ой, какой гордый!.. Я тоже был таким когда-то, а что теперь? — Майор решил форсировать события. — Что теперь, я у тебя спрашиваю?

— Отстань, — махнул рукой рыжий, словно прогоняя назойливую муху.

— Конечно, теперь мне все так говорят: отстань, — не сдавался Ихсан. — А когда-то ходили передо мной на задних лапках и заискивающе смотрели в глаза.

Вытащив из бутылки пробку и зло отшвырнув ее в сторону, майор в несколько глотков опорожнил емкость. Он окончательно сбился с толку и теперь уже совершенно не знал, как поступить дальше. Студент же, по-видимому, не испытывал никакого желания заниматься тем, что проделывал в этом месте не один раз. Неожиданно мысли майора прервал корабельный гудок. К пристани причаливал пароход. Сосед по лавке тоже обратил внимание на подплывающее судно. Он оторвал взгляд от книги и поверх очков посмотрел на пароход.

— Ждешь кого? — поинтересовался Ихсан.

Студент опустил глаза в книгу, показывая, что не имеет никакого желания вступать в разговор. Майор засунул руку в боковой карман пальто и нащупал там коробку. В нее, еще в гостинице, он положил загодя приготовленные окурки сигарет. Подбирать на улицах не решился и поэтому, купив в лавке пачку, он несколько часов потратил на то, чтобы привести сигареты в надлежащий вид. Достав из коробки окурков, офицер воткнул его в рот и, толкнув студента в плечо, громко спросил:

— Огонек есть?

Состроив недовольную гримасу, рыжий полез в карман пиджака и достал оттуда коробок спичек.

— Возьми, — небрежно сказал он.

Взяв коробок, Ихсан зажег сигарету и протянул спички обратно:

— Благодарствую.

— Возьми их себе, — брезгливо ответил парень и, видимо, желая избавиться от следующей подобной просьбы, добавил: — Хоть будет от чего прикурить.

— А ты не жадина, дружище! — отреагировал Ихсан, стараясь не показать своей

тревоги.

Но студент, не обращая совершенно никакого внимания на его реплики, принялся внимательно рассматривать покидающих паром людей. Неожиданно глаза рыжего радостно сверкнули. Заметив это, майор вновь переключился на паром. Все пассажиры уже вышли, и по совершенно пустому трапу спускалась лишь закутанная в лохмотья женщина с ребенком на руках. «Ах вот что тебя заинтересовало! — догадался Ихсан и про себя выругался: — Я, значит, не подхожу! Ну и мерзавец же ты, рыжий!»

— А меня вот никто не встречает... — сделав затяжку и выпустив дым кольцом, протянул офицер, намереваясь возвратиться к прерванной теме.

Однако начатая фраза так и повисла в воздухе. Студента уже не было на прежнем месте. Он, широко размахивая тонкими костлявыми руками, шел рядом с женщиной и о чем-то говорил. Складывалось даже такое впечатление, что именно ее парень и дожидался весь этот день. Женщина, как бы соглашаясь, время от времени кивала головой, при этом посматривая на укутанного в ветхое одеяло ребенка. Студент, продолжая болтать, незаметно для своей попутчицы поднял руку и, словно подзывая к себе кого-то, призывно помахал. Коляска, стоявшая на краю площади, тронулась с места...

Ихсан растерянно посмотрел на инвалида. Тот лишь пожал плечами. Их заранее продуманный и просчитанный до мелочей план явно провалился. Офицеру не оставалось ничего другого, как быть лишь свидетелем дальнейших событий.

Тем временем коляска подкатила к студенту и нищенке. Женщина, передав парню ребенка, залезла в коляску, но потом вдруг непонятно почему вылезла оттуда и, забрав назад своего младенца, поспешила прочь. Рыжий бросился за ней, продолжая уговаривать. Однако нищенка, отрицательно покачав головой, ускорила шаг, направляясь к зданию морского вокзала. Студент прекратил свое преследование и раздосадованно хлопнул руками о брюки. Постояв с минуту и как будто о чем-то вспомнив, он заспешил в сторону скамейки, на которой сидел майор. Ихсан, заметив, что рыжий возвращается, сделал вид, что решил вздремнуть.

Студент, подойдя к скамейке, опустился рядом с офицером. Тяжело вздохнув, он впервые обратился к своему соседу:

— Вы это видели?

Не открывая глаз, Ихсан слегка посапывал.

— Нашел место где развалиться! — раздраженно произнес рыжий и сбросил со скамейки лежащую рядом с Ихсаном пустую бутылку.

Майор недовольно пошевелился.

— Ты что, здесь ночевать собрался? — грубо проговорил рыжий.

— Что? — просипел офицер и открыл глаза.

— Я говорю, что если ты собрался здесь переночевать, то у тебя ничего не получится.

— Это почему же?

— Вон там видишь полицейского? — Студент указал рукой на стоявшего у здания стража порядка. — Так вот. Он отведет тебя в участок и получит за это благодарность от своего начальства. А он ведь хочет получить благодарность...

Рыжий явно начал шантаж, и Ихсан, почувствовав это, решил помочь соседу.

— Что же мне делать? — испуганно произнес он.

— Я могу тебе помочь с жильем.

— Но мне нечем платить.

— А это и не нужно.

Ихсан с любопытством посмотрел на студента и, торжествуя в душе, недовольно произнес:

— Небось опять какая-нибудь помойка...

— Неужели я похож на содержателя помойки? — обиделся парень.

— Да и я думаю, что вроде бы нет.

— У меня есть дядя...

— Дядя? — перебил его майор, радуясь, что наконец-то настало время отыграться. — А у меня вот дяди нет... Умер бедняга в прошлом году...

Офицер для большей убедительности пустил слезу.

— Если ты хочешь, чтобы я тебе помог, то помолчи, — разозлился студент.

— Тс-с-с! — Ихсан приложил палец к губам. — Как рыба...

— Так вот... — Рыжий вдруг остановился, ожидая очередной реплики своего соседа, но майор промолчал.

Ихсан украдкой взглянул на инвалида — тот во все глаза пялился на них.

— Мой дядя богат и добр. А для таких, как ты, он содержит пансион.

— Целый пансион? — изумленно покачал головой офицер. — Мне еще не приходилось встречать богатеев, готовых выбрасывать деньги на нищих... Хотел бы я на него хоть одним глазом взглянуть...

Студент обрадовался.

— Вот это я тебе и предлагаю!

— Ну да! — В глазах липового бездомного появилось что-то наподобие недоверия.

— Кроме того, — воодушевился радетель, — у тебя будет даже своя комната.

— Наверное, твой дядя — бог...

Скромная улыбка озарила лицо рыжего.

— Просто у него доброе сердце...

— И тяжелый карман, что тоже немаловажно... — осек собиравшегося перейти на поэтические образы студента Ихсан.

Тот растерялся от неожиданного продолжения своей тирады и, позабыв о том, что собирался сказать, сухо произнес:

— Так вы едете?

— Более привлекательных предложений на сегодняшний вечер у меня не было...

12

Коляска выехала на окраину города и катила по разбитой дождями и временем дороге. Ихсан молчал, слушая неумолкаемую болтовню студента обо всех прелестях жизни в пансионе и душевных качествах его дяди.

Наконец они въехали во двор какой-то усадьбы, и возникший громким «тр-р-р» остановил лошадь.

— Вот мы и на месте, — объявил студент и выпрыгнул из коляски.

Майор последовал за ним. Оказавшись на твердом грунте, Ихсан огляделся. Среди раскидистых деревьев, разбросанных по всей усадьбе, и мелких подсобных построек возвышались два здания: высокий каменный флигель с остроконечной крышей и небольшой одноэтажный домик из тесаных бревен.

— Вот это и есть пансион. — Рыжий указал пальцем на деревянный домик. — Там ты и

будешь жить.

Ихсан зашагал к домику.

— Эй, ты куда? — остановил его голос студента. — Вначале мы должны познакомиться с дядей.

— Ах, да, — вспомнил майор и вернулся назад.

— Нравится? — поинтересовался рыжий.

— Аккуратный дворик, — заметил офицер. — Да и домик вроде бы получше ночлежки... Чисто вокруг.

— О, аккуратность и чистота свойственны моему дяде! — воскликнул парень. — Он ведь немец.

— А живет дядя, конечно, там? — Ихсан указал на флигель.

— Да. Как раз сейчас я и собирался отвести вас туда. Нужно решить кое-какие формальности.

— Так, значит, от меня что-то требуется?.. Но у меня нет даже документов...

Студент усмехнулся:

— Не беспокойтесь. От вас ничего не требуется, кроме вас самих. Идем.

Вслед за студентом Ихсан поплелся во флигель. Поднявшись по винтовой лестнице на второй этаж, они очутились перед закрытой дверью.

— Можно? — постучался рыжий.

— Да-да, — донесся голос.

Студент не спеша открыл дверь, и майор увидел сидящего за кедровым столом лысого мужчину. На носу у него поблескивали очки. Офицеру почему-то сразу пришла аналогия между сверкающей лысиной и блеском очков. Он хотел было даже отпустить на этот счет комплимент сверкающему родственнику рыжего, но сдержался.

— Ну, как вам, профессор, мой новый экземплярчик? — засуетился студент, указывая на свою добычу. — К тому же интеллигент!

— Та-а-ак, — протянул лысый, внимательно разглядывая гостя. — Как зовут?

— Христо, — пробубнил Ихсан наспех придуманное имя и, не спрашивая разрешения, уселся в кресло напротив профессора.

— Кем работаете?

— Да уже давно как не работаю...

— Почему?

Ихсан на мгновение опешил. Во-первых, потому, что вся эта процедура ему напоминала допрос, а во-вторых, он просто не знал, что бы такое соврать насчет работы.

— Я был инженером на шахтах в России... Приехал лишь год назад...

Профессор спросил что-то по-русски.

— Да мне и там было трудно с этим языком, — по-болгарски ответил майор, понимая, что насчет работы выкрутился не лучшим образом.

— Ясненько, — проговорил лысый и, сурово посмотрев на студента, спросил: — И где же ты выкопал этот экземплярчик?

— На вокзале. Где же еще... — пожал плечами студент, почему-то начиная волноваться. — Этот пьянчужка чуть ли не сам напросился...

Профессор подозвал к себе рыжего и что-то прошептал ему на ухо. Тот неожиданно побелел и выбежал за дверь. Ихсану стало тревожно на душе. Он сделал несколько грубейших ошибок и теперь понимал, что нужно быть осторожнее.

Рыжий возвратился минут через пять, держа в руке колбу с прозрачной жидкостью. Профессор достал из стола стакан и, поставив его на стол, взял из рук студента колбу. Налив до половины в стакан прозрачную жидкость, лысый подвинул его к Ихсану.

— Вы работали в России, значит, должны любить русскую водку.

— Но я хотел бы выпить с вами, — решил перестраховаться майор.

— О, нет, нет, — замахал руками профессор. — Я такие крепкие напитки не пью. А вам, по-моему, в самый раз... Пейте, не стесняйтесь.

Ихсан предположил самое худшее. Майору показалось, что его инкогнито раскрыто и теперь с помощью снотворного или какого-нибудь яда хозяин хочет избавиться от непрошеного гостя. Однако это было лишь предположение.

— Вы не пьете водки? — удивленно спросил офицер.

— Нет.

Ихсан указал на колбу.

— Значит, это все мое?

— Ну конечно, — улыбнулся хозяин усадьбы. — Все ваше. Смелее.

Майор чувствовал, что не должен пить, и поэтому тянул время. Но также он понимал: если его еще не разоблачили, то после отказа сделают это наверняка. Решение пришло само собой. Ихсан взял колбу с оставшейся водкой и пододвинул стакан к себе, оставив на самом краю стола.

— Я долью?

— Как вам будет угодно.

Майор опрокинул колбу, стараясь наливать так, чтобы выступающая над столом часть стакана перевесила. Наконец стакан не удержался на поверхности и, слегка качнувшись, свалился на пол.

— Ай-яй-яй! — простонал офицер и, поставив колбу на стол, нагнулся за стаканом.

— Ай-яй-яй! — услышал он на этот раз голос студента, а за ним и звон бьющегося стекла.

Разогнувшись, Ихсан растерянно произнес:

— Столько добра загубил.

— Ничего, ничего, — раздосадованно проговорил лысый. — Сейчас студент все уберет.

Рыжеволосый юноша исчез за дверью. Профессор взглянул на ручные часы и недовольно замотал головой:

— Меня ждут мои пациенты... Извините, я должен минут на двадцать отлучиться.

Встав из-за стола, он вышел, оставив дверь приоткрытой. Ихсан, оказавшись один, решил, что пришло время действовать. Его еще в самом начале привлекла кipa разложенных на столе бумаг. «В них могут значиться имена тех, кто попадал к профессору», — подумал Ихсан и принялся бегло просматривать исписанные мелким почерком листки. К его большому огорчению, большинство из них было написано на немецком языке. Ему также удалось отыскать какие-то списки с пометками на латыни, но содержания их майор не смог понять. Наконец в его руки попала тетрадь и... «О, Аллах всемогущий! — содрогнулся Ихсан. — Это же дневник Феридэ!» Майор открыл последнюю исписанную почерком любимой станицу и прочитал:

«Сегодня во сне я видела Смерть... Она сказала мне, что вернется через несколько дней, чтобы забрать меня навсегда...

Это был всего лишь сон, но я чувствую, что действительно больше трех дней вряд ли протяну...

Каждое слово, выведенное в дневнике, мне дается с трудом. Руки отказываются повиноваться...

Уже больше недели я не в силах подняться... Меня пичкают каким-то странным лекарством, от которого становится хуже и хуже... Я говорила об этом доктору, но он считает, что нужно продолжать прием его препарата... На всякий случай — прощайте...

Феридэ».

Вместо даты под записью была нарисована девочка, а рядом с ней орнамент. «Неужели я опоздал?» — с ужасом подумал Ихсан.

— Вы любите художественную литературу? — обжег майора внезапно раздавшийся голос.

Он обернулся и увидел в дверях профессора. Дальше играть не имело смысла, и поэтому офицер открыто спросил:

— Где Феридэ?

— Вас интересует судьба этой женщины? — иронично усмехнулся хозяин усадьбы.

— Да.

Профессор не спеша прошел через всю комнату и уселся за свой рабочий стол.

— Она покинула нас... Такой ответ вас устраивает? — Взгляд хозяина усадьбы, казалось, проникал сквозь Ихсана.

— Нет.

— Вам не кажется, что вы недостаточно интеллигентны? Задавать вопросы и что-то требовать в этом доме — моя прерогатива. Вы что, думаете, я поверил хоть одному вашему слову? Да посмотрите на себя — у вас походка военного, не говоря уже об остальном... Лучше признавайтесь: на чью разведку вы работаете. Я знаю, что вас интересует не женщина, а мой препарат!

— Препарат? — растерялся офицер.

— Не строите из себя дурачка! Маскарад окончен. Признайтесь, вы же знали, что я синтезировал вещество, способное двигать армиями... Его я так просто не отдам в чужие руки. Возьмите эти слова на тот свет...

Шестое чувство подсказало Ихсану о надвигающейся со спины опасности, и он резко отскочил в сторону. Мимо него, налетев на стол, проскочил студент, держащий в руках какую-то тряпку. По комнате разнесся запах хлороформа.

— Я ведь так просто не дамся, — предупредил майор, отходя к стене.

Студент, оправившись от неудачной попытки и держа в руке тряпку, словно зная, сделал несколько шагов к Ихсану. Однако тощий юноша не представлял для майора особой опасности. Было достаточно только одного удара, чтобы нападавший распластался на полу и уже не в силах был подняться по крайней мере в ближайший час.

Дальнейшие события произошли так быстро, что Ихсан даже не успел глазом моргнуть.

Профессор рванул на себя ящик стола, и через мгновение в его руке оказался пистолет. Рука майора машинально опустилась в нагрудный карман, и пальцы сжали рукоять револьвера. Он даже не успел вынуть оружие, как прогремел выстрел. Но лысый оказался плохим стрелком. Ихсану лишь обожгло плечо. Так и не доставая из-под пальто револьвера, офицер нажал на курок. Профессор как-то неестественно откинулся на спинку кресла,

голова его упала набок, а на пиджаке выступило темное кровавое пятно. Ихсан посмотрел на лицо профессора и понял, что тот мертв. К своему большому огорчению, он осознал и то, что теперь уже лысый ученый ни о чем не сможет рассказать ему.

Майор рванулся к студенту и, несколько раз ударив того по щекам, привел в сознание. Увидев в кресле безжизненное тело дяди, рыжий весь затрясся и истерично закричал:

— Не убивайте меня! Не убивайте.

— Где Феридэ? — приподняв парня за грудки, спросил офицер.

— Я не знаю... — зарыдал студент.

— Быстро! — пригрозил револьвером Ихсан. — Мне уже терять нечего. Подумай о себе...

— Ее здесь нет. — На лице рыжеволосого юноши отразился ужас.

— Она умерла? Отвечай немедленно! — Майор изо всей силы затряс студента.

Тот лишь всхлипывал.

— Она умерла?

Рыжий кивнул головой.

— Ну и мерзавцы же вы! — Ихсан выпустил из рук юношу и распрямился.

Он понимал, что нужно спешить. Ведь ему вряд ли бы поверили, что все это было лишь в целях самообороны. Кто бы стал выяснять настоящие причины и оборонять какого-то приезжего турка?.. Тем более что профессор входил в высший свет общества в городе, и власти, пожалуй, не преминули бы воспользоваться этим случаем, чтобы лишний раз напомнить всем, какая расплата ожидает того, кто решится замахнуться на жизнь элиты.

Осмотревшись, Ихсан схватил со стола дневник Феридэ и, быстро спустившись по винтовой лестнице, выбежал во двор. Миновав одиноко стоящую посреди двора распряженную коляску, он, едва не сорвав с петель дверь, вломился в деревянный домик, служивший пансионом. Испуганная до смерти старушка, сидевшая у двери, вскочила со своего места и прижалась к стене. Майор подбежал к одной из расположенных в коридоре дверей и дернул за ручку. Дверь оказалась запертой.

— Ключи! — крикнул он старушке.

Та дрожащей рукой отдала висевшую у нее на поясе связку.

Ихсан, постоянно путая ключи, отмыкал одну дверь за другой, но среди лежащих на кроватях людей так и не нашел Феридэ.

Возвратившись во двор, он заметил неподалеку от коляски безмятежно шиплющую траву лошадь. Майор бросился к ней и, с разбегу вскочив верхом, потянул за поводья.

13

До отплытия корабля оставалось около трех часов. Вещи уже были упакованы, и майор, понимая, что не в его интересах лишний раз показываться людям на глаза, решил переждать это время в своем номере. Он достал из дорожного чемодана дневник Феридэ, прилег на кровать и открыл исписанную почерком любимой тетрадь.

Каждый день потом он перечитывал ее дневник по нескольку раз, но после очередного прочтения открывал для себя что-то новое в характере женщины. Только теперь он смог по-настоящему понять мысли Чалыкушу о том, что ее муж жив. Ведь описанные ею чувства в этот момент он переживал сам.

Ихсан не мог поверить в то, что уже больше никогда не увидит любимую женщину. Одна только мысль об этом приносила ему нестерпимую боль и страдания. Может быть, и

перечитывал он дневник потому, что хотел почувствовать Феридэ рядом с собою, а может, искал в нем опровержение ее смерти. Впрочем, он и сам толком не мог объяснить этой своей привязанности к тоненькой тетрадке. Каждый раз, когда он пробежал глазами последние строки, взгляд его упирался в нарисованную маленькую девочку и знакомый орнамент. «Пожалуй, пребывание в деревне Н... в замысловатом теремке Милана и Цветаны было нашим лучшим временем, — думал Ихсан. — Это была вспышка света среди кромешной темноты непонимания. Наверное, и Феридэ наконец-то это осознала, если последним, что вывела ее милая ручка, оказался орнамент, смысл которого был знаком лишь ей и мне...»

Из задумчивости Ихсана вывел стук в дверь.

— Войдите, — хладнокровно произнес он, решив, что полиция все-таки вышла на его след.

Но на пороге показалась молоденькая горничная,

— Извините, я знаю, что вы собираетесь уезжать... Может быть, хоть позавтракаете перед дальней дорогой?

— Нет, не хочется, — помотал головой офицер, досадуя, что его оторвали от дневника.

— Как пожелаете, — ответила девушка, опустив руки в кармашки передника и показывая своим видом, что собирается уходить.

— Подождите. — Голос Ихсана стал мягче. — Возьмите вот это.

Майор протянул девушке несколько купюр. Девушка вынула руку из кармашка и взяла деньги.

— Благодарю вас, господин, — поклонилась горничная и выскочила за дверь.

Ихсан вдруг заметил на полу, на том месте, где только что стояла девушка, слегка помятый листок бумаги. Машинально он поднял его. На листке карандашом был нарисован молодой человек, дарящий девушке свое сердце. Рисунок не отличался особой художественностью, но майор подумал, что для девушки он мог быть большой ценностью. Выглянув за дверь, Ихсан окликнул горничную:

— Девушка, вы потеряли одну вещь.

Служанка тут же возвратилась. Майор протянул ей листок и виновато проговорил:

— Извините, я невольно посмотрел, что там!?

Лицо девушки покрылось румянцем.

— Это письмо моего любимого... — как бы оправдываясь, произнесла она.

— Письмо? — удивился офицер.

— Да, просто Илия неграмотен, но зато он может нарисовать все, о чем думает.

— А как же он вас на свидания вызывает?

— Ну, это совсем не сложно, — махнула рукой девушка. — Достаточно нарисовать, где он будет ждать, а я уже без труда найду.

— Да-а-а, — улыбнулся Ихсан, — романтичная у вас любовь.

— Извините, — заспешила вдруг девушка, — у меня много дел, и я должна со всеми управиться.

— Да, конечно, — кивнул головой майор, закрыл за горничной дверь и, вновь опустившись на кровать, открыл тонкую тетрадку на последней страничке.

Задумчиво разглядывая нарисованную девочку и орнамент, Ихсан неподвижно провалялся в кровати еще некоторое время. Потом вдруг, посмотрев на часы, спохватился.

До отплытия оставалось двадцать пять минут. Вскочив с кровати, майор схватил за

ручку дорожный чемодан и быстрым шагом направился к выходу из гостиницы. Там его уже давно ожидал извозчик. Забросив на сиденье чемодан, офицер вскочил в коляску и скомандовал:

— В порт.

Извозчик хлестнул лошадь, и коляска тронулась с места. «Вот и все, — думал Ихсан, глядя на дома и улицы Варны прощальным взглядом. — Пршлое безжалостно покидает меня...» Все события минувшего года словно в калейдоскопе промелькнули перед ним, как совсем недавно листки дневника Феридэ. Ему почему-то вспомнилась девочка горничная, ее робкое признание и... рисунок. «Как ни странно, но даже сейчас я очень многим обязан Феридэ, — подумал майор. — И в первую очередь тем, что она научила меня верить в невозможное...»

— Останови коляску! — крикнул он возничему.

Тот потянул за поводья. Когда лошадь застыла на месте, возничий обернулся на своего пассажира и удивленно спросил:

— Мы что, не едем?

— Едем, — улыбнулся офицер, — но совершенно в другую сторону.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Я листаю странички своего дневника и с интересом перечитываю написанное. Оно напоминает мне французский приключенческий роман. Неужели все это происходило со мной? Если бы кто-нибудь прочитал мой дневник, то подумал бы: «Это не может быть правдой... Какая-то любительница острых ощущений решила заняться литературой, вот и строчит невесть что...»

Самое удивительное, если бы мне дали прочитать подобное, я бы подумала так же.

Как давно все случилось... Уже полгода я в Турции и почти забыла об этом путешествии. Лишь мои записи напоминают о днях, проведенных в Болгарии.

Только вчера Ихсан протянул мне дневник со словами:

— Феридэ, я сохранил тетрадь для тебя как память.

— О Аллах, а мне помнится, что она осталась у профессора. — Моему удивлению не было предела.

Ихсан загадочно улыбнулся:

— Дневник давно у меня, но отдавать его не хотелось...

— Почему?

— Моим желанием было уберечь тебя от неприятных воспоминаний. Я соврал, что не знаю, где тетрадь, когда ты спросила об этом, — признался офицер.

— Милый, обиды на тебя я не держу, но больше никогда этого не делай, — попросила я. — А теперь, если можно, позволь мне почитать свои записи в одиночестве.

Ихсан, всегда понимающий меня, с поклоном удалился.

Я несколько часов перечитывала замусоленную тетрадку и, когда закрыла последнюю страничку, решила: «Нельзя все оставить в таком незаконченном виде. Тем более мне хочется еще раз окунуться в те события. Ведь они перевернули многое в моей жизни».

Грызая ручку, я раскрыла чистую страничку и...

Варна, пансион, 10 ноября (даты я расставляла уже позднее, поэтому не ручаюсь за их точность).

Я догадывалась, что доктор Штольц читает мой дневник. Но когда? Я же ни на минуту не выпускала его из рук. Даже когда спала, клала тетрадь под подушку. Но профессор, видимо, нашел выход из этой ситуации. Подозреваю, что он подсыпал мне снотворное за обедом, а когда я засыпала, спокойно читал записи. Поэтому я уже давно не писала всей правды. Даже история с князем Орловым верна лишь наполовину. Но напишу все по порядку.

Улучив минуту, когда Штольц вышел из комнаты, Орлов приблизился ко мне вплотную и прошептал прямо на ухо:

— Феридэ, не обижайтесь на меня... Чтобы искупить вину, предлагаю свою помощь...

Я, едва оправившись от шока, наступившего после встречи с князем, ответила:

— Почему вы решили, что нужна ваша помощь?..

Орлов, глядя мне прямо в глаза, проговорил:

— Феридэ, я прекрасно понимаю, что это за больница... Мы со Штольцем давние друзья.

Я вздохнула:

— Ничего не выйдет... Я уже пробовала убежать отсюда, используя племянника доктора.

Мужчина протестующе поднял руку:

— Доктор очень умен и расчетлив. Я его хорошо знаю. Давайте воспользуемся именно этим. Вы согласны?

Мне было трудно довериться князю после всего, что он мне сделал. Но иного выхода не было. Я осталась совсем одна, и надо было рискнуть.

— Согласна, — кивнула я в ответ.

— Сейчас мне пришла в голову одна интересная идея, но все это надо хорошенько обдумать и обсудить, — растягивая слова, сказал князь и, посмотрев на дверь, предостерегающе произнес: — Тихо, кажется, появился доктор.

Когда вошел Штольц, мы как ни в чем не бывало играли на рояле в четыре руки. Профессор, немало удивившись, проговорил:

— Вы еще и прекрасная пианистка, Феридэ. Вот с какими кадрами приходится работать.

Поняв, что эти слова были адресованы ему, Орлов поддержал беседу:

— О да! Мне бы такую пациентку.

Счастливо потирая руки, Штольц зашагал по комнате.

— Князь, вы же не доктор. Станьте им, и, кто знает, может, я одолжу вам на день прекрасную турчанку.

Вскочив на ноги, я негодуяюще произнесла:

— Мы же договорились, профессор, что вы будете вести себя пристойно, без соленых шуточек. Я не ваша собственность! Запомните это раз и навсегда.

— Хорошо, хорошо, не кипятитесь, — миролюбивым тоном произнес доктор и предложил князю: — Перекинемся в карты?

Орлов пожал плечами:

— С удовольствием.

Мужчины вышли в соседнюю комнату, оставив меня одну. Как всегда после обеда, меня потянуло в сон. Едва дойдя до своей комнаты, я упала на кровать и провалилась в бездну.

Пансион, 11 ноября

Орлов навестил меня на следующий день. Его появление сопровождалось огромным букетом цветов и напомнило мне время, проведенное в Месемврии.

— Приветствую вас, — громко произнес Орлов и, поймав мой недоуменный взгляд, успокоил: — Профессор разрешил. Он считает, что знаки внимания вам полезны.

Растерянно осмотревшись вокруг, я развела руками.

— Самое ужасное, что эти прекрасные цветы некуда даже поставить.

Князь, положив розы на постель, обвел глазами комнату.

— Больше напоминает тюрьму, чем санаторий.

— Не я выбирала себе апартаменты, — почти грубо я оборвала Орлова.

Мужчина пожал мне руки, как бы желая успокоить этим жестом.

— Скоро, будем надеяться, вы избавитесь от этой «чудесной больницы». Давайте я схожу за вазой...

Очевидно, в этом доме не любили цветов, так как князь отсутствовал довольно долго. Наконец он появился на пороге с большим кувшином и, поставив его на пол, виновато развел руками:

— Это самое лучшее, что мне удалось найти... Но, когда мы переедем ко мне, то обещаю не пожалеть для вас самой лучшей антикварной вазы.

Я постаралась перевести разговор на другое:

— Князь, вы говорите, у вас есть план насчет моего побега.

Орлов улыбнулся, наверное, понимая ход моих мыслей.

— Феридэ, дело в том, что если я помогу вам убежать, то плата за это будет немалой...

Кровь прилила к моему лицу.

— Что?!

Бесстыжие глаза князя обшаривали меня с ног до головы.

— Вы считали меня рыцарем? Неужели после стольких испытаний у вас остались иллюзии? Я же не Ихсан...

Лучше бы Орлов не упоминал это имя. Я готова была разрыдаться от возмущения, но вовремя сдержалась. В конце концов, главное — убежать от доктора Штольца, а реальную помощь в этом мне мог оказать только князь. «Но если я выберусь отсюда, — подумалось мне, — то сумею избавиться от Орлова, а пока важно не переиграть... Нельзя, чтобы князь заподозрил что-либо. Нужно вести себя в меру сдержанно... Не вешаться ему на шею, делать вид, что я переступаю через свои принципы...»

— Знаете, князь, вы — подлец! — скривила я губы.

Орлов, видимо, оставшись довольным собой, рассмеялся:

— Вы открыли эту истину не первая, моя дорогая девочка.

Я сделала паузу и выдерживала ее как можно дольше. Князь немного занервничал. Я молчала. Когда наконец ситуация достигла наивысшего напряжения, я произнесла такие слова:

— Я согласна на вашу помощь.

Сверкнув глазами, Орлов хрипло произнес:

— У меня чуть не случился сердечный приступ от ваших капризов. Кто же тянет самое главное до последнего мгновения?

Мужчина с распростертыми объятиями сделал шаг в мою сторону.

— Нет! — протестующе произнесла я. — Не сейчас.

Радость на лице Орлова сменилась недоумением.

— В чем дело?

— Князь, я вас не люблю, но соглашаюсь стать вашей любовницей ради моего спасения, ведь так?

Мужчина утвердительно кивнул, не понимая, к чему я клоню разговор.

— Это сделка, — пояснила я. — Чистой воды сделка. Я буду вашей лишь тогда, когда почувствую себя в безопасности.

Князь расхохотался.

— А вы — деловой человек, Феридэ. Из вас вышел бы неплохой коммивояжер.

— Давайте оставим комплименты до лучших времен, — перебила я. — У вас, кажется, были какие-то предложения...

Орлов уже совершенно по-другому посмотрел мне в лицо. Я почувствовала, что на этот раз выиграла партию, и в глубине души благодарила Аллаха за силы, которые он мне дал.

— Я присяду, — попросил Орлов.

— Конечно, но кроме своей кровати, ничего больше не могу вам предложить, — спокойно и с достоинством произнесла я.

— Это очень приятное место, Феридэ, — попробовал пошутить князь, но мой взгляд заставил его переменить тон.

Орлов откашлялся.

— Как я уже говорил, Феридэ, доктор Штольц — очень расчетливый человек. Его математические мозги часто служат профессору хорошую службу, но на этот раз они сыграют против него. Мы с вами готовим побег. Все как полагается — с дырой в заборе и прочее. Назначаем время. Но я рассказываю об этом доктору. Он, конечно же, верит, но проверяет правдивость информации, встречая вас около знаменитой дыры. Тут вы уж должны хорошо сыграть, Феридэ. Во всяком случае, чтобы доктор не заподозрил о нашем сговоре...

— Князь, — перебила я Орлова, — у меня предложение...

— Слушаю вас. — Мужчина с интересом посмотрел на меня.

— Вы, наверное, в курсе, что в больнице я веду дневник, — начала рассказывать я, — так вот, доктор Штольц знает об этом. Он даже тайно его читает...

— Вы уверены?

— Я не расстаюсь с тетрадью, но моя интуиция подсказывает, что это так, — уверенно произнесла я.

Орлов потер подбородок.

— Интересная и неожиданная новость. Она упрощает задачу. Феридэ, представьте себе, что мы в этот момент договариваемся о побеге. В своей тетради опишите все так, чтобы заинтриговать Штольца. Я же, со своей стороны, расскажу ему то же самое.

Пансион, 20 ноября

Как прошел первый побег, я подробно описала в своем дневнике. На сегодня у нас намечена вторая попытка.

Проснувшись раньше обычного, я почувствовала неприятное волнение. Орлов, конечно,

все рассчитал правильно. Оставалось надеяться, что наш план сработает и профессор проглотит наживку. А если нет? Думать об этом не хотелось.

В дверь негромко постучали.

— Войдите, — сонным голосом произнесла я.

«Парадоксальная ситуация, — подумалось мне, — ведь дверь запирают снаружи, а когда желают войти — стучатся...»

Ключ повернулся несколько раз, и порог переступила моя надзирательница. Вчера Орлов передал мне флакон со снотворным.

— Феридэ, — предупредил он, — это очень сильное средство, и достаточно нескольких капель, чтобы человек мгновенно уснул.

— Я волнуюсь, а вдруг ничего не получится, — срывающимся голосом проговорила я.

Князь ободряюще похлопал меня по плечу:

— Главное — сделать это незаметно, а в остальном все будет нормально...

И сейчас, сквозь полуоткрытые глаза, я наблюдала за моей жертвой. Старуха убирала в комнате, с шумом вода тряпкой по полу, то и дело задевая кровать. Наконец она ушла, и я спокойно погрузилась в свои мысли: «Главное — в последний момент не струсить. Пока князь будет отвлекать профессора, я должна подлить снотворного в чашку надзирательницы».

Резко вскочив с постели, я подбежала к двери и позвонила в колокольчик. Его мне повесил доктор, чтобы можно было беспрепятственно вызывать старуху к себе. После неудачного побега профессор никогда не оставлял мою дверь открытой.

По коридору раздались шаркающие шаги. Женщина явно не торопилась на вызов. Наконец ключ повернулся, и передо мной возникла надзирательница. Хорошо, что она была немая, а так бы мне пришлось выслушивать ее ворчливые ругательства. А то, что старуха меня ненавидит, я не сомневалась.

— Принеси мне умыться и завтрак. — Мой голос приобрел командирскую интонацию.

Сверкнув глазами, женщина удалилась, не забыв запереть за собой дверь. Я прошла из угла в угол, меряя шагами свою камеру.

«Четыре метра туда, четыре обратно», — стучало у меня в голове.

Через пятнадцать минут надзирательница внесла таз с водой и вышла за завтраком. Уже почти месяц, как я видела свое лицо лишь в отражении воды. Несколько раз мне удавалось мельком взглянуть в зеркало в доме профессора, но разве для женщины этого достаточно! Из круглого таза на меня глядело осунувшееся бледное создание с синяками вокруг глаз и скорбно сведенными бровями. Я опустила ладони в воду, и незнакомка рассыпалась на множество прозрачных осколков...

На завтрак мне принесли яйцо всмятку, творог, булочку и кофе. С трудом я съела половину, и то лишь потому, что заставила себя, зная о предстоящем побеге. Старуха унесла остатки завтрака, и я с наслаждением вытянулась на кровати. Несколько часов мне можно будет спокойно подумать...

Наконец-то наступило время отправляться на прогулку. Обычно перед этим мне наносил визит профессор. Сегодняшний день не был исключением — Штольц вошел в комнату и улыбнулся.

— Как чувствуете себя, Феридэ? — скрипучий голос доктора пробирал меня до самых костей.

С трудом сдержавшись, чтобы не закричать, я как можно любезнее ответила:

— Спасибо, неплохо.

Штольц сел на кровать и принялся ощупывать меня с ног до головы.

— Сон нормальный?

— Более-менее.

— Температура?

— Немного повышена.

Профессор внимательно осмотрел мои зрачки.

— Никаких изменений. — Мне показалось, что его голос прозвучал недовольно.

— А что, разве это плохо?

Казалось, доктор не слышит меня, но последний вопрос задел его за живое.

— Слушайте, Феридэ, не лезьте не в свое дело. Радуйтесь, что я так лояльно отношусь к вам. После того, что вы выкинули на прошлой неделе... Другой бы на моем месте так бы не нянчился с вами.

Меня так и подмывало ответить Штольцу грубо, но, помня о побеге, я сдержалась.

— Простите, я забыла, что мое здоровье — секретная информация.

— Так-то лучше. — Профессор с трудом подавил гнев.

Окончив осмотр, он поднялся.

— Вы так рано уходите? — невинным голосом поинтересовалась я.

— Да. Дела...

— Какие, если не секрет? — Я не отступала.

Профессор почесал шею.

— Нет, не секрет. У меня встреча с Орловым.

Штольц не преминул обратить внимание, как яотреагирую на это известие. Мне не оставалось ничего другого, как поморщиться.

— Не выношу этого выскочку...

Похлопав отеческим жестом меня по плечу, доктор направился к выходу.

— Что поделаешь, Орлов — мой друг... А с вами мы поговорим завтра.

Когда за профессором закрылась дверь, я показала ему язык. Настроение поднялось, потому что все шло по плану.

«Орлов уже здесь... Он постарается задержать профессора как можно дольше. А мне необходимо усыпить старуху».

Когда надзирательница приносила мне обед, то всегда оставалась рядом и следила за тем, как я глотаю пищу. Часто ее пристальный взгляд мешал мне есть. Я давилась, глотала, но выгнать старуху мне не разрешал доктор.

Сегодня все было как обычно. Надзирательница на подносе принесла первое, второе, компот и, усевшись напротив меня, подперла рукой голову. Я взяла ложку и, помешивая ею суп, вдруг нечаянно опрокинула тарелку. Старуха всплеснула руками и бросилась поднимать. Пока она возилась внизу, я, отпив несколько глотков компота, быстро вылила в стакан полбутылочки заветного пузырька. Меня не смутило даже то, что доза снотворного была явно больше, чем нужно.

— Ой простите, — заохала я.

Подобрав тарелку, женщина уселась на кровать, заняв прежнюю позу. Я решила, что подходящий момент наступил.

— Вы знаете, мой компот имеет странный привкус, — раздраженно начала я, — попробуйте глоток.

С этими словами я протянула стакан старухе, моля Аллаха, чтобы все получилось. Не знаю, было ли столь сильным мое желание, или подействовало что-либо другое, но надзирательница осторожно взяла посудину и отпила немного жидкости. Недоуменно пожав плечами, она поставила стакан на поднос. Теперь оставалось только ждать. Второе блюдо я ела очень медленно, делая вид, что смакую каждый кусочек.

Когда прошло десять минут, я заволновалась — неужели не сработает? Но лекарство не подвело: старуха вдруг разом уронила голову на руки и захрапела. На всякий случай я подергала ее за плечо. Женщина никак не реагировала. Порывшись у нее в карманах, к своему огорчению, я не нашла ключа от комнаты. Это немного сбило меня с толку, но все стало вновь на свои места, когда, выбежав в коридор, я обнаружила всю связку ключей в двери снаружи. Заперев комнату, мне не оставалось ничего другого, как прихватить ключи с собой.

Хорошо, что мы с Орловым подробно обговорили план операции и даже прорепетировали неделю назад. Осторожно пробравшись в сад, я подошла к забору и, отыскав заветную доску, отодвинула ее в сторону. Прямо напротив стоял экипаж князя, и мне оставалось сделать всего несколько шагов, чтобы заскочить в него. Я перевела дыхание только тогда, когда оказалась в фаэтоне за плотно закрытыми шторками.

Время ожидания показалось мне вечностью. Сердце билось так, что еще мгновение, и оно бы выскочило из груди.

Наконец я услышала шаги и голоса. Это были профессор и князь.

— Так вы надолго уезжаете? — спросил Штольц.

— Навсегда, — был ответ Орлова.

— Неужели мы больше никогда не увидимся?

— Конечно, увидимся, но не в ближайшее время. Я страшно расстроен из-за революции в России. Ведь там осталась моя жена...

Я думала — они никогда не перестанут прощаться. Но вот Орлов уселся на козлы, и экипаж тронулся. Отъехав на безопасное расстояние, князь остановил фаэтон и тихо спросил:

— Феридэ, вы там?

— Все в порядке...

— Побудьте пока внутри. Как только выедем из Варны, я дам знать.

Князь гнал лошадей так быстро, что от тряски у меня страшно разболелась голова. Очевидно, сказывалось напряжение последних часов. Когда невдалеке показался лес, я почувствовала облегчение, предвкушая чистый воздух и хотя бы небольшой отдых.

Остановив фаэтон, Орлов помог мне выйти и, постелив плед на упавшее дерево, усадил меня.

— Как вы относитесь к небольшому пикнику? — поинтересовался князь и, не дожидаясь моего ответа, начал раскладывать на траве съестные припасы.

Наблюдая за тем, как из сумки появляются разные вкусные вещи, я проглотила слюну. Последним аккордом была бутылка коньяка. Мужчина достал бокалы и, наполнив их, один протянул мне:

— Выпейте.

Я замахала руками:

— Нет, я не буду.

Орлов категоричным тоном потребовал:

— Не отказывайтесь. Это вместо лекарства.

Чтобы не обижать князя, мне пришлось взять бокал и пригубить из него. Орлов удовлетворенно крикнул.

— Вот это правильно.

Князь протянул мне кусочек хлеба с мясом.

— Закусите.

Несколько минут мы жевали бутерброды, но вдруг мужчина нарушил молчание:

— Все прошло, как мы задумали?

— Да, — коротко ответила я, потому что откусила кусочек помидора.

— И у меня получилось... Я приехал, как договаривались, перед обедом. Штольц очень удивился, но принял старого друга. Я объяснил свой визит как прощальный. Слава Богу, у меня была веская причина — революция в России.

От неожиданного известия я чуть не подавилась.

— Революция?! — Мне вспомнился разговор князя с профессором.

— Да, но это не важно...

Отложив в сторону бутерброд, я с удивлением посмотрела на Орлова.

— Теперь я понимаю, о чем был разговор у фэтона... Как вы можете оставаться таким беспечным, если ваша жена осталась там...

Орлов недоуменно хмыкнул.

— Феридэ, успокойтесь. При чем здесь это? Главное — наш план удался!

Моему возмущению не было предела.

— Какой вы эгоист!

В голосе Орлова вдруг появились металлические нотки:

— Слушайте, не лезьте не в свое дело. Это мои проблемы, только мои... И даже вам я не позволю соваться в мою семейную жизнь.

Мне захотелось расплакаться. Приятно, конечно, что наконец-то я вырвалась из страшного плена, но какой ценой! Возможно, моя новая тюрьма еще более ужасна, несмотря на то что внешне она яркая и красивая...

Молча я встала и направилась в сторону густых зарослей.

— Вы куда? — донесся мне вдогонку голос князя.

Я не ответила ему, лишь неопределенно махнула рукой.

Продираясь сквозь кусты, я смахивала слезы, крупными каплями сбегаящие по моим щекам. Они и помешали сразу разглядеть то, обо что я едва не споткнулась. Вначале мне показалось, что это — куча разноцветного тряпья. Я посмотрела внимательнее и... О ужас! Передо мной была мертвая женщина.

— Орлов! — Мой крик вспугнул птиц, которые кружили рядом.

Застыв на месте, я ощущала, как вся трясусь от страха.

— Что произошло? — запыхавшимся голосом спросил подбежавший князь.

Мы, словно замороженные, не могли сдвинуться с места. Женщина, лежавшая на земле, была молода и красива. Ее длинные черные волосы веером рассыпались по сухой траве.

— Похожа на вас, — прервал молчание Орлов.

— Бедная, — все что я смогла сказать.

Князь присел на корточки и принялся внимательно рассматривать убитую.

— Кто-то ударил по голове и порвал одежду... Изнасилование, по всей видимости.

Я потянула мужчину за рукав.

— Пойдемте, мне страшно.

Но князь застыл как вкопанный.

— Минуту! — вдруг повысил он голос. — Феридэ, дайте руку.

Ничего не понимая, я исполнила его просьбу. В одно мгновение Орлов снял мой свадебный перстень и осторожно надел его на палец покойницы.

От ужаса у меня на голове зашевелились волосы.

— Ах, — только и смогла сказать я.

Видя, что мое состояние близко к обмороку, Орлов успокаивающе обнял меня за плечи.

— Это ради вашей безопасности, Феридэ.

Я начала пятиться от страшного места.

— Что вы сделали, зачем?

— Понимаете, Штольц поднимет на ноги всю полицию... Не уверен, правда, что наши манипуляции с кольцом помогут, но уж лучше что-либо, чем ничего.

Только сейчас я поняла, почему князь это сделал. На душе у меня было противно и жутко. Тем более что перстень был свадебным подарком Кямрана. И он — последнее, что у меня осталось. Князь, казалось, не обращал внимания на мое состояние. Он осторожно, но твердо, продолжая обнимать меня за плечи, повел к фаэтону.

— Подумайте, Феридэ, ведь вы подписали бумаги профессора, и он имеет право распоряжаться вашей жизнью по своему усмотрению.

Шатаясь, словно пьяная, я подошла к экипажу и как подкошенная упала на траву рядом.

— Это невыносимо, я больше не выдержу... — Это были мои последние слова, а потом я ничего не помнила.

Очнувшись от холодной воды, которая приятно освежала лицо, в первую минуту я не могла сообразить, где нахожусь. Над моей головой шумели деревья, пели птицы, и на мгновение мне показалось, что это наш стамбульский сад. Однако наклонившееся лицо Орлова вернуло меня к реальности.

— Слава Богу, вы очнулись, — мягко произнес князь. — Как ваше самочувствие?

Я попыталась сесть.

— Вроде бы все в порядке.

— Вы можете идти?

Чувствуя слабость во всем теле, я с трудом поднялась.

— Попробую.

— Надо спешить. — Голос князя прозвучал твердо. — Возможно, Штольц уже обнаружил пропажу.

При помощи Орлова мне удалось забраться в экипаж. Мужчина заботливо укрыл меня пледом и взгромоздился на козлы.

Мы удалялись от этого страшного места, а мне еще долго мерещилось бледное лицо покойницы и ее рука с моим перстнем на пальце.

Обзор, 21 ноября

Последние странички в моем дневнике скорее напоминали записи тяжелобольного человека, чем что-либо другое. Но я специально подчеркивала в них мое тяжелое состояние, чтобы доктор ничего не заподозрил. На самом деле я чувствовала себя гораздо лучше, чем могло показаться на первый взгляд. К тому же я в последние дни лишь делала вид, что

принимаю лекарства, которые мне давал Штольц. Хотя дневник велся больше для того, чтобы сбить профессора с толку, но иногда в нем прорывались искренние переживания. Однажды я вспомнила об Ихсане, и рука сама в конце дневника вывела орнамент резьбы, который я видела в деревне Н... Именно там мы с майором впервые открыли друг другу души... Сначала мне захотелось уничтожить рисунок, но потом я подумала: «Пусть остается... Мало вероятно, конечно, что Ихсан прочитает дневник, но если вдруг так случится, он будет знать, где меня найти...»

Да, я решила сбежать от князя Орлова. Мне показалось, что Милан и Цветана не откажут мне в убежище.

Всю дорогу мы ехали молча, лишь обменивались незначительными фразами по необходимости. Когда же показалась окраина Обзора, я начала всерьез подумывать о плане побега.

— Феридэ, вы хотите перекусить? — заботливо поинтересовался князь.

От радости я чуть не подпрыгнула на месте. Ведь сам Орлов подсказал мне выход. Но сдерживая эмоции, я, капризно надув губы, произнесла:

— Не представляю, где мы можем это сделать... Ведь Обзор — большая деревня. Или вы собираетесь пригласить меня в булочную?

Орлов улыбнулся:

— Вижу, вы совсем ожили. Вам даже не все равно, что есть. Но не волнуйтесь, я знаю одно прекрасное место в этом городе. — После этих слов мужчина направил фаэтон на главную улицу.

Хорошо, что Обзор небольшой городок и все здесь находится рядом. Прикинув, что от ресторанчика, куда мы направлялись, до дома Стояла и Руси всего несколько минут быстрой ходьбы, я воспряла духом.

Орлов остановил фаэтон у входа в маленькое деревянное строение с неброской вывеской.

— Прошу. — Князь распахнул дверь, и мы переступили порог.

Неизвестно откуда появившаяся хозяйка с улыбкой указала на свободный столик. Народу в помещении было совсем мало. Мы уселись в дальнем углу, и Орлов взял в руки замусоленное меню.

— Феридэ, что вы предпочитаете из болгарской кухни?

Хотя мои мысли были заняты совершенно другим, я с улыбкой пожала плечами:

— К сожалению, я мало знакома с ее тонкостями...

— Тогда предлагаю следующее: фассул — салат из белой фасоли и гювеч.

Моему удивлению не было предела.

— Гювеч?

С самодовольным видом Орлов объяснил:

— Это прекрасное блюдо из овощей, запеченных в печи с бараниной. Я обожаю его и готов есть хоть каждый день.

— Вы неплохо осведомлены о болгарской пище...

Хозяйка ресторанчика с угодливой улыбкой уже стояла рядом.

— Что будете кушать?

Князь сделал заказ и вопросительно посмотрел на меня.

— Феридэ, вы не возражаете?

Я не собиралась вообще ничего есть, но ведь Орлов об этом еще не знал.

— Конечно, нет. Мне приятно будет попробовать ваши любимые блюда.

Ждать пришлось недолго. Видимо, сюда заживало немного людей, поэтому через минуту на столе уже стояли дымящиеся горшочки. Мне показалось, что пора действовать.

— Князь, — обратилась я к мужчине, — простите, но мне надо ненадолго отлучиться...

Орлова, казалось, занимало лишь содержимое дымящихся тарелок.

— Конечно, конечно, но побыстрее возвращайтесь. Холодный гювеч уже не такой вкусный.

Я не спеша направилась к выходу. Но стоило мне оказаться вне поля зрения Орлова, и мою медлительность как рукой сняло. Я со всех ног бросилась к дому Стояла и Руси, моля Аллаха, чтобы хозяева оказались на месте.

Открыв калитку и увидев во дворе молодую хозяйку, вешающую белье, я потеряла сознание.

Очнувшись я уже в доме.

— Руси!

Несмотря на то что мой голос был очень слаб, женщина появилась в комнате немедленно.

— Феридэ. — Руси обняла меня со слезами на глазах. — Откуда ты?

— Никому не говорите обо мне, — попросила я.

Хозяйка недоуменно посмотрела мне в лицо.

— Хорошо, но почему?

— Долгая история. А если коротко — я убежала от одного человека... здесь, в ресторане. Он, возможно, уже разыскивает меня.

Недоверие в глазах Руси сменилось жалостью.

— О Господи! Конечно, никто ничего не узнает.

Я с благодарностью пожала женщине руку.

— Спасибо. Можно мне укрыться в вашем доме?

— Что за вопрос?! — ответила хозяйка и с волнением спросила: — А ты знаешь, что Ихсан ищет тебя по всей стране?

Я почувствовала, как что-то в моей груди сжалось, и приятная волна разлилась по всему телу. «Ихсан! Ихсан! Слава Аллаху, ты меня нашел...» — стучало в голове, и непрощенные слезы брызнули из глаз.

— Не плачь, Феридэ, все позади. Твой друг здесь недалеко, — утешала меня Руси.

Хриплым от рыданий голосом я спросила:

— Давно он меня разыскивал?

Растерянная хозяйка не знала, что и сказать.

— Примерно две недели назад...

Обхватив голову руками, я вздохнула: «Неужели мои приключения закончились...»

Обзор, 25 ноября

Несколько дней мне пришлось не вставать с постели. Высокая температура и недомогание мешали почувствовать себя свободной и счастливой. Но впервые за последнее время я ощутила внутренний покой. «Если Ихсан попал к доктору Штольцу (а я была уверена, что он там побывал), то скорее всего майор ознакомился с моим дневником. Последняя страничка подскажет ему, где меня искать», — такие мысли согревали и

поддерживали Чалыкушу во время болезни.

Стоял и Руси не отходили от меня ни на шаг. Я была благодарна им за эту заботу и ласку, которой эти добрые люди одаривали бедную Феридэ. Я рассказала им обо всех приключениях, которые произошли со мной с того момента, когда мы расстались.

— Феридэ, немедленно отправляйся в деревню Н..., — настаивал хозяин. — А то Ихсан приедет, а тебя там нет.

— Подожди, дай человеку выздороветь. Посмотри, какая она бледная и измученная, — сердясь, обрывала мужчину Руси.

— Как только ты поправишься, я сам отвезу тебя туда или Милан заберет, — предлагал Стоял.

Руси задумчиво смотрела на своего мужа.

— Феридэ, мне так понравился Ихсан. Он тебя очень любит, — поделилась она.

Я скромно потупила глаза.

— Руси, но у меня же есть муж. Будем надеяться, что он жив.

— Будем надеяться, но лучшего человека, чем майор, тебе не найти.

Я не стала переубеждать женщину, потому что боялась. Да, я боялась выдать свои настоящие чувства. В последнее время мне казалось, что я думаю о майоре не просто как о друге. Но это было запрятано глубоко в душе. Когда я думала, что это — любовь, мне становилось страшно.

Обзор, 21 ноября

В то утро мне захотелось петь. Хотя на улице было холодно и сыро, я вышла во двор и замерла от удивления. Тонкие, как паутинки, ветки на деревьях создавали своеобразный колорит. В воздухе пахло зимой. Не сдержавшись, я тихо запела веселую детскую песенку на турецком языке.

Услышав мой голос, из хлева выбежала Руси и всплеснула руками.

— Феридэ, вы же замерзнете. Идите в сени и накиньте на себя мое пальто.

Но мне было так хорошо, что возвращаться в дом не хотелось.

— Да совсем не холодно, — отнекивалась я.

Но хозяйка была неумолима:

— Только переболели и снова хотите слечь? Ну-ка, марш одеваться, — сурово произнесла Руси и втокнула меня в сени.

Ища в сенях одежду, я услышала, как во двор въехал Стоял.

— Чего такой хмурый? — послышался удивленный голос Руси.

Я не видела лица хозяина, но и по его интонации поняла, что мужчина чем-то недоволен.

— Где наша гостья? — негромко проговорил Стоял.

Мне захотелось выйти к нему навстречу, но пальто никак не находилось, а я боялась гнева хозяйки.

— В доме, — ответила жена.

— Так вот. По Обзору ездит один богач и разыскивает беглянку, — проговорил мужчина.

Я представила себе Орлова, который заходил в каждый дом и расспрашивал обо мне. От этой картины мне стало весело.

— А знаешь, что утверждает этот мужчина? — продолжал хозяин.

— Нет.

— Он говорит, что разыскиваемая — психически больная. — Тревожный голос Стояла стал еще тише.

— Но мало ли что можно выдумать, — возразила Руси, и я была благодарна ей за это.

— Нет, ты послушай, — не унимался хозяин. — Богач утверждает, что наша гостья — преступница.

— А ты и поверил...

Больше мне не хотелось оставаться незамеченной. Я вышла во двор и направилась прямо к хозяевам.

— Феридэ, ты почему не надела пальто? — Встревоженные глаза Руси наблюдали за мной.

— Знаете, я, пожалуй, пойду.

Тревога на лице хозяйки сменилась удивлением.

— Если не секрет, то куда?

Неопределенно пожав плечами, я ответила:

— В деревню Н... Подожду Ихсана там.

Руси бросила гневный взгляд на Стояла.

— Феридэ, если ты слышала, что рассказывал этот болван, то прости его. Мой муж сам не понимает, что говорит.

— Нет, Руси, я не хочу причинять неприятностей вашей семье. Вы по-доброму отнеслись ко мне, но хватит злоупотреблять чужим гостеприимством. Мне правда надо ехать...

Молчавший Стоял сделал шаг вперед.

— Я отвезу вас, как обещал.

— Спасибо, я доберусь сама. — Комок в горле мешал мне разговаривать.

Руси протестующе замахала руками:

— Нет, пусть подбросит вас до Н...

Я согласилась. Вещей у меня совсем не было. Спасибо хозяйке, которая подарила мне свое старое зимнее пальто.

Усевшись в повозку, я в последний раз обвела глазами этот двор. Хорошо бы приехать в деревню и увидеть там Ихсана.

Деревня Н..., 27 ноября

К дому Милана и Цветаны мы добрались лишь к вечеру. Моросил мелкий дождь, и я насквозь промокла. Да еще Стоял запутался в лабиринте деревенских улиц.

В темноте дом наших знакомых выглядел совсем по-иному. Лишь по хриплому лаю собак мы узнали его. Не решаясь открыть калитку, я громко в нее постучала.

— Иду, — раздался мелодичный голос Цветаны.

В сумерках женщина долго разглядывала нас, пока Стоял не пробасил:

— Открывай, свои...

— Ах, вот кого не ожидала увидеть, — затараторила молодка и, цыкнув на собак, пригласила: — Входите.

Пока мы добрались до двери, я несколько раз обо что-то спотыкалась.

— Да это бревно моего блаженного, — пояснила хозяйка.

— Милан здесь?! — удивился Стоял.

Вздыхнув, Цветана отозвалась:

— Куда ж он денется.

Переступив порог, я с надеждой оглядела комнату. «Хотя если бы Ихсан был в этом доме, то молодая женщина давно бы предупредила... Значит, не судьба...» — подумала я, а вслух произнесла:

— Месяца полтора назад я останавливалась здесь, а кажется, что сто лет не виделись...

Из-за занавески вышел хозяин. Его обычно непроницаемое лицо засияло радостью.

— Какие люди! Стоял и ты, Феридэ! А где же ваш спутник-майор?

После вопроса Милана я окончательно убедилась, что Ихсан здесь не появлялся.

— Не знаю...

В воздухе повисло настороженное молчание. Только слышно было звяканье тарелок, которые Цветана суетливо собирала на стол. В изнеможении я опустилась на скамейку. «Все пропало, мои надежды рухнули. Казалось, что осталось совсем немного, и цель достигнута. Один шаг, второй, третий и... пропасть... Как я выберусь отсюда, из чужой страны, без денег и друзей...» В эту минуту мне даже подумалось, что придется, видимо, покориться судьбе и вернуться к князю Орлову. Во всяком случае, этот вариант лучше, чем служить подопытным кроликом у профессора.

Я закрыла лицо руками, чтобы по нему Милан и Стоял не догадались, что творится в моей душе. Но мужчин было не так-то просто провести.

— Не переживайте, Феридэ, — тихо произнес Стоял. — Мы не оставим вас в беде.

Милан молча стоял рядом, лишь кивая головой на слова друга. Стоял же продолжал:

— Да, я смалодушничал там, в Обзоре... Но вы бы послушали того господина! Он так уверенно все это говорил.

Горькая усмешка тронула мои губы.

— Орлов умеет убеждать людей...

Мужчина запальчиво продолжал:

— Мы поможем вам. Вы хотите уехать в Турцию? Нет проблем... Давайте ваш паспорт, и я завтра же договорюсь с моряками.

Я развела руками:

— Мои документы украдены... Разве вы забыли об этом?

Мужчина озабоченно почесал затылок.

— Да, это хуже. Ну ничего, что-нибудь придумаем.

Милан, до этого только слушавший нашу беседу, предложил:

— Давайте перекусим. Цветана уже приготовила.

За столом мне пришлось в очередной раз рассказать свою историю. Хозяйка ахала и всплескивала руками от удивления, а хозяин, лишь подкручивал свои длинные усы. На еду налегал один Стоял. Время от времени он вставлял в мой рассказ некоторые упущенные мною подробности. Наконец моя исповедь и сытный ужин были закончены.

— Никогда бы не поверил, если бы не слышал это из ваших уст, Феридэ, — заметил хозяин дома. — Ладно, пора и на покой.

Он встал из-за стола, показывая этим, что вечер окончен.

От пережитых волнений мне захотелось выйти подышать свежим воздухом. На дворе стояла глубокая ночь. Я предупредила Цветану, что немного прогуляюсь во дворе.

— Сходи, милая, если не боишься, — ответила хозяйка и добавила: — Правда, народ у нас спокойный, не то что в Варне...

Накинув на плечи пальто — подарок Руси, я тихо отворила дверь. Сделав несколько шагов по едва различимой дорожке, я уперлась в калитку. «Ничего со мной не случится, если прогуляюсь по побережью. Ночь — это так романтично!» — такие мысли посетили меня, и я уверенно направилась к морю. Мне захотелось найти в темноте то место, где произошел памятный разговор с майором.

Вскоре я отыскала наш огромный камень и села на него. Не помню, сколько времени я пробыла на этом месте, как вдруг скорее почувствовала, чем услышала, что я на берегу не одна. И вправду, со стороны деревни ко мне приближалась темная фигура мужчины. Сначала мне показалось, что это Стоял или Милан отправились меня искать. Но приглядевшись, поняла, что ни на одного из них этот человек не похож. Бежать? Куда, да и поздно. Я осталась на месте, решив: «Будь что будет...» Мужчина подходил все ближе и ближе. Мне кого-то напоминала его походка... «О Аллах! Неужели?» — Я не верила своим глазам.

— Не меня ли вы здесь ждете, Феридэ? — Негромкий голос Ихсана показался мне в ту минуту самой сладкой музыкой.

Деревня Н..., 28 ноября

Целый вечер я не отпускала майора от себя. словно маленькая девочка я сидела рядом, держа его за руку. О, эти прекрасные глаза снова смотрели на меня с любовью и вселяли уверенность.

Наши хозяева и Стоял тактично оставили нас одних, и мы до самого рассвета рассказывали друг другу свои приключения. Когда пропел петух, майор поднялся со стула.

— Феридэ, неплохо бы отдохнуть... особенно вам.

Мне не хотелось расставаться с офицером, но ведь в последнее время я очень плохо спала.

— Да, вы правы.

Нам постелили в одной комнате. Заметив это, майор тактично предложил:

— Я выйду во двор, покурю, а вы пока ложитесь.

Через минуту я уже лежала под одеялом. То ли от того, что за последний день мне пришлось пережить столько потрясений, то ли от чего-то другого, но сон не шел. Я слышала, как Ихсан, осторожно ступая, направлялся в свой угол.

— Я не сплю. — От моего тихого голоса майор вздрогнул.

— Почему?

— Не знаю... Наверное, от счастья.

Негромко рассмеявшись, Ихсан сел на постель.

— От счастья, наоборот, крепко спят. — Видно было, как в темноте блеснули его глаза.

— Разное бывает счастье...

Я увидела, что офицер начал раздеваться. За окном светало, и фигура майора была хорошо видна. На его теле я рассмотрела множество ссадин и синяков. И если бы не врожденная утонченность, Ихсана можно было бы принять за простого рабочего. Мне не хотелось прерывать разговор, но, к сожалению, подходящей темы не находилось.

— Ихсан, а кого вы видели в Турции? — наконец нашла я выход из положения.

Майор вздохнул.

— Мою сестру Нериме... Помните?

Обрадовавшись возможности пообщаться, я с воодушевлением ответила:

— Конечно. А что с ней? Где она?

— Нериме в Стамбуле. Она удачно вышла замуж. Ее муж работает в министерстве вместе с Кямраном...

Сначала мне показалось, что я ослышалась.

— С кем?

Если бы в эту минуту офицер рассмеялся или как-нибудь отшутился, возможно, все бы прошло незамеченным. Но Ихсан молчал.

— Скажите хоть слово, майор, — не унималась я. — Кямран что, в Стамбуле?

— Не хотел сегодня рассказывать об этом... Вам и так хватило потрясений, — медленно проговорил Ихсан.

Приподнявшись, я начала искать одежду.

— Почему вы молчали? Почему?! — Моему отчаянию не было предела.

Но Ихсан не рассердился на мои крики. Он грустно, даже жалобно проговорил:

— Аллах создал ваши глаза не для слез, Феридэ, а для того, чтобы они смеялись, делая всех вокруг счастливыми... Я как можно позже хотел сообщить вам эту новость...

— Ихсан, на что вы рассчитывали? Я прекрасно отношусь к вам, но никогда не стану вашей женой, особенно после этого разговора. Как вы посмели скрыть от меня правду?

— Феридэ, не торопитесь с выводами... Хотя во многом в случившемся виноват я сам.

— Что за манера недоговаривать? — Мне вдруг стало страшно.

Неожиданно майор подошел к моей кровати и опустился на колени.

— Феридэ, выходите за меня замуж.

— Ах. — В моем голосе было столько растерянности, что майор даже испугался.

— Феридэ, дело в том, что Кямран уже давно в Стамбуле...

— И вы, зная это, делаете мне предложение? — дрожащим голосом произнесла я.

Ихсан молчал, видимо, не находя слов для ответа. Казалось, он собирался с силами.

— Ваш муж подает на развод.

Сердце мое так и замерло.

— Почему?

— Кто-то пустил сплетни, что мы с вами отправились в свадебное путешествие в Болгарию.

Я изо всех сил старалась сдержать себя, чтобы не заплакать.

— Вы уверены? — Мне показалось, что я схожу с ума.

События этой ночи навсегда останутся в моей памяти, как сновидение. Самообладание покинуло меня. Я вскочила на ноги и босая бросилась бежать к двери со словами:

— Кямран! Кямран!

Майор догнал меня почти на улице и силой внес назад в дом. Он начал баюкать меня, как ребенка, пока я не успокоилась.

— Я понимаю ваше горе, — мягко произнес он. — Но, поверьте, Кямран не стоит таких переживаний.

Уставшим голосом я ответила:

— Что вы понимаете... Я же люблю его.

Мой взор был затуманен слезами, но я увидела в глазах майора страдание.

Обзор — Месемврия, 29 ноября

На следующий день я проснулась поздно и сразу же вспомнила о Кямране. «Надо немедленно отправиться в Турцию и все ему объяснить» — первое, что пришло мне в голову. У меня не было причин не верить Ихсану, но в то мгновение в душу закралось сомнение — вдруг офицер лжет...

В дверях показалась Цветана и сочувственно посмотрела на меня. Неужели майор что-то ей рассказал?

— Выспались? — спросила женщина.

Я неопределенно покачала головой:

— Похоже на то.

Цветана осторожно подошла ко мне.

— Я слышала ваш ночной разговор... и очень сочувствую. Это тяжело — узнать такую неприятную новость.

Я молчала. Видя, что ее слова никак не подействовали на меня, женщина продолжала:

— Феридэ, но у вас же есть Ихсан. Он — настоящий мужчина, поверьте моему опыту. Да наплюйте вы на своего Кямрана!

Тут мои нервы не выдержали. Глядя прямо в глаза Цветане, на минуту забыв о приличии, я твердо произнесла:

— Это не ваше дело! Позвольте мне самой разобраться с моими проблемами...

Хозяйка, как ошаренная, подскочила с кровати. Видимо, она не ожидала столь решительного отпора. Уже у порога женщина зло прошипела:

— Неудивительно, что мужики бросают вас...

Я зарылась лицом в подушку.

Хорошо, что Ихсан не обиделся за ночную сцепу и все простил. Чего не скажешь о нашей хозяйке. Она целый день дулась на меня и почти не разговаривала. Лишь когда мы с Ихсаном уезжали, вышла проводить и дала на дорогу целый сверток еды. Мне не хотелось оставлять неприятное впечатление о себе. Поэтому я, улучив минутку, подошла к Цветане и, обняв ее, прошептала:

— Простите меня за грубость.

Женщина преобразилась на глазах. Видимо, ее тоже угнетала наша ссора.

— Что уж тут. На то мы и бабы, чтобы ругаться...

Не знаю, какой смысл придавала Цветана этой фразе, но, когда мы садились в коляску, она приветливо махала нам вслед, даже смахивала платком слезы.

Ихсан предложил отправиться в Месемврию.

— Феридэ, у меня там много знакомых. Не забывайте, что для отплытия в Стамбул вам понадобится паспорт.

Я растерялась.

— Но ведь в Месемвриии живет Орлов...

Майор недоуменно посмотрел на меня:

— Вы же со мной, запомните это раз и навсегда. А на князя мы найдем управу.

Его слова успокоили меня. Я даже не думала, что это произойдет. После стольких скитаний мне наконец-то удалось обрести душевный покой. У меня возникло желание крепко прижаться к Ихсану, но вдруг почему-то вспомнился Кямран, и сердце тоскливо сжалось. Майор, словно угадав мои мысли, ободряюще положил руку на плечо и тихонько его сжал.

— Я с вами...

Месемврия, 1 декабря

Дорога действовала на меня успокаивающе. Еще бы, ведь с каждой милей мы приближались к Стамбулу.

До тех пор пока не показалась Месемврия, мы с Ихсаном весело болтали и шутили друг с другом. Правда, время от времени на меня находила такая тоска, что не хотелось даже разговаривать. Майор, догадываясь о моем состоянии, лишь тихо вздыхал. О Кямране мы больше ни разу не вспоминали.

И вот впереди Месемврия. Здесь мы останавливались в самый разгар лета. Тогда город был наводнен курортниками.

— А мы даже ни разу не побывали на пляже, — с сожалением оглядывая пустые улицы, вздохнул Ихсан.

Я пожала плечами:

— Подумаешь, пляж. Главное, по-моему, в Месемвриии музеи, а они открыты круглый год.

Майор, хитро прищурившись, спросил:

— У вас запланирована какая-то культурная программа?

Покраснев, я ответила:

— Если останется время...

— Думаю, чем быстрее мы отсюда уедем, тем лучше, — уже серьезно заметил офицер.

— А каким образом вы собираетесь достать мне паспорт? — перевела я разговор на другую тему.

— Пока что это мой маленький секрет.

Несмотря на уверенность Ихсана, я боялась оставаться одна. Поэтому майор решил повсюду брать меня с собой.

— Первый визит мы нанесем Джемиле, — объявил офицер.

— Ихсан, но ведь она знакомая Орлова... — неуверенным, голосом произнесла я.

Майор был спокоен.

— Она и моя знакомая тоже.

Видя, что я все равно нервничаю, офицер пояснил:

— Характерная черта Джемиле — никогда ни с кем не ругаться.

Мне вдруг вспомнилось, как я обманула мадам, рассказав о вымышленной свадьбе ее сестры.

— Ихсан, когда я уезжала из этого города летом, мне казалось, что мы с Джемиле расстались лютыми врагами.

В ответ на мои слова Ихсан рассмеялся.

— Вы заблуждаетесь. Стоит нам только переступить порог ее гостиной, как эта женщина первая кинется вам на шею. Да, она такая....

Несмотря на уверенность Ихсана, я очень боялась этой встречи, поэтому перед тем как нанести визит мадам, решила тщательно подобрать свой туалет. Оказалось, что мне даже не в чем пойти на прием.

— Давайте-ка пройдемся по магазинам и выберем подходящее платье, — предложил Ихсан.

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться.

Мы выбрали самый шикарный салон мод на главной улице Месемврии. Робко приоткрыв дверь, я первая вошла туда. Из-за боковой шторки выплыла сама хозяйка. Это была полная француженка с обесцвеченными волосами и ухоженным лицом. Широко улыбнувшись, она с прононсом проговорила:

— Добро пожаловать.

Я нерешительно остановилась, не зная, с чего начать. На помощь мне пришел Ихсан.

— Добрый день. Мы заглянули к вам, чтобы купить вечернее платье.

Хозяйка невозмутимо оглядела меня с ног до головы.

— Прошу вас, присядьте. Сию минуту я скажу девушкам, и они покажут наш ассортимент.

Мы опустились в мягкие кресла с высокими спинками.

— Простате, что вы предпочитаете? — заворковала француженка.

Неопределенно пожав плечами, я посмотрела на майора.

— Даже не представляю...

Мне показалось, что в глазах хозяйки мелькнуло пренебрежение, но ее голос оставался спокойным:

— В этом сезоне в моде простота. Пышность, крикливость отошли на задний план.

Женщина критически посмотрела на мою прическу и добавила:

— А вот волосы сейчас красят и завивают мелкими кудрями.

Мне вдруг захотелось стать маленькой девочкой и спрятаться куда-нибудь подальше от зоркого взгляда модницы.

— Нет, завивать и красить не надо, — пролепетала я, — мне бы только платье.

Француженка, повысив голос, позвала:

— Поллет, Лили...

Из-за ширмы вышли две молоденькие девушки, держа в руках что-то блестящее и разноцветное. Ихсан с интересом привстал.

— Ну-ка, покажите вот это. — Майор указал на темно-серый бархат.

Девушка развернула его, и все мы увидели прекрасное вечернее платье.

— У вас неплохой вкус для мужчины, — заметила хозяйка салона. — Не каждая женщина может этим похвастаться.

Я подошла к девушке и, погладив материю рукой, робко спросила:

— Можно примерить?

Француженка услужливо отодвинула шторку.

— Прошу.

Зайдя в примерочную кабину, я увидела там зеркало в полный рост. О Аллах! Как давно мне приходилось бывать в таких местах. Рядом на вешалке висело выбранное платье, а прямо на меня смотрела испуганная молодая женщина с бледным лицом и большими карими глазами...

Когда я вышла из примерочной, то по лицу Ихсана догадалась, что его выбор был сделан правильно. Ткань плотно облегла фигуру сверху, спадая мягкими складками почти до пола.

— Мы покупаем, — полез за бумажником майор.

— Хочу предложить вам к этому туалету меховую накидку из серебристого соболя, — увидев, что мы — серьезные покупатели, предложила француженка.

Ихсан вопросительно посмотрел на меня.

— Берем накидку?

Как всякая женщина, я, безусловно, хотела бы купить и эту вещь, но неизвестно, сколько она будет стоить. Догадавшись, о чем я думаю, офицер отсчитал еще несколько купюр.

— Принеси соболя, — властно приказала хозяйка.

Одна из девушек мгновенно исчезла и возвратилась с переливающимся мехом в руках. Я набросила накидку на плечи и повернулась несколько раз, показывая ее всем.

— Здорово, — протянул Ихсан.

— Я бы посоветовала вам все-таки переменить прическу, — не унималась француженка. — Так уже никто не носит.

Я отрицательно покачала головой:

— Нет, красить волосы что-то не хочется...

— Никто не заставляет вас это делать, но их можно прекрасно уложить в парикмахерской Зайделя. Это за углом.

Майор учтиво поклонился.

— Спасибо, мы последуем вашему совету. А теперь предложите нам другие платья, но попроще, на каждый день...

Нагруженные покупками, мы отправились к ювелиру. Вначале я наотрез отказалась принимать подарки от Ихсана.

— Какие глупости, — возмутился он. — Мне приятно делать это.

— Нет, Ихсан. Платье мне необходимо, я согласна, но остальное...

Офицер загадочно улыбнулся:

— Феридэ, вы должны блистать на вечере у Джемиле, разве не так?

У меня не нашлось возражений.

— Но, Ихсан, этими вещами я только попользуюсь. По приезде в Турцию вы заберете их обратно.

— Хорошо, хорошо. А теперь поехали выбирать драгоценности. — И майор дал знак кучеру.

В ювелирном магазине нам показали столько разнообразных браслетов, серег и колец, что от этого блеска у меня разбежались глаза. Но и тут Ихсан пришел мне на помощь.

— Примерьте это. — Офицер протянул мне длинную нитку морского жемчуга.

Я застегнула бусы и повернулась к майору.

— Прекрасно!

Ювелир подал мне такие же сережки.

— Мадам, они очень подойдут к вашим глазам.

Под ободряющим взглядом майора я вдела их в уши.

— Ах, — только и смог сказать ювелир, когда я качнула головой.

Жемчужины засверкали, и их блеск отразился в глазах Ихсана.

— Мы покупаем. — Майор снова полез за деньгами.

Ближе к началу приема я навестила парикмахерскую Зайделя. Сам Зайдель — маленький еврей в очках — суетливо бегал рядом и повторял:

— Какая женщина... Какие волосы...

Когда я уселась в кресло, он спросил:

— Что будем делать?

Я неопределенно пожала плечами:

— Все что угодно. Только не красить...

Зайдель сморщился.

— Что вы! Я ретроград. Новая мода превращающая блондинку в брюнетку и наоборот, мне не импонирует. Я считаю, что, как распорядилась природа, так и правильно.

Согласно кивнув головой, я попросила:

— Тогда что-нибудь для вечернего приема...

Парикмахер задумчиво перебирал мои волосы.

— А что вы надеваете на вечер?

— Темно-серое бархатное платье...

— Какой силуэт? — Еврея интересовало буквально все.

— Облегающий сверху и свободные складки внизу.

— Понятно. А украшения?

Я объяснила.

— О! У меня появилась идея! Я уложу ваши волосы в форме раковины. Это как раз подойдет к выбранному стилю.

Я никогда не думала, что можно столько времени заниматься прической. Но, очевидно, Зайдель был мастером своего дела. Он, виртуозно орудуя инструментами, симпровизировал настоящее чудо.

На прощание старый еврей откланялся и смущенно предложил:

— Приходите к Зайделю еще раз. У вас, мадам, прекрасные волосы, и работать с ними одно удовольствие.

Наконец обновленная Чалыкушу появилась на пороге дома Джемиле.

Ихсан оказался прав. Хозяйка как ни в чем не бывало поцеловала меня со словами:

— Где вы так долго пропадали, милая? — Потом, оглядев меня с ног до головы, прибавила: — Прекрасно выглядите.

— Спасибо. — Мой голос был сдержан.

Джемиле взяла под руку Ихсана и, глядя ему прямо в глаза, пропела:

— А вы, майор, тоже забыли нас. Говорят, что вы женитесь...

Офицер с трудом сдержал возмущение.

— Откуда такие новости?

Джемиле игриво стукнула майора веером по плечу.

— Из Турции... Все ваши родственники и знакомые во весь голос твердят об этом.

— Интересно, интересно, — только и смог проговорить майор.

Тут в разговор вмешалась я:

— Джемиле, а кто избранница Ихсана?

Хозяйка кокетливо улыбнулась:

— О! Вы уже ревнуете... Не знаю. Слышала только, что эта бесстыжая девица из-за нашего майора убежала из дома, бросив мужа и семью.

Я побледнела. Джемиле, казалось, не обратила на это внимания.

— Так вот, — продолжала она, — несчастный муж подал на развод. Ихсан, откройте мне тайну, кто же ваша невеста?

Понимая, что Джемиле обо всем догадывается, и именно таким способом решила мне отомстить, я произнесла:

— Согласитесь, майор — достойный мужчина. Из-за него любая девушка может потерять голову.

Хозяйка замолчала, видимо, не зная, что ответить.

— Ладно, — наконец нашлась она, — пойдете в зал. Я познакомлю вас с новыми людьми.

Поднимаясь за ней по ступенькам, я понимала, что нашу историю знают уже многие. Больше всего было обидно то, что все, в том числе и Кямран, поверили сплетням. Но люди меня не волновали, а вот Кямран...

В зале оказалось народу гораздо больше, чем обычно. Джемиле, захлопав в ладоши, громко сказала:

— Минуту внимания! Хочу представить вам гостей из Турции!

Я услышала, как Ихсан прошептал мне на ухо:

— Какая Турция... мы почти уже болгары.

Едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, я поклонилась в реверансе. Присутствующие повернули головы в нашу сторону: гости у Джемиле были почему-то на одно лицо.

— Я так рада вас видеть. — Тонкий голосочек Хатиджэ резанул мне слух. — Может быть, вы расскажете, что с вами произошло?

Ихсан сделал удивленные глаза.

— Что вы имеете в виду?

Хатиджэ всплеснула руками.

— Ну, эту историю про ваш побег...

— Деточка, о чем вы? — Майор замечательно играл свою роль.

Девушка обиженно насупилась.

— Не хотите, не надо...

— Держитесь, Феридэ, — успокоил меня майор, когда Хатиджэ ушла. — Только один вечер нам нужно побывать в этом гадюшнике. Я уже наметил одну жертву, которая поможет с вашим паспортом.

Ихсан махнул рукой в сторону тучного господина, стоящего поодаль с бокалом в руке.

— Вы покидаете меня?

— Я отойду на несколько минут, не волнуйтесь. — С этими словами майор направился к интересовавшему его человеку.

Я решила незаметно отойти за колонну, но тут заиграла музыка. Первый приглашающий тут же подошел ко мне.

— Я не танцую. — Мне пришлось отказать ему.

Так же я ответила и второму. Нас в пансионе учили танцам, но прошло ведь столько лет. Лишь когда подошел третий мужчина, я все-таки решилась.

Через пару минут ноги вспомнили забытые па и сами понесли меня по кругу.

— Меня зовут Серж, — представился на плохом французском партнер.

— О! Вы русский? — удивленно захлопала ресницами я.

— А как вы догадались? — растерялся молодой человек.

— Вас выдает акцент.

Видимо, Серж посчитал своей обязанностью поддерживать со мной светскую беседу.

После ничего не значащих слов о погоде он спросил:

— Вы здесь на отдыхе?

— Я возвращаюсь на родину, а в Месемврии проездом.

Грустно вздохнув, Серж произнес:

— А я, к сожалению, больше никогда не увижу Россию. Мне пришлось покинуть ее.

— Почему?

— У нас революция. Вы, наверное, слышали об этом...

В числе гостей Джемиле не было князя Орлова. Мне захотелось узнать у моего нового знакомого, знает ли он что-либо о князе.

— О! Орлов! — с уважением произнес Серж. — Это отчаянный человек. Сейчас князь поехал в Россию выручать свою жену, которая осталась там...

С одной стороны, я обрадовалась, что больше никогда не увижу этого негодяя, но, с другой стороны, в моей душе проснулись некоторые симпатии.

Танец закончился. Когда заиграла музыка, меня снова начали приглашать. Но я отказала всем, так как увидела, что Ихсан уже закончил свой важный разговор и направляется в мою сторону.

— Все в порядке, Феридэ. Возможно мы завтра же поедем в Бургас, — радостно проговорил майор.

— И у меня хорошая новость, — загадочно произнесла я.

Офицер поднял брови:

— Какая же?

— Ее мне сообщили во время танца...

Майор, придав голосу наигранную суровость, сказал:

— Не тяните!

Сделав вид, что испугалась его гнева, я, сложив руки на груди, пролепетала:

— Сию минуту, мой господин.

Потом, нагнувшись к уху Ихсана, прошептала:

— Князя Орлова здесь нет.

Ихсан, подыгрывая мне, спросил так же тихо:

— А где он?

— В России.

Не успела я произнести эти слова, как вдруг из глубины зала раздался знакомый голос:

— Всем привет!

Гости оглянулись, а Джемиле радостно взвизгнула:

— Орлов!

С протянутыми руками хозяйка направилась к князю.

— Где вы так долго пропадали? Наш салон потерял свой шарм без вас.

Мужчина обнял Джемиле и по-русски поцеловал ее три раза.

— Боже, вы все такая же хитрая лиса. Знаете, чем меня можно привлечь.

Присутствующие окружили князя плотным кольцом. То и дело до меня долетали отдельные фразы. Видимо, всех интересовала поездка Орлова в Россию.

— Почему сдалось Временное правительство? — воскликнул мой партнер по танцу.

Я не слышала, что ответил князь, но гости рассмеялись.

— А этот Ленин? — поинтересовалась тучная пожилая дама.

— Не имел чести познакомиться. Нас не представляли друг другу.

Джемиле, прижавшись к Орлову, спросила:

— А как поживает ваша жена, которую вы так долго прятали от нас?

Орлов ограничился лишь одной фразой:

— Нормально. Мне удалось переправить ее в безопасное место.

Я решила, что наступил самый подходящий момент незаметно удалиться. Взяв Ихсана под руку, я осторожно потянула его к выходу.

Мы почти миновали группу гостей, обступивших князя, как вдруг мои глаза встретились с глазами Хатиджэ. Девушка вряд ли могла знать о моих отношениях с Орловым, но, видимо, ее насторожил наш странный уход.

— Князь, — громко обратилась Хатиджэ к любимцу публики. — Вы еще не поздоровались с Феридэ...

Мужчина от неожиданности вздрогнул и обернулся. Не знаю, что он подумал в тот момент, но лицо князя сохранило невозмутимость. Его волнение выдал лишь слегка охрипший голос:

— Приятная встреча...

Мне ничего не оставалось делать, как остановиться.

— Добрый вечер.

Орлов перевел взгляд на Ихсана.

— И неизменный спутник рядом...

Ихсан сделал шаг вперед, как бы заслоняя меня от взгляда русского.

— Здравия желаю, князь. Как ваши дела?

Сведя брови у переносицы, Орлов ответил:

— Спасибо, неплохо. А вы, я вижу, снова посещаете светские вечера.

Майор неожиданно резко произнес:

— А как же. Да еще с самой прекрасной женщиной в Болгарии.

Но Орлов не обиделся. Он лишь согласно закивал головой:

— Можно позавидовать такой прыти. Везет же этим военным — им всегда достается все самое лучшее.

Я изо всех сил потянула Ихсана за рукав. Изучив характер майора, я могла предположить, что сейчас Ихсан нарвется на грубость, и дело может закончиться дуэлью.

Но положение спасла Джемиле. Видимо, ей тоже не хотелось превращать свой дом в привокзальный трактир. Она громко проговорила:

— Сейчас, гости дорогие, прошу всех послушать игру Хатиджэ. В честь возвращения князя она сыграет «Марсельезу».

Младшая сестра недоуменно посмотрела на старшую. Я даже услышала, как девушка прошипела:

— Ты бы хоть у меня спросила...

Джемиле, зло толкнув сестру локтем, ответила:

— Иди играй...

Хатиджэ, покачивая бедрами, направилась к роялю, уведя за собой половину мужчин.

Орлов не пошел слушать музыку. Он не отрывал глаз от меня, но подойти не решился.

Когда из соседней комнаты раздались первые такты «Марсельезы», я вместе с майором направилась к выходу. Мне показалось, что князь вот-вот догонит нас, но этого не произошло. Мы благополучно сели в фаэтон и добрались до нашей гостиницы.

Месемврия, 2 декабря

Ночь я спала очень плохо. Мне снился профессор Штольц, князь и многое другое — все неприятное.

Наши номера с Ихсаном находились рядом. Когда я проснулась, то слышала за стенкой шаги майора. Мне захотелось подать офицеру какой-нибудь знак, и я постучала в стенку. Через минуту ответный стук раздался в дверь моего номера. Я открыла ее и юркнула снова в постель.

Майор зашел в комнату одетый как на парад.

— Куда это вы собрались? — поинтересовалась я.

Ихсан мило улыбнулся.

— У меня деловая встреча.

— С кем?

— Помните, вчерашний гость Джемиле.

Решив пошутить, я проговорила:

— Я помню только одного — князя Орлова.

Ихсан, явно не настроенный на юмор, отрицательно покачал головой:

— Да нет же, не князь... С тем человеком я договорился насчет вашего паспорта...

Немного расстроенная, что офицер не поддержал мое шутливое настроение, я спросила:

— Вы оставляете меня одну?

— Совсем ненадолго. Я быстро вернусь. Только туда и обратно.

Мне совсем не было страшно, просто хотелось немного подольше задержать Ихсана в комнате. Но видя, что майор в самом деле торопится, я разрешила:

— Ладно, поезжайте.

Настроение у меня было чудесное, даже несмотря на беспокойную ночь. Я встала, оделась и вдруг услышала негромкий стук. Мне показалось, что это Ихсан что-то забыл сказать и вернулся. Поэтому я распахнула дверь, даже не спросив, кто это.

Самодовольная улыбка Орлова заставила меня испуганно вскрикнуть и попятиться. Как ни в чем не бывало князь вошел в номер и, повернув ключ в замке, уселся в кресло.

— Немедленно убирайтесь вон. — Мой голос звенел от гнева.

Мужчина, казалось, не обратил на это никакого внимания. Он молча оглядел комнату и сказал:

— Мне страшно знакома подобная ситуация. Но тогда нам помешал Ихсан. На этот раз майор только что уехал.

— Вы уверены? Ихсан за стенкой, в соседнем номере, и если через минуту вы не исчезнете, то я позову его.

Орлов прищурился.

— Милая Феридэ, я своими глазами видел вашего верного рыцаря садящимся в фаэтон и удаляющимся прочь от гостиницы.

Да, Орлов был великолепно обо всем осведомлен. Мне ничего не оставалось делать, как сесть напротив князя.

— Может быть, вы и правы насчет майора, но что из этого? И вообще для чего вы пришли?

Орлов со скучающим видом достал из портсигара папиросу и закурил.

— Я хотел посмотреть на ваше чудесное личико...

Почувствовав, что князь лжет, я возразила:

— Это неправда. Спасибо за комплимент, но скажите, ради Аллаха, что вам от меня нужно?

— Вы проникательны, Феридэ. Это большая редкость для женщины. — Мужчина, затаившись, продолжил: — Я ненавижу женщин. Они все сволочи.

— А как же ваша жена? Ведь ради нее вы рисковали жизнью, пробираясь в Россию, — попробовала я напомнить князю о его геройстве.

Орлов покачал головой:

— А что жена?.. Я спасал не ее. Мне просто захотелось острых ощущений.

Только тут я заметила, что мужчина пьян, и поняла — возражать ему опасно.

— Князь, вы все равно необычный человек. Не каждый способен на такой поступок, даже ради острых ощущений.

Орлов самодовольно рассмеялся.

— Феридэ, не пытайтесь меня задобрить. Но все-таки чертовски приятно это слышать из ваших прелестных уст.

Поняв, что лед тронулся, я постаралась удержать инициативу в своих руках.

— Скажите, а поездка была очень опасна?

Неловкое молчание повисло в воздухе.

— Гм... Какая же вы, однако, хитрая... Теперь я не удивляюсь, что вам удалось обмануть меня и сбежать там, в Обзоре.

Орлов обхватил голову руками.

— А я так вас разыскивал, — произнес он, — все надеялся, что вы вернетесь... Но этот Ихсан примчался на помощь так неожиданно, что спутал все мои карты...

В глазах князя появился злорадный блеск.

— Но ему я этого не прощу... Второй раз майор становится на моем пути.

Голос Орлова стал угрожающим.

— Между прочим, милая, вас могут обвинить в убийстве...

От удивления я привстала.

— Что?

Князь процедил сквозь зубы:

— Помните труп женщины в лесу?

— Это невозможно забыть.

— Я думаю, вы не забыли и перстень на ее руке, некогда принадлежавший вам. Стоит только намекнуть полиции, что это вы решили убить несчастную и завладеть ее паспортом... А чтобы замести следы, надели на палец жертвы свое кольцо.

Мне стало нехорошо.

— Неужели вы думаете, что кто-то вам поверит? — срывающимся голосом произнесла

я.

— А почему бы и нет? — уверенным тоном возразил мужчина.

Вдруг до меня дошел весь смысл сказанного.

— Князь, с таким же успехом вы будете отвечать за случившееся. И бросьте эту вашу манеру шантажировать людей. Если вы выдадите меня полиции, то я сделаю вас сообщником.

Князь громко расхохотался.

— Как жаль, Феридэ, что вы меня так и не полюбили. Из нас вышла бы прекрасная пара. Я — прожженный авантюрист и вы — расчетливая эгоистка. Я — пас! — Орлов поднял обе руки вверх.

Все еще не веря своим ушам, я молила Аллаха, чтобы это была правда.

Князь встал с кресла и, не оборачиваясь, направился к выходу.

— Проигрывать надо красиво, — произнес он, выходя из номера.

Когда за Орловым закрылась дверь, я еще долго не могла прийти в себя.

После деловой встречи Ихсан вернулся радостный и счастливый.

— Все получилось. — Майор схватил меня за руки и закружил по комнате.

— Рассказывайте, — потребовала я.

Офицер опустил в то же кресло, где час назад сидел Орлов, и начал:

— Вы помните, что вчера я договорился с одним влиятельным человеком. Наша скандальная история сыграла на руку. Прикинувшись вашим возлюбленным, я объяснил, что вы потеряли паспорт в спешке, а сейчас желаете вернуться в Стамбул к мужу. Но без паспорта это просто невозможно. Я был не совсем уверен, что это подействует. Но человек, к которому я обращался, оказался добропорядочным семьянином. Он обещал договориться, что в Бургасе, когда мы сядем на пароход, таможенники вас пропустят.

— Ихсан, вы гений! — восторженно воскликнула я. — А теперь послушайте, что произошло здесь, пока вы отсутствовали

Внимательно выслушав мой рассказ, майор спросил:

— Феридэ, вы уверены, что Орлов больше не объявится?

Я пожала плечами:

— Мне показался тон князя искренним, но кто знает...

В глазах Ихсана появилась решимость.

— Я куплю вам маленький дамский пистолет и научу им пользоваться.

Бургас, 7 декабря

И вот мы уже в Бургасе. Ихсан выполнил свое обещание, и теперь в моей сумочке тускло поблескивает оружие.

По дороге из Месемврии Ихсан остановил фаэтон посреди поля и предложил:

— Давайте попробуем провести первый урок по стрельбе.

Немного волнуясь, я вышла из коляски.

Мишенью офицер выбрал старое сухое дерево в пяти шагах от нас. Майор дал мне пистолет и, обхватив мои руки своими, скомандовал:

— Прицелься.

Я взяла на мушку сухое дерево.

— Нажимай на курок.

Зажмурившись, я выстрелила.

— Нет, не закрывай глаза, — сказал Ихсан. — Повторим еще раз.

Мы упражнялись в стрельбе пару часов, пока наконец майор не остался доволен результатами.

— Вы способная, Феридэ, — улыбнулся офицер и добавил: — Из вас вышел бы неплохой снайпер.

Я недовольно скривила губы.

— Ихсан, я учусь пользоваться оружием для того, чтобы защищаться, а не убивать...

Бургас встретил нас шумными улицами, заполненными в основном приезжими. Если Месемврия ближе к зиме впадала в спячку, то этот рыбацкий город, казалось, не знал отдыха.

Мы решили не останавливаться сначала в гостинице и отправиться прямо в порт. Там, в порту, оставив меня сторожить вещи, майор пошел узнавать о билетах в Стамбул.

Мимо пробежал продавец газет. Я уже довольно сносно читала по-болгарски, и мне захотелось узнать последние новости.

— Мальчик! — Подозвав продавца, я купила газету и развернула ее.

Первое, что бросилось мне в глаза, была огромная фотография Штольца. С трудом разбирая слова, я прочла:

«Две недели назад в своем доме был убит известный ученый Рихард Штольц. Предполагается, что это преступление было совершено агентом иностранной разведки с целью получения секретной информации.

Свидетель убийства, ученик Штольца, утверждает, что преступник скрылся в неизвестном направлении. По описанию свидетеля составлен словесный портрет убийцы.

Это высокий светловолосый мужчина с голубыми глазами. На правой щеке ото лба до подбородка — шрам. Возможно, убийца — турок. Вооружен.

Полиция обращается ко всем гражданам оказать посильную помощь в задержании убийцы».

У меня потемнело в глазах. Значит, Штольца застрелили. А все приметы разыскиваемого сходятся с приметами майора... Но почему Ихсан ничего мне не сказал? Он упомянул лишь то, что побывал в пансионе профессора и читал там мой дневник...

В толпе снующих на пристани людей я заметила Ихсана, который направлялся в мою сторону. Как предупредить майора об опасности? Ведь в порту сотни людей, которые могут опознать убийцу...

Я вздохнула свободно лишь тогда, когда офицер подошел ко мне.

— Почему вы такая бледная? — сразу же спросил он и потянулся за газетой.

Только сейчас я заметила, что все еще сжимаю ее в руках.

— Что нового пишут? — Беспечный вопрос майора вернул меня к действительности.

— Ихсан, только не волнуйтесь...

Офицер озабоченно взглянул мне в лицо.

— Вам опять плохо?

Я отрицательно покачала головой.

— Нет, со мной все в порядке.

— Тогда что случилось?

Я молча протянула майору газету. Прочитав сообщение, Ихсан опустил глаза.

— Почему вы мне сразу не сказали об этом? — горько произнесла я.

Ихсан взлохматил волосы.

— Трудно объяснить... Сначала не хотелось навязывать свои проблемы...

— А потом?

— Потом испугался, что вы не захотите со мной даже знатья... Ведь я — убийца.

Сжав губы, я нахмурилась.

— Мне не кажется таким уж тяжким ваше преступление. То, что вытворял в своей клинике Штольц, во много раз хуже.

Ихсан покачал головой:

— Но ведь никто об этом не догадывается... Для полиции есть преступник, которого необходимо поймать. И ее не интересует, что я выстрелил лишь потому, что оборонялся.

Я горячо запротестовала.

— Неужели, если я выступлю на суде и расскажу об экспериментах профессора, мне никто не поверит?

— Сомневаюсь, что поверят...

— Почему?

Медленно растягивая слова, майор объяснил:

— Вас кто-нибудь, кроме немой старухи и студента, видел в клинике?

— Нет... Хотя постойте! А князь Орлов!

— О-о! Тем более, — продолжал офицер. — Уж этот свидетель — самый честный. Да он скорее с чистой совестью засадит меня в тюрьму. Хотя бы для того, чтобы завладеть вами.

От навалившегося отчаяния я опустила на наши чемоданы.

— Так что вы предлагаете? Если не идти в полицию с повинной, то тогда вас запросто могут взять где угодно...

Майор кончиками пальцев потер виски.

— Да, задача не из легких... Может статься, что мы даже не попадем в Стамбул...

— А как же билеты? Вы взяли их?

Офицер помахал передо мной проштампованными бумажками.

— Да, но придется ли ими воспользоваться?

Вокруг нас проходило множество людей, каждый со своими проблемами. И никто даже не догадывался, что их трудности по сравнению с нашими — пустяк...

Чем больше я думала о выходе из этого нелегкого положения, тем больше убеждалась, что без помощи грима нам не обойтись.

— Ихсан, во сколько отправляется наш пароход?

— Через три часа...

— Жди меня здесь. Я отлучусь на час. Только, прошу тебя, не стой на людном месте. Я еще хочу вместе с тобой погулять по Стамбулу. — Сказав это, я бросилась в сторону центральной улицы.

Легко что-то обещать, но тяжело выполнить. На мысль о гриме меня натолкнула огромная бездарная вывеска на тумбе с афишами. «Если желаете провести хорошо время — посетите наш театр» — гласила она. Скорее всего это был какой-то провинциальный театр, выехавший на гастроли. В афише указывалось, где размещалась труппа. Это я и пыталась сейчас вспомнить.

Но, видимо, Аллах был на нашей стороне, ибо эти афиши театра висели на каждом углу.

Уже через полчаса я отыскивала нужное мне здание.

Это был полуразвалившийся дом на окраине Бургаса. Отпустив извозчика, я осторожно открыла дверь.

— Спектакль состоится вечером, — раздался откуда-то сверху мужской голос.

В помещении стоял полумрак, и я не сразу разглядела этого человека.

— Простите, мне нужен директор.

— Я директор, — ответил мужчина и, судя по скрипу ступенек, начал спускаться вниз.

Не зная, с чего начать, я молчала.

Наконец мужчина оказался рядом со мной.

— Господин директор, — обратилась я и осеклась.

По моему представлению, директор театра должен был быть аккуратно одетым и причесанным. То чудо, которое я увидела перед собой, мало напоминало даже человека.

— Это вы? — Моему удивлению не было предела.

— Да, я, — ворчливо ответил мужчина. — Что вам надо?

— Понимаете... у меня очень личная просьба, — постаралась я придать голосу умоляющий оттенок.

Директор, казалось, не слушал меня, а думал о своем.

«Будь что будет, — мелькнуло у меня в голове. — Да не съест же он меня, в конце концов».

— Мне нужен гример...

Мужчина в недоумении потер подбородок.

— Гример? А почему вы обращаетесь именно к нам?

Я поняла, что от моего ответа зависит дальнейший ход событий. Надо было придумать такое, что могло бы заставить директора помочь мне. Но как назло в голову ничего не приходило.

— Один мой знакомый устраивает маскарад. Мне хотелось бы прийти на праздник в костюме мужчины. Во-первых, чтобы никто не узнал, во-вторых...

Я даже не успела закончить фразу, как директор расхохотался.

— Вы — и в костюме мужчины? Смею заверить, что у вас ничего не получится.

— Почему же?

— А вы сами догадайтесь...

Заниматься разгадыванием его намеков у меня не было времени. Если я в ближайшие десять минут не уговорю этого странного человека, то вся затея может провалиться. Поэтому я умоляюще сложила руки на груди и со слезами в голосе попросила:

— Помогите мне... Я в долгу не останусь...

Мужчина внимательно посмотрел на меня. Его взгляд наконец-то приобрел заинтересованное выражение.

— Сдается мне, что не в маскараде тут дело...

Мне уже нечего было терять.

— Если даже и не в маскараде, все равно мне позарез нужна борода.

Хозяин театра снова расхохотался. От смеха он даже начал икать и всхлипывать.

— Вам?.. Борода?..

— Да, и усы тоже, — решительно заявила я.

Лукаво прищурившись, незнакомец спросил:

— Для маскарада?

Вся беседа пошла по второму кругу. Это было уже выше моих сил. Поэтому я, открыв сумочку, достала оттуда деньги.

— Сколько?

У директора затряслись руки и забегали глаза. Видимо, его театр переживал тяжелые времена.

— А сколько не жалко?

Это был уже деловой разговор. Я отсчитала несколько бумажек.

— Хватит?

Смущенно потупившись, мужчина взял деньги.

— Пойдемте в примерную.

Мы долго плутали по каким-то лабиринтам, пока наконец хозяин театра не отворил нужную дверь. Я пришла в ужас от беспорядка, творящегося в этой комнате. Повсюду среди костюмов актеров валялись пустые бутылки, окурки и много разного мусора. Брезгливо поморщившись, я спросила:

— Это и есть примерная?

Оскалив зубы, мужчина улыбнулся:

— Не нравится?

— Да нет же, я понимаю — творческий беспорядок...

Выудив из груды тряпья две бороды, директор протянул их мне:

— Вам какую — рыжую или черную?

Я задумалась.

— А можно русую? И, если не трудно, не такого жалкого вида.

Обиженно крикнув, хозяин театра снова стал рыться в каких-то ящиках.

Вдруг в углу кто-то зашевелился. Испуганно вскрикнув, я отскочила в сторону.

— Не бойтесь, — успокоил меня директор. — Это наш ведущий актер.

Разбросав одежду и декорации, под которыми он спал, актер наконец поднялся на ноги. Его словно стеклянные глаза уставились на меня. Это был высокий жгучий брюнет, который скорее всего играл роли первых любовников. Но мешки под глазами мешали воспринимать этот образ.

— О! Кто это? — Его грязный палец указал в мою сторону.

Не переставая рыться в тряпье, директор ответил:

— Это ко мне...

— Зачем? — не унимался актер.

— По делу.

Видимо, давно работая вместе, мужчины понимали друг друга с полуслова. Герой-любовник, взлохматив волосы, перевел взгляд на хозяина театра.

— У нас что-нибудь осталось после вчерашнего?

Директор, не отрываясь от поисков, протянул актеру одну бумажку из тех, что я ему дала.

— Спасибо, дорогой. — С этими словами герой-любовник выбежал за дверь.

Я не знала, что и подумать.

Наконец директор нашел подходящую бороду.

— Подойдет?

Согласно кивнув головой, я спросила:

— А этот, ваш ведущий актер, играет в спектаклях?

Обиженным голосом мужчина ответил:

— Да он — бог на сцене... Люди рыдают, глядя на его игру... Но это — когда он не пьет.

Я решительно ничего не понимала.

— Как же вы, зная его слабость, даете ему на бутылку?

Мудро подняв палец вверх, хозяин театра произнес:

— В этом заключается моя работа с людьми. Их надо чувствовать... Понимаете?

Я взяла бороду и усы, завернула их и уже собралась идти, как мужчина поинтересовался:

— А вы сможете сами загримироваться?

— Не знаю...

— Тогда возьмите в подарок от меня этот клей. Он чудесно будет держать усы и бороду на лице. Если кто-то попробует оторвать, то это удастся сделать с большим трудом.

Выбежав из театра, я со всех ног помчалась в порт. Мне повезло, что сразу же удалось поймать извозчика.

Ихсан стоял в глубине парка, подняв воротник пальто. Он оглядывался по сторонам и напоминал мелкого ворышку, вышедшего на дело впервые.

Расплатившись с извозчиком, я подошла к майору.

— Где вы пропадали так долго? — взволнованно спросил офицер.

— В театре, — загадочно произнесла я.

Недоуменный взгляд Ихсана заставил меня рассмеяться.

Решив, что настало время все объяснить, я достала из сумочки сверток и приоткрыла его.

— Это — борода и усы. А это — клей. Давайте отойдем в безопасное место и попробуем преобразить ваш облик.

Майор всплеснул руками.

— Какая же вы молодец, Феридэ! Но даже не представляю, куда мы можем отправиться...

Я нетерпеливо топталась на месте.

— Решайте скорее. Неизвестно, сколько времени придется накладывать грим...

— Помните ту частную гостиницу «Нептун», где мы останавливались в первый раз?

С трудом припоминая ее, я кивнула.

— Это недалеко отсюда.

— Да, у меня с хозяйкой были прекрасные отношения. Я думаю, что она не откажет приютить нас на часок.

Все прошло так, как мы задумали. Хозяйка вспомнила нас, и Ихсану удалось договориться с ней насчет номера. Не знаю, что подумала эта женщина, когда протягивала нам ключи, но с ее лица не сходило лукавое выражение.

Оказавшись одни, мы сразу же приступили к накладыванию бороды и усов. Ихсан, как выяснилось, обладал талантом гримера. Он аккуратно наклеивал волосок к волоску, и через полчаса передо мной стоял уже совершенно другой человек. Борода и усы полностью закрыли шрам. Разглядывая себя в зеркале, Ихсан заметил:

— А мне, по-моему, неплохо. Приеду в Стамбул и отпущу себе бороду.

Я шутливо дернула его за волосы.

— Майор, вы сначала попадите в Турцию, а потом уже стройте планы...

Мы едва успели на пароход. Таможенники уже вовсю производили досмотр. Мои бумаги они разглядывали очень внимательно, но в конце концов пропустили. Видимо, знакомый Ихсана из Месемврии был в самом деле влиятельным лицом.

Настала очередь майора. Старший таможенник, взяв его паспорт, внимательно сверил лицо офицера с фотографией. Ихсан изо всех сил держал себя в руках. Лишь пальцы майора слегка подрагивали, выдавая скрытое волнение.

Проверяющий уже было протянул нам наши билеты, как вдруг один из коллег, что-то зашептал старшему таможеннику на ухо. «Вот и все». — В груди у меня как будто оборвалась натянутая струна.

— На минуточку задержитесь, — вежливо попросил Ихсана проверяющий.

Майор сделал удивленное лицо.

— У меня что-то не в порядке?

Ни слова не говоря, таможенник обратился к своему помощнику:

— Найдите мне капитана.

Нас проверяли последними, поэтому на палубе, кроме нескольких человек из команды, никого не было. В голове у меня застучали молоточки. Казалось, что еще мгновение неизвестности, и я потеряю сознание.

Наконец подошел недовольный капитан.

— В чем дело? — поинтересовался он.

Таможенник, указывая на Ихсана, попросил:

— Вот этот молодой мужчина — племянник моего друга паши. В билетах у него значится каюта второго класса. Но я хочу, чтобы он доплыл до Стамбула с комфортом. У вас найдется лишний люкс?

Оглядывая нас с ног до головы, капитан медленно проговорил:

— Ладно, что-нибудь придумаем...

Таможенник, отдавая паспорт и билеты Ихсану, улыбнулся:

— Передавайте привет дяде.

— От кого? — поинтересовался майор.

— Да он меня, думаю, не вспомнит. Мы вместе с ним воевали. Если бы не мой помощник, то я бы вас и не признал...

Ихсан, пожимая ему руку, улыбнулся.

— В таком случае мы плыли бы в каюте второго класса...

Только сейчас я могу спокойно предаться своим мыслям. Майор курит на палубе и дает мне возможность побыть одной. Через несколько часов я увижу Кямрана. Какой будет наша встреча? Главное — надо найти подходящие слова, чтобы переубедить мужа. Хотя мне почему-то кажется, что Кямран мне поверит. Я расскажу ему про все свои приключения и объясню, что если бы не майор, то наша встреча вряд ли бы состоялась...

— Не помешал? — В дверь каюты просунулась голова Ихсана.

Он наконец-то оторвал бороду и возвратил свой прежний облик.

— Нет, конечно, — ответила я. — Заходите.

— Феридэ, куда вы сразу поедете?

Я недоуменно посмотрела на майора.

— К себе домой...

— Хотите, я буду сопровождать вас?

— Нет, спасибо. А то еще, чего доброго, мой муж поверит сплетням, — шутливо произнесла я.

Неожиданно офицер сжал мою руку.

— Феридэ, только не подумайте, что я на что-либо рассчитываю... Но мне кажется, что дело обстоит гораздо серьезнее...

Слова Ихсана меня неприятно поразили. Почему он влезает в нашу с Кямраном жизнь? Какое он имеет на это право?

— А я уверена, что, как только появлюсь на пороге дома и увижу глаза моего мужа, то даже не понадобятся и слова, — твердо произнесла я и высвободила руку.

Вздыхнув, Ихсан прошелся по каюте.

— На всякий случай я оставлю вам адрес гостиницы, где собираюсь пожить несколько дней.

Я отрицательно замотала головой:

— Нет, Ихсан, не надо. Хотя, возможно, мы с мужем заедем к вам. Вы же не против познакомиться с Кямраном?

— Если вы настаиваете... Но, честно говоря, я предпочитаю держаться от вашего мужа на расстоянии, — побледнев, проговорил майор.

«Ох уж эти мужчины, — подумала я. — Один верит каждому плохому слову обо мне, второй, наоборот, боготворит, а третий...»

— Ихсан, а здорово нам удалось убежать от болгарской полиции, — перевела я разговор на другую тему. — Честно говоря, я поверила в это лишь тогда, когда увидела в иллюминаторе открытое море.

— А мне, — поддержал майор, — все казалось, что в последнюю минуту перед отплытием появится князь Орлов и, указывая на меня пальцем, закричит: «Вот он — убийца! Держите его!»

Слушая Ихсана, я расхохоталась.

— Вот таким вы мне больше нравитесь. Кстати, майор, в вас умер талантливый актер...

Мы веселились все оставшиеся часы. Когда вдаль показались огни Стамбула, офицер, обхватив голову руками, произнес:

— Неужели это все?!

— Глупый, — утешила я, — все еще впереди... Вы женитесь, я познакомлю вас с Кямраном, и мы будем семьями ходить друг к другу в гости...

Ихсан отвернулся, и мне показалось, что он тайком утирает слезы. Или это были капельки соленой воды, которая брызгами оседала на наших лицах...

Стамбул, 9 декабря

В порту нас никто не встречал. Но это было неудивительно: ведь телеграммы мы никому не давали.

— Майор, найдите мне экипаж, — попросила я.

Через минуту Ихсан уже подсаживал меня в коляску и, торопливо целуя в щеку, говорил:

— Вот мой адрес. Приходите в любом случае.

Я сказала извозчику, куда ехать, и мы тронулись. Высунувшись из экипажа, я помахала

рукой майору. Офицер одиноко стоял на пристани, и ветер развеивал его светлые волосы.

Чем ближе мы подъезжали к дому, тем больше и больше я волновалась. Как встретят меня родные?

Когда экипаж выехал на знакомую улицу, всю мою решимость как рукой сняло. Но отступить было поздно — мы уже стояли рядом с усадьбой.

Отпустив извозчика, я толкнула знакомую калитку и оказалась на дорожке, ведущей к дому. Сколько раз я, не задумываясь, проделывала это и, быстро пробежав по саду, открывала входную дверь. Теперь мне, чтобы войти, нужно было позвонить.

Колокольчик робко звякнул, и за дверью послышались шаги.

Я молила Аллаха, чтобы это оказался Кямран. Дальше все происходило, как во сне. Створки двери открылись, и перед моими глазами предстал муж. Не так мне представлялась наша первая встреча после долгой разлуки. Мужчина, не двигаясь, отчужденно смотрел на меня, казалось, не узнавая.

— Здравствуй, любимый, — немного уставшим голосом произнесла я.

Холодные зеленые глаза Кямрана не выражали никаких чувств.

— Можно мне пройти? — Я сделала шаг в его сторону.

Однако мой муж не выказал радости и желания пропустить меня в дом.

— Это же я, Кямран. — Я почувствовала, что нервная дрожь пробирает меня до костей.

Наконец мужчина заговорил:

— Феридэ, почему ты вернулась ко мне?

Я растерялась.

— Как почему? А куда я должна была вернуться?

— Тебя бросил твой военный? — В голосе Кямрана послышалась ирония.

Кровь прилила к моему лицу.

— Какой военный?

Презрительно скривившись, мой муж продолжал:

— С которым ты, забыв стыд и приличия, укатила в Болгарию.

Слезы брызнули из моих глаз. Ничего не понимая, я опустилась на ступеньки. В глубине души я надеялась, что сейчас Кямран наклонится надо мной и начнет утешать... Но звук закрываемой двери разорвал мое сердце на части.

Чувство стыда, унижения, презрения к самой себе нахлынуло волной на мою душу. Я столько времени искала его, мучилась, страдала, а он все перечеркнул одним жестом.

«Но может быть, Кямрана ввели в заблуждение!» — хватаясь за эту мысль, как за спасательный круг, я решила вновь попробовать поговорить с мужем.

На этот раз дверь мне открыла Неджмие. Увидев меня, она от неожиданности даже икнула.

— Можно Кямрана? — смахивая слезы, попросила я.

Золовка закусилла нижнюю губу. Я увидела, что в ее глазах появились злые желтые огоньки.

— Ты, случайно, не ошиблась адресом? Или Ихсан вышвырнул тебя за порог?

Собрав в кулак всю силу воли, я решила промолчать.

Неджмие, как сорвавшаяся с цепи собака, не унималась. Даже ее голос напоминал мне лай.

— А ты, дрянная кошка, приползла обратно к нашим дверям, надеясь, что мой мягкотелый братишка тебя простит.

Я закрыла уши руками, но молодая женщина кричала так громко, что это не помогало.

— Но он не выйдет! Кямран уже не такой дурак, каким был раньше...

— Слушай, помолчи, пожалуйста, — тихо попросила я. — Позови моего мужа.

Неджмие захлебнулась от возмущения.

— Он тебе не муж. Вы в разводе!

Мне все стало понятно. Ни слова не говоря, я отвернулась и побрела назад к калитке. Я слышала, что Неджмие все еще бросает мне в спину оскорбления:

— Потаскуха, иди к своему майору! Здесь тебе не место...

За несколько часов я из молодой, полной надежд женщины превратилась в умирающую старуху. Нет, мое лицо и тело не изменились, но все, что было мне дорого, в один момент исчезло. А я-то надеялась своей любовью образумить Кямрана. Я жила этим, но теперь все кончено. Казалось, что единственной отрадой для меня была смерть.

Вдруг я заметила, что сжимаю в руке вместе с платком клочок бумаги. Развернув его, я прочитала адрес майора. Но если сейчас я отправлюсь к нему, то мой муж меня точно никогда не простит. Однако мне была нужна поддержка Ихсана. Именно его. Офицер остановился в самой лучшей гостинице Стамбула. Я подошла к портье и спросила:

— Скажите, военный из десятого номера у себя?

Служащий, даже не глянув на меня, ответил:

— Нет, он вышел.

— А можно я подожду майора в номере?

Удивленно подняв брови, портье произнес:

— Понимаете, ханым-эфенди, Ихсан-бей не предупредил о вашем визите. Если я вас пропущу, ему это может не понравиться.

Я нерешительно проговорила:

— Так что же мне делать? Не могу же я ждать майора в холле?

Услужливый портье вежливо поклонился.

— К сожалению, ничем не могу помочь.

Как затравленный зверек, я прошлась несколько раз по коридору. Нервы мои были на взводе, а силы на пределе.

Через час я снова решила потревожить служащего.

— Извините, а Ихсан не говорил, куда пошел?

Портье долго смотрел на меня, не узнавая.

— Ах, это опять вы! По-моему, майор поехал в гости к своей сестре.

Почему я не захотела ждать офицера в гостинице, а решила поехать к Нериме, для меня загадка. Наверное, из-за потрясений мой разум помутился. Свой путь до ее дома я совершенно не помнила. У меня была одна цель, к которой я неслась сломя голову.

В тот вечер шел проливной дождь, и я промокла до нитки. Я решила подождать Ихсана на улице. Мимо проходили какие-то люди. Очевидно, в доме советника был вечер. Наконец появился долгожданный офицер. Я слышала, как он на крыльце прощался с сестрой и тетушкой.

— Заходи еще, Ихсан, — предлагала Нериме.

— Нет, скорее всего я завтра уеду.

Насвистывая какую-то песенку, офицер прошел мимо меня. И тут я тихо позвала:

— Ихсан!

Майор вздрогнул и повернул голову в мою сторону. Вглядевшись в темноту, но,

очевидно, ничего не заметив, мужчина двинулся дальше.

— Ихсан!

— Феридэ? — вопросительно проговорил майор.

Я сделала шаг вперед.

— О Аллах! — Ихсан бросился ко мне и обнял.

Я сквозь одежду ощутила, как сильно бьется его сердце.

— Вы вся мокрая, — заметил майор и потянул меня к экипажу.

В темноте коляски я прижалась к моему другу и дала волю слезам.

— Перестаньте, ведь я с вами, — утешал меня офицер, как маленькую.

— Представляете, он закрыл передо мной дверь. — Я никак не могла успокоиться.

— Не волнуйтесь, он еще пожалеет об этом...

Подняв заплаканное лицо, я с надеждой спросила:

— Вы так думаете?

Горько усмехнувшись, Ихсан ответил:

— Я уверен в этом... Такие женщины, как вы, Феридэ, редкость...

Ихсан снял мне номер в той же гостинице. Он до поздней ночи просидел в моей комнате. Я боялась остаться одна и поэтому настояла, чтобы майор перенес свою подушку и одеяло ко мне.

Вначале я никак не могла успокоиться, но мягкий голос офицера сделал свое дело. Постепенно наш разговор перешел с моих переживаний на более глубокие вещи.

— Скажите, Ихсан, что вы вкладываете в понятие любовь? — спросила я.

Офицер посмотрел на меня серьезным и долгим взглядом.

— Любовь — это иллюзия. Человек, отдавшийся этому чувству, перестает быть самим собой...

Не зная, что ответить на это, я молчала. Ихсан подошел ко мне и потрогал рукой мой лоб.

— Феридэ, да у вас жар! Немедленно ложитесь в постель.

Я отрицательно покачала головой:

— Но я себя нормально чувствую. Меня лишь немного знобит...

— Без разговоров! Если уж вы пришли ко мне, так будьте добры слушаться, — произнес майор непривычно строгим голосом.

На следующий день Ихсан вызвал врача. Это был старенький опытный доктор. Он долго выслушивал меня, пока наконец не изрек:

— Ничего страшного — обычная простуда. Но необходим постельный режим.

В глубине души я была рада такому диагнозу. Я впала в апатичное состояние, и мне не хотелось никуда выходить. Майор изо всех сил старался расшевелить меня, но все было бесполезно.

— Более трудной больной я никогда не видел, — с грустью в голосе заметил он. — Вы ничего не просите, ни на что не жалуетесь, но на моих глазах угасаете как свеча...

— Оставьте меня, — произнесла я и отвернулась к стене.

Я услышала, как Ихсан вышел из номера. Отсутствовал он не долго. Наконец скрипнула дверь, и мой друг воскликнул:

— Феридэ!

Я обернулась на его голос и ахнула — посреди комнаты стояла огромная корзина темно-красных роз.

— Спасибо, но, глядя на эти цветы, мне становится еще больнее...

— Почему, милая?

— Вскоре после нашей свадьбы Кямран подарил мне такие же...

Говоря эти слова, я меньше всего хотела обидеть Ихсана. Но, видимо, все, что в тот день вылетало из моих уст, майор принимал близко к сердцу.

— Да перестаньте вы вспоминать этого никчемного человека... Если бы вы были моей женой, то я верил бы только вам, а не грязным сплетням.

— Не осуждайте его, — попросила я, — он несчастный человек. Я знаю, Кямран мучается... Он любит меня, но что-то ему мешает сказать об этом...

Майор посмотрел на меня с состраданием.

— Бедная Чалыкушу. Наивная девочка...

Стамбул, 11 декабря

Сегодня произошло еще одно важное событие, после которого я поняла, что разбитую чашку не склеишь.

Ихсан вышел за покупками, наказав мне не подниматься с постели, а в случае чего вызывать горничную. Неожиданно прислуга появилась на пороге, хотя я и не нажимала кнопку звонка.

— Феридэ-ханым, — вежливо обратилась ко мне девушка, — вас спрашивает какая-то пожилая ханым.

— Меня?

Горничная недоуменно продолжала:

— Она просит разрешения навестить вас. Я объяснила, что вы больны, но она лишь просила сказать ее имя...

— Продолжай. — Нервы мои натянулись до предела.

— Бесимэ-ханым. По-моему, так...

Я в волнении приподнялась на кровати.

— Сейчас же зови. Хотя нет. Сначала подай мне зеркало.

Прислуга протянула мне требуемый предмет с туалетного столика и поинтересовалась:

— А кто она, эта Бесимэ?

Девушка была очень молода и неопытна. Да и работала она горничной совсем недавно, судя по ее чрезмерному любопытству. В другое время я бы сделала ей замечание, но приход свекрови взволновал меня и обрадовал. Поэтому я мягко ответила горничной:

— Моя тетка.

Когда у двери раздались знакомые шаги, я в накинутом халате уже сидела в кресле. Бесимэ, переступив порог, поздоровалась:

— Здравствуй, Феридэ.

По первой фразе свекрови я поняла, что зря питала иллюзии.

— Добрый день. Садитесь, пожалуйста. — Я привстала, желая подать тетке стул.

— Нет-нет. Сиди, — знакомым жестом остановила меня свекровь.

Мы не отрывали глаз друг от друга. Не помню, кто первый прервал молчание, кажется, я.

— Как ваше здоровье?

— Спасибо, лучше. Сердце пошаливает, но пока держусь... Феридэ, не хочу

откладывать наш разговор в долгий ящик. Начну с того, что буду тебя просить об одной услуге.

— Я с удовольствием окажу вам ее.

Бесимэ тяжело вздохнула.

— Я знаю, что твой новый муж, назовем его так, богат...

— Тетушка, и вы туда же? Ихсан — мой друг, не больше.

Свекровь, казалось, пропустила мои слова мимо ушей.

— Феридэ, — продолжала она, — уезжай из Стамбула, прошу тебя. После того как вы с Кямраном снова встретились, мой сын сам не свой. Он мучается, страдает, а мое сердце болит за него.

Я от неожиданности приподнялась с кресла. Неужели Кямрану так же плохо, как и мне?

— Тетушка, неужели и вы верите этим грязным сплетням? Я верна вашему сыну и, хотя мы в разводе, считаю Кямрана своим единственным мужем.

Мне показалось, что в глазах Бесимэ мелькнуло сомнение, но тут же погасло.

— Я не буду с тобой ругаться, как Неджмие, но пойми меня правильно... Уезжай! Ради Кямрана, ради Недждета, ради нашего благополучия.

Бесимэ поднялась с места, показывая этим, что разговор окончен.

— Значит, вы приходили только для этого... — Мои глаза наполнились слезами. — Тетушка, последний вопрос о Недждете — как он?

Суровое выражение лица свекрови немного смягчилось.

— Растет... Ну, до свидания.

Бесимэ открыла дверь, чтобы выйти, и на пороге столкнулась с майором. Ихсан держал в руках свертки с покупками, но, как вежливый человек, отступил в сторону. Тетушка смерила офицера взглядом с ног до головы и слегка кивнула.

— Для чего она приходила? — осторожно спросил майор, когда мы остались одни.

— Переживает за своего сына...

— В смысле?

— Просит меня покинуть Стамбул, — пояснила я.

Офицер пожал плечами:

— Что это изменит? Ну а что вы решили?

Я перевела дыхание.

— Наверное, мне придется выполнить ее просьбу.

Ихсан задумчиво посмотрел в окно. На город напоздали сумерки.

— Конечно, это не самый подходящий момент, но... Феридэ, выходите за меня замуж... Не торопитесь с отказом... Я не требую вашего немедленного ответа, но хочу, чтобы вы знали — я всегда буду любить вас и надеяться.

Перед моими глазами пронеслась вся моя жизнь, начиная с самого детства. Всегда я верила людям и старалась найти в них самые лучшие черты, а плохие поступки оправдывала. Во всяком случае, мне хотелось так делать. Да, Ихсан был моим самым близким другом с того времени, когда мы встретились в Стамбуле.

В моей жизни случались моменты, которые при всем желании трудно объяснить. И сейчас я, как ни стараюсь разобраться в себе, не могу. Кямран меня отверг, но горечь утраты не давит мою душу. Мне, скорее, обидно за него — за мужа... Бывшего мужа. Чтобы совесть не мучила меня, надо пройти этот путь до конца. Как только я выздоровлю, я отыщу Кямрана и попробую снова поговорить с ним. Только тогда я подумаю над предложением майора...

Ихсан взял мою руку и слегка пожал пальцы.

— У вас, по-моему, нормальная температура! — радостно воскликнул он.

— Это оттого, что я приняла очень важное решение.

Стамбул, декабрь

Уже несколько дней, как я никак не могу выполнить свой план. Я решила поговорить с Кямраном у него на службе. Он работал в Министерстве иностранных дел в консульском отделе.

Заранее записавшись на прием, я целое утро готовилась к этой встрече. Мне хотелось хорошо выглядеть, чтобы не вызывать жалости у Кямрана. Поэтому я особенно тщательно выбирала платье. В последнюю минуту перед уходом у меня появилась замечательная идея...

Встреча в отделе была назначена на одиннадцать тридцать. Ровно в это время я распахнула дверь кабинета бывшего мужа. Кямран сидел за столом и что-то писал. Он не мог узнать меня из-за плотной чадры.

— Садитесь и рассказывайте, что привело вас ко мне. — Мужчина указал рукой на стул. Я молча присела и откашлялась. Но и сейчас мой бывший муж не узнавал меня.

— У нас немного времени, приема ждут другие люди. Не задерживайте их, пожалуйста...

Мои глаза затуманили слезы. Хорошо, что я догадалась надеть двойную чадру...

— Несколько месяцев назад мой муж отправился в зарубежную поездку. Корабль, на котором он плыл, потерпел крушение, и мне сообщили о смерти любимого...

Кямран заинтересованно посмотрел мне в лицо. Если он о чем-либо и догадался, то не подавал вида.

— Но я не поверила этому, а, не надеясь на официальную помощь, отправилась искать мужа сама...

Прошли отведенные мне минуты, я рассказывала, но Кямран не перебивал меня. Конечно, он все понял. Это было заметно по выражению его лица. Закончив историю своих приключений, я добавила:

— Теперь, Кямран, ты знаешь все. Суди сам — виновата я перед тобой или нет. И можно ли обвинять меня в таком страшном грехе.

Минуты тянулись так долго, что показались мне вечностью. Я с нетерпением ждала ответа мужа. А он, как абсолютно посторонний человек, вдруг привстал и, указывая мне на дверь, официальным голосом проговорил:

— Не представляю, чем я могу вам помочь...

Приехав в гостиницу, я сразу же бросилась в номер Ихсана. Мне не пришлось даже стучаться — дверь была приоткрыта. Майор сидел в кресле и читал газету. Увидев мое взволнованное лицо, он приподнялся.

— Что опять случилось?

Я обняла офицера за шею и тихо прошептала ему на ухо:

— Да, я согласна...

Поняв меня с полуслова, Ихсан остолбенел.

— Я ждал этого всю жизнь. Но почему вы плачете?

— От счастья.

Аладжакая, январь

Прошел месяц. За это время произошло много важных для меня событий. Чтобы отдохнуть от шумного города, я решила съездить в Аладжакая — навестить сиротский приют. Тем более я обещала показать эти места Ихсану.

— Ты не представляешь, как там красиво: зима напоминает весну, а скалистые холмы меняют цвет в зависимости от погоды...

Ихсан, не отрываясь, смотрел мне в лицо.

— Вы так преображаетесь, когда говорите об этих местах. Наверное, они вам очень дороги.

Я мечтательно повела бровями.

— Это поместье моего покойного мужа Хайруллах-бея. Вы же его должны помнить, ведь доктор спас вам жизнь...

Напоминание о войне подействовало на майора угнетающе. Он потер свой шрам и задумчиво проговорил:

— Нам надо отдохнуть... Отправляемся немедленно.

Я не предупредила никого о своем приезде. Когда впереди показалась Аладжакая, сердце мое начало гулко биться.

— Вот эти прекрасные места, — взмахнула я рукой.

На лице Ихсана отразилось восхищение.

— Теперь я понимаю ваши чувства, Феридэ Я сам вырос в небольших провинциальных городках...

— Но это совсем иное... Здесь мы можем слиться с природой, полностью отдаться ей...

Вот и наша усадьба...

Навстречу нам из дома вышел онбаши. Недоумение на его лице сменилось радостью.

— О! Наша Феридэ-ханым пожаловала, — всплеснул он руками, — то-то я думаю, что сегодня мне утром в окошко птичка клювом постучала. Я говорю няне: «Это к приезду», а она: «Кто к нам пожалует в такую глушь...»

Тут онбаши увидел Ихсана. Смерив его недоверчивым взглядом, старик спросил:

— И ваш муж наконец-то приехал навестить нас? А то за столько времени даже не поинтересовался...

Смеясь, я объяснила:

— Это не Кямран, онбаши, а мой друг Ихсан-бей.

На лице старика отразилось любопытство.

— Друг? А я слышал, что ваш муж нашелся...

Не желая вдаваться в объяснения, я проговорила:

— Да, он оказался живым и здоровым.

Поняв по моему виду, что затронул запретную тему, старик перевел разговор на другое:

— А что это мы тут стоим? Проходите скорее в дом.

Мне показалось, что Ихсан немного обиделся на меня за то, как я представила его. Мне не оставалось ничего другого, как виновато объяснить:

— Не хотелось так сразу, на пороге, объявлять о нашей женитьбе. Это важное дело. И лучше всего рассказать об этом вечером за чаем.

— Делайте, как считаете нужным. Они ведь ваши знакомые... — сдержанно сказал майор.

Навстречу нам засемила старая няня. Я, поцеловав ее в морщинистые щеки, спросила:

— Ну, как вы поживаете, милая дады^[9]?

Няня так и засветилась радостью.

— Феридэ, детка, уж не думала свидеться с тобой, а с твоим мужем и подавно, — пролепетала няня и, обращаясь к офицеру, спросила: — А вы ведь впервые в Аладжакая, Кямран-бей?

Ихсан побледнел. Чтобы выйти из затруднительного положения, я примирительно произнесла:

— Это не Кямран.

Старушка смешалась.

— Это мой самый лучший друг Ихсан. Ему я обязана жизнью, ведь именно он отправился со мной в Болгарию.

Няня сообразила, что допустила оплошность.

— Простите, Ихсан-бей, что я вас сразу не признала. Ведь это вы лечились у покойного Хайруллах-бея несколько лет назад.

— Да, — грустно ответил майор.

— Старая совсем стала, — извиняющимся тоном проговорила седоволосая женщина, — глаза не те, да и память...

Подошедший онбаши возразил:

— Уж на память не жалуйся... Вчера я целый день искал сбрую для коня, а старуха мгновенно вспомнила, где она лежит...

Все рассмеялись.

— А почему не слышно детей и не видно заведующей? — удивленно оглядываясь, спросила я.

— Сегодня хорошая погода, — ответил онбаши, — и они отправились прогуляться по холмам. Заведующая обещала рассказать ребятишкам о природе.

— А как поживает Ихсан? — Мне почему-то вспомнился светлокудрый малыш.

Старик восхищенно крикнул:

— Разбойник!

Старушка, переведя взгляд на Ихсана, заметила:

— Вам надо непременно увидеть этого мальчика. Вы любите детей?

— Очень. — И улыбка осветила до этого мрачное лицо майора. — Особенно мальчиков.

Онбаши продолжал:

— Этот Ихсан — мой любимец. Мы вместе с ним работаем и в саду, и в конюшне...

— А его родные так и не объявились? — поинтересовалась я.

Тяжело вздохнув, няня пробормотала:

— Где ж они объявятся...

— А как остальные дети? Не болеют?

— Нет, все здоровы... И учатся с удовольствием...

Не успела няня рассказать об этом поподробнее, как за воротами раздались взволнованные голоса детей. Очевидно, малыши увидели наш экипаж и потому удивленно кричали.

Калитка распахнулась, и во двор, как наседка с цыплятами, вошла заведующая. Сначала она заметила Ихсана, стоявшего ближе всех. Взгляд заведующей приобрел настороженное выражение.

— Это я, — пришлось подать мне голос.

Лицо женщины мгновенно переменилось.

— Какие гости! А я, увидев этого господина, испугалась. Думала, снова из Министерства образования пожаловали.

Я заметила, как няня и онбаши опустили головы.

— Что случилось? — вопросительно посмотрела я на них.

Заведующая смущенно проговорила:

— Да тут приезжали чиновники месяц назад, посмотрели наш приют и остались недовольны условиями. Говорят — надо закрывать...

Мы с Ихсаном переглянулись.

— Мне знакомы их методы работы, — скептически улыбнулся майор. — Много шума и видимость деятельности...

— Что можно предпринять в этой ситуации? — взволнованно поинтересовалась я.

— Не волнуйтесь, Феридэ, я попрошу дядю, а он договорится с этими умниками.

Все облегченно вздохнули и сразу оживились. Заведующая, поймав за руку пробежавшего мимо малыша, проговорила:

— Феридэ-ханым, узнаете Ихсана?

Мальчиком сразу же завладел майор. Он присел на корточки и протянул ребенку шоколадку.

— Привет, тезка!

Недоверчиво взяв подарок, ребенок насупился.

— Ты что, тоже Ихсан?

Офицера, видимо, поразила смышленность малыша.

— Тебе здесь нравится?

Я дернула мужчину за плечо.

— Не задавайте глупых вопросов...

Мальчик перевел свои голубые глаза на меня.

— Тетя Феридэ, а это кто, ваш муж?

Ихсан тихо застонал. В третий раз за это утро его принимали за Кямрана.

— Нет, — сурово ответил майор, — но скоро им буду.

Эта новость поразила всех присутствующих. Няня, онбаши и заведующая застыли в недоумении.

— Это правда, Феридэ? — робко поинтересовалась старушка.

Покраснев, я произнесла:

— Да.

— А где же Кямран?

— О, это долгая история. Я расскажу ее как-нибудь позже.

— Но он жив? — допытывался онбаши.

— С ним все нормально... Мы развелись.

Самое недоуменное лицо было у няни. Но это неудивительно, ведь, пожалуй, она больше всех знала о наших отношениях с Кямраном. Онбаши смущенно кашлянул.

— Что же мы наших дорогих гостей в дом не приглашаем? Они ведь с дороги устали...

Опомнившись, заведующая хлопнула в ладоши.

— Дети, сегодня больше занятий не будет.

— Почему? — раздался нестройный хор голосов.

— Приехала Феридэ-ханым. Давайте покажем ей, какие мы послушные, и будем вести себя спокойно.

Малыши согласно закивали головами, но через минуту уже носились по двору как угорелые.

Ихсан взял под руку няню, и они первые зашли в дом.

Мне хотелось познакомить майора с самыми дорогими мне вещами, показать кабинет Хайруллах-бея и комнату, где я жила три года назад. Но старушка быстро накрыла на стол и настойчиво приглашала нас:

— Попейте с дороги молока, а потом будете заниматься своими делами.

Ихсан, посмотрев на меня, улыбнулся.

— Мне кажется, что я вернулся в свое детство. У меня тоже была няня, которая так же приглашала нас завтракать.

Старушка заморгала бесцветными глазами.

— А где ваши родители, Ихсан-бей?

— Они умерли. Мать, когда я только родился, а отец — чуть позже. Воспитывался я в доме у моей тетки. Относились ко мне, как к сыну, но все равно материнской ласки и отцовского воспитания не хватало. Особенно страдал я без отца. Мой дядя паша был занят целыми днями на службе. Приходя вечером домой, он лишь трепал меня по голове. Не скажу, правда, что дядя уделял много времени своим детям...

— Я почему-то так и подумала, что вы сирота, — проникательно заметила няня.

Майор улыбнулся.

— Почему?

— У вас доброе сердце...

Мне были очень приятны похвалы няни в адрес офицера, но за разговорами мы совсем забыли о еде. Поэтому я решительно произнесла:

— Давайте поделимся воспоминаниями за столом.

— О да! — с жаром воскликнул Ихсан и первым направился в столовую.

Старушка незаметно кивнула мне головой.

— Задержись на минутку, — прошептала она.

Когда майор отошел довольно далеко, няня сурово спросила:

— Это твой новый муж?

Я неопределенно пожала плечами:

— Наверное...

Старая женщина осуждающе покачала головой.

— А куда же делся Кямран?

— Я же сказала — мы развелись. Дады, давайте поговорим об этом позже. Ихсан ждет, неудобно. А то еще, чего доброго, подумает, что мы шепчемся за его спиной.

— Ладно, пошли.

Хотя мы приехали без предупреждения, стол ломился от всевозможной еды. Такое изобилие я видела лишь в одном доме — Цветаны и Милана. По взгляду майора я поняла, что он подумал то же самое.

— Няня, когда это вы все успели приготовить? — удивился офицер. — Да еще мои самые любимые блюда.

Старушка расцвела от похвалы. Я мысленно восторгалась майором. Еще немного, и он разрушит барьер в отношениях со всеми моими близкими.

— Да чем мне еще заниматься? Вот готовлю, убираю, стираю и помогаю воспитывать детей, как могу, — со вздохом ответила няня.

Молчавшая до этого заведующая заметила:

— На плечах старушки весь наш сиротский приют. Не представляю, как я раньше без нее управлялась...

Ихсан, который уже понял, что главная в этом доме няня, изо всех сил старался угодить ей.

— Дады, непременно оставьте рецепт этих пирожков. Феридэ, когда мы поженимся, то я каждый день буду просить вас печь их...

Услышав о свадьбе, успокоившаяся было старушка вновь насторожилась.

— Ихсан-бей, а когда вы думаете пожениться? — как бы невзначай поинтересовалась она.

— Как только Феридэ-ханым пожелает.

Взоры сидящих за столом обратились ко мне.

— Так вы теперь невеста, — усмехнулся онбаши.

Я в притворном смущении прикрыла лицо руками.

— Да, и жениху непозволительно видеть мое лицо...

Ихсан с нежностью взглянул на меня.

— Сначала я полюбил вас, Феридэ, за красоту, но со временем понял, что самое лучшее в вас — это душа.

Только сейчас я заметила маленького Ихсана, стоящего у двери с открытым ртом.

— Ах, негодный мальчишка, — воскликнула заведующая, — опять подслушиваешь!

Онбаши тут же заступился за своего любимца:

— Он не подслушивает, а...

— Набирается информации, — выручил старика майор.

Мальчик сообразил, что ему не влетит, и смело зашел в столовую. Онбаши, потрепав его по голове, произнес:

— Если бы я не был таким старым, я бы вырастил этого беспутного ребенка, дал ему образование, научил житейской мудрости...

— Вы и так достаточно с ним возитесь, — заметила заведующая.

Старик покачал головой:

— Нет, это не то. Ихсан чувствует, что он не мой ребенок...

— Давайте не будем о грустном, — предложила я и обратилась к майору: — Вы готовы пойти погулять и познакомиться с моими любимыми местами?

Офицер, даже не доев, моментально вскочил на ноги.

— Я сюда для этого и приехал.

Аладжакая, январь

Мы планировали провести в Аладжакая несколько дней, а потом отправиться в Измир, но из-за непредвиденного обстоятельства задержались...

Сегодня утром, проснувшись, я не услышала привычного насвистывания онбаши под окном. Сначала я не поняла, в чем дело, но когда спустилась вниз и увидела заплаканную няню, меня пронзила страшная догадка.

— Дады, что случилось?

Вытирая платком глаза, старушка ответила:

— Онбаши заболел...

— Как? Чем?

— Открылись старые раны...

По ступенькам сбежал встревоженный Ихсан.

— Вижу слезы у двух прекрасных женщин. Кто вас обидел?

— Онбаши заболел.

Майор, повернувшись к няне, предложил:

— Давайте я съезжу в Кушадасы за доктором.

Сдавленным голосом старушка произнесла:

— Боюсь, что это мало поможет... Но если вам нетрудно...

Офицер мгновенно накинул на себя пальто и бросился к выходу, на ходу крикнув:

— Постараюсь управиться побыстрее. Ждите меня.

Я же осторожно подошла к комнате старика и прислушалась.

— Дады, как вы считаете, можно ли мне потревожить больного?

Потускневшим голосом няня ответила:

— Я думаю, ему будет приятно, если ты его навестишь.

Онбаши лежал на кровати и тяжело дышал. На цыпочках я подошла к его постели и присела на стул, стоявший у изголовья. С трудом приоткрыв глаза, старик что-то прошептал. Нагнувшись к его лицу, я прислушалась.

— Феридэ, спасибо...

Слезы брызнули из моих глаз и закапали на подушку.

— Не плачьте, милая, — снова пошевелил губами старик.

В комнате чувствовалось дыхание смерти. Еще один родной мне человек скоро покинет этот мир...

Ихсан вернулся через час вместе с доктором. Врач попросил всех подождать за дверью, а сам зашел к больному. Доктор находился там не больше десяти минут. Наконец он вышел и со вздохом объявил:

— Я бессилен... Сердце вряд ли выдержит. Единственное, что я мог сделать, так это дать ему болеутоляющее...

Онбаши умер ночью. С ним была только няня, которая и рассказала нам, как все произошло.

— Перед смертью он вдруг открыл глаза и, увидев меня, прошептал: «Отжил я уже свое... Передайте Феридэ, чтобы она не бросала Ихсана...» Потом тихо вздохнул и скончался.

Маленький Ихсан никак не мог понять, почему его друг лежит неподвижно и не хочет играть с ним.

— Онбаши, — подергал мальчик старика за рукав, — вставай.

Заведующая подошла к ребенку и с трудом увела его.

Похоронили старика на семейном кладбище рядом с его хозяином Хайруллах-беем в Аладжакая. Дети несли в руках живые цветы, которые майор привез из города, и положили их на могилу онбаши.

Няня держалась мужественно. Лишь когда яму засыпали, потеряла сознание.

На следующий день няня мне сказала:

— Знаешь, Феридэ-ханым, я была не права, когда сердилась на тебя из-за Ихсан-бея. Ты мне не рассказывала, что случилось у тебя с Кямраном, но скажу одно — майор прекрасный человек. Он любит тебя, и с ним ты будешь счастлива.

Потом вытерла слезы и добавила:

— Не хочу, чтобы ты из-за моих предрассудков не выходила замуж. Я воспитана по-другому, но жизнь так коротка...

— Дады, я люблю вас. Как только мы с Ихсаном переедем в свой дом, я обязательно возьму вас к себе.

— Нет, Феридэ, я останусь здесь. Хочу умереть в Аладжакая и быть похороненной рядом с онбаши.

Грустные глаза старушки я вспоминала еще очень долго.

Измир, январь

По дороге в Измир я завела разговор с Ихсаном о нашей свадьбе.

— Майор, вы знаете, что очень понравились няне.

Хитро сощурившись, офицер улыбнулся:

— А чем, по-вашему, я занимался всю эту неделю в Аладжакая?

— Я думаю, старались произвести впечатление на моих близких.

— Правильно. — Майор поцеловал меня в щеку. — И мне кажется, что это удалось.

Я рассмеялась:

— Ну, допустим, заведующую вы не особенно очаровали, но вот дады...

— Заведующая занята больше детьми, а старушка изо всех сил старается устроить вашу

личную жизнь... Сначала она совсем не воспринимала меня, но я приложил массу усилий, чтобы няня согласилась на нашу свадьбу.

Мне почему-то стало неприятно слушать разглагольствования Ихсана о его находчивости.

— Майор, я не позволю вам, даже если вы мой жених, таким тоном разговаривать о самых дорогих мне людях. Если я согласилась выйти за вас замуж, то это еще ничего не значит.

Долгим взглядом посмотрев на меня, Ихсан примирительным тоном произнес:

— Простите, Феридэ. Они мне все очень понравились.

Через минуту мне стало стыдно за свои слова. Ведь майор не имел в виду что-либо плохое. Это я сама напрашивалась на ссору.

Мне очень тяжело разобраться в своих чувствах. Временами на меня находит такая тоска, что жить не хочется... Особенно когда я вспоминаю Кямрана. Почему он не поверил мне?

В Измире я решила навестить Джемиль-бея. Но перед тем как познакомить Ихсана с ним, я рассказала майору историю этого молодого мужчины и не забыла упомянуть о переменах, произошедших с Джемилем. Даже вспомнила тот случай на темной лестнице... Я не ожидала, что Ихсан так отреагирует на заключительную часть этой истории.

— Я не желаю знакомиться с этим человеком, — твердо заявил офицер.

Взявшись за голову, я устало спросила:

— И в чем причина?

Майор ничего не ответил, лишь упрямо сжал губы.

— Тогда я поеду к Джемилю одна, — решительно заявила я. — Он мой друг, и к тому же с этой семьей меня связывает очень многое.

Глаза Ихсана сразу стали пустыми и тусклыми. Он нервно заходил по комнате.

— Я не хочу навязывать вам своего мнения, но неужели вам непременно нужно видеть этого ловеласа?

Ихсан внес в наш разговор какую-то нервозность. Мне не хотелось ссориться с майором, поэтому я миролюбиво произнесла:

— Вы ошибаетесь. Нас с Джемиль-беем связывают какие угодно, но только не любовные отношения. У него недавно умерла сестра, и я хотела бы выразить соболезнования моему другу. Если вы не поедете со мной, то я отправлюсь в Каршияка одна...

Ихсан умоляюще посмотрел на меня.

— Феридэ, я никогда ни о чем не просил вас, а сейчас прошу...

— Ихсан-бей, не глумитесь. Я упряма, и если решение принято, то отступать не в моих привычках.

— Ладно, делайте что хотите, — бесцветным голосом промолвил офицер.

— А вы не составите мне компанию?

— Нет, я же сказал.

После такого разговора мне уже никуда не хотелось ехать. Однако видя, что майор насмешливым взглядом наблюдает за мной, я начала собираться.

— В последний раз спрашиваю — вы поедете со мной? — обернулась я у порога.

Ихсан отрицательно замотал головой.

Всю дорогу до дома Джемиль-бея я нервничала. «Все из-за моего скверного характера... Но, с другой стороны, майор тоже не прав, — вертелось у меня в голове. — Надо

успокоиться, а то в каком виде я появлюсь в гостях...»

Дома Джемиль-бея не оказалось.

— Он что, все еще в Европе? — удивленно спросила я.

Моя старая знакомая горничная улыбнулась.

— Нет, мадам, он здесь. Подождите его в гостиной. Я думаю, хозяин обрадуется, увидев вас.

Мне показалось, что я ослышалась.

— С чего вы решили?

Горничная лукаво повела глазами.

— Джемиль-бей часто вспоминает о вас. Особенно по вечерам, когда возвращается с пирушки. Он садится в кресло и, когда я убираю рядом, часто говорит: «Помнишь красавицу, что приходила ко мне полгода назад? Какая женщина...»

Я нерешительно топталась на пороге.

— А как он поживает?

— Плохо... Как вернулся из Европы, то каждый день пьет... Нельзя ему здесь оставаться, совсем погубит себя...

Новость, которую я услышала, неприятно поразила меня. Бедный Джемиль! Я с удовольствием поговорила бы с ним, но тогда бы мне пришлось сидеть в гостиной до вечера.

— Передайте привет своему хозяину и сообщите ему мой адрес.

Горничная записала на бумажке название гостиницы, где я остановилась, и на прощание улыбнулась мне своей грустной улыбкой.

В гостинице меня ждал виноватый Ихсан.

— Как съездили, милая?

Все еще находясь под впечатлением от неприятного известия о Джемиль-бее, я коротко ответила:

— Плохо.

Офицер нервно заходил по комнате.

— Я же вам говорил! — воскликнул он и гневно спросил: — Он к вам опять приставал?

Не ожидая такого глупого вопроса от майора, я остолбенела. Поистине ревность делает человека не похожим на себя.

— Успокойтесь, Ихсан, моего друга не было дома.

Офицер облегченно вздохнул и опустился в кресло.

— Слава Аллаху! — улыбнулся он, но тут же с тревогой поинтересовался: — А почему тогда плохо? Вы расстроились из-за того, что не застали Джемиль-бея?

Я решительно поднялась с кресла, куда присела отдохнуть, и отрезала:

— Знаете что, Ихсан, оставьте меня в покое. Вы уже успели измучить бедную Чалькушу своими глупыми подозрениями. Мне страшно делается, когда я подумаю, что всю оставшуюся жизнь придется провести вместе с вами в этом аду...

Я вышла из номера майора, резко хлопнув дверью.

Последний месяц мы с Ихсаном почти не расставались. Когда мне хотелось побыть одной и я говорила об этом майору, он с обиженным выражением лица уходил, а мое уединение превращалось в муки. Я боролась сама с собой. С одной стороны, давняя привычка отдыхать от людей брала верх, но мне не хотелось обижать и Ихсана. Я металась, как птица в клетке.

Чего было не отнять у Кямрана, так это признания моей индивидуальности... Но что

сейчас вспоминать об этом...

Не помню, сколько времени я гуляла по вечернему Измиру.

Вернулась я в гостиницу уже довольно поздно. В холле молодой портье разговаривал с каким-то мужчиной. Я подошла к стойке, чтобы взять ключ, и обмерла. Собеседником портье оказался Джемиль.

— Джемиль-бей! — радостно воскликнула я.

Мужчина обернулся и просиял. Он сделал несколько шагов мне навстречу и с только ему присущей манерой проговорил:

— Похудели, похорошели, загорели. И вообще выглядите чудесно. Только на обложку журнала.

Я, смеясь, ответила:

— Интересно, как вы все это увидели под чадрой?

Джемиль, бесцеремонно открыв мне лицо, заявил:

— Смотрите, угадал... Но это было сделать нетрудно. Вы всегда в прекрасной форме.

Я, поднимаясь по лестнице, поинтересовалась:

— А как вы меня нашли?

Мужчина даже приостановился.

— Ба! А кто мне оставил адрес?

Я совершенно забыла об этом. Мелкие соры с Ихсаном целиком занимали мои мысли.

— О, простите, у меня столько сейчас хлопот...

Мы дошли до двери номера, и я, распахнув ее, пригласила Джемиля зайти. Мужчина внимательно оглядел комнату.

— Шикарно устроились, — присвистнул он. — Насколько мне помнится, вы всегда были бедны... Умер богатый родственник?

С улыбкой наблюдая за Джемилем, я объяснила:

— Богатый жених.

— Вот те раз, — протянул гость. — Если мне не изменяет память, то вы же замужем.

Сделав неопределенный жест рукой, я призналась:

— Уже развелась...

— Как? И снова выходите замуж? Мне положительно не везет в этом году. Особенно в любви... Нет бы застать вас, Феридэ, между этими двумя событиями — разводом и свадьбой... Вы были бы свободны. Так нет же!

Я пожала плечами.

— Не расстраивайтесь, Джемиль-бей. Вы еще встретите свое счастье.

Мужчина презрительно фыркнул.

— Такая интересная женщина и — такие банальные фразы. Нет, вы расскажите о вашем новом избраннике. И заодно — куда делся бывший муж. Насколько я припоминаю, он уехал в Болгарию и не вернулся...

— А я отправилась его искать.

— Ну и что же было дальше? — Джемиль уютно устроился на диване, поджав под себя ноги, и сразу напомнил мне домашнего кота. — Я приготовился слушать долгую сказку со счастливым концом.

После его слов у меня на душе стало спокойно и уютно, забылись все неприятности, и я, сев в кресло напротив Джемиля, начала рассказ. Вначале мой гость слушал очень внимательно, даже вставлял свои замечания. Но постепенно его возгласы раздавались все

реже и реже, и в конце концов с дивана послышался легкий храп.

Я подошла к Джемилю и, наклонившись над ним, укрыла беднягу пледом. За этим занятием меня и застал Ихсан. Он постучался и сразу же вошел в номер. Увидев такую идиллию, майор побледнел.

— Кто это? — гневно спросил он.

— Потише говорите. Не видите — здесь спят, — шепотом попросила я.

— Что спят — вижу, но вы не ответили на мой вопрос...

Жестом указав офицеру на стул, я объяснила:

— Джемиль-бей. Он пришел ко мне в гости и случайно заснул.

— Да он пьян! Вы что, не заметили этого? — В голосе Ихсана появились истерические нотки.

— Успокойтесь, майор. Даже если и так, не собираетесь же вы будить его, — как можно мягче проговорила я.

— Что, пожалели пьяницу и распутника? — Майор подошел к спящему и потряс его за плечо.

Я подскочила к офицеру и резким жестом убрала его руку.

— Убирайтесь отсюда, если не умеете себя вести. — В ярости я указала на дверь.

— Я уйду, но вместе с вашим гостем, — не унимался Ихсан.

Неожиданно Джемиль открыл глаза. Сначала мужчина недоуменно посмотрел на майора, потом на меня и расхохотался.

— Это ваш жених? Приятно познакомиться. — Не вставая с дивана, он протянул Ихсану руку.

— Вы ошибаетесь, Джемиль-бей. Это совершенно посторонний человек. Он мне — никто. — Сказав эти слова, я отвернулась к окну, чтобы не встречаться глазами с майором.

В воздухе повисло неловкое молчание. Первым его нарушил мой гость.

— Я, пожалуй, пойду, Феридэ-ханым. Спасибо за то, что приютили меня. — Джемиль поднялся.

— Я провожу вас, — не глядя на Ихсана, предложила я.

Когда мы с Джемилем вышли за дверь, он, кивнув в сторону номера, небрежно заметил:

— А он ничего, этот ваш герой.

— Как вы догадались, что это мой жених?

Тяжело вздохнув, мужчина произнес:

— Это было нетрудно. Особенно мне, старому бывалому волку. Невооруженным глазом видно, что он вас очень любит...

— И я его очень люблю, — призналась я, — но иногда Ихсан такой невыносимый...

— Не упускайте своего шанса, — посоветовал Джемиль и добавил: — Вы очень подходите друг другу.

Тяжелой походкой он направился к выходу.

Я смотрела мужчине вслед и думала: «За маской иронии и цинизма скрывается тонкая душа... Почему я не спросила, как он живет и чем занимается...»

— Джемиль! — Мой голос эхом пронесся по коридору.

Но мужчина даже не оглянулся. Он лишь поднял вверх правую руку и помахал ею.

Когда я вернулась в номер, Ихсана там уже не было.

Аладжакая, март

Маленький Ихсан радовал меня все больше и больше. Он уже научился читать и пробовал писать буквы. Судя по его сообразительности, ребенок родился в благородной семье. Дети бедняков редко умеют делать все с такой легкостью и изяществом.

— Тетя Феридэ, расскажите мне о Болгарии, — однажды попросил малыш.

— О, Ихсан, это чудесная страна! Там другой язык и люди молятся не Аллаху. И еще в Болгарии прекрасные пляжи. Летом со всей Европы туда собираются разные люди, чтобы отдохнуть и насладиться морским соленым воздухом...

Мальчик слушал мои истории, открыв рот. И это неудивительно, ведь, кроме Аладжакая, он нигде не был.

— Тетя Феридэ, а где ваш друг, который мой тезка? — неожиданно спросил ребенок.

Я вздохнула.

— Не знаю. Мы не поддерживаем больше отношения.

— Вы что, поругались?

— Нет, мы просто разошлись в разные стороны, как в море корабли. Без ссор, без объяснений...

Ихсан наморщил лоб, видимо, пытаясь вникнуть в смысл моих слов.

— А мне он понравился. Такой добрый, угостил меня шоколадкой.

— Мне он тоже нравится, но где его найти, чтобы сказать об этом?

У малыша загорелись глаза.

— Давайте напишем майору письмо. Я уже знаю некоторые буквы.

Своей непосредственностью мальчик поднял мне настроение. Я сжала ребенка в объятиях и произнесла:

— Мне неизвестен адрес моего друга, а то бы я уже давно связалась с ним.

В мою комнату долетел громкий голос заведующей, которая собирала детей.

— Иди, — подтолкнула я мальчика к выходу.

Ихсан поцеловал меня в щеку и поморщился.

— Тетя, а почему у вас соленое лицо?

Не зная, что придумать, я ответила первое, что пришло мне в голову:

— Сегодня утром на море меня встретил соленый ветер, и он, так же как и ты, поцеловал меня. Поэтому на щеке остался след.

Хитро прищурившись, малыш погрозил мне пальчиком:

— Это неправда. Вы обманываете. Я знаю — это слезы.

Да, он оказался прав. В последние месяцы я много плачу.

Мне кажется, что скоро на моем лице ручейки слез проложат тоненькие бороздки.

Где тебя искать, Ихсан? Ты ушел, даже не попрощавшись, но этим оставил мне маленькую надежду на встречу.

Я спустилась в кухню, чтобы помочь няне готовить. Старушка, взглянув на меня, сразу поняла мое состояние и заявила:

— Меси тесто. Эта работа как раз для тебя.

Закатав рукава, я принялась за дело. Няня внимательно посмотрела мне в лицо.

— Только не пересоли. Это для сладких пирожков... Помнишь, они очень понравились Ихсану.

Старая женщина задела меня за живое.

— Дады, сколько раз я просила не упоминать его имени...

Няня, заморгав глазами, начала оправдываться:

— Просто я увидела тесто и вспомнила твоего майора...

— Он не мой, ты же знаешь. — Я лихорадочно лепила пирожки.

Вздыхнув, няня пролепетала:

— Хорошо-хорошо. Но жаль, конечно, что вы поругались...

Каждый день я выслушивала нечто подобное. Однажды мне даже пришлось напомнить няне, что в первую встречу Ихсан произвел на нее не лучшее впечатление.

— Я его просто не разглядела... А он оказался порядочным молодым человеком. Помнишь, как быстро Ихсан разыскал доктора, когда онбаши заболел?

При упоминании об умершем старике няня разрыдалась.

Тут уже я начала ее утешать. Что со стариками, что с маленькими детьми — со всеми тяжело.

Сегодня меня навестил в Аладжакая Джемиль-бей. Вот уж кто понравился старушке с первого взгляда.

Мужчина подъехал к усадьбе на шикарном автомобиле и завоевал расположение детей тем, что разрешил им забраться в него и даже нажать на гудок. Когда на шум выбежала испуганная заведующая, Джемиль галантно поцеловал ей руку. Женщина смутилась и зарделась.

— Здесь живет Феридэ-ханым? — мягким голосом поинтересовался мужчина.

Заведующая, заикаясь от волнения, ответила:

— Проходите в дом...

На пороге гостя встретила няня. Посмотрев на него снизу вверх, она сурово отрезала:

— А вы кто такой?

Джемиль с нескрываемым восхищением воскликнул:

— Ах, вот вы какая! Мне Феридэ столько рассказывала про свою няню...

— Хорошего или плохого? — подозрительно спросила старушка.

— Неужели вы сомневаетесь в своей любимице? — укоризненно заметил гость.

Уже менее грозно няня произнесла:

— Вообще-то я не растила Феридэ, но то, что люблю ее больше всех на свете, — правда.

Услышав знакомый голос Джемиля, я спустилась вниз.

— Как вы меня разыскали? — допытывалась я.

— Это оказалось совсем просто. В один прекрасный момент мне было грустно, и я решил прогуляться по ночному Измиру. Точнее, прокатиться...

— О, у вас шикарный автомобиль, — вставила слово заведующая, до этого молча стоявшая рядом.

— Самая последняя модель, — гордо пояснил Джемиль и задумался. — Так что это я рассказывал?

— Едете вы по ночному Измиру... — помогла я гостю.

— Да, еду я по ночному Измиру, и мне вдруг кажется, что кто-то в подворотне зовет на помощь. Не решаясь свернуть туда, я остановился. Тут ко мне приближается какой-то человек и спрашивает: «Что там случилось?» «Грабят», — спокойно отвечаю я. Мужчина оказывается смелым и находчивым. «Поможем несчастному?» — предлагает он. Мне ничего не оставалось делать, как согласиться. Смелчак садится рядом со мной, и мы с включенными фарами едем на крики. Грабители оказались трусливыми шакалами. Увидев нас, они бросились врассыпную, даже не захватив награбленного. Жертва, быстро собрав деньги, тоже исчезла, даже не поблагодарив нас. Только тут я замечаю, что где-то уже видел

этого героя. Высокий, светловолосый, шрам на лице...

— Ах! — воскликнула я. — Ихсан!..

— Вы совершенно правы. Я не помнил, как зовут вашего жениха, и подумал, что обстоятельства, при которых мы познакомились, были не самыми лучшими. Поэтому я решил спокойно распрощаться и уехать. Но майор сам вспомнил меня. «Джемиль? — спросил он и добавил уже более уверенно: — Джемиль!» Отрицать было бесполезно. Но Ихсан почему-то обрадовался, увидев меня. «Как поживает Феридэ?» — поинтересовался он. Моему удивлению не было предела: «А разве вы не счастливая семейная пара?» Ихсан отрицательно покачал головой: «Мы разошлись после того скандала в гостинице». Я с недоверием посмотрел на мужчину. Неужели умный, цивилизованный человек мог так поступить? «Вы не видели Феридэ с тех пор?!» — спросил я.

— Так вот откуда у вас мой адрес! — воскликнула я, перебивая гостя. — А где теперь Ихсан?

Джемиль с удовольствием потер руки.

— Значит, вы еще хотите его видеть?

— Конечно...

— Как друга или вы его по-прежнему любите?

— Вы задаете мне нетактичные вопросы...

Джемиль задумчиво потер лоб.

— Я хочу вам помочь. Хоть раз в жизни мне можно сделать хорошее дело.

— Какое? — чувствуя, что сейчас произойдет что-то важное, спросила я.

Джемиль многозначительно обвел взглядом присутствующих.

— Соединить влюбленных, Феридэ-ханым, собирайтесь.

— Куда? — с недоверием произнесла я.

— К своему счастью. Ихсан ждет вас в моем доме. Я обещал ему привезти его Чалыкушу через час.

Няня, всплеснув руками, бросилась собирать меня в дорогу. Мне показалось, что я не смогу сделать и шага, — так неожиданна была эта новость.

Медленно, как больная, я поднялась к себе в комнату. На глаза мне попало ожерелье из жемчуга, которое мне купил Ихсан в Месември. Машинально взяв бусы, я надела их на шею и посмотрелась в зеркало: застывшее выражение лица, плотно сжатые губы... Неужели это ты, Чалыкушу?! Сейчас ты поедешь к любимому, и тебе надо быть иной — веселой, улыбающейся, счастливой...

С улицы уже доносился нетерпеливый гудок машины. Что мне сказать тебе, Ихсан, при встрече? Но слова — это ничто по сравнению с тем, что творится у меня в душе...

Я причесала волосы и спустилась вниз.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

1

Феридэ с самого утра решила отправиться по магазинам. Предсвадебные хлопоты целиком поглотили все ее свободное время.

Ихсан мечтал о шумном празднике.

— Давай пригласим моих сестер, дядю с тетей. Они ждут не дождутся, когда я наконец попаду в надежные руки, — настаивал жених.

Но Феридэ мягко возражала:

— Ихсан, мне кажется, я уже не молоденькая невеста. Да в конце концов мы делаем свадьбу только для себя.

Однако майор и слушать не хотел об этом.

— Выбери себе платье сама, а то я не знаю твоих вкусов.

— Однако в Месемвриии ты купил мне чудесный туалет. Я блистала в нем на приеме у Джемиле... Но сейчас мне хочется надеть простое, скромное платье, — взмолилась молодая женщина.

Жених нерешительно пожал плечами:

— Конечно, это твое право.

Феридэ бросилась ему на шею и крепко поцеловала. От этой неожиданной ласки Ихсан растерялся.

— Я все-таки не понимаю, чего ты стыдишься. Почему не хочешь отпраздновать это событие как полагается? Есть же на это какая-то причина...

Причина была. Но Феридэ сама себе боялась признаться в этом.

Несколько дней назад Чалькушу хлопотливо бежала по главной улице Стамбула, заглядывая во многие лавки. Ей непременно хотелось купить чего-нибудь вкусенького Ихсану. Но на чем остановиться, она еще не решила, поэтому заходила подряд во все магазины Бейоглу.

Неожиданно кто-то крепко схватил Феридэ за локоть. Обернувшись, молодая женщина увидела Кямрана. Она, сама того не желая, вскрикнула от удивления. Бывший муж воспринял возглас Чалькушу по-другому.

— Не бойтесь, Феридэ, — негромко произнес мужчина, — я совсем не хотел вас напугать...

Феридэ посчитала невежливым тут же вырваться и уходить.

Тем более что Кямран явно был настроен на серьезный разговор.

— Феридэ, давайте отойдем в сторону и поговорим.

Чалькушу никогда ни на кого не держала зла. Поэтому, слегка поправив чаршаф, она согласно кивнула головой.

Молодые люди пошли в небольшой сквер, который напоминал зеленый оазис среди городской суеты.

— Как поживаете, Кямран-бей? — Феридэ начала разговор с традиционного вопроса.

Печальные глаза мужчины наполнились слезами. Испугавшись, что случилось что-то серьезное, молодая женщина сжала край скамейки, на которой они сидели. Кямран же, ни слова не говоря, достал из кармана листок бумаги и протянул его Феридэ.

Чалькушу осторожно расправила листок и, увидев аккуратно выведенные строки, начала внимательно читать.

— Прекрасные стихи, — со вздохом произнесла она, отдавая написанное бывшему мужу.

— Они посвящены вам.

— Мне? — удивленно округлив глаза, воскликнула Феридэ.

Она почувствовала, что сейчас произойдет что-то важное. Кямран, все еще не пряча листок со стихами, тихо попросил:

— Возьмите их себе на память о нашей любви...

Чалькушу решительно поднялась со скамейки, показывая этим, что разговор окончен.

— Постоите еще минуту... Говорят, вы выходите замуж? — В голосе мужчины были заметны едва сдерживаемые слезы.

— Простите, я не хочу обсуждать с вами свои личные проблемы. Мы — чужие люди, боюсь, моему будущему мужу это может не понравиться.

Кямран вдруг уронил голову на руки, и его плечи стали вздрагивать.

Феридэ растерянно стояла рядом и лихорадочно думала, что можно предпринять. Она не хотела казаться жестокой, поэтому погладила рыдающего мужчину по плечам. Кямран замер. Казалось, прикосновение руки любимой приносит больше боли, чем радости.

— Успокойтесь. — В это мгновение Феридэ почувствовала себя умудренной опытом женщиной, которая утешает своего глупого несмышленного сына.

Кямран, вытерев слезы, взял Чалькушу за руку и силой усадил ее снова на скамейку.

— Давайте поговорим, — повторил он.

Феридэ сделала предостерегающий жест, давая понять, что не следует заходить далеко.

— Недждет очень скучает, — попробовал начать с другого Кямран.

Но Чалькушу сидела молча, стиснув руки, и смотрела в одну точку перед собой.

— Я многого не прошу, — взмолился мужчина, — только выслушайте меня, а потом решите — кто из нас прав.

Женщина подняла глаза на бывшего мужа.

— Знаете, Кямран, я выслушаю вашу историю, но не для того, чтобы поверить вам. Просто такой уж я человек... Да и вряд ли это что-то уже изменит...

Мужчина горько вздохнул.

— Я слышал, вы выходите замуж...

— Да, за того военного, с которым я якобы убежала в Болгарию, — с долей иронии произнесла Феридэ и добавила: — А мы-то отправились вас искать.

Кямран закусил губу. Умоляющее выражение появилось в его глазах.

— Не мучайте меня, Феридэ. Я сам осознаю, что повел себя не лучшим образом...

— Не надо истерик, Кямран. Рассказывайте побыстрее, у меня мало времени.

Феридэ устроилась поудобнее на скамейке, понимая, что история будет длинной.

Рассказ Кямрана

Когда пароход был у мыса Еминэ, в тумане на нас налетело какое-то грузовое судно.

Я помню сильный удар, отдельные эпизоды этого происшествия, но дальше память моя ничего не сохранила.

Потом я как бы просыпаюсь, и причиной тому — ледяная вода. Я совершенно один в бесконечном водном пространстве. Нет ни парохода, ни пассажиров, только волны, туман и я.

Нетрудно представить, какой ужас овладел тогда мною. Но что было делать? Кричать? Да кто меня услышит? Была, правда, надежда, что возвратится судно, протаранившее нас, но вскоре и она исчезла.

Наступила ночь. Море слегка улеглось. Туман стал редеть. А меня никто так и не искал. Вокруг же было только черное небо и черное в буквальном смысле слова море. Еще был ужасный холод. Была ведь только середина весны. А в прошлом году весна была поздней и холодной.

За ночь я настолько продрог, что временами у меня появлялось желание развязать

спасательный пояс и пойти ко дну, только бы не терпеть эти мучения.

Наконец наступило утро. К моему большому удивлению, меня не съели акулы и я не умер от холода. Утреннее море было гладким. Дул легкий ветерок. Я огляделся и увидел, что вокруг было море, на горизонте сливающееся с небом. И никаких признаков земли. Мне не оставалось ничего другого, как уповать на волю Аллаха. И его милость была мне ниспослана.

Совсем отчаявшись, я вдруг заметил вдали черную точку. Она приближалась ко мне. Захотелось крикнуть: «Я здесь! Помогите!» Но в глотке была соленая вода. Я попытался грести, однако руки окоченели и не подчинялись мне. Тем временем черная точка росла на моих глазах и вскоре превратилась в судно военного типа. Оно держало курс как раз на меня. Дальше память вновь отказалась мне служить...

— Как вы себя чувствуете? — Первая фраза, которую я услышал, была сказана по-французски.

Открыв глаза, я обнаружил, что лежу на кровати в небольшой каюте. Надо мной склонился мужчина в форме морского офицера французского флота.

— Где я? — приложив все оставшиеся у меня силы, пошевелил я губами.

Видимо, офицер не знал турецкого и поэтому спросил:

— Вы говорите по-французски?

— Да, — ответил я.

Моряк улыбнулся:

— Очень хорошо.

— Где я? — Мне пришлось повторить уже по-французски.

— На военном корабле, — был ответ.

К морскому офицеру подошел еще один моряк, с усиками. Они о чем-то посоветовались между собой, и усатый, повернувшись ко мне, спросил:

— Как вас зовут?

— Кям... — слетело с моих уст, но договорить не хватило сил.

Перед моими глазами все расплылось.

Когда в следующий раз я пришел в себя, рядом были те же двое. Один из них был доктор, а второй, моложавый и статный, — младший офицер. Стоя поодаль от кровати, они горячо обсуждали вопрос о моей дальнейшей судьбе.

— С каждым днем состояние больного улучшается, — утверждал доктор.

— В таком случае мы можем высадить его на берег, — обрадовался молодой офицер.

— Но мы ведь не знаем даже, кто он?

— Там разберутся.

— Но захотят ли там принять иностранца?

— Вы уверены, что он не русский?

— Еще с большим успехом можно утверждать, что он — француз. Нашим языком он владеет более-менее сносно.

— Если судить по двум словам...

— Но представьте ситуацию, французы высаживают француза в чужой стране и говорят: забирайте. Как вам это нравится?

Младший офицер почесал подбородок.

— Мне это совсем не нравится. Но здесь спасенный тоже не может находиться. По крайней мере мне на это намекал капитан.

— Назад же в воду его не бросите.

— Тоже верно.

На мгновение младший офицер задумался.

— Скоро ли мы сможем допросить его?

— Думаю, со дня на день. То, что он пошел на поправку, бесспорно.

— Нужно его немедленно расспросить обо всем, — настаивал молодой офицер.

— Пока не стоит. Мой вам совет — подождите два дня.

— Но, я думаю, несколько вопросов его не утомят.

— Несколько — нет.

Молодой офицер решительно направился к кровати. Подойдя, он взял меня за руку и слегка потряс.

— Ответьте мне на один вопрос. — Убедившись, что я в сознании, он продолжил: — Как вас зовут?

— Кямран, — простонал я.

— Интересное имя, — удивился доктор. — Откуда же вы?

— Из Турции.

— В таком случае смею вам сообщить, что у берегов вашей страны мы окажемся не раньше чем через полгода.

— Что же мне делать?

— Доктор говорит, что вам необходим постельный режим в течение месяца. Ведь правда, доктор?

— Да, — ответил тот, поправив очки.

— У меня дома жена, и я должен вернуться как можно быстрее, — взмолился я.

— Хорошо, — согласился доктор, — но через месяц. Кстати, если не секрет, у вас сеть деньги для возвращения?

— Нет.

— А для лечения?

— Тоже нет.

Доктор улыбнулся и проговорил:

— Так что сидите здесь и не думайте о переезде. Всему свое время.

— Но я смогу отправить телеграмму по прибытии... Кстати, куда вы направляетесь?

— В Одессу.

— Куда-куда?

— В Одессу, — повторил молодой офицер и добавил: — Однако не забывайте, что вы находитесь на военном корабле. А это значит, что на целый ряд вопросов вы не получите ответов.

— И не волнуйтесь по пустякам, — поддержал молодого офицера доктор.

Мне хотелось поделиться с военными своими мыслями и спросить у них о многом, но неожиданно я снова впал в беспамятство. Это состояние тянулось долго: я то терял сознание, то снова приходил в себя. В какое-то мгновение мне показалось, что ситуация критическая, и я даже слышал, как доктор сказал молодому офицеру:

— Если он выживет, можете меня поздравить.

Но однажды, открыв глаза, я понял, что чувствую себя абсолютно нормально. Рядом никого не оказалось, а мне страшно хотелось пить. На свой страх и риск я с трудом поднялся с постели и вышел в коридор. Военный корабль мало чем отличался от пассажирского,

поэтому ориентироваться там было нетрудно.

Я пошел прямо по коридору, но вдруг услышал какие-то голоса в каюте. Мне показалось, что в разговоре упоминалось мое имя. Подойдя к двери, я прислушался.

— Что будем делать с этим нежелательным гостем? — Голос принадлежал молодому офицеру.

— Его надо немедленно убирать с корабля, — ответил ему неизвестный мне человек, но судя по твердым интонациям — капитан.

— Но как это сделать? — поинтересовался его подчиненный.

— Высадим турка в России, и пусть добирается домой сам.

— Но у него же нет денег, — робко возразил доктор.

— Это уже не наши проблемы, мы и так оказали ему немалую услугу, когда спасли от смерти.

Мне не оставалось ничего другого, как тихо вернуться к себе. Положение осложнялось.

Судя по настроению команды, я был на корабле нежелательным гостем. Но судьба распорядилась иначе.

В Одессу мы так и не зашли. Не знаю, каковы были причины этого, но военный корабль простоял у берегов России несколько дней, даже не заходя в порт.

Однако узнал я об этом гораздо позже, когда мы уже возвратились во Францию.

Однажды мне нанес визит капитан. Это был высокий седоволосый мужчина с обветренным лицом морского волка. Он вызывал своим видом желание вытянуться в струнку, что я и попытался сделать, когда капитан зашел ко мне в каюту.

— Вы и есть так называемый турецкий подданный? — задал он вопрос, сверля меня взглядом.

— Да, — негромко ответил я.

— Вы знаете, что у нас с Турцией не лучшие отношения?

Строгий голос капитана заставил меня почувствовать себя виноватым.

— Поэтому мы, хотя и будем проходить мимо этой страны, не сможем высадить вас на берег.

Мне стало не по себе. Но здесь я не был хозяином. Скорее, мне отводилась роль пленника. На это и намекнул капитан в своей следующей фразе:

— Мы возьмем вас во Францию, и там, до выяснения личности, вы не будете иметь права никуда отлучаться.

— Я что, буду находиться на корабле?

— Конечно, нет. Вас поместят в специальное место и изолируют от остальных людей.

— Но мне надо сообщить семье, что я жив и здоров. Они волнуются, считая меня пропавшим без вести...

— Если с вашей биографией окажется все нормально, через месяц вы уже попадете домой.

Через месяц! Слова капитана повергли меня в ужас.

Но все оказалось не так сложно, как я предполагал. Во Франции, куда мы попали лишь через месяц, я связался со знакомыми дяди дипломата. Они подтвердили мою личность, дали мне денег на покупку билета и даже посадили на корабль в Стамбул.

Я летел как на крыльях, мечтая увидеть тебя, Феридэ. Но, когда я переступил порог дома, на меня обрушилась страшная новость о твоём отъезде в Болгарию. Мне никто не сказал, что ты отправилась меня искать.

Феридэ задумчиво тербила край платья.

— Кямран, но ведь историю твоей смерти я услышала из уст Хуршида.

— Это отдельный рассказ... Если у тебя есть еще десять минут свободного времени, то я поведаю тебе и об этом мерзавце...

Молодая женщина посмотрела на часы. Уже полчаса, как она должна была вернуться в гостиницу к Ихсану.

Но что-то в глазах бывшего мужа заставило Чалькушу ответить:

— Хорошо, я выслушаю и о Хуршиде. Тем более мне самой интересно узнать некоторые подробности. Находясь в пансионе Штольца, я прочитала один журнал, где подробно описывалось крушение корабля. Мне показалась знакомой эта история. И тут я вдруг вспомнила, что именно Хуршид поведал ее нам. Причем слово в слово, как было написано в журнале...

— Этого я не знал, — задумчиво протянул Кямран. — Но, видимо, он не был уверен в своих способностях рассказчика и поэтому выучил наизусть этот отрывок, дополнив его, конечно, новыми подробностями.

Было видно, что новость потрясла мужчину. Он сидел на скамейке, пытаясь сосредоточиться.

— Вы что-то хотели мне рассказать, — напомнила Чалькушу.

— Да, сейчас соберусь с мыслями, — с волнением в голосе проговорил Кямран. — Приехав домой, я немало испугал своим появлением мать и сестру. Это было как воскрешение с того света. Но уставший и разбитый с дороги, я решил немного отдохнуть. В это время и появился Хуршид. Узнав у Неджмие о возвращении «погибшего», он, ни слова не говоря, мгновенно исчез, чем немало удивил мою сестрицу.

— Я думаю, — воскликнула Феридэ, — ведь Неджмие влюбилась в этого негодяя и искренне рассчитывала на продолжение отношений!

— Мне сразу показался подозрительным этот тип. Еще на корабле по пути в Варну я серьезно повздорил с ним...

— Да, я знала об этом. Когда мы с Ихсаном искали свидетелей твоей гибели, некоторые из пассажиров утверждали, что вы терпеть друг друга не могли. Хотя Хуршид утверждал обратное.

— Мы не разговаривали с ним после того, как этот мерзавец позволил себе непростительные высказывания насчет вас, Феридэ.

— О Аллах! Я же познакомилась с ним перед отправлением в Болгарию. Что же ему могло не понравиться...

— Он, оказывается, знал вас уже давно. Во всяком случае, Хуршид так преподнес мне эту историю. Он рассказывал мне такие гадости о вашей нравственности, что я не удержался и залепил Хуршиду пощечину. После этого мы и не разговаривали...

Отчаянию Чалькушу не было предела. Она растерянно посмотрела на бывшего мужа и воскликнула:

— Не понимаю, почему?

— Потерпите немного, Феридэ. Потом вам все станет ясно. Но... начну все по порядку. Много из того, что рассказывал Хуршид, было правдой, Я имею в виду катастрофу. Только он не надевал мне спасательного пояса, а наоборот, все старался вырвать его у меня и столкнуть в воду, чтобы отправить на верную смерть...

— Поэтому он и был уверен, что вы погибли, — медленно протянула Чалькушу, — и

безбоязненно появлялся в нашем доме.

— Бедная Неджмие. Она, когда все это узнала, рвала на себе волосы от отчаяния. Но этим все не закончилось. Представьте себе мою ситуацию — жена убегает с другим, сестра влюбляется в злейшего врага. Нервы мои были на пределе. Но я с головой ушел в работу, стараясь хотя бы на время забыть все неприятности...

— А в это время в Болгарии мы с Ихсаном, как проклятые, искали вас по всем прибрежным деревням.

Кямран наклонился к подолу платья Чалыкушу и поцеловал его. Женщина от этой неожиданной ласки растерялась.

— Мать и сестра уговаривали меня подать на развод. Я долго не соглашался, но в конце концов мне пришлось это сделать. Все мои знакомые в один голос утверждали, что вы меня бросили. Да и факты были налицо... Но прошло время, горечь утраты понемногу затихала, и я решил начать новую жизнь. Но тут снова появились вы — такая прекрасная, одухотворенная и совершенно не чувствовавшая за собой вину...

— Я же и вправду ни в чем перед вами не виновата, Кямран. Мне не могло и в голову прийти, что вы поверите грязным сплетням.

— Каких усилий мне стоило не обнять вас при нашей встрече! Но за спиной стояли мать и сестра, в один голос утверждавшие, что вы — интриганка и вернулись лишь потому, что Ихсан бросил вас.

— Кямран, вы же не десятилетний ребенок и сами могли бы принять решение. Тем более если сердце подсказывало вам правду, — грустно произнесла Чалыкушу.

— Когда мы встретились в моем кабинете, я выслушал все о ваших скитаниях. С того мгновения мне захотелось разобраться во всем. «Кямран, — подумал я, — а если все, что рассказывала Чалыкушу, правда? В конце концов, ты можешь докопаться до всей истории своими силами, и если Феридэ обманывала тебя, то лучше узнать все самому, чем верить другим на слово». И я в первую очередь отправился в Кушадасы.

— Почему в Кушадасы?

— Ведь именно туда поехала Чалыкушу, когда мать выгнала вас из дома. Я разузнал, что в Кушадасы вы жили одна, без майора. И когда поместье Хайруллах-бея сгорело, отправились в сиротский дом. Но самое удивительное было то, что, оказывается, Хуршид бросился вдогонку за вами...

— Как? Хуршид?

— Да... Мне удалось узнать о нем много неприятных подробностей. Хуршид-бей очень далекий родственник вашего покойного мужа. Он был обижен тем, что дядя не оставил ему наследства. Каковы причины этого, мне не удалось выяснить. На этот счет мнения расходятся. Одни утверждают, что Хуршид подделывал какие-то чеки. Другие — что он любил захаживать в казино... Ясно одно — этот негодяй выбрал вас жертвой своей подлой мести. При свидетелях он поклялся уничтожить морально бедную Чалыкушу и лишить ее всех финансовых сбережений.

От этой неожиданной новости у Феридэ разболелась голова. Она вдруг почувствовала резкую тошноту и частое сердцебиение.

— Подождите, Кямран. От услышанного я не могу прийти в себя.

— Мне тоже сделалось страшно, но от того, когда я понял, что вы были совершенно правы во всем. Мне, к сожалению, не удалось отыскать Хуршида. Он, видимо, скрылся неизвестно куда, продав даже тот участок земли в Кушадасы, купленный у вас.

— Как? Так Хуршид и был тем неизвестным покупателем?

— К моему великому сожалению... Его планы изменились, когда негодяй узнал о воскрешении меня из мертвых.

В воздухе повисло молчание. Но Феридэ была благодарна Кямрану за это.

— Я пойду, пожалуй, — медленно проговорила женщина и встала со скамейки.

— Подождите... — напряженно произнес бывший муж, — вы больше ничего не хотите мне сказать?

Чалыкушу покачала головой.

— Но я же заслуживаю прощения... Все произошло из-за проклятого Хуршида, который распускал сплетни про вас с майором.

— При чем здесь это? Вы показали себя не с лучшей стороны, поверив другим людям, но совершенно не прислушались к моим словам.

Кямран с удивлением посмотрел на Феридэ. Такого горького приговора он не ожидал услышать из ее уст.

— Значит, все? У меня нет никакой надежды?

Молодая женщина усмехнулась:

— Я давно простила вас, Кямран.

— Но мне же этого мало. Я хочу быть вместе с вами.

— Ничего не получится. Через месяц у меня свадьба...

Взволнованная до глубины души, Феридэ бежала в гостиницу, не разбирая дороги. «Если бы я знала об этом раньше», — подумала она и остановилась. Ей вдруг стало страшно от своих мыслей. «А что бы это изменило? Я ведь люблю Ихсана... Да, люблю за его преданность, доброту, в конце концов за верность чувствам ко мне. А не это ли самая главная причина того, что я согласилась стать его женой?» Чалыкушу нервно сжала пальцы. Не зная, как поступить и что сказать Ихсану, она медленно побрела в гостиницу.

Майор встретил Феридэ с недовольным лицом.

— Где вы пропадали так долго? — слегка дрогнувшим голосом поинтересовался он. — Я уже начал волноваться...

Чалыкушу совершенно без эмоций вошла в номер и неожиданно резко выпалила:

— Ихсан, нам надо поговорить!

Мужчина испугался. От дурного предчувствия у него заныло под ложечкой. Он тут же пожалел о своем недовольном тоне, которым начал разговаривать с невестой.

— Я слушаю тебя, — уже более мягко произнес офицер.

— Ты знаешь, почему я задержалась? Я встретила по дороге Кямрана...

— О Аллах, всего лишь... — облегченно вздохнул майор. — А я-то думал... Так что же нового поведал тебе этот несчастный? Небось плакался, как тяжело ему без Чалыкушу.

— Не кощунствуйте, Ихсан. Он страшно переживает свою ошибку.

Майор рассмеялся.

— Наконец-то он хотя бы признал, что был не прав. А то ходил с гордым видом и даже пальцем не пошевелил, чтобы спасти вас, в то время как родственники со всех сторон клевали одинокую Чалыкушу.

— Майор, не опускайтесь до оскорблений.

— А вы перестаньте жалеть этого мерзавца. Узнал небось, что скоро состоится наша свадьба, и поэтому зашевелился. Где же он был раньше со своей правотой?

В глубине души Феридэ понимала, что Ихсан во многом прав. Но врожденная доброта не позволяла женщине согласиться с майором.

— Не будьте таким злым. Вам хорошо говорить, когда через месяц мы женимся.

— Что ж Кямран не смог удержать своего счастья? Мне-то вы достались кровью и потом. Я потратил много сил, пока вы наконец согласились стать моей женой. Даже, между прочим, пожертвовал карьерой... А что сделал Кямран? Да пальцем не пошевелил. Ему кто-то сказал, что его жена убежала с другим, а он и поверил.

Феридэ отрицательно покачала головой.

— В том-то и дело, что Кямран выяснил, откуда исходили эти сплетни...

— Спустя полгода? Долго же он раскачивался. Да я, будь вы моей женой, никогда бы не усомнился в вашей верности.

Ихсан нервно заходил из угла в угол. Феридэ, наблюдая за ним, тихо произнесла:

— Я не оправдываю Кямрана, но мне чисто по-человечески жалко этого беднягу.

— Меня лучше пожалейте. За месяц до свадьбы выслушивать такое!

Офицер неожиданно схватил пальто и, направляясь к двери, выпалил:

— Я пойду прогуляюсь. Немного остыну и взвешу все, что узнал от вас...

Феридэ осталась одна. «Зря я завела этот разговор... Старалась, как лучше, а вышло...» — подумала молодая женщина и стала машинально складывать вещи, чтобы чем-то занять себя.

Ихсан же, выбежав на улицу, неожиданно остановился. Он заметил, что, хотя на улице стояла неплохая погода, люди, торопливо снующие по улице, почему-то хмуро поднимали воротники пальто. И сколько майор ни вглядывался в их лица, он не заметил ни одной улыбки. «Я и сам очень похож на них — холодных манекенов, забывающих, что жизнь — это прежде всего когда душа поет», — решил майор и улыбнулся одиноко стоящему неподалеку мужчине. Тот удивленно округлил глаза и пожал плечами.

Только тут Ихсан заметил, что незнакомец, не отрываясь, смотрит на входную дверь гостиницы. Офицеру вдруг захотелось заговорить с человеком, в лице которого он заметил неуловимые следы горя.

— У вас не найдется закурить? — вежливо поинтересовался майор.

— Извините, не курю, — улыбнулся незнакомец.

По всей видимости, мужчина служил чиновником. Его бледное лицо напряженно замирало всякий раз, когда кто-то выходил на улицу.

— Кого-то ждете? — разминая сигарету, случайно нашедшуюся в кармане, поинтересовался Ихсан.

— Да как вам сказать... Одну женщину. Такие истории лучше всего рассказывать посторонним людям. Моя жена здесь живет.

Догадка мелькнула в голове майора, но он постарался отбросить ее.

— Вы поссорились?

Незнакомец пожал плечами.

— Мы даже развелись. Но это из-за моей глупости.

— А вы ее по-прежнему любите?

— Очень. И надеюсь вернуть... Все было бы значительно проще, если бы не один человек. Я чувствую, что именно он плохо влияет на мою жену.

«Мало ли похожих историй», — все еще сомневаясь, подумал Ихсан, а вслух спросил:

— И что вы собираетесь предпринять?

Молодой мужчина пожал плечами. Его тоскливые зеленые глаза не отрывались от двери.

— Хочу увидеть мою жену и еще раз поговорить с ней. Возможно, она передумает, и не все еще потеряно.

«Как несчастные любят драматизировать события! А описывают их все одинаково — обманутый муж, неверная жена, нахальный любовник... Слава Богу, у меня хоть нет с этим проблем...» — такие мысли пробегали в голове у офицера, молчаливо стоявшего рядом с незнакомцем. Мужчина же продолжал:

— Этот человек подбивает мою жену выходить за него замуж. А Феридэ — слабая женщина. Она во всем слушается этого негодяя...

Ихсан от неожиданности поперхнулся.

— Кто? Феридэ?

— Вам плохо? — встревожился собеседник.

— Нет, спасибо, все нормально. Просто негодяй, которого вы так ненавидите, — я.

У молодого мужчины отвисла челюсть.

— Так вы — Ихсан!

Майор, смерив собеседника взглядом с ног до головы, ответил вопросом:

— А вы — Кямран? Очень приятно познакомиться.

Мужчины не протянули друг другу руки. Кямран, который минуту назад был сама откровенность, теперь замкнулся и глубже засунул руки в карманы пальто. Майору вдруг захотелось уйти подальше от этого человека! «Дошел до того, что выслеживает Феридэ возле гостиницы. Значит, у него не осталось никаких шансов», — подумал офицер и, отдавая честь, сделал шаг в сторону входа в здание.

— Пойдите. — Мольба в голосе соперника заставила майора остановиться.

— Вы что-то хотели еще сказать? — негромко поинтересовался он.

— Спросить, если можно. — Вежливый голос Кямрана назойливо звучал в ушах.

— Спрашивайте. — Ихсан вернулся на прежнее место.

— Не знаю, с чего начать... Я люблю Феридэ...

— Я тоже ее люблю.

— Но я же знаю Чалькушу с детства... Мы вместе выросли, понимаете? Это нечто большее, чем просто влечение мужчины и женщины, — все более убедительно говорил Кямран.

Майор внимательно его слушал, плотно сжав губы.

— Не понимаю, при чем здесь я?

— Ну как! Вы украли ее у меня! Вы — вор! Даже не спросив бедную девочку, силой заставили ее дать согласие на свадьбу.

— Пойдите. — Взмахом руки Ихсан остановил разошедшегося мужчину. — С чего вы это взяли?

— Она мне сама рассказывала. Вы воспользовались тем, что Феридэ была в тяжелой ситуации, и...

Майор побледнел от гнева. Если бы Кямран сказал еще одно слово, он бы его просто-напросто ударил. Но мужчина, как бы почувствовав это, замолчал.

— Что же вы так поздно подумали об этом? Где же вы были раньше, когда Феридэ со слезами на глазах приходила к вам в министерство и вымаливала вашу любовь и прощение, хотя была абсолютно невиновна?..

— Вы это знаете? — с горечью спросил Кямран.

— Да, теперь вы убедились, что у нас нормальные, откровенные отношения. И что я — не страшный монстр, похитивший вашу жену. По-моему, она уже больше не ваша жена, а вы сами сейчас занимаетесь тем, в чем только что обвиняли меня.

Кямран потупил глаза. Майор с отвращением оглядел человека, который заставил Феридэ столько страдать и сам растоптал их прекрасную любовь.

— Никогда больше не выслеживайте Феридэ, — презрительно сказал Ихсан и направился в гостиницу, оставив растерянного мужчину на улице.

Первое, что услышал майор, войдя в номер, это:

— О чем вы разговаривали?

Феридэ со стиснутыми кулаками напряженно смотрела на него.

— С кем? — с непонимающим видом спросил Ихсан.

— Не прикидывайтесь, майор. Я все видела в окно...

— А, ваш бывший муж... Приятный молодой человек.

Офицер заметил, что глаза Феридэ загорелись радостным блеском.

— Правда? — воскликнула Чалыкушу. — Я была уверена, что вы друг другу понравитесь... Наблюдая за вами сверху, в первую минуту я решила, что что-то не так. Я даже подумала спуститься, но вы уже закончили разговор. О чем он был?

Ихсан, снимая пальто, проговорил:

— Конечно, о вас, Феридэ. Какая вы прекрасная, добрая, ласковая... О чем же еще? Мы прекрасно побеседовали и разошлись друзьями...

Чалыкушу с облегчением вздохнула:

— Слава Аллаху. А я так боялась.

— Почему же? Вы что, сомневались во мне?

— Нет, милый, но иногда вы бываете таким несдержанным.

— Но не на этот раз. Тем более Кямран мне понравился. Такой вежливый молодой мужчина. Конечно, он сожалеет о разводе, но в то же время понимает, что ничего уже нельзя изменить...

Майор не успел закончить фразу, как в комнату осторожно постучали.

— Войдите, — громко сказала молодая женщина.

Дверь распахнулась, и в номер вошел Кямран. Только тут молодые люди заметили, что мужчина сжимает в руке пистолет.

— Ах! — только и смогла воскликнуть Феридэ и прижалась к Ихсану.

— Отойдите друг от друга, а то пристрелю обоих! — закричал Кямран каким-то высоким голосом.

Феридэ, белая как полотно, отпрянула от майора. Крупные слезы потекли у нее по щекам.

— Брось пистолет, дурак, — спокойно проговорил офицер. — Это не игрушка.

С этими словами Ихсан сделал шаг в сторону соперника.

— Не двигаться!

— Ихсан, отойдите! — крикнула в то же время молодая женщина.

— Хорошо, — ответил майор, отступив, а сам лихорадочно искал выход из ситуации.

— Я убью вас обоих! — отрешенно вымолвил Кямран. — Мне нечего терять!

— И сядешь в тюрьму, а то попадешь и в камеру смертников, — как можно убедительнее произнес Ихсан.

— Мне все равно, я не хочу жить.

— Но у тебя же ребенок! — убеждал майор. — Ты хочешь, чтобы он рос сиротой?

В глазах Кямрана мелькнуло что-то осмысленное. Во всяком случае, он снял палец с курка.

— Феридэ, вернитесь, — умоляюще попросил он.

— Если ты уберешь пистолет, тогда да, — пообещала молодая женщина и добавила: — Какой же ты глупый...

Неожиданно Кямран заплакал как ребенок. Он присел на корточки и обхватил голову руками. Ихсан, поняв, что опасность миновала, подошел к нападавшему и осторожно забрал у него пистолет. Феридэ отвернулась к окну, чтобы не видеть унижений того, кто столько времени был для нее почти богом.

Наконец Кямран успокоился и, поднявшись на ноги, виновато произнес:

— Извините меня...

— Шуточки, конечно, у вас не очень остроумные, — произнес в ответ Ихсан. — Я-то ладно, но вы насмерть перепугали бедную женщину.

Кямран, растерянно опустив руки, стоял на месте. На его лице отразилась вся боль утраты. Наконец-то он понял, что допустил непростительную ошибку.

— Уходите, — глухим, сдавленным голосом попросила Феридэ.

— Чалыкушу... — робко начал Кямран.

— Уходите, — уже более уверенно произнесла женщина.

Ихсан стоял в стороне, предпочитая не вмешиваться..

— Ты меня больше не любишь? — настаивал на своем бывший муж.

Его настойчивость уже начала действовать на нервы майору.

— Послушайте, вы, — негромко обратился он к гостю, — неужели не понятно, что Феридэ не хочет видеть вас. Будьте же мужчиной, умеете уйти с достоинством.

— Да, вы правы, — согласился Кямран и направился к выходу.

Уже у самой двери мужчина бросил умоляющий взгляд на бывшую жену. Но Феридэ даже не оглянулась.

Когда Кямран вышел, она повернула заплаканное лицо к майору.

— Ихсан, вам не жалко его?

Офицер пожал плечами.

— Этого и следовало ожидать. Я так и думал, что Кямран поймет, какая вы чудесная женщина, и попытается вернуть вас обратно.

— Поздно, — полным решимости голосом произнесла Чалыкушу и повторила: — Поздно.

Мужчина и женщина молча стояли друг против друга, и каждый из них понимал, что это — начало их новой жизни.

— Давайте побыстрее сыграем свадьбу, — попросила Феридэ тихим грустным голосом.

Внимательным взглядом майор посмотрел ей в лицо. Оно было светлым и чистым, как утренняя роса.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с

законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

1

Чалыкушу (*тур.*) — дословно «кустарниковая» птичка, «королек», из семейства воробьиных.

2

Бей, бей-эфенди (*тур.*) — господин, сударь.

3

Ханым, ханым-эфенди (*тур.*) — дама, госпожа, сударыня.

4

Чаршаф (*тур.*) — покрывало мусульманских женщин.

5

Кушадасы (*тур.*) — дословно «птичий остров».

6

Аладжакая (*тур.*) — дословно «пестрые скалы».

7

Онбаши (*тур.*) — ефрейтор, капрал.

8

Паша (*тур.*) — высший гражданский или военный титул (генерал).

9

Дады (*тур.*) — няня, кормилица.